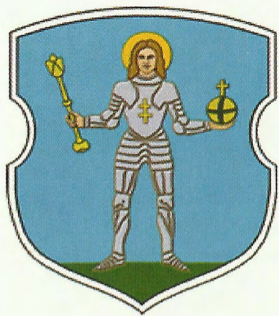

ПОЛЯКИ В РОССИИ:
эпохи и судьбы

Герб Рославля
(1623 г.)

Герб Красного
(1625 г.)

Герб Мглина
(1626 г.)

Эдвард Войнилович

Габриэль Шершеневич

ПОЛЯКИ В РОССИИ: ЭПОХИ И СУДЬБЫ

Ministerstwo Edukacji i Nauki Federacji Rosyjskiej

KUBAŃSKI UNIWERSYTET PAŃSTWOWY

**Krasnodarska Organizacja Regionalna
POLSKIE CENTRUM NARODOWO-KULTURALNE
„JEDNOŚĆ”**

POLACY W ROSJI: EPOKI I LOSY

**Krasnodar
2009**

Министерство образования и науки Российской Федерации

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Краснодарская региональная общественная организация

ПОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР

«ЕДИНСТВО»

ПОЛЯКИ В РОССИИ: ЭПОХИ И СУДЬБЫ

**Краснодар
2009**

УДК 940/949 (0.8)
ББК 63.3 я 43
П 54

Редакционная коллегия:

Х. Граля, А.Л. Петровский, А.И. Селицкий (отв. редактор)

П 54 Поляки в России: эпохи и судьбы. Краснодар:
Кубан. гос. ун-т; Парабеллум, 2009. 296 с. 500 экз.
ISBN 978-5-904423-06-3

Предлагаемый сборник научных статей посвящён проблемам российской Полонии, роли поляков в историческом развитии России. В нём продолжено изучение различных аспектов польско-русского взаимодействия, начатое в книгах «Поляки в России: XVII–XX вв.» (Краснодар, 2003), «Поляки в России: история и современность» (Краснодар, 2007) и «Поляки в России: вехи истории» (Краснодар, 2008).

Адресуется как учёным, так и всем, кто интересуется историей польского населения в России и проблемами русско-польских связей.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда «Помощь полякам на Востоке»
из средств Канцелярии Сената РП

*Первую страницу обложки украшает орёл
с боевого знамени дивизии генерала Желиговского, 1918 г.*

УДК 940/949 (0.8)
ББК 63.3 я 43

ISBN 978-5-904423-06-3

© Кубанский государственный
университет, 2009
© КРОО Польский национально-
культурный центр «Единство», 2009

ОТ РЕДАКТОРОВ

Проведение IV Международной научной конференции «Поляки в России» на этот раз было приурочено к празднованию 15-летия создания Краснодарской региональной общественной организации *Польский национально-культурный центр «Единство»*.

Конференция прошла в заочной форме, но 9 ноября 2009 г. в гостинной Краснодарского муниципального учреждения «Общественно-информационный центр» состоялось заседание Круглого стола историков Северного Кавказа по её итогам. Участники заседания выступили с собственными докладами и озвучили работы, присланные учёными из Беларуси, Польши, России и Украины. Своим присутствием на заседании Круглого стола оказали честь Конференции высокие гости из Польши: сенатор Польской Республики пан Анджей Шевиньский, вице-директор Полонийного бюро Канцелярии Сената Польской Республики пан Ромуальд Ланчковский, консул по делам Полонии пани Лонгина Путка и директор Бюро национального правления Ассоциации «Вспульнота Польска» пан Анджей Ходкевич.

Инициатива проведения IV Международной научной конференции «Поляки в России» принадлежала Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство» и Кубанскому государственному университету. Её поддержали: Посольство Польской Республики в Российской Федерации, Польский культурный центр в Москве, Администрация Краснодарского края, Законодательное собрание Краснодарского края, Администрация муниципального образования город Краснодар и Фонд «Помощь полякам на Востоке».

Участники заседания Круглого стола историков выразили надежду, что интерес научного сообщества к польско-русской проблематике будет расти и, без сомнения, приведёт к новым научным контактам учёных разных стран. Расширение контактов позволит найти сбалансированный подход к изучению болевых точек нашей общей истории и лишить её идеологического налёта. Именно это будет способствовать сохранению связи времён, позволит вырваться из плена сказок и мифов и использовать историю для формирования атмосферы взаимопонимания.

OD REDAKTORÓW

Przeprowadzenie IV Międzynarodowej Konferencji Naukowej „Polacy w Rosji” tym razem dopasowane zostało do obchodów 15-lecia powstania Krasnodarskiej Organizacji Regionalnej *Polskie Centrum Narodowo-Kulturalne „Jedność”*.

Konferencja została przeprowadzona w sposób zaoczny, jednak w dniu 9 listopada 2009 r. w salonie gościnnym Krasnodarskiego Urzędu Muncypalnego „Centrum Społeczno-Informacyjne” odbyło się posiedzenie Okrągłego stołu historyków z Kaukazu Północnego celem podsumowania jej wyników. Uczestnicy posiedzenia odczytali własne referaty oraz wygłosili referaty nadesłane przez naukowców z Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy. Swoją obecnością na posiedzeniu Okrągłego stołu Konferencję zaszczylicy wysocy goście z Polski: Senator Rzeczypospolitej Polskiej pan Andrzej Szewiński, wicedyrektor Biura Polonijnego Kancelarii Senatu RP pan Romuald Łanczkowski, konsul ds. Polonii pani Longina Putka oraz dyrektor Biura Zarządu Krajowego Stowarzyszenia „Wspólnota Polska” pan Andrzej Chodkiewicz.

Inicjatywa przeprowadzenia IV Międzynarodowej Konferencji Naukowej „Polacy w Rosji” należała do Krasnodarskiej Organizacji Regionalnej *Polskie Centrum Narodowo-Kulturalne „Jedność”* oraz Kubańskiego Uniwersytetu Państwowego w Krasnodarze. Poparli ją: Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej w Federacji Rosyjskiej, Instytut Polski w Moskwie, Administracja Kraju Krasnodarskiego, Zgromadzenie Ustawodawcze Kraju Krasnodarskiego, Administracja Tworu Muncypalnego Miasto Krasnodar oraz Fundacja „Pomoc Polakom na Wschodzie”.

Uczestnicy posiedzenia Okrągłego stołu historyków wyrazili nadzieję, że zainteresowanie środowiska naukowego problematyką polsko-rosyjską będzie rosło i niechybnie doprowadzi do nowych kontaktów naukowych badaczy z różnych krajów. Poszerzenie kontaktów pomoże odnalezieniu skoordynowanych ujęć spraw bolesnych z naszych wspólnych dziejów oraz pozbawi historię nawarstwień ideologicznych. To właśnie będzie sprzyjało zachowaniu łączności czasów, pozwoli wyrwać się z więzów bajek i mitów oraz wykorzystywać historię do kształtowania atmosfery wzajemnego zrozumienia.

ПОЛЯКИ И РОССИЯ, ПОЛЬША И РУССКИЕ

С.П. СТРЕНКОВСКИЙ

г. Минск

ВЛИЯНИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ НА РАЗВИТИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ СМОЛЕНСКОГО ВОЕВОДСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В результате русско-польской войны 1609–1618 гг. ряд территорий, объединённых позднее в Смоленское воеводство, был присоединён к Речи Посполитой и стал частью Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ). Процесс присоединения упомянутых территорий сопровождался установлением здесь правовой системы, характерной для ВКЛ. Частью её было городское самоуправление, основанное на Магдебургском праве. Распространение последнего в городах ВКЛ началось с привилегий Вильно в 1387 г. и Бресту в 1390 г. И хотя смоленские земли, будучи включёнными в состав ВКЛ при великом князе Витовте, находились в его составе до первой четверти XVI в., однако самоуправление на основе немецкого права на этих землях не нашло своего распространения. Причиной этого, как и в городах Восточной Белоруссии, была, в первую очередь, живучесть вечевого строя, тесно объединявшего город и волость.

Повторное же вхождение Смоленских земель в состав ВКЛ вынудило власти Речи Посполитой активно заняться вопросом их идеологической, правовой, национальной, религиозной и иной адаптации. Одним из её средств было пожалование городам Магдебургского права.

При этом следует отметить, что вариант Магдебургского права, использовавшегося в городах ВКЛ, не был аутентичным. Заимствование его из Польши, где города уже по-своему восприняли нормы «Саксонского зеркала» и Магдебургского Вейхбильда, прямое указание в привилегиях городам ВКЛ на нормы Кракова, Люблина, Варшавы, использование польских переводов Магдебургского права Бартоша Гроицкого (1519–1599) и Павла Щербича (1552–1609) и, отчасти, наличие польского этнического элемента в городах ВКЛ – всё это обусловило господство в них польского варианта немецкого городского права. При этом, следует отметить, что в городах ВКЛ польский вариант также не оставался неизменным. Он приспособлялся к местным условиям посредством внесения в привилегии правовых норм ВКЛ, правотворчества самих городов, которые своими постановлениями (вилькёрами, лаудумами, ухвалами) корректировали

и дополняли его. Поэтому в города Смоленского воеводства Магдебургское право попало уже видоизменённым повседневной практикой городов ВКЛ.

В Метрику ВКЛ занесён целый ряд привилегий городам Смоленского воеводства, связанных с введением и функционированием городского самоуправления по магдебургским образцам. Это, к примеру, фундаментальные привилегии Смоленску 1609 г.¹, Рославлю 1623 г.², Белому и Красному 1625 г.³, Мглину 1626 г.⁴, которыми вводилось самоуправление по Магдебургскому праву. Имеется также конфирмационные (подтвердительные) грамоты этим городам, привилегии на должность войта в Смоленске, Рославле, Невеле, привилегии на ярмарки и торги без введения Магдебургского права местечкам Пруды, Почеп, Трубчевск и др.

Все данные привилегии отражают в первую очередь идеологический аспект присоединения данных городов к ВКЛ. Эти положения практически одинаковы во всех грамотах: «...город *N* как и другие замки, города и волости государства нашего, которые были нашими дедичными при предках наших и неприятелем нашим Московским, нарушившим вероломно пакты, в разное время оторваны и заняты, счастью из рук неприятельских отвоёван и государству нашему возвращён...»⁵. Соответствующим образом формулируются и цели предоставления Магдебургского права: «...принимая во внимание, что город *N* является пограничным и, будучи в месте оборонительном, не только сами попытки неприятеля сдерживать, но и границам государства нашего ВКЛ защитой может быть, всемерно хотим, чтобы он как можно лучше укреплялся, умножался и процветал, а посредством этого имел силу против неприятеля и неожиданной опасности, а также, чтобы люди в него, особенно купцы и ремесленники всякие, переезжали...»⁶. Таким образом, уже самим фактом дарования Магдебургского права создавалась правовая база для переселения в указанные города мещан из ВКЛ и Польши. Кроме того, отражение в грамотах вопросов, касающихся приобретения городских земель и собственности шляхтой и «людьми служебными», говорит о переселении в смоленские города представителей этих социальных групп.

Одним из атрибутов городов, имевших магдебургское самоуправление, являлся герб. Обращает на себя внимание то, что города Рославль, Красное, Мглин в качестве герба получили изображение святых, облачённых в доспехи: соответственно святых Сигизмунда, Юрия и Флориана. Кроме того, что наличие вооружения символизировало важное оборонительное значение этих городов, фигуры католических святых⁷, призваны были символизировать принадлежность этих городов Речи Посполитой.

¹ НИАБ. Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 89. Л. 447–449.

² Там же. Д. 108. Л. 390–394.

³ Там же. Л. 180–184.

⁴ Там же. Д. 99. Л. 585–588.

⁵ Там же. Д. 108. Л. 181, 391; Д. 99. Л. 585.

⁶ Там же. Д. 99. Л. 585.

⁷ Св. Юрий (Георгий) почитается как православными, так и католиками.

Языком всех грамот был польский, за исключением фундаментальной привилегии Смоленску, которая написана на латинском языке. Язык самоуправления имел большое значение. Во всех грамотах смоленским городам отмечалось, что первоначально таковым является польский язык, а затем всё делопроизводство необходимо будет перевести на латынь. Некоторые привилегии устанавливают даже срок перехода (Красному – 20 лет)⁸. Однако подтверждающая привилегия тому же Красному 1639 г. дала его мещанам право и далее пользоваться польским языком⁹.

Положения грамот, касавшиеся структуры и порядка выборов органов городского самоуправления, также дают определённые привилегии католикам либо униатам. Это могли быть как выходы из собственно Польши, так и представители практически моноконфессионального католического населения этнической Литвы и к этому времени в значительной степени полонизированного населения белорусских городов. Причём все привилегии говорят, что воит должен быть римско-католического вероисповедания, а бургомистры, ратманы, лавники или римско-католического, или греко-католического. Материальное обеспечение этих должностей должно было стимулировать стремление к их занятию: в Красном войту полагалось 30 волок (1 волока – 21,3 га) земли, бургомистру – 4 волоки, писарю – 2 волоки¹⁰, в Рославле – соответственно 6, 1 и 1 волока¹¹, в Мглине – 10, 2 и 2 волоки¹². Кроме того, по одному дому перечисленных должностных лиц освобождалось от налогов на время службы. В Смоленске лицам, заседающим в магистрате, полагалась такая же навязка за преступления против них, как в столице ВКЛ – Вильно¹³.

Как показывают сохранившиеся акты, положения привилегий в части вероисповедания должностных лиц городов соблюдались. Так, войтами были: в Смоленске – смоленский замковый подсудок (затем судья) Хероним Сеханович¹⁴, в Рославле – королевские дворяне Вацлав Балинский и Павел Печыгойский¹⁵, в Красном – смоленский воевода Александр Корвин-Гонсевский¹⁶, в Мглине – писарь ВКЛ Ян Друцкий-Соколинский¹⁷, в Невеле – смоленский подстолий Пётр Мровинский¹⁸; ландвойтами были: в Смоленске – Кшиштоф Фалимер, а в Красном – Ян Котович¹⁹; бургомистром в Смоленске был Ян Ходорович²⁰; ратманами: в Смоленске – Войцех Гнатовский, в Красном – Григорий Нецевич и Станислав Горбачевский²¹; лавниками: в

⁸ НИАБ. Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 108. Л. 182.

⁹ Там же. Л. 671.

¹⁰ Там же. Л. 183.

¹¹ Там же. Л. 392.

¹² Там же. Д. 99. Л. 586.

¹³ Там же. Д. 108. Л. 148.

¹⁴ Там же. Д. 89. Л. 450.

¹⁵ Там же. Д. 108. Л. 289, 390.

¹⁶ Там же. Л. 180.

¹⁷ Там же. Д. 99. Л. 586.

¹⁸ Там же. Л. 602.

¹⁹ Там же. Д. 108. Л. 520, 585.

²⁰ Там же. Л. 146.

²¹ Там же. Л. 146, 671.

Смоленске – Пётр Шиковский и Михаил Шнель²² и т.д. Следует отметить, что ограничения в отношении вероисповедания, были более жёсткими на Смоленщине, чем в других белорусских городах ВКЛ, где в состав магистратов допускались православные. Это должно было обеспечить создание в Смоленском воеводстве социальной базы, профессионально и этнически привязанной к Речи Посполитой.

Определённую роль в проведении польского влияния играли и нормы привилегий, закреплявшие даты значимых для города событий: выборы магистрата, уплаты налогов, ярмарки. Так, выборы, как правило, были приурочены к Новому году по григорианскому календарю, которым пользовались во всём католическом мире, а уплаты налогов – ко дню Св. Мартина. При этом, ярмарки могли быть приурочены как к православным праздникам, так и к католическим: в Смоленске – это дни Св. Иоанна Крестителя и Св. Апостола Матфея по григорианскому календарю, в Рославле – дни Св. Ильи Пророка и Рождества Богородицы «русских праздников» (по юлианскому календарю), в местечке Прудах – дни Св. Николая вешнего и осеннего по юлианскому календарю, в Почепе – дни Св. Ильи и Сретения по юлианскому календарю, в Трубчевске – дни Св. Троицы и Св. Анны по григорианскому календарю и Богоявления по юлианскому календарю²³. Это являлось следствием сложившихся местных обычаев. Немаловажным было и введение системы мер и весов, действовавшей в ВКЛ (гарнец и кварта виленские), денежных единиц (грош, пенязь), налогов (капщина, чинш). Причём, в письме короля Сигизмунда III Вазы смоленскому войту подчёркивалось, к примеру, чтобы мёд «медницей примером Вильно, а не на пуды покупали и измеряли»²⁴.

Все грамоты о предоставлении Магдебургского права предписывали также создавать в городах ремесленные цехи по подобию действовавших в городах ВКЛ и Польши. Кроме того, города, пользовавшиеся Магдебургским правом, должны были по своему внешнему виду приближаться к городам Речи Посполитой. Прежде всего, это строительство ратушей, как мест заседания городских властей, с городскими часами, а также торговых рядов и гостиных домов. При этом все грамоты подчёркивают, что должны быть отдельные гостиные дома для «московских» купцов за пределами оборонительных сооружений городов.

Вместе с тем, наряду с влиянием общих обычаев и права Речи Посполитой на города Смоленщины, наблюдались и заимствования из практики самоуправления территориально близких белорусских городов: должность «шафаров», распоряжавшихся городской казной, требования ежегодного проведения «личбы» – отчёта о расходовании городских средств, разрешение Красному пользоваться процессуальными нормами вилькёра Орши 1620 г.²⁵

Плоды такой политики властей Речи Посполитой давали о себе знать. Как отмечают акты, жители Смоленска, Рославля, Красного во

²² НИАБ. Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 108. Л. 146.

²³ Там же. Л. 147, 394, 457, 556, 762.

²⁴ Там же. Д. 99. Л. 524–526.

²⁵ Там же. Д. 108. Л. 671.

время нападения московских войск «добре защищали и на вылазках с рыцарством добре вставали»²⁶. За это короли жаловали им дополнительные льготы: Красное в 1635 г. было освобождено от налогов на 4 года, а в 1636 г. – получило право на сбор мостового мыта²⁷; Смоленск дважды получал освобождение от налогов на 8 лет²⁸, в 1623 г. городу даровали 130 волок земли, а в 1634 г. – 120 волок²⁹; в 1636 г. Красному даровано 220 волок³⁰. При этом Дорогобуж, жители которого «замок быстро сдали», в 1635 г. не получил подтверждения дарованного ранее Магдебургского права до тех пор, пока его мещане не доказали бы свою верность Речи Посполитой, в том числе создавая условия для «людей вольных из держав наших (ВКЛ и Польши. – С.С.) осады»³¹.

Однако новые порядки приживались не всегда легко. Так, королевские письма войту и магистрату Смоленска, датированные 1623 г., говорят о том, что торговля со «старого торжища» на берегу Днепра к ратуше не перенесена, земли окончательно между мещанами не разделены, не заведён трубач в ратуше, не выбраны шафары и не проводятся отчёты, используются старые меры и веса, бургомистры и ратманы проводят суд не в ратуше, а «в корчме, упившись», дома гостиные не построены и пр.³²

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что введение магдебургского самоуправления в городах Смоленщины обеспечивало постепенную адаптацию этих земель к политическим, правовым, социально-экономическим условиям Речи Посполитой, создавало здесь социальный слой по своему менталитету верный идее Польско-литовского государства. Большую роль в этом сыграли представители польского этноса и той части мещанства городов ВКЛ, которая на тот момент являлась носителем польского языка и культуры.

²⁶ НИАБ. Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 108. Л. 149.

²⁷ Там же. Л. 426, 518.

²⁸ Там же. Д. 99. Л. 581; Д. 108. Л. 812.

²⁹ Там же. Д. 108. Л. 149.

³⁰ Там же. Л. 522.

³¹ Там же. Л. 434.

³² Там же. Д. 99. Л. 524–528.

Р.Е. СТАЙЦОВ
г. Нижний Новгород

ПОЛЬСКАЯ ТЕМАТИКА В ПУТЕШЕСТВИЯХ М.П. ПОГОДИНА ПО СЛАВЯНСКИМ ЗЕМЛЯМ НА РУБЕЖЕ 1830–1840-х гг.

В конце 1830-х гг. историк Михаил Петрович Погодин (1800–1875), будучи уже достаточно известным учёным и уважаемым общественным деятелем, ходатайствовал о путешествии, «которое будет иметь целью утверждение литературных моих связей со славянскими филологами и историками»¹. Министр С.С. Уваров, испрохотав М.П. Погодину поездку за границу, поручил тому изложить свои наблюдения о жизни славян в специальном отчёте. Этот проект мероприятий по поддержке национально-культурного движения в славянских землях А.Н. Пыпин назвал целой панславистской программой². Указав на рост национального самосознания среди славян, на «славянское возрождение», М.П. Погодин выдвинул ряд предложений по поддержке этого процесса со стороны России, так как именно от неё, по мнению историка, славяне ожидают главной помощи. Несмотря на то, что М.П. Погодин говорил в основном о поддержке возрождающейся национальной культуры в славянских странах, в его высказываниях чётко прослеживается политическая идея о возможности усиления влияния России среди славян и, в перспективе, доминирующей её роли в национально-освободительном движении, которое должно стать логическим продолжением тех процессов, которые он там наблюдал.

Оговоримся, что отчёт М.П. Погодина не был плодом тщательного изучения вопроса, но результатом его бесед с представителями славянских народов. Не исключено, что Михаил Петрович в угоду вкусам министра представлял увиденное и услышанное в «розовом свете». Не исключено, что так представили ситуацию и чаяния славян собеседники Михаила Петровича. Во всяком случае, он предупреждал С.С. Уварова, что записывая «то, что я слышал, несколько не ручаюсь за истину. Может быть, угнетённым славянам кажется многое в воображении, чего нет, в самом деле»³.

¹ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1892. Кн. 5. С. 198.

² Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 157.

³ Цит. по: Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003. С. 234.

Польская тематика стала краеугольным камнем этого путешествия. В начале 1839 г. М.П. Погодин выехал из Петербурга в Варшаву, где первым делом засвидетельствовал своё почтение патриарху славянских филологов Самуэлю Богумилу Линде. В то время тот занимался составлением сравнительного словаря русского и польского языков, что, по замечанию М.П. Погодина «есть дело политически важное, не только учёное»⁴.

В столице Польши историк познакомился также с С.П. Шиповым, который занимал должность министра народного просвещения Царства Польского. После посещения местных учебных заведений, М.П. Погодин отмечал в своём дневнике следующее: «Язык должен быть посредником между поляками и русскими: мы будем учиться по-польски, поляки будут учиться по-русски, – и таким образом созавать яснее и яснее своё родство и братство»⁵. Кроме того, он высказал и ряд практических предложений: «Сожалею, что польская история не преподаётся отдельно, и что польскому языку посвящено так мало часов. Польская история – самая верная союзница России, такая, которая может принести нам пользы больше нескольких крепостей! Также необходимо преподавание славянской истории, т.к. из неё поляки увидят как искони раздор, и несогласие губили все славянские государства и подвергали их игу иноплеменных»⁶. В разговорах с С.П. Шиповым М.П. Погодиным вскользь были затронуты две темы живо интересовавшие его в этот период: культурная автономия Польши и определение места Польши в своей панславистской программе. Давая оценку тогдашнему положению Царства Польского, историк записал в своём дневнике: «Варшава – не заключает в себе никаких древностей, предметы новой истории здесь интереснее. Сеймики – вот их жизнь, их любимое занятие... Говорить, толковать, умничать – вот их страсть... Лебедь рвётся в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду. Вот эпитафия всей польской истории»⁷.

Будучи в Польше, М.П. Погодин воочию убедился во враждебности поляков к России. Единственное средство сближения двух народов, по его мнению, состояло не в применении силы и запретов, а в предоставлении полякам возможности изучать польский язык наравне с русским, а также поощрять развитие национальной литературы. «...Поляки самое эксцентрическое племя, и, не оскорбляя их самолюбия, ещё более лаская оное, можно делать с ними что угодно. К самым действительным мерам примирить их с нами, ибо они всё ещё ненавидят нас, необходимо отнести покровительство их языку, литературе, истории. Ничто столько не питает злобы, как меры этому противоположные. Языку Польскому в учебных заведениях царства надо учить наравне с русским. Если мы будем учить ему недостаточно, то поляки будут доучиваться ему дома гораздо с большим рвением и успехом, как то бывает со всяким запрещённым предметом,

⁴ Цит. по: Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 5. С. 215.

⁵ Там же. С. 216.

⁶ Там же. С. 217.

⁷ Там же. С. 225.

и мы не только не достигнем своей цели, но ещё более отдалимся от неё»⁸. Такая политика должна была стать демонстрацией лояльности России по отношению к зарубежным славянам, средством привлечения их на свою сторону. Хотя Николай I и признал отчёт «очень любопытным», но, по более позднему свидетельству М.П. Погодина, «ни одного из вышеприведённых предложений не было тогда исполнено».

Продолжая своё путешествие, в июне 1839 г. М.П. Погодин оказался в Париже, где встретился с Адамом Мицкевичем, поддержавшим движение за независимость поляков в начале 1830-х гг. Необходимо отметить, что этот факт несколько поколебал их приятельские отношения. «Как бы я желал броситься к нему на шею и сказать ему, чтобы он предался великодушью русского государя, – но не мог выговорить, и решился в уме написать когда-нибудь к нему письмо в защиту русской истории перед Польшей, и доказать ему необходимость соединения Польши с Россией»⁹. Любопытно, что за эту встречу М.П. Погодин едва не был наказан. В 1841 г. М.П. Погодин в «Москвитянине» задумал опубликовать дорожный дневник «Месяц в Париже», где встреча с А. Мицкевичем должна была быть подробно описана. Вскоре М.П. Погодин получает от цензора Н.И. Крылова письмо следующего содержания: «О Мицкевиче, почтеннейший Михаил Петрович, думаю говорить Вам, как православному русскому профессору, небезопасно. Бог знает, что подумают. Вы с ним целый день, может и больше, были прежде знакомы... А, знаете ли, как государь раздражён против него и Лелевеля??? Право страшно... Подумайте. И какой злой демон влечёт Вас в Париже к отъявленным полякам?»¹⁰.

Через несколько лет М.П. Погодин совершил ещё одно путешествие по Европе, итогом которого стало «Второе донесение министру народного просвещения о путешествии 1842 г., преимущественно в отношении славян». М.П. Погодин повсеместно наблюдал увеличение симпатий славян к России, поэтому призывал правительство к более решительным действиям при оказании помощи славянам. Так, кивая на общественное мнение в Галиции, М.П. Погодин затрагивал и польский вопрос. «Скоро ли Вы возьмёте нас к себе», – говорят они каждому русскому путешественнику. «Вот эту церковь обратим мы в православный храм», – сказал мне один старец, «когда Вы придёте к нам во Львов. Хоть бы Вы поменяли нас на Польшу! Ну что вам в Польше? Там Вас не любят, а мы Вам преданы душой и телом»¹¹.

Характерно, что в этом донесении М.П. Погодин ещё более настойчиво требует решительных действий со стороны России, угрожая усилением западного влияния, которое всё больше пускает корни среди славянских народов. Для этого он на практических примерах показывает недоброжелательность Запада к отношениям России и Польши. Австрия, например, «старается всеми силами питать ненависть

⁸ Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856 // Погодин М.П. Сочинения: В 5 т. М., 1874. Т. 4. С. 29.

⁹ Цит. по: Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 5. С. 279.

¹⁰ Там же. Кн. 6. С. 25.

¹¹ Погодин М.П. Указ. соч. С. 52.

поляков против нас в Галиции, и при всяком случае ужасными красками изображает русское управление в Царстве Польском». А пруссаки «никакой жертвы не жалеют для того, чтобы восстановить Польшу против России»¹².

Путешествуя в конце 1830-х – начале 1840-х гг., М.П. Погодин писал отчёты, в которых ратовал за предоставление полякам культурной автономии, в них же намечались отдельные пункты политической программы, которая принесёт ему славу в годы Крымской войны (прежде всего, представление об особой роли России в мире и важной миссии среди славянских народов). Сообщая министру С.С. Уварову, что у поляков «всё ещё нет родственного чувства» и они «всё ещё ненавидят нас», М.П. Погодин, тем не менее, полагал: при толерантной политике русского правительства по отношению к Польше «можно ужиться с ними отлично»¹³. Важный сам по себе принцип покровительства полякам в сфере культуры имел для М.П. Погодина ещё, по меньшей мере, два важных аспекта: европейский – русская политика в Польше должна обеспечивать России благоприятное общественное мнение за рубежом, и славянский – перед славянами необходимо продемонстрировать образцы и преимущества «русского управления».

¹² Погодин М.П. Указ. соч. С. 57.

¹³ Бачинин А.А. Россия и Польша в историко-публицистической публицистике М.П. Погодина // Балканские исследования. М., 1992. Вып. 16: Российское общество и зарубежные славяне. М., 1992. С. 168.

Е.С. КУЧЕРУК
г. Днепропетровск

ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г. И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРАЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Д.П. ПОЙДЫ

Юго-Западный край Российской империи, или территория Правобережной Украины (Киевская, Подольская и Волынская губернии) всегда занимал особое место в политике царского правительства. Это, прежде всего, объясняется тем, что в системе землевладения в регионе уже несколько столетий господствовали поляки, имевшие здесь большое социально-экономическое влияние. Царизм стремился изменить ситуацию, вытеснив польских помещиков любыми методами, а их земли передать русскому дворянству, укрепив, таким образом, свою гегемонию в крае.

Во многом этим планам способствовало Январское восстание 1863 г. (Польское национально-освободительное восстание 1863–1864 гг.), целью которого было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. В Правобережной Украине восстание совпало с подъёмом крестьянских волнений весной 1863 г., так как временно-обязанные крестьяне были одержимы широко распространённой среди них идеей «слушного часа» («новой воли»). Это было продолжение борьбы крестьян против грабительской реформы 1861 г.

Взаимовлияние этих двух событий, наложивших друг на друга свой отпечаток, рассмотрел украинский историк Дмитрий Павлович Пойда (1908–1992) в своей фундаментальной монографии «Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.)»¹. Исследователь в основном использовал материалы как центральных архивов России и Украины, так и местных архивов трёх украинских областей, на территории которых некогда располагались губернии Юго-Западного края. Д.П. Пойда практически стал пионером в исследовании аграрной истории Правобережной Украины второй половины XIX в. После него проблему российско-польского земельного антагонизма глубоко изучил французский исследователь Даниэль Бовуа².

¹ Пойда Д.П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск, 1960. С. 119–133.

² Бовуа Д. Битва за землю в Україні. 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах. Київ, 1998; Он же. «Борьба за землю на Правобережной Украине с 1863 по 1914 год»: новая книга об украинско-польско-русских отношениях // <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz14.htm>; Beauvois D. La bataille de la terre en Ukraine, 1863–1914: les Polonais et les conflits socio-ethniques. Lille, 1994; Он же. Walka o ziemię. Szlachta polska na Ukrainie prawobrzeżnej pomiędzy caratem a ludem ukraińskim 1863–1914. Sejny, 1996.

Анализ работы Д.П. Пойды ещё не нашёл должного отражения в историко-биографических исследованиях, посвящённых учёному³. В связи с этим целью данной статьи является анализ выводов Д.П. Пойды об основных аспектах взаимовлияния Январского восстания 1863 г. и крестьянского движения в этот период на территории Юго-Западного края и их результатах.

Д.П. Пойда отмечал, что Правобережная Украина готовилась как плацдарм для вооружённых действий польских повстанцев, а о том, какое место эта территория занимала в планах польских революционеров, свидетельствует хотя бы то, что ещё 22 августа 1862 г. здесь было создано так называемое *Правительство Руси*, которое вскоре было реорганизовано и под наименованием *Исполнительного отдела Руси* или *Временного революционного правительства на Руси* выступило в качестве руководящего органа по подготовке восстания на Правобережной Украине, непосредственно подчиняясь Варшавскому Центральному комитету. В Киевской, Подольской и Волынской губерниях ещё в 1862 г. были созданы провинциальные комитеты, каждый из которых назначал в своей губернии руководителей уездного восстания, а последним были подчинены окружные руководители, тысяцкие, сотские и десятские⁴.

Особое значение в подготовке восстания имела агитационно-пропагандистская работа, которую проводили польские революционеры, в частности «красные», среди украинского крестьянства, особенно в Правобережной Украине, пытаясь привлечь его на свою сторону⁵. Д.П. Пойда подчёркивал, что эта пропаганда среди временно-обязанных крестьян не была беспредметной. Так, в «Грамоте сельскому народу» или «Золотой грамоте» от 31 марта 1863 г., изданной Центральным национальным комитетом Польши, крестьянам Украины, принявшим участие в восстании, было обещано отдать без выкупа находящуюся по законодательным актам 19 февраля в их пользовании землю, а также говорилось о ликвидации сословных привилегий и установлении гражданского равенства, в том числе и для крестьян⁶.

Тем не менее, польским революционерам не удалось привлечь украинское крестьянство на свою сторону. По мнению Д.П. Пойды, это объясняется, прежде всего, тем, что руководители Январского восстания не поняли сложности тогдашней политической обстановки в Украине. Ведь украинское крестьянство постоянно сталкивалось с жестоким угнетением со стороны поляков-помещиков. Тяжёлый феодально-крепостнический гнёт дополнялся национальным гнётом. Кроме того, многие польские помещики, находясь в оппозиции к царизму и будучи слабо связанными с рынком, враждебно встретили отмену крепостного права, ещё больше озлобляя украинское

³ Іваненко В.В. Біль і звитяга: ХХ століття в українському вимірі. Дніпропетровськ, 2003; *Он же*. Д.П. Пойда та його дослідження аграрної історії України в контексті сучасної історіографічної ситуації // Питання аграрної історії України та Росії: Матеріали шостих наукових читань, присвячених пам'яті професора Д.П. Пойди. Дніпропетровськ, 2007. С. 5–10; Іваненко В.В., Ковальський М.П. Дмитро Пойда – історик українського селянства // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ: Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя, 1996. Вип. 2. С. 160–165.

⁴ Пойда Д.П. Указ. соч. С. 119.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 120.

крестьянство⁷. Крестьяне попросту «не видели разницы между реакционными помещиками и сторонниками польского национально-освободительного движения, а иногда даже враждебно относились к действиям польских повстанцев в Украине»⁸.

И всё же Январское восстание наложило отпечаток на крестьянское движение 1863 г. в Правобережной Украине. Именно эта территория стала местом вооружённых столкновений польских повстанцев с царскими войсками, что уже само по себе активизировало и борьбу крестьян с помещиками. Д.П. Пойда акцентировал внимание на том, что восстание поляков в Правобережной Украине в 1863 г. совпало с повсеместным ожиданием крестьянами «новой воли» («слушного часа»)⁹.

Выступления польских революционеров в Правобережной Украине приобрели характер вооружённого восстания, охватившего различные места на значительной территории. Естественно, в данных условиях царизм был серьёзно обеспокоен возможной поддержкой польских повстанцев украинским крестьянством. По данным Д.П. Пойды, ещё в самом начале восстания – в январе 1863 г. – в пограничных с Царством Польским и Австрийской империей уездах Вольнской губернии (Владимирском и Кременецком) вспыхнули крестьянские волнения, которыми были охвачены 24 села и уже в январе здесь действовал крестьянский отряд из 3000 чел. Волнения удалось подавить лишь к концу марта 1863 г. Однако, в марте – апреле 1863 г. под лозунгом «слушного часа» начались волнения временнообязанных крестьян во многих сёлах Подольской и Киевской губерний¹⁰.

Таким образом, Правобережная Украина весной 1863 г. стала ареной массового крестьянского движения, направленного против помещиков. Поскольку начавшаяся массовая борьба крестьян совпала с действиями здесь вооружённых отрядов польских повстанцев, то, как отмечал Д.П. Пойда, царизм решил использовать тех же временнообязанных крестьян против польских повстанцев. По мнению исследователя, царскому правительству это было выгодно вдвойне: во-первых, тем самым облегчалась борьба против поляков, а, во-вторых, разжигая среди крестьян великодержавные шовинистические настроения, царизм рассчитывал отвлечь их от борьбы против помещиков. Эта политика нашла своё конкретное выражение в создании как в Белоруссии и Литве, так и в Правобережной Украине так называемых сельских вооружённых караулов или сельской стражи из крестьян. «Правила для образования в Западных губерниях сельских вооружённых караулов» были утверждены российским императором 24 апреля 1863 г. Поступавшие в сельскую стражу крестьяне получали оружие, главным образом пики, и должны были действовать как гражданским, так и военным властям в подавлении отрядов польских повстанцев¹¹.

⁷ Пойда Д.П. Указ. соч. С. 120–121.

⁸ Там же. С. 122.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 123–124.

¹¹ Там же. С. 125; Бовуа Д. Битва за землю в Україні... С. 84.

Путём создания вооружённых караулов и широкой шовинистической пропаганды царизму удалось частично привлечь крестьян Правобережной Украины к борьбе против повстанческих отрядов польских революционеров. Д.П. Пойда констатирует, что некоторые, правда, незначительные, отряды польских повстанцев были разбиты вооружёнными крестьянами, в частности в с. Соловиевке Радомысльского уезда, в с. Ивнице Житомирского уезда, и в с. Гребинке Васильковского уезда¹².

Однако вооружение крестьян, создание в сёлах вооружённых караулов привело к усилению крестьянских выступлений против помещиков, а активистами движения были, прежде всего, участники караулов. Такие крестьяне не только выходили из повиновения властям, но и начинали расправляться с помещиками, арестовывая их и деля между собой их имущество. Как утверждал Д.П. Пойда, такие расправы над помещиками в Киевской губернии летом 1863 г. начали приобретать массовый характер, а само движение было очень упорным. В связи с этим, уже в июне 1863 г. была предпринята попытка ограничить деятельность сельской вооружённой стражи. «Правила» от 24 апреля 1863 г. были дополнены новыми пунктами, обязывающими сельские вооружённые караулы охранять имущество помещиков. Но это так и не дало царизму желанных результатов¹³.

Д.П. Пойда отмечал, что упорная и всё расширяющаяся борьба временнообязанных крестьян поставила как перед местными, так и центральными органами власти вопрос о дальнейших взаимоотношениях крестьян и помещиков в Правобережной Украине. Усиление репрессий против крестьян объективно содействовало бы польским революционерам, поскольку могло привести к созданию единого фронта борьбы – крестьян и польского национально-освободительного движения. Выход из создавшегося положения представители местных органов власти видели в освобождении временнообязанных крестьян от обязанного положения перед помещиками и в предоставлении некоторых льгот в выкупе полученных ими в пользование по реформе 1861 г. земель. В частности, как подметил Д.П. Пойда, эту мысль ещё в начале Январского восстания высказал правительству Киевский, Волынский и Подольский генерал-губернатор Н.Н. Анненков. Так появился указ от 30 июля 1863 г., провозглашавший прекращение временнообязанного состояния бывших помещичьих крестьян Правобережной Украины. Однако обнародование указа не внесло успокоения в крестьянские массы, поскольку крестьяне считали его подложным. В связи с этим, уже после обнародования, крестьянские волнения подавлялись ещё более жестоко, чем прежде. Д.П. Пойда акцентировал внимание на том, что теперь местные власти в борьбе с крестьянским движением часто действовали в тесном контакте даже с теми польскими помещиками, которые выступали против русского царизма¹⁴.

¹² Пойда Д.П. Указ, соч. С. 126.

¹³ Там же. С. 128–129.

¹⁴ Там же. С. 131–133.

Д.П. Пойда исследовал документы о крестьянских волнениях, происходивших в 289 сёлах и местечках Правобережной Украины в 1863 г. Историк подсчитал, что в январе произошло 24 выступления (8,2 % от общего количества), в марте – 55 (19,0 %), в апреле – 102 (42,5 %), в мае – 32 (11,1 %), в июне – 3 (1,0 %), в июле – 51 (10,7 %), в августе – 2 (0,7 %), в сентябре – 18 (6,2 %), в ноябре – 1 (0,3 %) и в декабре – 1 (0,3 %) ¹⁵. Из этого следует, что начавшееся в январе 1863 г. крестьянское движение в Правобережной Украине, принявшее наиболее массовый и упорный характер в марте – мае, продолжалось почти на протяжении всего 1863 г., т.е. весь период вооружённой борьбы русского царизма против польского национально-освободительного движения.

Результатом крестьянской борьбы, как справедливо отмечал Д.П. Пойда, было не только то, что из 289 исследованных восставших сёл, в 24 из них помещики были вынуждены частично удовлетворить требования крестьян, но также и то, что эта борьба вынудила царизм издать указ от 30 июля 1863 г., частично облегчавший положение крестьян по сравнению с тем, в которое они были поставлены законодательными актами от 19 февраля 1861 г. ¹⁶

Таким образом, в своём исследовании Д.П. Пойда убедительно показал, каким непростым было взаимовлияние Январского восстания 1863 г. в Юго-Западном крае и крестьянских выступлений. И хотя царскому правительству удалось подавить национально-освободительное движение поляков, однако, в результате его непосредственного влияния и непоследовательной политики царизма, а также упорства крестьянского движения, крестьянству Правобережной Украины удалось добиться частичных уступок.

¹⁵ Пойда Д.П. Указ. соч. С. 133.

¹⁶ Там же.

А. ГУРАК
г. Люблин

ПРИВИЛЕГИИ ЧИНОВНИКОВ РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АДМИНИСТРАЦИИ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1863 г.

Современный российский учёный А.И. Миллер, пробуя классифицировать различные проявления и объекты русификации в Российской империи, характеризует «кадровую» русификацию в качестве одного из наиболее частых приёмов властей. Далее упоминается вытеснение местного языка, и лишь за этим следует замена землевладельцев. Упомянутый автор приходит к выводу, что, по сути, всё население империи было объектом русификации¹. В этом контексте русификация территории Речи Посполитой представляется рутинным приёмом. Однако, как масштаб кампании, так и сопутствующие трудности, ставят этот случай в особый ряд. Задачей настоящей статьи является представление усилий, предпринимаемых российскими властями, с целью поощрения чиновников «русского происхождения» к занятию должностей в Царстве Польском².

В журналах Комитета по делам Царства Польского находим выписку с информацией, что «при самом приступе к административному преобразованию в Царстве была признана необходимость привлечь наибольшее число русских чиновников на службу в губернских и уездных местах в Царстве...». В 1868 г. заботу о замещении русскими чиновниками, во-первых – высших должностей в губернских правлениях – вверено министру внутренних дел³.

Первая волна чиновников прибыла в Царство Польское ещё в середине 1860-х гг. Это было связано с необходимостью обеспечения российского контроля над администрацией и осуществлением реформы по освобождению от крепостной зависимости. Первоначально предполагалось направлять русских в крестьянские комиссии, а затем, хорошо себя проявившим предлагать более высокие должности в губернской администрации⁴. Этим чиновников упрекали в том, что они руководствовались

¹ Миллер А.И. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. № 2.

² См.: *Górak A. Kancelaria Gubernatora i Rząd Gubernialny Lubelski (1867–1918). Studium administracyjne i prozopograficzne*. Lublin; Radzyń Podlaski, 2006. Раздел 7.

³ Государственный архив в Плоцке. Канцелярия Плоцкого губернатора. № 193. Л. 50об. Копия с выписки из журнала Комитета по делам Царства Польского 16 января, 3, 13 и 26 февраля 1868 г. за № 12. С. 10–12.

⁴ С февраля 1864 по август 1865 г. по «милотинскому набору» в Царство Польское прибыло 154 чиновника, в основном из Тульской губернии (при содействии Б.А. Черкасского), а также выпускники университетов и юнкерских училищ. См.: *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики. Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 167–169.

собственной выгодой и, кроме того, в пьянстве, лени, коррупции, злоупотреблениях, и даже в «ополячивании» и неояльности⁵. Назначения происходили в обстановке соперничества наместника Царства Польского Ф.Ф. Берга с Н.А. Милютиным и В.А. Черкасским⁶.

Однако планы быстрой и полной русификации личного состава администрации Царства Польского провалились. Трудно объяснить это единственной причиной. Не следует забывать, что польские чиновники не оставались безучастными и, используя свои связи, профессионализм, а, наверняка, и коррумпированность своих российских начальников, старались удержать или вернуть свои должности⁷. Российские власти не всегда были склонны к нарушению закона, который обеспечивал некоторые права для защиты должностей. Не подвергит сомнению, что русские пользовались предпочтением при назначениях, но, несмотря на это, полякам удавалось не только должность удержать, но иногда и получить её. Касалось это, к примеру, чиновников, возвращавшихся из ссылки. Обратил на это внимание Ф.Ф. Берга полицмейстер Царства Польского, подвергая сомнению их право на службу. В связи с этим наместник установил правила принятия их вновь на службу: «1) Принимать вновь на службу таких чиновников, которые были высланы в Империю, административным порядком, на основании одних частных, не расследованных сведений о сочувствии к мятежу и вредном влиянии на своих сограждан и сослуживцев, но в таком случае, если сведения эти и впоследствии остались ничем не подтверждёнными, 2) Чиновников прикосновенных к следственным политическим делам, по которым они, хотя не избличены в преступлениях, но однако оставлены в подозрении как люди сомнительной преданности правительству, способствовавшие мятежу если не положительно, то отрицательно, не допускать на службу ранее года со дня возвращения их в край и то, не иначе, как с особого о каждом из них моего разрешения, и 3) Тех чиновников, которые фактически обвиняются в измене своему долгу и нерасположении к правительству, на государственную службу не допускать впредь до могущего последовать о них особого постановления...».

Ф.Ф. Берг издал соответствующее распоряжение 20 февраля (10 марта) 1869 г., но в начале следующего года оказалось, что его исполнение не было строгим и некоторые, возвращавшиеся из ссылки чиновники получили должности в администрации без его на то согласие. В очередном циркуляре он подтвердил запрещение приёма выше поименованных чиновников без разрешения. Одновременно он обращал внимание губернаторов на чиновников, «сохранивших во всё время смут верность правительству, оставленных за штатом со введением преобразований в управлении Царством Польском, – что на них в особенности должна быть обращена его постоянная заботливость и ими должны быть замещаемы могущие открыться вакансии, тем более, что с поступлением их на службу, сокращаются издержки казны на отпуск им добавочного от казны содержания»⁸.

⁵ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики... С. 172; Wiech S. Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). Kielce, 2002. S. 327–338.

⁶ Groniowski K. Walka Milutina z Bergiem. Spór o reorganizację Królestwa Polskiego po toku 1863 // Kwartalnik Historyczny. 1962. T. 69.

⁷ Поляки очень быстро овладели русским языком, незнание которого, зачастую, служило поводом для увольнений. См.: Kozłowski J. Realizacja reformy administracyjnej w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // Przegląd Historyczny. 1998. T. 89. S. 235.

⁸ APL. RGL. Sygn. WP I 1870:137. К. 20. Копия письма наместника в Царстве Польском от 26 января (7 февраля) 1870 г.; Sygn. A I 1866:73. К. 13–16; APL. KGL. Sygn. 1870:13. К. 28.

Хотя ещё до этого была объявлена амнистия, но МВД разъяснило, что касается она гражданских прав, а не права на службу⁹. Даже тень подозрения дискредитировала чиновников в глазах властей. Наместник подчеркнул, что чиновники, которые подозревались в связях с восстанием, и за это подвергались полицейскому надзору, могли получать повышение в чинах и должностях исключительно по его разрешению¹⁰.

В ходе предпринимаемых властями усилий по русификации личного состава рассматриваемой администрации, можно выделить несколько этапов¹¹. До 1867 г. кампания протекала хаотично, но действительно, хотя и поглощала значительные денежные средства. При этом уже в то время можно было уловить тенденцию к выработке постоянных механизмов, которые заменили бы разовые действия.

В 1866 г. была выделена сумма 45 тыс. р в распоряжение Административного совета для подготовки чиновников русского происхождения к занятию должностей в Царстве Польском¹². Главный директор Правительственной комиссии по гражданским и духовным делам (далее: ПКГиДД) предложил 7 (19) апреля 1866 г. привлечь из Московского университета 10 «подходящих и безупречных молодых людей» и зачислить их в ПКГиДД с целью ознакомления с польским языком, юриспруденцией Царства и подготовки к замещению ими вакантных должностей. Ф.Ф. Берг одобрил идею, и для них из соответствующих сумм было назначено 800 р временного годового содержания. На таком же основании в Комитет Люблинской губернии был направлен некто П.А. Попов, получивший ещё и 300 р на благоустройство¹³.

В связи с предстоящим реформированием губернской администрации было задумано провести широкомасштабные действия. Директору ПКГиДД было поручено: а) подбор и привлечение достаточного количества русских чиновников, наиболее подготовленных к замещению в соответствующее время должностей в губернских и уездных учреждениях; б) временное назначение выбранных чиновников в Учредительный комитет или ПКГиДД; в) вверение занятий для подготовки кандидатов на должности.

В обязанности директора входило докладывать Ф.Ф. Бергу об их поступках. Этих лиц направляли «на учёбу» в губернские правления, в том числе в Люблин, и постоянно собирали информацию об их работе¹⁴.

⁹ APL. KGL. Sygn. 1870:13. K. 55. Письмо департамента исполнительной полиции МВД от 13 мая 1870 г.

¹⁰ Ibid. K. 90. Письмо наместника от 27 ноября (9 декабря) 1870 г.

¹¹ См.: *Górnak A. Narodowościowe kryterium polityki kadrowej jako narzędzie depolonizacji Zarządu Gubernialnego Lubelskiego (1867–1918)* // *Studia Archiwalne*. 2004. T. 1. S. 41–65.

¹² Указ, объявленный в обращении министра статс-секретаря Царства Польского от 2 (14) марта 1866 г. // *Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском*. Т. 10. С. 408. Постановление Учредительного комитета в Царстве Польском от 7 (19) июля 1867 г.

Позднее также решением Комитета по делам Царства Польского от 20 сентября 1867 г. были выделены некоторые суммы на эти цели, см.: *Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском*. Т. 11. С. 205. Постановление Учредительного комитета в Царстве Польском от 6 (18) октября 1867 г.; *Okolski A. Wykład prawa administracyjnego i prawa administracyjnego obowiązującego w Królestwie Polskim*. Warszawa, 1880. T. 1. S. 405.

¹³ APL. KGL. Sygn. 1866:204. K. 5. Копия ответа директора Правительственной комиссии по гражданским и духовным делам от 4 (16) июля 1866 г. люблинскому губернатору.

¹⁴ Ibid. K. 9. Письмо директора Правительственной комиссии по гражданским и духовным делам губернатору от 9 (21) августа 1866 г.

Князь В.А. Черкасский в сентябре 1866 г. собрал руководство ведомств, гражданских и временных губернаторов на совещание, посвящённое подготовительным мероприятиям. Было предложено незамедлительно направить к губернаторам чиновников, определённых на должности в новых учреждениях, для подготовки их к службе. Новые кадры приступили к обучению в октябре 1866 г.¹⁵

Вскоре, в мае 1867 г. Учредительный комитет рассмотрел способы претворения в жизнь распоряжения царя: «Об определении русских чиновников на службу в Царство Польское» от 20 ноября 1866 г. В связи с этим было решено поручить наместнику: «озаботиться определением возможно большего числа совершенно благонадёжных чиновников русского происхождения на гражданскую службу в Царство Польское, а Учредительному Комитету войти в ближайшее соображение о средствах какие для сей цели нужны быть предоставлены»¹⁶.

В этом же году Учредительный комитет совещался по поводу претворения в жизнь распоряжения царя «О расходах по вызову чиновников русского происхождения на гражданскую службу в Царстве», содержащегося в документе бывшего министра статс-секретаря Царства от 2 (14) марта 1866 г. На его основании решено было приступить к вызову русских чиновников и их подготовке к службе в гражданской администрации Царства, в губернских и уездных правлениях. Было признано, что следует вызывать кандидатов не только на руководящие должности (губернатора, вице-губернатора, уездного начальника), но и на второстепенные, как исполнительские, так и канцелярские (референтов, чиновников по особым поручениям, помощников уездных начальников и др.). На основании решения наместника кандидатам до момента назначения выплачивалось временное содержание. Первоначально на эти цели было выделено 45 тыс. р из фонда Административного совета, но часть из них была предназначена для кандидатов в администрации финансового и почтового ведомств. Окончательно ведомство гражданских и духовных дел получило 25 тыс. р, финансовое – 10 тыс. р и столько же – почтовое. Кроме того, наместник получил 2,5 тыс. р на привлечение чиновников польского происхождения, хорошо знающих язык и русское делопроизводство. Этими фондами воспользовалась также ПКГиДД. Всем привлечённым кандидатам выплачивались прогонные и подъёмные в рамках единовременной помощи, постоянно же выплачивалось временное содержание. Комитет констатировал, что чиновниками русского происхождения замещены должности губернаторов, вице-губернаторов, уездных начальников и их помощники по полицейскому ведомству, руководители губернских канцелярий и, частично, чиновников по поручениям, но в продвижении дел встречаются значительные затруднения, поскольку должности советников и референтов почти исключительно заняты лицами польского происхождения, совершенно не знакомыми с российским делопроизводством и слабо знающими русский язык. В связи с этим, главный директор ПКГиДД посчитал необходимым продолжать привлечение русских чиновников из империи на замещение должностей советников и референтов как губернских, так и уездных правлений.

¹⁵ Kozłowski J. Realizacja reformy administracyjnej w Królestwie Polskim... S. 234.

¹⁶ Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском. Т. 10. С. 233. Постановление № 190 от 15 (27) мая 1867 г. Ст. 1149.

На эти цели должна была ежегодно выделяться сумма 25 тыс. р. Финансовое ведомство обратило внимание на незнание вновь прибывшими местного права, в связи с чем просил выделить дополнительные суммы на обучение русских чиновников. Комитет выделил ПКГиДД 25 тыс. р, а финансовому управлению – 12 тыс. р¹⁷.

В 1867 г. вопросы привилегий были разрешены законодательно. Наибольшее внимание привлекали доплаты к денежному содержанию. Доплаты чиновникам, лояльным по отношению к властям, не были в Царстве решением новым, но использование в этом случае национального фактора превращало их в иррациональный инструмент с точки зрения чёткости действий администрации. Поэтому смело можно назвать это элементом русификации¹⁸. Привлечение русских сил обуславливалось материальными мотивами, что негативно отразилось на эффективности действий.

Поводом для дискуссии о привилегиях для русских чиновников в Царстве Польском, состоявшейся в правительственных сферах в 1867 г., послужило представление, преподнесённое Ф.Ф. Бергом, и составленный в его развитие план Д.Н. Набокова – преемника Н.А. Милютина на посту шефа Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского. Характерно, что требования Ф.Ф. Берга, и без того завышенные, канцелярия признала целесообразным откорректировать в сторону увеличения расходов. Кроме привилегий, присвоенных чиновникам западных губерний, русские чиновники Царства Польского получили ряд дополнительных. Беспрецедентная щедрость Ф.Ф. Берга и Д.Н. Набокова в отношении порядка продвижения в чинах, размера денежного содержания, условий выслуги пенсии, получения земельной собственности, образования детей за казённый счёт, были восприняты с резко отрицательным отношением шефов центральных финансовых ведомств – министра финансов М.Х. Рейтерна и государственного контролёра В.А. Татаринова. Выражая сомнения в обоснованности прогрессивного роста денежного содержания по мере выслуги лет, М.Х. Рейтерн напомнил, что дело касается «огромного количества должностей в различных ведомствах Царства Польского, готовых к наплыву чиновников из империи». Он обращал внимание, что такие средства привлекут в Царство чиновников с ненаилучшими качествами, равнодушными к делу. Недоумение министра вызвала готовность раздачи чиновникам имущества, предназначенного к продаже для обеспечения ликвидационной кампании¹⁹.

В отличие от отзыва М.Х. Рейтерна, предложение В.А. Татаринова поступило с опозданием, поэтому не стало предметом дискуссии в Комитете по делам Царства Польского. Не было отражено и в его протоколе. В своей критике проекта контролёр опередил министра, заявив, что не считает, «будто Царство Польское, как в географическом, так и политическом отношении находится в очень уж исключительном положении. Соединённое со столицами империи железными дорогами, имеющее лучший климат и предоставляющее все удобства для проживания,

¹⁷ Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском. Т. 10. С. 408. Постановление № 195 от 7 (19) июля 1867 г. Ст. 1195.

¹⁸ В течение непродолжительного времени в период между восстаниями русским, служившим в Царстве Польском, выплачивались прибавки. См.: *Horizontow L. Aparat urzędniczy Królestwa Polskiego w okresie rządów Paskiewicza /* Tłum. A. Szwarz // *Przegląd Historyczny*. 1994. Т. 85. S. 52, 54.

¹⁹ *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики... С. 173.

Царство Польское в нынешние, разумеется, времена нельзя считать страной, пребывание в которой было бы связано с лишениями. Облегчённое продвижение по службе грозит увеличением числа лиц с высокими чинами, которые вследствие недостатка соответствующих мест в польских губерниях, вернутся в Россию, где также едва ли найдут себе занятие. Опыт показывает, что привлечение чиновников в Царство Польское не сопряжено с такими уж трудностями (как это представляется Д.Н. Набокову. – А.Г.)».

М.Х. Рейтерн ссылался на прецедент привлечения чиновников в реформируемое губернское правление и возрождаемые контрольные палаты, в которых число претендентов превышало число вакантных мест настолько, что пришлось вводить специальный институт кандидата. Государственный контролёр допускал введение некоторых льгот для русских, но не усматривал повода для выхода за рамки привилегий уже существующих в так называемых отдалённых местностях государства. Кроме того, он предлагал не охватывать привилегиями тех, кто к службе уже приступил²⁰.

В итоге в закон были включены следующие привилегии²¹.

1. Чиновники русского происхождения, поступающие на службу в Царство Польское, должны были получать подъёмные и прогонные деньги в зависимости от классного чина; чиновники IV и V классов и назначенные на должности, соответствующие этим классам – 1000 р, имеющие чины с VI по VIII – 600 р, а с IX по XIV и канцеляристы – по 300 р. Однако, если чиновник не прослужил в Царстве хотя бы трёх лет, пособия подлежали возврату²².

2. За выслугу лет выше поименованные чиновники, могли быть произведены в следующий чин на год раньше установленного трёх- или четырёхлетнего срока, а при назначении, не требовалось соблюдение соответствия чина с должностью. Канцеляристам также полагался сокращённый остающийся срок выслуги на получение первого классного чина, вполноту, по сравнению с требуемым за происхождения²³. Тридцатипятилетний срок выслуги, необходимый для представления к ордену Св. Владимира, в Царстве истекал быстрее – три года зачитывались как четыре в империи²⁴.

3. Беспорочно и преданно служащие чиновники, могли быть предствлены к 15 % надбавке за каждые 5 лет службы в одном ведомстве, рассчитанной из содержания на день выслуги. Прощения по этому делу утверждались министром, а общая сумма доплат не могла превышать двукратного содержания. Доплата за 10 лет составляла уже 30 % выслуг, причитавшихся на день выслуги. Существенное ограничение в назначении прибавок было связано с их не обязательным, а избирательным характером, а число чиновников, их получающих, не могло превышать 1/3 занятых в каждом ведомстве²⁵. Критерии, которыми руководствовались,

²⁰ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики... С. 174.

²¹ Ср.: *Chwałba A. Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków, 1999. S. 101.*

²² Правила опубликованы 21 августа (3 сентября) 1867 г., их проект был разработан в Собственной Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского. См.: ПСЗ. 2-е собрание. Т. 42. № 44887. Правила о преимуществах чиновников русского происхождения служащих в губерниях Царства Польского, утверждённые 30 июля (11 августа) 1867 г. Ст. 1.

Обязательность, как минимум, двухлетней службы в Царстве Польском стала предметом разъяснений, представленных люблинскому губернатору в 1870 г. См.: APL. RGL. Sygn. A I 1870.3. К. 46.

²³ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 42. № 44887. Правила о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского, утверждённые 30 июля (11 августа) 1867 г. Ст. 3–4.

²⁴ Там же. Ст. 6.

²⁵ Там же. Ст. 7.

при включении чиновника в такой список, сначала были разными. Затем появился комментарий к этой статье закона, который говорил о назначении прибавок по старшинству чинов, а в их кругу – по выслуге лет²⁶. Таким образом, власти были настроены на замещение высших должностей и фаворизировали чиновников, прибывающих в Царство на постоянное жительство.

4. Чиновники, прослужившие не менее двух лет, и пребывавшие в плохом материальном положении, имели право на образование детей за счёт казны, а если учили детей дома, то им выплачивалось по 100 р вспомоществования на каждого ребёнка в возрасте от 13 до 17 лет. Эти пособия выплачивались даже после смерти чиновника до достижения его потомством возраста 17 лет²⁷.

5. Пенсионеры (военные и гражданские) после поступления на службу в Царстве Польском, кроме денежного содержания, сохраняли за собой право на пенсию. Полная (русская) пенсия назначалась после 25 лет, а 50 % – после 20 лет службы. Пенсионная выслуга в Царстве Польском протекала быстрее, так как каждые 5 лет засчитывались за 7 лет выслуги. Кроме того, по окончании службы пенсия назначалась на ступень выше положенной по чину. Право на пенсию касались чиновников, прослуживших в Царстве Польском не менее 5 лет, в том числе на последней должности 3 года. Вдовы и сироты чиновников имели право не только на пенсию, но и на одноразовое пособие в размере двухмесячных выплат. Отчисления в эмеритальный капитал империи составляли 3 % от годового содержания²⁸.

Закон не определял понятия «русское происхождение». Единственным уточняющим критерием было прибытие на службу в Царство Польское после 1 января 1864 г.²⁹ После опубликования закона наместник получил более 2 тыс. прошений о зачислении на службу в Царство Польское³⁰.

Ещё в том же году появился первый комментарий, разъясняющий, что на офицеров, поступившие на гражданскую службу в Царстве Польском после 1 января 1864 г. также распространяются привилегии наравне с гражданскими чиновниками, но, если перешли они из войск, расквартированных в Царстве Польском, то не имели права на подъёмные деньги³¹. Как оказалось, это был лишь первый из череды комментариев и дополнений.

Через полгода Учредительный комитет разъяснил, что привилегии положены чиновникам русского происхождения, которые прибыли на гражданскую службу в Привислинский край после 1 января 1864 г. из всех частей империи, кроме лиц католического вероисповедания и православных уроженцев Царства Польского³². К вопросу об уроженцах

²⁶ APL. RGL. Sygn. Os. 6.

²⁷ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 42. № 44887. Правила о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского, утверждённые 30 июля (11 августа) 1867 г. Ст. 8.

²⁸ Там же. Ст. 9–16.

²⁹ Там же. Ст. 22.

³⁰ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики... С. 175.

³¹ APL. KGL. Sygn. 1868:6. Выписка из протокола 224 заседания Учредительного комитета в Царстве Польском от 15 (27) декабря 1867 г.

³² Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 68. S. 345–349. Постановление Учредительного комитета, изданное в развитие высочайше утверждённых правил о правах и прерогативах русских чиновников, служащих в губерниях Царства Польского от 18 (30) июня 1868 г. Ст. 1–2.

вернулись в 1880-е гг., когда доросли до службы сыновья пионеров образования – родное население русского Привислия. В 1868 г. это было ещё неактуально. В этом месте стоит отметить, что в соответствии с законодательством Царства Польского перевод по службе не являлся сам по себе основанием для натурализации³³.

В том же 1868 г. разъяснено, что чиновники русского происхождения, которые перешли на службу в Царство Польское, включаются, как правило, в состав эмеритального товарищества Царства Польского, и оплачивают 10-процентные взносы, если своевременно не подадут прошения по этому делу. В этом случае на них будет распространяться положение об эмеритальных выплатах в империи, и взносы составят лишь 3 %³⁴. Вскоре после этого Комитет по делам Царства Польского на заседаниях 14 и 29 мая 1868 г. разъяснил, что чиновники, прибывшие из империи в Царство Польское, не получившие привилегий, могут просить оставить их в эмеритальном фонде империи и оплачивать взносы в размере 2 % содержания, как чиновники в России³⁵. Позже ещё возвращались к вопросу пенсионного обеспечения, наделяя правами чиновников, покинувших службу в связи с тяжёлой неизлечимой болезнью и семьи чиновников, умерших до окончания соответствующего периода выслуги лет (5 лет)³⁶.

Издание закона о привилегиях не означало прекращения предыдущего способа набора. 10 апреля 1868 г. император разрешил варшавскому генерал-губернатору иметь под началом неограниченное число гражданских и военных чиновников без выплаты содержания, но с разделением их служебными полномочиями, «чтобы привлечь на жительство в Северо-Западный край возможно большее число лиц, чисто русских с их семьями, имеющих собственное независимое состояние»³⁷.

Был уточнён также вопрос образования детей русских чиновников. Министр финансов оговорил замечание, что выплаты денег из казны на образование прекращаются, как только чиновник покинет службу или переведётся в империю³⁸. По-видимому, такие случаи не были единичными. Кроме того, продолжал уточняться круг лиц, имевших право на привилегии. Было определено, что привилегии от 30 июля 1867 г. не охватывают: 1) лиц прибывших на службу в Царство Польское до 1 января 1864 г.,

³³ Рейнке Н. Каким гражданским законам подведомы русские уроженцы пребывающие в Царстве Польском? Варшава, 1892. С. 7–9.

³⁴ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 68. S. 339. Постановление Учредительного комитета в Царстве Польском от 14 (26) июня 1868 г.; ПСЗ. 2-е собрание. Т. 43. № 45941. 1868, 5 июня. Высочайше утверждённое положение Комитета по делам Царства Польского, опубликованное 4 декабря того же 1868 г. По вопросам, возникшим при применении Правил 30 июня 1867 г. о преимуществах русских чиновников, служащих в губерниях Царства Польского.

³⁵ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 44. № 45929а. 1869, 31 мая. Высочайше утверждённое положение Комитета по делам Царства Польского. О правах на пенсии гражданских чиновников ведомства внутренних дел, служащих в губерниях Царства Польского.

³⁶ Там же. Т. 48. № 52028. 1873, 16 марта. Высочайше утверждённое положение Комитета по делам Царства Польского. О распространении правил 30 июля 1867 г., относительно производства пенсий чиновникам, служащим в Царстве Польском, также и на вдов чиновников, умерших на службе в Царстве.

³⁷ APL. RGL. Sygn. A I 1868:49. К. 50. Письмо министра внутренних дел А.Е. Тимашева от 6 мая 1868 г.

³⁸ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 69. S. 243. Постановление Учредительного комитета о пособиях для чиновников русского происхождения на воспитание детей от 13 (25) июня 1869 г. Ст. 1; ПСЗ. 2-е собрание. Т. 44. № 46975. 1869, 16 апреля. Высочайше утверждённое положение Комитета по делам Царства Польского, опубликованное 30 мая. О прекращении производства пособий на воспитание детей чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Привислинского края, в случае увольнения их от службы или перехода на службу в другие губернии.

даже если они её покинули и вновь поступили; 2) чиновников, которые перешли с католического на лютеранское вероисповедание³⁹. В 1870 г. привилегии были распространены сначала на женщин, находящихся на государственной службе⁴⁰, а в 1871 г. на «галичан» – греко-католиков, с момента принятия ими российского подданства⁴¹, а затем на «инженеров и гражданских чиновников ведомства путей сообщения»⁴². Был урегулирован вопрос о чиновниках, прибывших в Царство Польское во временную командировку, но затем перешедших на постоянную службу. Кроме признания за ними прав на привилегии, было отмечено, что «назначаемые... подьёмные и прогонные деньги засчитываются им»⁴³.

Уже тогда возник вопрос о чиновниках «русского» происхождения из аннексированных земель. Было признано, что чиновники, прибывшие из девяти губерний Западного края⁴⁴, которые не служили до того в империи, будут включены в эмеритальный капитал Царства Польского на общих основаниях. В случае отказа, взносы на их российскую пенсию будут составлять 2 %. При этом подчёркивалось, что прибавки имеют значаемый характер – «для служащих безупречно и отличающихся особым талантом и рвением», а количество удостоенных ограничивалось внутри ведомства до 1/3 числа чиновников, имеющих на это право⁴⁵.

В августе 1869 г. управляющий Министерством финансов обратился в Комитет по делам Царства Польского для выяснения вопросов, возникающих при применении привилегий от 30 июля 1867 г. В том числе, какого размера могут достигать прогонные для лиц, приезжающих из отдалённых местностей, поскольку прогоны рассчитывались по повёрстному сроку. Прогонные и подьёмные деньги могли превышать суммарно всё пособие. Комитет рассмотрел дело на основе примера чиновника, прибывшего с Дальнего Востока для занятия должности в Варшавском губернском управлении жандармерии. Комитет решением, утверждённым 12 октября 1869 г., разъяснил, что поскольку привилегии имеют целью

³⁹ APL. RGL. Sygn. A I 1873:25. К. 79. Поводом для этих замечаний послужило дело чиновника особых поручений при Варшавском обер-полицейстере Гизетти, которого, в виде исключения, наделили правом на привилегии. См.: ПСЗ. 2-е собрание. Т. 47. № 49899а. 1872, 6 августа. Высочайше утверждённое положение Комитета по делам Царства Польского, объявленное Сенату управляющим министерством юстиции 24 мая 1873 г. О применении правил 30 июля 1867 г., о преимуществах русских чиновников, служащих в губерниях Царства Польского.

⁴⁰ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 45. № 48284. 1870, 24 апреля. Высочайше утверждённое положение Комитета по делам Царства Польского, объявленное Сенату министром народного просвещения 2 мая. О распространении правил о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского, на лиц женского пола русского происхождения.

⁴¹ Собрание законов. Т. 1. С. 243. О применении правил Высочайше утверждённых 30 июля 1867 г. галичанам греко-униатского исповедания от 3 июля 1871 г.

Ещё раньше привилегиями были наделены униаты-учителя из Галиции. См.: ПСЗ. 2-е собрание. Т. 44. № 46654. 1869, 19 января. Высочайше утверждённое положение Комитета по делам Царства Польского, объявленное Сенату министром народного просвещения 25-го того же января. О распространении на галичан греко-униатского исповедания, принявших присягу на подданство России и состоящих на службе по учебной части в Варшавском учебном округе, тех преимуществ, которыми пользуются чиновники русского происхождения, служащие в губерниях Царства Польского.

⁴² ПСЗ. 2-е собрание. Т. 50. № 54815. 1875, 13 июня.

⁴³ Там же. Т. 45. № 47501а. 1869, 12 октября. Высочайше утверждённое положение Комитета по делам Царства Польского, объявленное Сенату министром юстиции 20 января 1870 г. О зачитывании подьёмных и прогонных денег чиновникам русского происхождения, командированным в губернии Царства Польского, в случае, если они останутся на службе в сих губерниях.

⁴⁴ Это были губернии, расположенные на территориях, аннексированных Россией, т.е. Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилёвская и Подольская.

⁴⁵ APL. RGL. Sygn. A I 1873:25. К. 94.

привлечь благонадёжных чиновников в упомянутые в законе районы империи (кроме Царства Польского, это были: Западный край и так называемые отдалённые местности – Кавказ, Сибирь, Средняя Азия), на постоянное, по возможности, пребывание, то перевод их из одних привилегированных районов в другие, к примеру, из Сибири в Царство Польское, является не только нецелесообразной тратой для государственной казны, но и расходится с намерениями властей и духом этого закона. Подобные переводы были признаны допустимыми лишь по очень уважительным причинам. Запрет на перевод из привилегированных территорий касался также перевода из смежных между собой губерний Западного края и Царства Польского⁴⁶. С тех пор мотив смежности навсегда останется в истории проблемы.

В 1874 г. люблинский губернатор получил из Варшавы разъяснение по правам чиновников, родившихся в западных губерниях, которые перешли впоследствии из «латинства» в православие. Комментарий был основан на решениях Комитета по делам Царства Польского от 5 июня 1868 г. и 6 августа 1871 г., которые содержали мнение, что привилегии, дарованные чиновникам русского происхождения, служащим в Царстве Польском, не могут распространяться на рождённых в Западном крае католиков, перешедших в православие после прибытия на службу в Царство Польское⁴⁷.

В качестве инициативы, долженствующей привести к вытеснению поляков с самых низших должностей в администрации, можно рассматривать циркуляр МВД, основанный на утверждённом 1 марта 1879 г. мнении Государственного совета, который определил, что солдаты, находящиеся в запасе, имеют преимущество при замещении должностей по найму в военном и гражданском ведомствах. Министерство, желая иметь отчёты о результатах распоряжения, предписало ежегодно представлять перечни таких должностей⁴⁸.

В 1881 г. Комитет по делам Царства Польского дозрел до внесения изменений в положение о привилегиях. Он обратился к министру финансов с просьбой разработать новые основы для расчёта прибавок и представить их на утверждение. Курс к изменениям был задан сразу же. Было определено, что до момента утверждения нового порядка, вторую и третью прибавки к содержанию следует начислять после выслуги чиновниками очередного пятилетнего срока со дня установления последней прибавки. Это говорило о принципиальных изменениях в расчёте выслуги для очередных прибавок. Что касается сумм прибавок к денежному содержанию, уже назначенных некоторым чиновникам за два или три пятилетия, не со дня назначения им прибавки за первое пятилетие, а со времени поступления на службу в Царстве Польском, то они были оставлены без изменений⁴⁹. Принимая во внимание, что рассмотрение прав на

⁴⁶ APL. RGL. Sygn. WP I 1870:137. К. 32–33v. Сопроводительное письмо и копия циркуляра наместника в Царстве Польском от 2 (14) марта 1870 г.; *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики... С. 174.

⁴⁷ APL. RGL. Sygn. A I 1874:30. К. 54. Варшавский генерал-губернатор люблинскому губернатору 9 августа 1874 г.

⁴⁸ *Ibid.* Sygn. A I 1879:12. К. 92.

⁴⁹ *Ibid.* Sygn. A I 1881:5. К. 94. Варшавский генерал-губернатор в циркуляре от 1 мая 1881 г. рассылает губернаторам утверждённый 21 марта 1881 г. протокол Комитете по делам Царства Польского.

прибавки и их предоставление наступало, зачастую, через несколько лет после подачи прошения, не говоря уже о моменте выслуги пятилетия, то следует признать, что государственная казна сэкономила значительную сумму. Положение с этим делом явно изменилось, так как ещё в течение того же года министр финансов уведомил, что чиновники, поступающие на службу в Царство Польское из империи, а до того не бывшие на государственной службе, должны состоять в Эмеритальном фонде Царства⁵⁰. До того времени в этом вопросе руководствовались правилами 1870 г., которые чиновникам русского происхождения предоставляли право выбора⁵¹. Очередной сигнал пришёл в 1885 г. – МВД дало знать, что прежде, чем будет принято решение о предоставлении прибавки к жалованию, надлежит информировать, не пользуется ли чиновник казённым жильём⁵². Неужели в зависимости от этого собирались ставить предоставление прибавок?

В 1886 г. произошли принципиальные изменения. Их инициатором было вновь Министерство финансов. Общее собрание Государственного совета рассмотрело предложение Министерства финансов «Об особых преимуществах гражданской службы в некоторых местностях империи» и высказало мнение, утверждённое царём 13 (25) июня 1886 г., и вступившее в силу с 1 (13) июля 1886 г. Историки интерпретируют этот шаг в качестве попытки ограничить привилегии российским чиновникам⁵³. В самом ли деле эти мнения обоснованы?

Законодатель уже в преамбуле заявляет, что правом на прибавки к содержанию на новых основах будут наделены все чиновники русского происхождения, которые начали выслугу пятилетия после даты издания этого закона⁵⁴. Это был явный сигнал, что привилегии направлены на привлечение новых масс чиновников, а не на улучшение ситуации привилегированных старожиллов. О направлении новой кампании может свидетельствовать другое замечание преамбулы. Было подчёркнуто, что в Царстве Польском можно принимать на службу людей без прав на неё, а также замещать должности до VIII класса включительно, чиновниками без классов чинов, при том единственном условии, что назначения на должности VIII и IX классов происходили бы по утверждению генерал-губернатора или министра. Российские власти явно перешли к следующему этапу русификации кадрового состава. На этот раз целью стали низшие должности, а предложение было направлено лицам всех мастей – без соответствующих чинов, и даже вообще без прав на службу. Шаг был радикальным, но действенным.

Делая выводы из наблюдений за результативностью предыдущих правил, было замечено, что привилегии не касаются чиновников, переводимых из сопредельных или привилегированных губерний. Как позднее окажется, это замечание вызвало заметную неразбериху и заслужило свою главу в политической истории манипулирования правом в России.

⁵⁰ APL. RGL. Sygn. A I 1881:5. К. 129. Министр финансов 8 июня 1881 г.; Свод узаконений и распоряжений Правительства. 1881. № 642.

⁵¹ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 44. № 5929а. Примечания от 31 мая 1868 г.

⁵² APL. RGL. Sygn. A I 1885:17. К. 22. Письмо МВД от 30 марта 1885 г.

⁵³ *Chwałba A. Polacy w służbie Moskali... S. 103; Wiech S. Społeczeństwo Królestwa Polskiego... S. 253.*

⁵⁴ Свод узаконений и распоряжений Правительства. 1886. № 76. Поз. 730. С. 39. Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдалённых местностях и губерниях Царства Польского от 13 (25) июня 1886 г.

Давайте, однако, присмотримся к новому закону. Он касался трёх видов территории: 1) отдалённых местностей, где служба была связана с тяжёлыми условиями; 2) западных губерний; 3) губерний Царства Польского. В двух последних случаях решающими были политические соображения. Прибавки к содержанию, выслуга которых уже началась, должны были продолжаться на прежних условиях. Раздел 1-й посвящён был привилегиям на отдалённых территориях, 2-й – в западных губерниях, а 3-й – в губерниях Царства Польского.

Лицам русского происхождения, поступающим на службу в Царство Польское, были положены преимущества, заключённые в статьях с 44-й по 57-ю, с соблюдением условий, содержащихся в статье 2-й (если чиновники были вызваны или переведены на место службы из губерний или регионов, не граничащих с ними, и в тоже время, не считающиеся отдалёнными)⁵⁵. Таким образом, решающим обстоятельством было место работы или пребывания в момент назначения. Это значило, что назначение привилегий лицам, не перемещаемым, но поступающим на службу в Царство Польское, всегда можно было подвергнуть сомнению.

Вызванным и переведённым (разница в том, что первые приехали в Царство Польское на службу, а вторые были переведены с должностей в империи на иные в Царстве Польском) выдавались пособия на проезд: 1) семейным лицам, назначенным на должности IV и V классов – 1000 р, на должности VI, VII и VIII классов – 600 р, а остальным – 300 р; 2) одиноким лицам, назначенным на должность IV класса – 1000 р, а назначенным на остальные должности – 2/3 каждой из сумм⁵⁶.

Пресловутая 47-я статья гласила, что за усердную службу в Царстве Польском лицам русского происхождения могут быть назначены за выслугу в одном ведомстве 5 лет – первая, а после следующих 5 лет – вторая прибавка, каждая из которых составляла 15 % получаемого содержания. Была исключена прибавка за третье пятилетие. Первая прибавка начислялась от суммы, получаемой на момент её назначения, а вторая от суммы, получаемой в конце второго пятилетия. Поскольку прибавки росли вместе с содержанием, разница была существенной. Чиновникам губернских правлений прибавки начислялись от полного денежного содержания⁵⁷, но работники отделов страхования оплачивались из страховых фондов, поэтому их прибавки обременяли не государственную казну, а застрахованных⁵⁸. Не изменились положения, касающиеся продвижения в чинах и пособий на образование детей малоимущих чиновников русского происхождения⁵⁹, а также пенсионные положения⁶⁰.

Что касается последних, то здесь появилась тенденция к неверному пониманию преимуществ. А именно, на стыке веков МВД обратило внимание, что в Царстве Польском 5 лет выслуги на пенсию считались за 7, а 10 – за 14. В самом деле, закон содержал такую запись, но была она лишь объяснением сокращения срока выслуги в Царстве Польском с 35 до 25 лет и должна была облегчить расчёт выслуги⁶¹.

⁵⁵ Свод законов Российской империи. Издание 1899 г. Т. 3. Свод уставов о службе гражданской. Издание 1896 г. Книга 3. Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдалённых местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского. Ст. 43.

⁵⁶ Там же. Ст. 45.

⁵⁷ Там же. Ст. 47.

⁵⁸ Там же. Ст. 44.

⁵⁹ Там же. Ст. 48.

⁶⁰ Там же. Ст. 49, 51–53, 57.

⁶¹ APL. RGL. Sygn. A I 1904:21. Варшавский генерал-губернатор лоблискому губернатору 22 февраля 1904; Sygn. A I 1903:2.

После введения закона от 13 июня 1886 г. на имя генерал-губернатора стали поступать прошения о надбавках от чиновников, поступивших на службу до 1 января 1864 г. в войска Варшавского военного округа на должности медиков, фельдшеров, писарей и др., которые не пользовались привилегиями на основании правового акта бывшей Комиссии по делам Царства Польского, утверждённого 9 октября 1874 г., а новый закон не содержал замечаний в этом отношении. Надежды чиновников развеял министр внутренних дел, разъяснив, что старые ограничения остаются в силе, и привилегии касаются лишь переведённых в Царство Польское после 1 января 1864 г.⁶²

Это были далеко не единственные путаницы, связанные с законом. Вновь возник вопрос дефиниции «русского происхождения». Оказалось, что слово «русское» не соответствует намерениям властей. Ведь со времён Петра I опорой московской государственности являлись остзейцы. Прецедент в этом деле был положен министром просвещения, который наделил преимуществами некоего Шмидта (протестанта), учителя 5-й Варшавской гимназии. Интересно обоснование решения, в котором отмечено, что ещё до издания закона от 1886 г. «неоднократно признавалось, что преимуществами должны пользоваться в равной мере прибывающие в привислинские губернии на службу чиновники вне зависимости от их принадлежности к православному или протестантскому вероисповеданию».

Проблема, таким образом, не являлась новой. Государственный совет попытался сформулировать запись, которая охватила бы все категории лиц, которые власти «посчитают особо пригодными для ведения русского дела на западных окраинах» – без результата. В конце концов, было признано, что определение содержания выражения «русское происхождение» должно происходить в административном порядке, т.е. в каждом отдельном случае в порядке единичного решения, что открывало путь к манипуляциям. Существенно было то, что Совет не нашёл оснований, лишаящих Шмидта преимуществ, констатируя, что преимуществами могут быть наделены также протестанты, если они соответствуют остальным обязательным для этого условиям⁶³.

Генерал-губернатор А.К. Имеретинский предложил решить вопрос о происхождении путём консультации генерал-губернатора с соответствующим министром. По мнению же министра Д.С. Сипягина доверия заслуживают лишь те лица, которые с рождения являются русскими подданными православного вероисповедания и не женаты на католичках(!). В свою очередь, С.Ю. Витте выступил против огульного отлучения протестантов от политической принадлежности. Но в административной практике XX в. применялись принципы Д.С. Сипягина⁶⁴. Не без влияния на такое состояние вещей был поворот внешней политики России и нарастание антинемецких настроений по мере приближения мировой войны.

Пикантности факту наделения преимуществами протестантов придаёт факт, что через четыре года после издания нового закона, власти Петербурга лишили прав на них чиновников из Западного края.

⁶² APL. RGL. Sygn. A I 1888:17. K. 126. Циркуляр варшавского генерал-губернатора от 20 октября 1888 г.

⁶³ Ibid. Sygn. A I 1898:7. Копия выписки из протокола Кабинета министров от 7 и 21 октября 1897 г.

⁶⁴ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики... С. 182.

В этом болезненно убедился Р.Я. Яворский⁶⁵, который пожелал выйти из Эмеритальной комиссии Царства Польского и быть вписанным в эмеритальный фонд империи. Ему помешал указ Сената от 22 мая 1890 г.⁶⁶ Этот указ был вынесен после рассмотрения жалобы некоего Домонтовича на решение министра внутренних дел, отказавшего ему в праве на путевое пособие по случаю перевода его на службу из Гродненской губернии. Указ обосновал лишение прав на преимущество в отношении лиц русского происхождения, поступающих на службу в Царство Польское из Западного края и переводимых оттуда чиновников. Что стало причиной такого решения? Неужели православные жители этих мест продолжали считаться «заражёнными латинством»? Или считалось, что нельзя ослаблять российский элемент на этих территориях?

Упомянутое решение Сенат обосновал тем, что согласно ст. 2 закона от 13 июня 1886 г. право на преимущества имеют лишь те, кто прибыл в отдалённые местности из губерний не смежных с ними и таких, которые сами не признаны отдалёнными или льготными. Далее Сенат разъяснил, что даже если некоторые западные губернии с географической точки зрения не граничат с Царством Польским, но поскольку административные регионы – Царство Польское и Западный край граничат между собой, то и все губернии этих двух регионов рассматриваются в качестве смежных.

К этому периоду относятся два других решения, лишаящие чиновников преимуществ: А.Н. Надеждинскому было отказано в прибавке на том основании, что он поступил на службу в Люблин из Витебской губернии, которая, как определено, «хотя и не включена в Киевское или Виленское генерал-губернаторство, но входит в число девяти губерний Западного края»⁶⁷. Другой чиновник не получил прибавки, так как происходил из Могилёвской губернии. Эти две губернии не зря здесь упомянуты, поскольку вошли они в границы империи ещё при первом разделе Речи Посполитой, но, несмотря на это, продолжали считаться нерусифицированными территориями.

К этому делу вернулись по инициативе министра юстиции Н.В. Муравьёва, который подверг сомнению указ от 1890 г. в порядке от января 1895 г., направленном обер-прокурору 1-го департамента Сената. Министр отметил, что: «а) как указывает и Правительствующий Сенат, только некоторые из Западных губерний являются, по географическому их положению, смежными с Привилинскими губерниями; б) в ст. 2 Положения 13 июня 1886 г. упоминается о местностях, признаваемых отдалёнными, а между тем Западные губернии не могут почитаться таковыми». Затем, он признал, что обоснование решения Сената «может дать повод для недоразумений при решении вопросов о правах тех чиновников русского происхождения, служащих в Царстве Польском, которые принадлежат к категории лиц, перечисленных в п. 2 ст. 2 этого же закона» и поэтому рекомендовал обер-прокурору 1-го департамента Сената внести вопрос для обсуждения сенаторами этого департамента.

В этот момент противодействие предприняли министр внутренних дел, министр финансов и государственный контролёр. В результате в 1-м департаменте единогласия достигнуть не удалось, и дело было

⁶⁵ APL. RGL. Sygn. Os. 608.

⁶⁶ Свод узаконений и распоряжений Правительства. 1890. № 107. Поз. 1052.

⁶⁷ APL. RGL. Sygn. Os. 1225.

передано на рассмотрение Общего собрания Сената, где сенаторы также выражали противоречивые мнения. В этой ситуации министр юстиции, поддержанный частью сенаторов, подал предложение, датированное 13 марта 1898 г., о рассмотрении этого вопроса Государственным советом. Стоит привести в этом месте обширное заключение министра: «на основании ст. 43 ... лицам русского происхождения, поступающим на службу в губернии Царства Польского ... предоставляются, с соблюдением правил, изложенных в статье 2 Положения, особые преимущества, означенные в статьях 44–57. Разрешению в настоящем деле подлежит вопрос, какие из лиц русского происхождения, поступающих на службу в губернии Царства Польского из Западных губерний, стеснены в пользовании преимуществами службы в первых из сих губерний в виду сделанного в 43 статье указания на необходимость соблюдения правил 2 статьи Положения?»

В упомянутой ст. 2 были записи, исключающие чиновников, вызванных или переведённых из губерний с ними несмежных и наряду с этим не признанных отдалёнными. В то же время это ограничение не распространялось на чиновников, переводимых на службу по распоряжению министра или главноуправляющего. Поэтому министр приходит к выводу, что «отказ чиновникам в пользовании преимуществами по 44–57 статьям, в виду смежности губернии прежнего жительства или службы их, должен иметь место лишь в случае поступления на службу в губернию Царства, смежную с тою из Западных губерний Империи, из которой переходит данный чиновник». Затем министр представляет принятую до сих пор интерпретацию: «При производстве настоящего дела, между прочим, указывалось, что Положение 1886 года предоставляет служащим русского происхождения во всех десяти губерниях Царства Польского однообразные преимущества, а равно пользуются однообразными же преимуществами служащие этого происхождения и в девяти Западных губерниях, почему Царство и соседний с ним Западный край представляются в отношении служебных преимуществ двумя отдельными районами, смежность коих, а не географическое соприкосновение отдельных губерний Царства и Западного края, следует иметь в виду при применении рассматриваемого правила 2 статьи». Не соглашается с этим и убеждает: «Однообразие служебных преимуществ в губерниях Царства Польского и в губерниях Западных не даёт достаточного основания разуметь под смежностью, о которой упоминает 2 статья Положения 1886 года, смежность двух районов служебных привилегий, тогда как ближайший, буквальный, смысл сопоставленных между собою 43 и 2 статей говорит, как изложено выше, о смежности между собою губерний, а не совокупности таковых. Во всяком случае, если бы смысл закона и допускал двойное по сему предмету толкование, то из сих толкований подлежало бы принятию толкование более тесное, т.е. то, которое ограничивало бы пользование преимуществами службы лишь при переходе из одной губернии в соседнюю, ибо это ограничение является по отношению к общему правилу о преимуществах службы в Царстве Польском лиц русского происхождения изъятием и, как таковое, не подлежит распространительному толкованию. Независимо от сего, указывалось на то обстоятельство, что при понимании смежности, о которой говорится во 2 статье Положения, в смысле географической смежности губернии Царства

Польского, куда поступает чиновник, с губернию Западного края, откуда он поступает, пользование или непользование преимуществами службы зависело бы от совершенно случайного и несущественного условия, – от ничтожной иногда разницы в продолжительности переезда в ту или другую губернию Царства Польского из города Западного края, – наконец, от решимости чиновника на обход закона посредством временного перехода в более отдалённую Западную губернию. Эти соображения, по-видимому, также недостаточно убедительны. Не только по отношению к переходу на службу в губернии Царства Польского, но и в случаях переходов чиновников в различные отдалённые местности Империи, представлялось бы, по-видимому, не вполне согласным со справедливостью ставить приобретение преимуществ службы в зависимости от незначительной иногда разницы в продолжительности переезда в местность служения из уездов соседней или далее лежащей губернии (напр., при переходе на службу в Тобольскую губернию из западных уездов Пермской губернии или из восточных уездов Вятской губернии). Но закон, как это доказывает постановление второй статьи, не придаёт этому соображению руководящего значения... Что касается обхода закона путём перечисления служащего в губернии Западного края чиновника – перед переходом его на службу в соседнюю губернию Царства Польского – временно в другую Западную губернию, то нельзя не заметить, во 1-х, что закон не мог исходить из предположения о возможности переводов чиновников из одной местности в другую помимо соображений пользы или других уважительных причин, и во 2-х, что указанный обход правил второй статьи Положения, также как и неравномерность в служебных правах чиновников, переходящих в Царство Польское из двух ближних между собою местностей, возможен как в том случае, если понятие смежности отнести к губерниям прежнего и нового служения чиновника, так и в том, если отнести его ко всему Царству и всему Западному краю в совокупности: в последнем случае эти ненормальные явления могут иметь место лишь в большом отдалении от границ губерний Царства Польского. Переходя, засим, ко второму из вытекающих из сопоставления 43 и 2 статей Положения 1886 года оснований к лишению лица русского происхождения, поступающего на службу в сих губерниях – принадлежности губернии, из которой вызван или переведён чиновник, к числу признаваемых отдалёнными, он, министр юстиции, находит, что понятие губерний, признаваемых отдалёнными, выясняется совершенно точно из пункта 1 статьи 1 Положения. В виду сего и согласно помещённой в самом тексте 2 статьи ссылке на означенный 1 пункт 1 статьи Положения, не представляется возможным относить вышеозначенное ограничение к чиновникам, вызванным или переведённым из каких-либо других губерний Империи, кроме указанных в 1 пункте 1 статьи Положения (Сибири, Закавказья и т.д.), а следовательно, и из губерний Западных, именно отличаемых 1 статьёю Положения от местностей отдалённых (2 п. 1 ст.). Противное сему заключение, что под «отдалёнными» губерниями о коих говорит 2 статья, следует при разрешении данного вопроса разуметь вообще привилегированные в правах службы губернии, и посему отказать в преимуществах службы в Царстве Польском чиновникам, поступающим из всего Западного края, как местности

привилегированной, – основывалось в настоящем деле на том существенном соображении, что необходимость такого толкования вытекает из самого применения статьи 2 к губерниям Привислинским, которые сами являются, по смыслу Положения, местностью привилегированною, но не отдалённою. К такому воззрению, однако, нельзя присоединиться. Применение правил 2 статьи Положения к поступлению чиновников на службу в губернии Царства Польского вовсе не основано на подведении сих губерний под понятие отдалённых местностей, о коих говорится во 2 статье Положения, но единственно на основании отдельного от 2 статьи закона, статья 43 того же Положения. В силу этого последнего закона, губернии Царства Польского, оставаясь по смыслу Положения губерниями привилегированными неотдалёнными (п. 3 ст. 1 Пол.), должны быть приравнены к отдалённым местностям по предмету пользования или непользования особыми преимуществами службы переходящих туда на службу чиновников. Напротив, так как в законе не существует постановления о приравнивании каких-либо неотдалённых, в качестве местности, откуда переходят чиновники, то подобное приравнение и не должно иметь места... Засим, он, министр юстиции, не усматривает достаточного повода к возбуждению вопроса о толковании указанных статей в чрезвычайном законодательном порядке... Одно из сих ограничений, относительно лиц, вызываемых или переводимых на службу из местностей, признаваемых отдалёнными, коренится в нежелательности отвлечения чиновников, происходящих из внутренних губерний, из одной привилегированной окраины в другую. Это соображение вполне применимо и к переводу русских чиновников из отдалённой местности в губернии Царства Польского. Что касается другого ограничения – для лиц, поступающих из губернии, смежной с отдалённой местностью, – то нет достаточного основания объяснять его исключительно тем соображением, что местности, одаряемые привилегиями, не суть отдалённые (в смысле географическом) для жителей смежных губерний. Напротив, нельзя исключить и того мотива, что при переходе из местностей, пограничных с отдалёнными, перемена в условиях жизни не представляется особенно резкою, и что льготность такого перехода могла бы вызвать недостаток в надлежащем контингенте служащих в смежных губерниях»⁶⁸.

Таким образом, министр признал обоснованным лишение привилегий чиновников русского происхождения только в тех случаях, когда они переходят на службу: 1) из Ковенской или Виленской губернии в Сувалкскую, 2) из Гродненской губернии в Сувалкскую, Ломжинскую или Седлецкую и 3) из Волынской в Седлецкую или Люблинскую. Такую интерпретацию поддержал Государственный совет в своём мнении от 15 декабря 1898 г., а уже 30 декабря министр юстиции предложил Сенату его опубликовать, что Сенат и сделал 22 января 1899 г.⁶⁹

⁶⁸ ПСЗ. 3-е собрание. Т. 19. Ч. 1. № 16217а. 15 декабря 1898 г. Высочайше утверждённое мнение соединённых департаментов гражданских и духовных дел, законов и государственной экономики Государственного Совета, по вопросу о преимуществах службы в губерниях Царства Польского должностных лиц, вызванных или переведённых в сии губернии из губерний Западных; Свод узаконений и распоряжений Правительства. 1899, 18 марта. Ст. 412.

На этом основании было отказано в прибавке В.А. Лисовскому, поскольку он происходил из смежной Волынской губернии. См.: APL. RGL. Sygn. Os. 1003.

⁶⁹ APL. RGL. Sygn. A I 1912:68.

Пертурбации, связанные с привилегиями чиновников русского происхождения, иллюстрирует случай А.И. Акаловского, который перешёл на службу в Царство Польское из Подольской губернии. После выслуги 5 лет он подал прошение о начислении ему прибавки в 1892 г., но его просьба долго оставалась без ответа, лишь через несколько лет генерал-губернатор объяснил, что получил из МВД информацию о том, что права на привилегии чиновников из присоединённых земель рассматриваются Сенатом⁷⁰. О положительном решении канцелярия генерал-губернатора известила в 1899 г., поощряя чиновников подавать прошения на прибавки к жалованию и пособия на образование детей, или же только дополнения сведений о семейном положении⁷¹. И в самом деле, А.И. Акаловскому в 1901 г. была назначена прибавка, однако её величина была начислена из суммы, которую он получал на момент выслуги 5 лет в Царстве Польском, т.е. 600 р, а не как предписывала ст. 47 положения, из той, которую получал на день назначения прибавки – 1500 р. Разница была принципиальная (225 р и 90 р)⁷². Это привело к тянувшемуся полгода обмену мнениями между Люблинским губернатором и МВД. Министерство ссылалось на указ Сената от 20 сентября 1902 г., который признал такое звучание ст. 47 «редакционной неточностью»(!). Кроме того, исходя из общих основ права (?), и в соответствии с намерением законодателя этот фрагмент следует понимать как обещание начисления первой прибавки из суммы, получаемой на день выслуги. Этот курьёзный пример представляет, пожалуй, квинтэссенцию русского понимания «государственного права». Более того, упомянутый указ Сената, во-первых, касался чиновников иного ведомства, а во-вторых, не был оглашён в предусмотренном законом порядке. В этом случае находчивость проявило МВД, утверждая, что, так или иначе, это – комментарий закона, изданный высшим органом, и должен быть принимаем во внимание. Именно это МВД и сделало, и установило практику расчёта первых прибавок из величины денежного содержания на день выслуги 5 лет⁷³. Несмотря на это, губернатор не сдался и утверждал, что если МВД приняло такую практику на основе указа от 1902 г., то в таком случае, А.И. Акаловский, который не только прибавку выслужил, но и она ему была начислена до 1902 г. (в 1901 г.), должен был бы получить большую сумму, тем более, что в подобной ситуации В.И. Скабаллонович⁷⁴ и П.Г. Смоленский, не только выслужили пятилетие в то же время, что и А.И. Акаловский, но и получили прибавки, рассчитанные из жалования, получаемого на день начисления прибавки. Далее губернатор аргументировал, что дата начисления прибавки не может определять её величины⁷⁵. Однако МВД нашло контраргументы и на это. На этот раз оно утверждало, что закон, конечно, нерушим, но законом в этой ситуации является положение 1886 г., а не указ Сената, который лишь толковал действительный смысл закона. Поэтому все

⁷⁰ APL. RGL. Sygn. Os. 6. Варшавский генерал-губернатор люблинскому губернатору 28 января 1896 г.

⁷¹ Ibid. Канцелярия варшавского генерал-губернатора люблинскому губернатору 6 октября 1889 г.

⁷² Ibid. Люблинский губернатор в МВД 30 января 1904 г.

⁷³ Ibid. МВД люблинскому губернатору 10 марта 1904 г.

⁷⁴ В.И. Скабаллонович протестовал против начисления ему прибавки на основе платы получаемой ко времени выслуги, а не на момент признания прибавки в рапорте от 19 сентября 1897 г. См.: APL. RGL. Sygn. Os. 1612.

⁷⁵ Ibid. Sygn. Os. 6. Люблинский губернатор министру внутренних дел 21 апреля 1904 г.

случаи начисления прибавки из жалования на день начисления, следует считать незаконными. Наверняка, угроза возврата «незаконно» выплаченных прибавок, прозвучавшая между строк, лишила губернатора желания продолжить дискуссию⁷⁶.

Русские чиновники и их семьи, если не по-родственному и по-дружески, то по имущественному и общественному положению встали в сообщество Царства Польского. Приобретали здесь имения, записывались в дворянские родословные книги и получали права граждан здешних городов⁷⁷. Всё большая масса русских нарекалась «уроженцами Царства Польского», что было поводом для удовлетворения властей и главной перспективной целью русификации администрации. Однако эти люди оказались в положении худшем, чем сюда прибывшие. Кроме сыновей колонистов, не следует забывать о русифицированных коренных жителях Царства Польского. Одному из них, Ф.И. Ющуку (бывшему униату), который считал себя чиновником русского происхождения, было отказано в прибавке, так как он был уроженцем Царства Польского, не служившим в империи⁷⁸. Таким образом, модельная русификация таких лиц должна была протекать в два этапа – сначала в Царстве Польском, а потом в империи.

Во времена правления враждебно настроенного по отношению к польской культуре генерал-губернатора И.В. Гурко и по его инициативе это положение местных «русских» разрешилось. Дело в том, что закон напрямую не предусматривал наделения привилегиями этих уроженцев. Это спровоцировало реакцию властей, подтверждающую наше предположение, что дело было не столько в привлечении чиновников, сколько в осуществлении колонизации. Имеется в виду кампания И.В. Гурко, убеждавшего в необходимости наделения привилегиями русских уроженцев привислинских губерний, которая привела к исключению Государственным советом в 1886 г. из новой части закона, касающегося Царства Польского, ст. 3 положения от 1867 г. С тех пор единственным условием получения ими привилегий был переход на службу в Царстве Польском из отдалённой губернии⁷⁹. Такая идея пришла в голову многим местным православным⁸⁰. Подобный выход из положения критиковался русской прессой Царства Польского, которая сообщала, что воспользовались им «только самые ловкие чиновники, выезжающие в Россию на короткий срок, чтобы тут же вернуться»⁸¹. Те же, кто не хотел, или не знал о такой возможности, поддержки от властей не получали, как к примеру, А.Т. Логинов, православный, сын земского стражника. В 1915 г. Сенат отказал ему в пособии на обучение детей, поскольку он не происходил из империи, как его отец, а родился уже в Царстве Польском, в Седлецкой губернии⁸².

Это не было единственной инициативой И.В. Гурко. В конце 1880-х гг. он намеревался избавиться от всех поляков в администрации

⁷⁶ APL. RGL. Sygn. Os. 6. МВД люблинскому губернатору 4 июня 1904 г.

⁷⁷ Например, Н.И. Егоров, сын крестьянина из-под Смоленска стал люблинским мещанином. См.: APL. RGL. Sygn. Os. 615.

⁷⁸ Ibid. Sygn. Os. 653.

⁷⁹ ПСЗ. 3-е собрание. Т. 19. № 16217а.

⁸⁰ *Chwała A. Polacy w służbie Moskali...* S. 105.

⁸¹ *Chimniak Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim. 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowe.* Wrocław, 1999. S. 69.

⁸² APL. RGL. Sygn. Os. 1048. Приговор Сената от 13 мая 1915 г.

Люблинской, Седлецкой и Сувалкской губерний, на что получил согласие МВД⁸³. Шаги, предпринимаемые этим сановником, явно указывают на то, что он предполагал завершить русификацию личного состава администрации Царства Польского при участии местных православных (униатов, силой обращённых в православие в 1875 г.), которые населяли именно эти территории. В эту программу вписывается также расширение сети элементарных школ на этих территориях, инициированное А.Л. Апухтиным.

Конечно, финансовые мотивы к службе в Царстве Польском (в 1910 г. были введены прибавки к прибавкам⁸⁴), вызвали наплыв русских, так что эффект колонизации в некоторой степени был достигнут уже самим фактом их жительства в Царстве Польском вместе с семьями, но их русификаторский запал был, во многих случаях, ничемным, а профессиональная ценность – ещё ниже. Стоит процитировать, приведённые Л.Е. Горизонтовым слова, высказанные А.К. Имеретинским в 1897 г.: «Наличный состав здешних административных русских чиновников оставляет желать много лучшего в отношении образовательного уровня, нравственных качеств, служебного такта и добросовестного исполнения служебных обязанностей... Уже при самом поступлении своём на службу в Царстве Польском полуобразованный, недалёкий умом и плохо воспитанный русский чиновник, по натуре своей добродушный, ленивый, простой, приносит с собою целый арсенал предвзятых идей... Сюда приезжают служить те русские люди, которым по невысокому их умственному и нравственному уровню нет места в остальных частях России»⁸⁵.

В 1905 г Совет министров также критиковал систему привилегий: «Привилегированные чиновники пассивно, апатично и поверхностно относящиеся к своим служебным обязанностям, получают жалование, значительно превышающее жалование своих добросовестных коллег в центральных губерниях империи»⁸⁶.

Конечно, были и чиновники с миссионерским чувством – один из чиновников, служащих в Люблинской губернии, таким образом аргументировал собственные резоны для службы в Царстве Польском: «а равным образом не безызвестны и те требования, которые предъявляются правительством к чиновникам русского происхождения, служащим на западной окраине нашего отечества»⁸⁷, однако в большинстве случаев идеологические мотивы кандидатов заменяла финансовая мотивация.

⁸³ *Wiech S. Społeczeństwo Królestwa Polskiego...* S. 254.

⁸⁴ *Chwałba A. Polacy w służbie Moskali...* S. 105.

⁸⁵ *Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики...* С. 180.

⁸⁶ *Chwałba A. Polacy w służbie Moskali...* S. 103; *Jaśkiewicz L. Carat i kwestia polska na początku XX wieku // Przegląd Historyczny.* 1995. T. 86. S. 37.

⁸⁷ APL. RGL. Sygn. Os. 1773.

В.С. СУЛИМОВ
г. Тобольск

ПРОШЕНИЯ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ОТ ССЫЛЬНЫХ ПОЛЯКОВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1868 г.

Узнав о проезде через Тобольскую губернию летом 1868 г. великого князя Владимира Александровича, польские переселенцы, в том числе и участники восстания 1863–1864 гг., решили воспользоваться этой редкой возможностью и написали прошения на имя представителя царской фамилии с просьбой вернуть их на родину.

Переселенец Илья Тарасович Ефимович вины своей перед государством не чувствовал, к бунтовщикам никакого отношения не имел. Он считал, что попал в Сибирь с семьёй несправедливо, по навету. Происходил И.Т. Ефимович из крестьян д. Быстрой Рогатской волости Брестского уезда Гродненской губернии, являлся временнообязанным господином Бобровницкого. В 1861 г. он был избран обществом в кандидаты старшины д. Костюковой вместо Петра Езефовича, заболевшего от причинения ему тяжких побоев крестьянами д. Себякиной. П. Езефович был близок к смерти, и его обязанности возлагались на И.Т. Ефимовича.

В это время из столицы возвратился временнообязанный господин Буховецкий крестьянин Степан Чижевский и рассказал землякам следующее. Якобы при подаче прошения лично царю, он слышал из уст его слова по поводу родной и подобных волостей об освобождении их на шесть лет, согласно Манифесту 19 февраля 1861 г., от уплаты податей и выделения одного рекрута. Исходя из этого, крестьяне д. Себякиной, где проживал «сам разглашатель» С. Чижевский, в 1863 г. не стали давать рекрута от своего общества и не хотели платить подати¹.

И.Т. Ефимовичу с трудом удалось взыскать подати, а рекрут был взят силой. «Ожесточённые исполнением обязанностей» селяне во главе с Аргасимовичем отбили рекрута, посадив старшину под арест в особую избу, угрожая наказанием и лишением жизни². Опасаясь расправы, И.Т. Ефимович бежал. После доклада начальству за рекрутом были отправлены земские чиновники и солдаты 4-й роты пехотного полка.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 4. Д. 473. Л. 9.

² Там же. Л. 9об.

С тех пор крестьяне д. Себякиной затаили злобу на старшину и ждали удобного случая отомстить. Случай скоро представился. Через три месяца Аргасимович был найден в поле повешенным. За полгода прошло два следствия. В ходе расследования крестьяне сообщили военно-полевой комиссии, что во время конфликта селян с И.Т. Ефимовичем по поводу рекрута старшина якобы сказал погибшему, что тот долго не проживёт и от царя больше милости не будет. При обыске у старшины компромата найдено не было. Ранее суду и штрафам он не подвергался. Комиссия поверила бунтовщикам и определила: оставить И.Т. Ефимовича в подозрении и сослать его в Сибирь³. После чего старшина просидел в тюрьме восемнадцать месяцев. У него отобрали дом, скот, имущество, участок пахотной земли, кушанный за 450 р серебром.

22 марта 1865 г. по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа за политическую неблагонадёжность И.Т. Ефимович был сослан в Сибирь с семьёй для водворения на казённых землях. Движимое его имущество было продано с торгов, и вырученные деньги в размере 43 р 20 к. внесены в уездное казначейство для восполнения затрат казны на переселение крестьянина. Недвижимое имущество на основании общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, поступило в собственность общества, оклеветавшего его. Таким образом, И.Т. Ефимович не получил никакой компенсации.

В 1865 г. И.Т. Ефимович в возрасте 44 лет был водворён в д. Чередову Аевской волости Тарского округа Тобольской губернии. Вместе с ним проживали его жена Зиновья, 45 лет, сыновья Кирилл и Терентий – 14 и 11 лет, дочери Анна и Улита – 16 и 5 лет. Глава семьи получил 55 р на домообзаведение. 22 марта 1867 г. он был перечислен в Нижнеколосовскую волость Тарского округа.

Летом 1868 г. И.Т. Ефимович написал прошение на имя великого князя Владимира Александровича с просьбой вернуть его на родину или вернуть деньги за потерянное имущество. «Великий князь, воззри милостивейшим твоим оком на бедственное положение безвинно лишённого родины и всего благоприобретённого имущества, и земли, и на оную документов, верно тебе подданного, повели дело моё обревизовать и даровать великую твою милость... Слово твоё... будет для меня исполнением, за что я с стенающими сиротами здесь, и в будущей жизни, неуспешно буду о здравии твоём и долголетьи твоём приносить Господу благодарственные молитвы и Великое имя твоё славить до гроба», – со слезами умолял И.Т. Ефимович⁴. Прошение не было удовлетворено, так как повеление царя от 17 мая 1867 г. о дозволении ссыльным полякам вернуться на родину не касалось лиц простого звания. В 1874 г. И.Т. Ефимович повторно подал прошение и снова получил отказ⁵. Система не допускала отступлений от нормативного акта.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 4. Д. 473. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 10–10об.

⁵ Сулимов В. С. Польские ссыльные в Тобольской губернии (1801–1881): Биографический словарь. Тобольск, 2007. С. 30–31.

По тем же причинам получили отказ следующие крестьяне, подавшие прошение и проживавшие в Тарском округе: Михаил Анселевич (Андзелевич), водворённый в с. Колосовское Нижнеколосовской волости⁶; Онуфрий Лукашевич Высоцкий, проживающий с сыном Францем в Такмыцкой волости, в 1875 г. он повторил попытку⁷. Иван Гаевский, Осип Путри, Осип Скачкиевич были водворены в Такмыцкую волость⁸.

Якову Ивановичу Родзишевскому в 1868 г. было 72 года, происходил он из крестьян Белостокского уезда Гродненской губернии. В 1864 г. за неповиновение своему бывшему помещику в соответствии с Манифестом об освобождении крестьян был сослан в Сибирь. В мятеже против помещика Красинского не участвовал. В феврале 1874 г. повторно просил начальника Тобольской губернии вернуть его на родину. Проживал в Нижнеколосовской волости с женой, которая была младше его на год. В прошении было отказано⁹.

Дементий Туронис, 55 лет, увечный, из крестьян Виленской губернии, был водворён в д. Иткуль Нижнеколосовской волости. По его словам, находился в отряде мятежников в апреле 1863 г. только пять часов. Затем отряд был разбит войсками. Испугавшись, он шёл по дороге и был арестован. Д. Туронис был отдан под суд в Гродненской губернии. Выслан в арестантские роты Рязанской губернии на три года, затем в Тобольскую губернию. В повторном прошении просил выслать в Сибирь жену и детей. Власти Виленской губернии в начале апреля 1869 г. ответили на запрос из Тобольска о семье крестьянина, указав, что жена переселенца Фелиция и его сыновья Иосиф, Иван и Семён написали заявление, выразив «совершенное нежелание их отправляться из здешнего края» к отцу «по причине испытанной уже ими дурной с ним жизни на родине»¹⁰.

Прошения ссыльных поляков рассматривались в период правления двух губернаторов, П.В. Чебыкина, а затем А.С. Соллогуба, и лиц, их замещающих. Следует отметить, что особых различий в реакции чиновников на прошения крестьян-переселенцев не наблюдалось. Не считал себя вправе ходатайствовать перед вышестоящими инстанциями о возвращении на родину переселенцев и генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хруцов в связи с нераспространением на «простолюдинов» уже упоминавшегося Высочайшего повеления от 17 мая 1867 г.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф.152. Оп. 4. Д. 473. Л. 1, 4.

⁷ Там же. Л. 4, 20.

⁸ Там же. Л. 1, 4.

⁹ Там же. Л. 4, 12, 21.

¹⁰ Там же. Л. 16об.

И.Ю. МАРТИАНОВА
г. Краснодар

ВОСПОМИНАНИЯ ПОЛЯКА О СТАРООБРЯДЦАХ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Память, сберегая в себе осколки стремительно уходящего в прошлое бытия, имеет своё материальное воплощение – мемуары, воспоминания, автобиографии. Это не протокольное фиксирование событий, а памятник человеческому пониманию и восприятию запавших в душу событий и явлений. Такие свидетельства прошлого позволяют нам понять людей другой эпохи и представить их образ мыслей, их восприятие событий, которые мы, ныне живущие, оцениваем совсем иначе.

Старообрядчество было частью российской действительности XIX в., что нашло своё воплощение в мемуарной литературе. В данной статье мы попытаемся описать впечатления поляка о старообрядчестве как одной из сторон жизни русского народа в середине – второй половине XIX в.

Поляки, ставшие подданными Российской империи в результате трёх разделов Речи Посполитой XVIII в., были одним из самых многочисленных народов, подвластных империи. На протяжении XIX в. они неоднократно пытались восстановить свою государственность, поднимали восстания, не увенчавшиеся успехом, но давшие повод к преследованиям и притеснениям со стороны правительства и губернского чиновничества. Особенно жёстко и последовательно власти преследовали польскую шляхту, небезосновательно считавшуюся в правительственных кругах источником и главной движущей силой политических беспорядков на бывших территориях Речи Посполитой.

Одной из превентивных мер, практикуемых российскими властями в отношении польской шляхты, был запрет на службу в губерниях Западного края. Поэтому желавшие служить занимали должности во внутренних губерниях, знакомясь с различными явлениями жизни русского народа, о которых прежде могли и не знать.

Один из офицеров, поляк по происхождению, служил в Муроме, где стоял его полк, а позднее в Царицыне (1879–1889 гг.). Там он стал директором тюремного комитета и оставил анонимные воспоминания, опубликованные в «Русской старине» в 1906 г.¹

¹ Автором воспоминаний был польский дворянин Октавий Бронислав Еленский герба Врембы (или Корчак изменённый).

В этом труде есть несколько сюжетов, посвящённых старообрядцам, с которыми автор сталкивался в период своей службы во Владимирской губернии и в Царицыне.

Автор воспоминаний родился в 1838 г. в г. Борисов Минской губернии, где у его отца был дом. В возрасте пяти лет он пережил арест родителей. Как позднее выяснил мемуарист, поводом стал ложный донос местного городничего. Польская семья неоднократно давала приют его жене, которую он жестоко «тиранил» и гнал в ночную пору из дому, чем навлекла на себя ненависть мстительного чиновника. Это «было время, когда не только городничий, всесильный в то время представитель власти, но и самый маленький чиновник мог погубить человека»².

Мимо дома, где остался осиротевший будущий автор мемуаров с младшими братьями и сёстрами, каждый день проезжали повозки с арестованными шляхтичами. Взрослые объясняли, что «это москали везут поляков в Сибирь»³.

Мать, однако, вскоре вернулась. Отец вернулся через пять месяцев, сумев как «хороший юрист» доказать свою невиновность в возводимых на него обвинениях. Пережитое потрясло мемуариста. Как он признавался, «естественно, что в мою душу рано начало закрадываться нерасположение и страх ко всему русскому»⁴. В более поздние годы, воспринимая события своего детства как часть образовательно-воспитательной программы властей в отношении подрастающего поколения, он писал, что «воспитание польского юношества с детства как будто нарочно и систематически направлялось к тому, чтобы озлобить и создать из подрастающего поколения польского молодёжи непримиримого врага России... Гонения на язык, на веру, обращение посредством кнута и ссылок массы народа в православие – ведь это не забудется никогда»⁵. Действительно, не забылось. Отсюда и резко критический тон, которым проникнуты воспоминания польского дворянина в описании событий середины XIX в.

В возрасте десяти лет родители отдали его в Брестский кадетский корпус, чтобы избавить его, старшего сына, от обязательной службы в армии рядовым, как предписывалось польским дворянам николаевскими конскрипциями. В корпусе учились дети дворян разных национальностей и вероисповеданий под руководством преподавателей «прекрасных, гуманных и образованных»⁶. Педагоги, несмотря на сложные межнациональные отношения в регионе, в стенах данного учреждения сумели погасить конфликтные настроения, вынесенные и русскими, и польскими учениками из своих семей. Мемуарист писал: «Между нами воцарились мир и уважение к национальным и религиозным убеждениям»⁷. У самого автора воспоминаний к концу обучения «инстинктивный страх и злоба ко всему русскому уступили место твёрдому желанию поближе и обстоятельнее познакомиться

² Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. Т. 127. С. 672.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 674.

⁷ Там же.

с русской жизнью, с русской историей и литературой»⁸. Желая достигнуть поставленной перед собой цели, т.е. из личного опыта получить достоверные знания о русском народе, он сам напросился на службу в полк, который стоял в центральной России. Его просьба была удовлетворена.

В 1859 г. двадцатилетний поляк явился в назначенное место службы во Владимирскую губернию, где на «широких квартирах» в Муромском и Меленковском уездах стоял его полк со штабом в Муроме. В этот момент юноша был уверен, что «во всех несчастях польского народа ни русское образованное общество, ни даже русский народ никакой активной и сознательной роли не принимали. Они были в полном неведении того, из-за чего существует вражда, кто прав, кто виноват». Истории этих отношений они «не знали и знать не интересовались (так в источнике. – И.М.). И общество, и народ в польско-русских отношениях ограничились лишь тем, что повторяли с чужих голосов сказки, что поляки бунтовщики и поджигатели, но в то же время не только злобы, но даже особой неприязни к полякам не имели»⁹.

Первый контакт с народом, к которому уже успели сложиться дружеские чувства, и наблюдения над его жизнью должны были утвердить этого пытливого человека в его мнении или разубедить. Волею судьбы и полкового начальства будущий автор воспоминаний был направлен для прохождения службы в роту, расквартированную в с. Бутылицы Меленковского уезда. Большинство крестьян этого села были старообрядцами. Первые впечатления глубоко поразили поляка, что было «и не удивительно, если принять в соображение замкнутую жизнь в корпусе»¹⁰. Всё было не так, как ему представлялось. «И люди, и обстановка их жизни совсем не подходили к тому, что я видел до сего времени. Всё это было для меня ново и совсем незнакомо. Даже язык населения был как будто не тот, каким меня учили говорить в корпусе»¹¹.

Религия местного населения также оказалась не та: «Здесь, в Бутылицах, я впервые узнал о старообрядцах, а между тем в корпусе нам твердили, что русский народ весь исповедует православие» и что «истинно русский человек должен быть непременно православный»¹², не упоминая о существовании раскольников. Это открытие ещё больше утвердило его в намерении «употребить всё своё умение, все свои молодые силы на то, чтобы ознакомиться с русской жизнью, во всех ее общественных слоях, дать себе добросовестные ответы»¹³.

Не только чистый познавательный интерес к русской действительности заставлял поляка преследовать данную цель. Этого требовало и его уязвленное национальное чувство. Знания о подробностях русской жизни были нужны ему для того, чтобы ответить, по признанию мемуариста, «на те обвинения, которые беспокоили мою совесть и мучили моё самолюбие»¹⁴. Например, ему

⁸ Мысли и воспоминания поляка... С. 674.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 676.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 677, 694.

¹³ Там же. С. 679.

¹⁴ Там же.

приходилось слушать, что «польские паны жестоко притесняли своих православных хлопов и униатов, тогда как его уверяли, что в России полная свобода совести»¹⁵. В Бутылищах он не только узнал о существовании старообрядцев, но и «о гонениях на сектантов»¹⁶, узнал, что «со старообрядцами не церемонились. Их преследовали едва ли не хуже, чем униатов, преследовали без отдыха и без всякой жалости»¹⁷. В своих воспоминаниях о молодости автор приводит немало примеров отношения к старообрядцам, которым он был свидетелем.

На первых порах своей службы примеров притеснения старообрядцев в с. Бутылицы мемуарист не наблюдал. Достигалось это, по его сведениям, следующим путём: «за известную мзду с души приходскому священнику и консистории старообрядцы числились по спискам все православными и аттестовались примерными исполнителями обрядов православной церкви»¹⁸. Местный батюшка был не склонен лишаться своих доходов, так как со своей паствы таких средств он получить не мог. Его церковь «даже в большие праздники пустовала». Как вспоминал автор, «выкуп этот, говоря по совести, не был особенно велик, но для деревенского священника, обременённого семьёй, такая помощь была чуть ли не кладом. На одних православных прихожан надежда была очень плохая, своё духовенство они обеспечивали крайне скупо»¹⁹. И в то же время, по свидетельству мемуариста, было немало приходов, где население платило духовенству официальной церкви, чтобы оно «не притесняло исповедующих "старую веру", не заставляло их ходить в церковь, крестить детей, венчаться, говеть и хоронить по православному обряду»²⁰. Откупиться деньгами старообрядцам удавалось далеко не всегда. В тех же Бутылищах автор мемуаров был знаком со Спиридоном Пафнутьевым, «главным начётчиком» местных старообрядцев. Это был «очень умный старик, все его уважали и слушали»²¹. От него мемуарист узнал, что «гонения особенно усилились с конца царствования императора Александра I. В начале своего царствования император обнаружил полную веротерпимость. Он говорил духоборам: "я ваш заступник". В последние же годы его царствования, когда вошёл в силу Фотий, начались гонения. Против всех, кто хотел верить по-своему. Этот ограниченный фанатик, сын деревенского дьячка, властно вошёл во дворец и подчинил себе волю умнейшего и образованнейшего человека своего времени. Пользуясь набожностью царя, он отуманил его, заговорил о соблазнах, об искушениях, заставлял кланяться себе в ноги: "не человеку, но Богу в лице человека"»²².

В конце пребывания мемуариста в старообрядческом селе «подоносу местного исправника консистории» С. Пафнутьев «был сначала заключён в тюрьму в г. Меленках, а потом сослан в какой-то монастырь, где вскоре умер»²³. Самого мемуариста старообрядцы принимали хорошо,

¹⁵ Мысли и воспоминания поляка... С. 677.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 683.

¹⁸ Там же. С. 676.

¹⁹ Там же. С. 682.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 677.

²² Там же.

²³ Там же.

несмотря на его национальность и веру, поэтому «воспоминания о проведённой... жизни среди русских крестьян, несмотря на грустные и то-скливые картины прошлого, на грубость нравов, на жестокость и произвол всяких властей, тем не менее и до сих пор остались отрадные»²⁴. На склоне лет поляк вспоминал «жестокие, свирепые владимирские морозы и визгливые метели; время от времени пролетит лихая помещица-тройка... Мрачно рисуются растрёпанная масса крыш из почерневшей гнилой соломы, развалившиеся закоптелые избы с маленькими окнами и безобразно заваленные серым прелым навозом. В одной из таких изб я имел своё местожительство. Кругом вижу людей загнанных, забитых, кротких, терпеливо выносящих обиды и надругательства»²⁵.

Ок. 1863 г. автора мемуаров перевели по службе в тюремное ведомство в Москву. Новым местом службы стала Преображенская тюрьма, где он снова столкнулся со старообрядцами. Через эту тюрьму прошли «тысячи человек», арестованных «"за веру" (так обыкновенно отвечали староверы, когда их спрашивали, за что они заключены)»²⁶. Желая предупредить недоверие в потенциальных читателях своих воспоминаний, автор пишет: «Я не преувеличиваю. Мне это известно было хорошо, так как мне неоднократно приходилось занимать караулы в этой тюрьме и в качестве начальника караула производить арестованным переключку»²⁷. Сочувствуя заключённым старообрядцам, он писал, что «и администрация, и духовенство пользовались при каждом удобном случае несчастным положением сектантов; и те, и другие наживались»²⁸. Заметив его сострадание к этому разряду узников, «смотритель одной из тюрем, где также содержались староверы» и где иногда происходили дежурства мемуариста, сделал ему «однажды предложение не препятствовать пропуску в камеры тюрьмы для совершения треб и молений старообрядческого архиерея, за что предлагал... в виде подарка золотые часы»²⁹. С детства зная всю тяжесть несправедливого преследования и движимый чувством сострадания к заключённым, анонимный автор воспоминаний отказался от подарка, «но своё согласие на пропуск дал, не находя по совести в своём поступке ничего предосудительного, и если бы я за это, – писал он, – отвечал перед законом, то перед Богом не только бы не ответил, но Он, я верю, зачислил бы мне это в заслугу»³⁰. Чем больше автор мемуарного источника знакомился со старообрядчеством, тем больше убеждался, что «хвалёная веротерпимость православного духовенства окажется прямо-таки мифом»³¹. Он писал, что между тем как «во всём образованном мире свобода совести признана основным законом гражданственности, повсюду у нас, в России, на миссионерских съездах даже в последнее время лучшие представители православного духовенства рекомендовали отнимать детей у их родителей-раскольников, если они не воспитывают их в вере православной и случаи отбирания детей были неоднократно»³².

²⁴ Мысли и воспоминания поляка... С. 697.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 683.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 694.

³² Там же.

В 1879 г. автор воспоминаний был избран, по его словам, директором царичинской тюрьмы в Саратовской губернии³³. Здесь он наблюдал, как «сотнями проходили через эту тюрьму сектанты, высылаемые на Кавказ по доносам священников»³⁴. Воспоминания об увиденном заставляли его задать вопрос: «Где же тут веротерпимость?»

Большое впечатление произвела на мемуариста судьба одного заключённого, с которым он близко познакомился. Это был настоящий разбойник, совершивший 19 убийств. К нему в камеру входили всегда без оружия, но под усиленной охраной, так как однажды он убил вошедшего к нему солдата его же оружием и бежал. Фамилия его была Ланцов. Он происходил из крепостной старообрядческой семьи с. Самлыки Тамбовской губернии, владельцем которой был князь Юрий Александрович Голицын.

Ланцов был грамотным, в юности «малый смиренный и работающий»³⁵. Он помогал отцу сопровождать гурты по скотопрогонным трактам на ярмарки. Семья была весьма зажиточной. Когда ему исполнился 21 год, управляющий именем «без всякого основания сдал Ланцова в солдаты, несмотря на то, что отец давал за него значительный выкуп»³⁶. Это его озлобило, но не подвигло на какие-либо действия.

Служить ему досталось в полку, стоявшем в Царстве Польском. Здесь Ланцов случайно узнал, что этот управляющий «пристроил себе в любовницы его красавицу-сестру»³⁷. Он бежал из полка, задумав месть. Через месяц он достиг своего родного дома и, не заходя в него, явился в барский дом, убил управляющего и сестру, «найдя их в одной постели...»³⁸. Ланцов стал разбойничать, совершая преступление за преступлением. Когда его поймали, то приговорили прогнать сквозь строй четыре раза.

Он неоднократно убежал из тюрем и с этапов, но его снова ловили. Однажды Ланцова приговорили прогнать сквозь строй в 4 тыс. чел., но он остался жив и на момент знакомства с мемуаристом опять сидел в тюрьме и ждал аналогичного наказания. Ланцов уверял офицера-поляка, что его «душа... черна, но их ещё чернее...»³⁹.

Автор воспоминаний воспринимал Ланцова романтически, как «в своём роде Ринальдо-Ринальдини», для мемуариста он был «личность эпическая, воспетая в народных песнях»⁴⁰. В то же время Ланцов представлялся ему «в виде чудовища, которое преследует людей от колыбели до могилы и от которого некуда схорониться»⁴¹. В какой-то степени мемуарист, протиповоставлял таких, как Ланцов, «кротким страдальцам», но при этом и сочувствовал подобным ему бунтарям, считая, что до такой жизни их довела несправедливая политика правительств⁴².

³³ Мысли и воспоминания поляка... С. 675.

³⁴ Там же. С. 694.

³⁵ Там же. С. 695.

³⁶ Там же. С. 696.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 695, 696.

⁴⁰ Там же. С. 695.

⁴¹ Там же. С. 696.

⁴² Там же. С. 695.

В течение всей жизни, знакомясь со всеми реалиями действительности России середины – второй половины XIX в., польский мемуарист пришёл к выводу, что связывать русских только с православием – взгляд устаревший, ведь «неразрывности связи между русскою народностью и православием не существует уже в народном сознании»⁴³. Доказательством тому он считал наличие широко распространённого старообрядчества, несмотря на гонения и правовые ограничения раскольников. «Никакой закон, никакие кары не заставят меня... верить так, как я верить не хочу»⁴⁴. Мемуарист считал в конце царствования Александра II, что «признание свободы совести законодательством стоит на очереди»⁴⁵.

Сравнивая жизнь польского и русского народа, старый поляк признал, что бедствия в равной степени терпят и тот, и другой. В отношении русских он писал: «Воспоминания о том, что я видел, приводили меня в ужас. Нет того горя, нет тех страданий, нет такого беззакония, которые не преследовали русский народ благодаря ужасным условиям крепостной жизни... Общее впечатление всего того, что я видел, было такое, что казалось, что на всей земле русской не было угла, где не слышно было бы стонов и не видно было бы слёз. Дети – и те никогда не веселились»⁴⁶. Мемуарист расценивал отношение к людям в России как «вечное издевательство над человеком» со стороны властей предрержащих.

В отношении межнациональной распри между русскими и поляками он писал, что «мы, поляки, о русской общественной жизни имеем самое плохое представление. Причин этому было много... Но это грех не одних поляков. Повинны в нём и русские!»⁴⁷ Многолетние пребывание и служба среди русских, знакомство с различными обстоятельствами их жизни, в том числе и со старообрядчеством, заставило польского дворянина, подытоживая свои воспоминания, указать на национальную вражду как на порок и «нет на свете порока слепее и опаснее этой вражды, и нет предрассудков глупее тех, которые на ней держатся»⁴⁸.

Как видим, старообрядчество, широко бытовавшее в среде русского народа, было малоизвестным для поляков, ставших подданными Российской империи. «Открытие» старообрядчества произвело крупные изменения в сознании автора мемуаров и заставило осознать общность несчастья, переживаемого обоими народами. По всей видимости, он был не единственным поляком, кому открывалось истинное положение русского народа, что создавало дополнительные мировоззренческие предпосылки для борьбы с существующим строем.

⁴³ Мысли и воспоминания поляка... С. 694.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 714.

⁴⁸ Там же.

Р.А. ЦИУНЧУК
г. Казань

ПОЛЬСКАЯ ДИАСПОРА КАЗАНИ: ЗАРОЖДЕНИЕ И МЕСТО В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДА В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Древняя Казань занимает особое место в российской и евразийской истории. Тут фактически встречаются Европа и Азия, здесь граничат природно-культурные ландшафты, тут соседствуют различные народы и языки, толерантно сосуществуют ислам и христианство. Уникальный цивилизационный облик Казани способствовал тому, что она стала местом встречи разных культур. Через развивавшееся взаимодействие тюрко-татарской и российской культур в Казани усиливался диалог западной и восточной цивилизаций. Немалую социокультурную роль в развитии города и обширного Волго-Уральского региона сыграли поляки.

В XVIII – начале XIX в. в связи с расширением границ Российской империи и включением в её состав земель Речи Посполитой и Прибалтики в Казани появляется всё большее число поляков. Польская диаспора Казани по численности делила третье и четвертое место с немецкой. Если основную часть поляков вплоть до середины XIX в. составляли ссыльные участники освободительных восстаний и движений, то в последующем они чаще были представлены чиновниками, офицерами и солдатами, а также врачами, педагогами, ремесленниками. Многие из побывавших в Казани вспоминали о ней в мемуарах. Те же, кто надолго задержался в городе делали немало для его развития и знакомства жителей с культурными традициями европейских стран.

Первый этап формирования польской диаспоры в Казани начался ещё в середине XVII в., когда здесь появились первые поляки-пленные, взятые царём Алексеем Михайловичем при штурме Витебска и захваченные казаками на Украине. Ок. 60 попавших в неволю шляхтичей, объединившись в некую корпорацию, стремились сохранить самобытность жизни, общественные традиции совместного обсуждения актуальных вопросов, проводили в Казани собрания – сеймики и подписали в 1655 г. и в 1663 г. обращение (*Laudam*) к королю Яну Казимиру, надеясь на освобождение¹.

Второй этап формирования казанской польской диаспоры связан с трагическими событиями ликвидации польской государственности и разделами Речи Посполитой в конце XVIII в. В 1760-е гг. в Казань,

¹ См.: Kraushar A. Sejmiki Polskie w Kazaniu. 1655–1663. Lwów, 1893.

как в отдалённый провинциальный город, попали в ссылку так называемые барские конфедераты – участники выступлений польской шляхты против пророссийской политики короля Станислава Августа Понятовского, а в конце XVIII в. – участники восстания под руководством Тадеуша Костюшко, выступившие против разделов Речи Посполитой и ликвидации её независимости. Число лишь ссыльных барских конфедератов по мнению польских исследователей насчитывало от пяти до десяти тысяч человек, многие из них были отданы в солдаты и отправлены в Сибирь. Один из самых известных казанских пленников Мавриций Август Бенёвский, бежавший в 1769 г. из Казани, добрался до Петербурга, но был вновь арестован и сослан на Камчатку, откуда ему удалось угнать корабль и, совершив путешествие через три океана, оказаться в Америке, а закончить свою жизнь королём Мадагаскара².

Следующая, третья, волна польской ссылки докатилась до Казани в 1820–1830-е гг. В самый восточный университет империи стали высылать студентов Виленского (затем и Киевского) университетов, причастных к запрещённой общественной деятельности национальных кружков в Западном крае, многие из которых успешно закончили университет и остались в нём преподавателями. Среди сосланных в Казань участников польской подпольной патриотической организации филоматов («стремящихся к знанию») и филаретов («любящих добродетель») оказался, например, будущий знаменитый востоковед Юзеф (Осип Михайлович) Ковалевский. Сосланный в 1824 г. в Казань он смог поступить в университет, где изучал восточные языки, после окончания был командирован в Монголию и Китай, в 1830–1850-е гг. заведовал кафедрой монгольского языка, избирался членом российской и иностранных Академий и научных обществ. В 1855–1860 гг. Ю. Ковалевский был ректором Казанского университета. Его по праву можно считать одним из основателей казанской востоковедческой школы. Ещё одним сосланным в Казань участником общества филаретов оказался Гилярий Лукашевский, преподававший в университете латинский язык и римскую словесность, а также читавший в 1830-е гг. на юридическом факультете курсы римского права и римской истории, позднее его сын Леон также преподавал в Казани римскую литературу и латинский язык³. Преподавал в Казанском университете и Ян Верниковский, продолжавший и здесь переписку с Адамом Мицкевичем⁴.

В конце 1830-х гг. в Казань была выслана группа из 12 польских студентов – участников подпольной патриотической польской организации в Киеве и Вильно, составив вместе с другими польскими студентами заметное по количеству и сплочённости землячество общцей численностью ок. 40–50 чел. По воспоминаниям современников

² Керов В.Л. Деятельность Мориса Огюста Бенёвского в Казани // Польская ссылка в России: региональные центры. Казань, 1998. С. 120–121.

³ Рузевич Е. Поляки в университете и в ветеринарном институте в Казани // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995. С. 69.

⁴ Шофман А.С. Казанский университет и польский просветитель Ян Верниковский // Польские профессора и студенты в университетах России... С. 78.

это были первые землячества в Казанском университете, а комнаты на первом этаже главного здания, где они жили назывались «комнаты ссыльных виленцев» и «комнаты ссыльных киевлян»⁵. Они получили право закончить образование в Казанском университете и многие остались здесь в качестве преподавателей. Так в университете адъюнктом античной литературы был Клотыльд Тхужевский, который после защиты докторской диссертации стал профессором.

В 1839 г. в Казань за участие в подпольной польской организации в Киеве был выслан Антоний Станиславский, который защитил в Казанском университете магистерскую, а затем докторскую диссертации и до 1853 г. преподавал на юридическом факультете университета. После работы в Харьковском университете в 1869 г. он вернулся в Казань в качестве профессора кафедры энциклопедии и истории права, за научные и педагогические заслуги избирался почётным профессором.

Среди высланных из Киева был также Францишек Залесский, который окончил сначала юридический, а затем медицинский факультет университета и с 1865 г. преподавал в университете в качестве приват-доцента истории медицины. Сохранившиеся дневники и рисунки Ф. Залесского являющиеся уникальным источником по истории Казанского университета и Казани 1830-х гг. Его сын Владислав Залесский стал профессором юридического факультета.

В 1830-е гг. польская община в Казани насчитывала до 400 чел., а в 1833 г. в Казани, как центре обширного 4-го округа Внутренней стражи (позднее – Казанского военного округа), была введена должность католического капеллана. К 1855 г. в Казани насчитывалось до 550 католиков (мужского пола), в том числе 6 генералов, 140 офицеров и чиновников, ок. 350 нижних воинских чинов. В 1845–1846 гг. в Казань были направлены в качестве пансионеров Виленского учебного округа выпускники гимназии Юзеф Петрович, Анджей Петерман, Гилярый Гонсевский и Игнаций Чигирь⁶. Следует заметить, что профессора К. Тхужевский, А. Станиславский и другие местные поляки оказывали поддержку польской молодёжи, например, ссыльному участнику так называемого аптекарского заговора в Варшавской фармацевтической школе Валериану Станишевскому, оказавшемуся в Казани зимой 1850 г.⁷ Следуя дальше по этапу, В. Станишевский познакомился с жизнью и бытом татарского населения. Отмечая широкое ведение татарскими предпринимателями торговли, он писал: «Помимо торговли татары занимались и сельским хозяйством, причём даже лучше, чем польские евреи. Их одежда, образ жизни, внешний вид, жильё значительно отличались от россиян. Одежда носила восточные черты»⁸.

В 1854 г. через Казань следовал в сибирскую ссылку один из ведущих лидеров Польского восстания 1863–1864 гг. Агатон Гиллер, который оставил подробное описание своего пути и, особенно, Казани середины XIX в. Он писал: «После Петербурга и Москвы – Казань наибольший и красивый город России.

⁵ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 114.

⁶ НА РГ. Ф. 977. Оп. Лд. Д. 730. Л. 1.

⁷ Гришин Я.Я. Казань и Казанский край глазами польских ссыльных (XVIII–XIX вв.): материалы к лекциям по истории краеведения. Казань, 1997. Ч. I. С. 97–99, 101–102.

⁸ Там же. С. 104–105.

После недавнего пожара он застроился новыми домами, среди которых имелось значительное число каменных. Всего в Казани насчитывалось 5000 домов, 36 церквей, 10 мечетей, 9 монастырей». А. Гиллер особо отметил роль университета, который поднимал культурно-цивилизационное значение города, отмечая, что «университет придавал Казани характер интеллектуального места, хотя студентов в нём училось не так много... в их числе имелись и поляки»⁹. По свидетельству А. Гиллера в Казанском гарнизоне насчитывалось несколько сот поляков.

Четвёртый период формирования польской диаспоры Казани был связан с Польским восстанием 1863–1864 гг., когда через Казань на Урал и в Сибирь следовали десятки тысяч участников выступлений. В 1861–1863 гг. в Казани действовала подпольная организация «Земли и Воли». Широкий резонанс в России и Польше имел так называемый Казанский заговор – попытка поднять крестьянское восстание в Поволжье весной 1863 г. в поддержку Польского национально-освободительного восстания 1863–1864 гг. К следствию было привлечено ок. 40 чел. Главные участники поляки И. Кеневич, М. Черняк, офицеры Казанского гарнизона Н. Иваницкий, А. Мрочек и Р. Станкевич были казнены в Казани, а другие приговорены к различным срокам каторги.

Многие из сосланных в Поволжье и Приуралье, в Сибирь и Казахстан в конце XIX в. получили возможность вернуться на родину, немалая часть осталась, пополнив ряды местных польских общин. Центром религиозной жизни казанских поляков стал костёл¹⁰, выстроенный в 1858 г. на средства местной католической общины по проекту казанского губернского архитектора Павла Жуковского в стиле позднего классицизма, расширенный и реконструированный в 1907 г. архитектором-поляком Львом Хрщоновичем.

Л. Хрщонович был направлен в 1859 г. из Петербурга в Казань и стал казанским губернным архитектором, а затем казанским губернским инженером, по проектам которого были возведены Алафузовский театр, каменный арочный мост через Булак, многие другие гражданские и культовые здания. Известными архитекторами в Казани были В.К. Бечко-Друзин, спроектировавший учительскую семинарию и пристрой с церковью к зданию Второй Казанской гимназии и его сын С.В. Бечко-Друзин, по проектам которого возведены промышленное училище и дом С. Марко (Казанское хореографическое училище).

Во второй половине XIX – начале XX в. происходит заметный рост численности польской диаспоры не только благодаря увеличению числа студентов из Западного края, но и за счёт направляемых сюда польских военнослужащих, офицеров, чиновников. Например, в 1895 г. в Казани командиром Ветлужского батальона в Кремле был полковник Леон Годлевский, председателем окружного суда – действительный статский советник Владислав Завадский, управляющим губернской казённой палатой – действительный статский советник Игнаций Гриневицкий, губернским инженером – уже упомянутый статский советник Лев Хрщонович, губернским цензором – профессор права, действительный статский советник Адольф Осипов¹¹. Заметим, что по переписи

⁹ Гришин Я.Я. Казань и Казанский край... С. 124–125.

¹⁰ НА РГ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5; Оп. 8. Д. 1. Л. 3–10.

¹¹ Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань, 1895. С. 621–629.

1897 г. в Казани проживало свыше 1700 католиков. При римско-католическом костёле было образовано Общество пособия бедным, в которое в 1903 г. входило свыше 70 членов¹², действовал приют и приходская школа.

Заметное влияние на социокультурный облик польской общины Казани оказывал Казанский университет, учреждённый в 1804 г. Среди его первых преподавателей в 1808–1812 гг. был филолог А.Х. Равич-Русецкий. В течение XIX в. в Казанском университете работало свыше 60 поляков, обучалось свыше 1100 поляков и лиц польского происхождения¹³. Кроме уже упомянутых, среди польских профессоров были: основатель казанской школы сравнительного языкознания Ян Бодуэн-де-Куртене, директор Казанской городской астрономической обсерватории, член-корреспондент Петербургской АН Мариан Ковальский, профессор римской словесности Дариуш Нагевский, один из основоположников экспериментальной физиологии ректор университета Николай Ковалевский (сын Юзефа Ковалевского), основатель казанской школы офтальмологии Эмилиан Адамюк и многие другие.

Первым директором Казанского ветеринарного института был переведённый в Казань в 1874 г. с должности директора Варшавской ветеринарной школы профессор Пётр Зейфман, который после увольнения «за студенческие беспорядки», произошедшие в институте в 1881 г. выехал в Галицию и основал Академию ветеринарии во Львове.

Последний предреволюционный период жизни польской общины Казани начался в 1914 г. и был связан с перемещением в город значительного числа эвакуированных из Царства Польского и западных губерний поляков. Местная католическая община увеличилась за счёт интернированных и военнопленных и превышала 20 тыс. чел.

В 1915–1916 гг. с «целью объединения поляков Казани и Казанской губернии для культурного сотрудничества и взаимопомощи» создаётся Общество «Польский дом», учредителями которого выступают ординарный профессор Витольд Орловский, врач Сигизмунд Малиновский, отставной коллежский секретарь Карл Лебедзинский, врач Леонильда Федорович и дворянка Юлия Домбровская¹⁴.

После провозглашения независимости Польши и завершения советско-польской войны 1920 г. значительная часть членов казанской польской общины смогла репатриироваться. По свидетельству репатрианта Станислава Паркота в Польшу из Казани отправился целый эшелон¹⁵. Однако, немалая группа поляков осталась в Казани.

Таким образом, польская диаспора Казани конца XVIII – первой четверти XX в. была своеобразным компонентом местного многонационального сообщества и играла заметную роль в социокультурных процессах не только Казани и Казанской губернии, но и обширного Волго-Уральского региона.

¹² Отчёт Общества пособия бедным Казанского римско-католического прихода с 1-го января 1902 г. по 1-е января 1903 г. Казань, 1903. С. 20–27.

¹³ Михайлова С.М. Польские студенты и преподаватели Казанского университета в культурно-просветительской и общественной жизни Поволжья // Польские профессора и студенты в университетах России... С. 93.

¹⁴ Устав Общества под названием «Польский дом» в г. Казани. [Казань, 1916]. С. 1–2.

¹⁵ Parkot-Wojt S. W NZR, katordze i na Sybirze. Warszawa, 1935. S. 389–390.

А.Ю. ЧЕРНЫШЁВ
г. Абакан

ССЫЛЬНЫЕ ПОЛЯКИ-МЕДИКИ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Подавление Январского восстания 1863 г. привело к самой массовой высылке поляков и лиц других национальностей в отдалённые области Российской империи и, в первую очередь, в Сибирь. Официальные данные свидетельствуют о примерно 22 000 ссыльных по делу польского восстания¹. Согласно документам, в ссылке после восстания 1863 г. оказались почти все социальные слои тогдашнего польского общества: от князей, дворянской верхушки и мелкой шляхты до рядовых солдат, мещан и крестьянства.

Точно определить численность польских ссыльных практически невозможно. К сложности подсчёта добавляется тот факт, что отсутствуют полные данные о профессиональной деятельности ссыльных. За участие в восстании 1863 г. в Енисейскую губернию было сослано по одним данным 4419 чел.², по другим – 3719 чел., которые прибыли на «водворение» в 1864–1870 гг.³ Из них за период с 1863 по 1883 гг., высланных сразу после восстания, а также после прохождения этапов сибирской ссылки, водворили: в Канский округ – 1457 чел., в Минусинский – 1026 чел.⁴ и в остальные округа – 1236 чел.⁵ К 1897 г. численность поляков в Енисейской губернии составила 5986 чел.⁶

В исследованиях польских и российских историков, занимающихся изучением сибирской ссылки, встречаются упоминания и о польских медиках. Анализ литературы показывает, что учёных интересовала не только личность того или иного ссыльного медика, но также его профессиональная деятельность в условиях ссылки, вклад в развитие медицины Сибири⁷. По мнению некоторых исследователей интеллигенции, медики являются отдельной группой работников умственного труда. Так, согласно классификации Л.К. Ермана, врачи являются составной частью интеллигенции, занятой в сфере культуры.

¹ Митина Н. Во глубине сибирских руд. М., 1966. С. 11–13.

² ГАКрК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 13.

³ Митина Н. Указ. соч. С. 11–13.

⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 79. Л. 82–83.

⁵ ГАКрК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 13. Л. 170.

⁶ Патканов С.К. Статистические данные, показывающий племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. Т. II. С. 2–5, 130–133, 322–325.

⁷ Щербаков Н.Н. Революционеры-медики в сибирской ссылке // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1979. Вып. 4. С. 117–160; Мендрина Г.И. Медицинская деятельность политических ссыльных в Сибири. Томск, 1962.

С нашей точки зрения, поляков-медиков, сосланных в Енисейскую губернию после восстания 1863 г., следует выделить в отдельную группу ссыльных поляков-интеллигентов. Поскольку характер их профессиональной деятельности не связан с воспроизводством духовных ценностей в традиционном их понимании и заключается главным образом в охране здоровья населения, то медики должны рассматриваться как особая профессиональная категория в составе интеллектуальной элиты. В связи с этим предстоит выяснить особенности их интеграции в принимаемое общество, а также влияние их профессиональной специфики на обустройство Приенисейского края.

Важной особенностью социально-профессиональной корпорации ссыльных медицинского профиля является то, что в отличие от ссыльных, имеющих другие профессии, медики довольно легко решали проблему трудоустройства в Сибири. Востребованность их услуг объясняется незначительным количеством представителей этой профессии среди местного населения Енисейской губернии.

Имеющиеся архивные материалы позволяют проследить страницы биографии ссыльного поляка-медика Марцелия Высоцкого. Он происходил из дворян Гродненской губернии, был лекарем кордонной линии Кубанского казачьего войска. За побег со службы был лишён всех прав состояния и сослан на каторжные работы в одну из сибирских крепостей на 8 лет. Наказание предусматривало, что в случае, если бы М. Высоцкий обладал имением, его надлежало бы конфисковать в казну. 2 августа 1865 г. М. Высоцкий прибыл в Иркутск. 10 ноября того же года он был отправлен в Лиственническое селение, оттуда 25 мая 1866 г. – на Кругобайкальскую дорогу. На основании Высочайшего повеления 16 апреля 1866 г. срок работ был сокращён наполовину. А после кругобайкальского бунта, по решению полевого военного суда, утверждённого генерал-губернатором и командующим войсками Восточного Сибирского военного округа, был освобождён от ответственности и отправлен 16 ноября 1866 г. в Александровский винокуренный завод, а отсюда 20 января 1867 г. переведён в Иркутский солеваренный завод. На основании Высочайшего постановления 25 мая 1868 г. местом поселения М. Высоцкого стало с. Лугавское Шушенской волости. Он был «росту 2 аршина 6 вершков, волосы светло-русые, глаза серые, нос, рот и подбородок весьма умеренные... лицо чистое, лоб средний, веры римско-католической... холост»⁸. Со 2 мая 1874 г. М. Высоцкий временно проживал в г. Томске⁹. После восстановления его в прежних правах, М. Высоцкий в 1879 г. направил восточносибирским властям прошение «о даровании ему прав государственной службы по медицинскому ведомству». К прошению был приложен диплом на степень лекаря Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, выданный 30 декабря 1862 г.¹⁰

⁸ ГАКРК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 23. Л. 27- 27об.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 165. Л. 6-6об.

¹⁰ Там же. Л. 17.

Инспектор Бургер из медицинского департамента МВД сообщил Енисейскому губернатору следующие сведения о бывшем политическом ссыльном: «... в настоящее же время Высоцкий исполняет по найму обязанности Ачинского окружного сельского врача городской и тюремной больницы. В течение короткого времени зарекомендовал себя усердием в исполнении лежащих на нём обязанностей и исполнительностью. Высоцкий вполне заслуживает права дозволения ему вступить в государственную службу, и несомненно, что воспользовавшись этим правом, он будет весьма полезным на службе, в особенности здесь при крайнем недостатке врачей»¹¹.

25 ноября 1880 г. Главное управление Восточной Сибири сообщало, что М. Высоцкому «...Высочайше разрешено в день 12 сентября сего года вступить в службу в Сибири по медицинской части с ограничением установленным примечанием к ст. 104 Учреждений врачебных т. 13 Свода законов»¹².

4 марта 1881 г. Врачебная управа медицинского департамента Енисейской губернии ведомства МВД обратилась с прошением к Енисейскому губернатору о следующем: «лекарь Высоцкий... не может производить экспертизы по судебно-медицинским делам, тогда как при постоянных разъездах окружного врача... неизбежно встретится крайнее затруднение, в особенности в случаях, не терпящих отлагательств. Почему и просим ходатайства Управы о снятии с лекаря Высоцкого... ограничения. Принимая во внимание, что лекарь Высоцкий, проживая в Енисейской губернии... доказал вполне благонадёжность и усердие по службе. Не найдется ли возможным ходатайствовать о сложении с лекаря Высоцкого ограничения... которому он подлежит, согласно предложению Вашего Превосходительства»¹³.

Главное управление Восточной Сибири в ответе Енисейскому губернатору от 4 апреля 1885 г. сообщило о том, что «Государь Император по докладу товарища министра Внутренних дел высочайше повелеть соизволил освободить от ограничений по службе Ачинского городского врача Марцелия Высоцкого»¹⁴.

Между тем право заниматься вольной медицинской практикой основная масса ссыльных польских медиков получила в 1865 г. Однако это разрешение не сопровождалось предоставлением официальных прав. Ссыльным запрещалось использовать свои медицинские знания в делах, где необходимо было основываться на их показаниях. Полицейский надзор за ссыльными сохранялся. И, как правило, формальное разрешение следовало за уже сложившейся медицинской практикой, о чём свидетельствует пример М. Высоцкого.

Первоначально лечение немногочисленных, в основном, малоимущих пациентов не приносило ссыльным практически никакого дохода. А тем, кому было разрешено практиковать, на данном основании государство прекращало выплачивать пособие. В результате семьи зачастую впадали в крайнюю бедность. Об этом свидетельствует пример врача Михала Даниловича. Он родился в 1863 г.

¹¹ ГАКРК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 165. Л. 11-11об.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 19-20об.

¹⁴ Там же. Л. 29.

в мещанской семье, был студентом медико-хирургической академии. За агитацию среди рабочих Варшавы был арестован («процесс сто тридцать семь»). Запреля 1880 г. он был осуждён как политический преступник. Будучи ещё студентом последнего года обучения Военной медицинской академии в Санкт-Петербурге, работал врачом и был очень известен. М. Данилович отбывал ссылку в Восточной Сибири. В первой половине 1880-х гг. жил в Минусинске и Красноярске. В 1887 г. стал врачом. С 1900 г. работал в Красноярске тюремным врачом. Но, как свидетельствуют материалы архива Галины Войцеховской (род. в Минусинске в 1918 г.), жизнь была тяжела, поэтому по окончании ссылки доктор М. Данилович полностью прекратил свою врачебную практику и перешёл работать в управление акцизами и затем со всей семьёй переехал в г. Астрахань¹⁵.

К 1865–1866 гг. относился поток просьб ссыльных поляков-медиков о разрешении поступить на регулярную гражданскую службу по медицинскому ведомству. Все эти просьбы были поддержаны местной администрацией, но не нашли поддержки в Петербурге. Разрешения поступить в гражданскую службу последовали только в 1870-е гг., но стабильный заработок поляки стали находить раньше, организуя аптеки или устраиваясь на работу в медицинские учреждения. Так, из документов Центрального государственного архива Республики Хакасия следует, что в 1869–1874 гг. на Абаканском железодельном заводе работали ссыльные повстанцы: Эдуард Войцеховский, Франц Врублевский, Матвей Станчик, Рафаил Чернецкий (Чарнецкий), Игнаций Михальский, Карл Пржделяцкий, Михаил Заруцкий, Ян Бабик и др. Всего более 50 чел., в том числе и врачи.

В частности, Ян Осипович Рожанский был заведующим Абаканско-заводской больницей. В одном из архивных документов содержатся сведения о некоторых моментах профессиональной деятельности Я.О. Рожанского: «Господину Минусинскому Окружному Стряпчему от полицмейстера Абаканского железодельного завода донесение 1 августа 1873 г. о смерти в Абаканско-Заводской больнице крестьянина Пермской губ. Осипа Григорьева Подкорытова будто бы от побоев случающимся, а по мнению заведующего Абаканско-заводской больницей политического ссыльного Рожанского от излишнего употребления спиртных напитков»¹⁶.

В архиве Г. Войцеховской сохранился список поляков (на русском языке), которые в начале XX в. играли не последнюю роль в общественной и культурной жизни г. Минусинска. В их числе сельские врачи Виктор Бржезинский и Антоний Ангелиевич Водзицкий, заведующий лечебницей г. Минусинска, врач городского четырёхклассного училища в 1907–1909 гг. Ромуальд Генрикович Домбровский, коллежский асессор, окружной ветеринарный врач в 1891–1906 гг. Николай Михайлович Ольтаржевский¹⁷. В Енисейской губернии отбывал ссылку римско-католический священник Рафал Древновский. В г. Минусинске ему довелось заниматься врачебной деятельностью. Там он и умер¹⁸.

¹⁵ Wojciechowska-Korzeniowska M. Moje wspomnienia. S. 11–12 // Archiwum Związku Sybiraków RP w Warszawie.

¹⁶ Центральный государственный архив Республики Хакасия. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

¹⁷ Lista Polaków [Mps.] S. 1 // Archiwum Haliny Wojciechowskiej. Cz. III.

¹⁸ Niebielski E. Tunka. Duchowni na zesłaniu syberyjskim po powstaniu 1863 r. // Przegląd Powszechny. 2004. №1. S. 62.

Вышеперечисленные факты свидетельствуют о поддержке поляков-медиков местной администрацией. Сталкиваясь с реальными проблемами по обеспечению населения медицинским обслуживанием, власти видели в ссыльных-медиках спасение от эпидемий и эпизоотий. И не случайно ходатайства и просьбы ссыльных-медиков, как правило, получали поддержку в местных властных инстанциях, вплоть до генерал-губернатора.

Как известно, Енисейская губерния, игравшая роль «штрафной колонии» Российской империи, отставала в своём развитии от центральных районов. На протяжении всего периода XIX – начала XX в. в губернии не было высших учебных заведений, а связь с крупными образовательными и культурными центрами, в том числе и с медицинскими, была затруднена. В 1907 г. известный русский путешественник Г.Н. Потанин, отмечая «громадное умственное богатство», наличие высших учебных заведений, библиотек, искусства и науки, концентрацию издательской деятельности в центре России, с горечью констатировал, подразумевая под этим Сибирь: «Чем обширнее территория, тем остальное пространство обездоленное и пустынное в культурном и духовных отношениях»¹⁹.

Низкий процент врачей в губернии во многом объясняется неразвитостью системы учебных заведений, готовивших специалистов медицинского профиля. Единственным центром подготовки местных медицинских кадров фактически являлась Красноярская женская акушерско-фельдшерская школа. Данное учебное заведение было создано только в 1889 г. по инициативе Общества врачей Енисейской губернии, которое финансировало школу, а также заботилось о трудоустройстве её выпускниц²⁰. Акушерско-фельдшерская школа готовила фельдшеров и акушеров, поэтому не могла обеспечить губернию высококвалифицированными медицинскими кадрами. Малочисленность медиков делала Енисейскую губернию практически незащитной перед лицом различного рода эпидемий, которые периодически распространялись в регионе.

Среди поляков-медиков Енисейской губернии были также и выдающиеся общественные деятели. Так в истории г. Красноярска хорошо известно имя врача и общественного деятеля П.И. Рачковского (1850–1921), бывшего председателем общества врачей Енисейской губернии и инспектором Врачебной управы. В семье Петра Ивановича и его жены Екатерины, урождённой Шепетковской, было двое детей. Их сын, Иван Петрович Рачковский, за участие в революционном движении в 1910-е гг. отбывал наказание в Петропавловской крепости. Жена врача, Е. Рачковская, с 1896 г. являлась попечителем Енисейской общины сестёр милосердия Красноярского Красного Креста.

В заключение отметим, что именно благодаря своим знаниям, полученному образованию, ссыльные поляки-медики приобрели хорошую репутацию не только у местных жителей, но и у местных чиновников. Медикам доставались и более состоятельные невесты. К примеру,

¹⁹ Потанин Г.Н. Областная тенденция в Сибири. Томск, 1907. С. 31–32.

²⁰ Крутовский В.М. Очерки современного положения сельской врачебной помощи в Енисейской губернии. Томск, 1902. С. 15.

фельдшер Желтовский был женат на дочери дворянина Маляновского²¹, врач М. Данилович женился на мещанке Филиппине Плавичкой²². Органично вписавшись в социокультурную реальность Сибири, польские медики не спешили с отъездом.

Таким образом, медицинская деятельность поляков представляла собой оптимальный вариант сочетания интересов поднадзорных, властей и местного населения. В результате ссыльные-медики в большинстве своём довольно удачно обустроивались в Сибири. Но, в отличие от других профессий, процесс интеграции ссыльных поляков-медиков в сибирское общество не предусматривался и, как правило, реально не сопровождался аккультурацией. Напротив, поляки-медики, реализуя свою «просвещенческую миссию» среди сибирского народа, по большей мере сохраняли этническую идентификацию.

²¹ См.: *Скоробогатова Н.Н.* Память сердца хранит дорогие страницы // История и культура поляков в Сибири / Под ред. С.В. Леончика. Красноярск, 2006. С. 105–108.

²² *Wojciechowska-Korzeniowska M.* Moje wspomnienia. S. 11–12.

С.И. МИНЬКО
г. Дзержинск

ЭДВАРД ВОЙНИЛОВИЧ - ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЗАПАДНОГО КРАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

Эдвард Войнилович – политический и общественный деятель конца XIX – начала XX в. – был известен не только в Минской губернии, где он жил и работал, но и за её пределами: в Варшаве, Вильно, Киеве, Санкт-Петербурге. Его активная общественная деятельность имела главную цель – служение Отечеству. Тому Отечеству, которое после трёх разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. стало именоваться Западным краем Российской империи.

Род Войниловичей сумел за свою 400-летнюю историю стать крупнейшим землевладельцем Минской губернии. Его основатели первоначально были православными, потом приняли униатство, а позже обратились в католичество. Последнее свидетельствовало о том, что белорусско-литовская шляхта, массово принимавшая католичество, являлась проводником польской культуры на землях Великого княжества Литовского. Всё это вело к разрыву между народом и господствующим классом землевладельцев (воспринимаемых в народном сознании уже поляками). Тем самым Войниловичи, как и ряд других шляхетских родов, будучи коренным и местным родом, «кость от кости, кровь от крови» народа, представлялся в общественном сознании «польским» элементом из-за их ориентации на западные (польские) религиозные и государственно-правовые ценности. В течение столетий Войниловичи занимали относительно скромные должности подкомориев, хорунжих (знаменосцев), а после разделов Речи Посполитой – предводителей дворянства Слуцкого уезда.

Э. Войнилович родился 13 октября 1847 г. в д. Слепянка под Минском (теперь это микрорайон столицы) в имении родителей его матери – Эдварда и Михалины Ваньковичей. Родители Эдварда, Адам и Анна Войнилович, проживали в Слуцком уезде в родовом имении Савичи¹. В 1861–1865 гг. Э. Войнилович учился в Слуцкой гимназии, которая в то время считалась одной из престижных в системе среднего образования. Полученная за учёбу в гимназии медаль освободила юношу от конкурсного экзамена при поступлении в Санкт-Петербургский Императорский технологический институт. «В институте приходилось усиленно работать, – вспоминал Э. Войнилович. – Кроме лекций, которые читали ведущие учёные столицы,

¹ Войнилович Э. Воспоминания. Минск, 2007. С. 7.

например профессор Менделеев и будущий министр финансов Вышнеградский и др., обязательной была практика... проводились экскурсии под руководством профессоров на крупнейшие заводы столицы и в Кронштадт»². После окончания института в 1869 г. Э. Войнилович получил должность на заводе шин, бронечастей и «путиловских» снарядов. Однако вскоре, по желанию отца, он покинул столицу и уехал в Европу, где работал на заводе локомотивов «Линден» в предместье Ганновера до 1870 г. Позже, при содействии российского посла в Брюсселе А.Д. Блудова, Э. Войнилович приступил к работе в «Arsenal des Chemis de fer l'Etat» в г. Малине (Мехелене). В 1872 г. он стал слушателем Сельскохозяйственной академии в Прушкове (Проскау) около Ополя в Силезии, по окончании которой прошёл практику в имении «Мехель» в Поморье.

Технолог по образованию, 27-летний Э. Войнилович после смерти отца в 1874 г. вступил во владение родовыми именьями Савичи и Пузово в Минской губернии. С этого времени он связал свою жизнь с землёй, став одновременно активным участником общественной жизни Западного края, разрешая при этом многие судебные и попечительские вопросы.

В 1878 г. Э. Войнилович стал членом нового Минского сельскохозяйственного товарищества (Аграрного общества). Данное общество было создано 20 августа 1876 г. будущим министром внутренних дел Л.С. Маковым, который получил конфискованное имение Блонь (Марьину Горку) и Новосёлки в Игуменском уезде недалеко от Минска. Министр постановил, что только лица «российского происхождения» могут быть членами этого товарищества. Э. Войнилович в своих «Воспоминаниях» подтверждает это: товарищество «возникло не по инициативе местных землевладельцев», а имело своей целью «объединить работу и влияние прибывших на Минскую землю новых граждан России, владельцев конфискованных имений». Не имея местной поддержки Аграрное общество, не успев возникнуть, катилось к упадку. И только с 1878 г., когда начали приглашать местных землевладельцев, Минское сельскохозяйственное товарищество получило новое рождение. В 1878 г. оно насчитывало 64 члена, а в 1901 г. – уже 675.

После закрытия в 1862 г. Сельскохозяйственного товарищества в Варшаве Минское товарищество продолжительное время было единственным. На его собраниях (проводившихся четыре раза в год) в Западном крае, лишённом в 1880–1890-е гг. всякой общественной жизни, собирались землевладельцы не только Минской губернии, но и ряда литовских и польских земель.

10 января 1888 г. Э. Войнилович был избран вице-председателем, а фактически председателем Аграрного общества, «поскольку официальным председателем до своей смерти считался по долгу службы Минский губернатор князь М.М. Трубецкой»³.

² Войнилович Э. Указ. соч. С. 50.

³ Там же. С. 82.

Наряду с Э. Войниловичем в товариществе видную роль занимали президент города Минска граф Кароль Чапский, Михаил Ленский, Зигмунт Свенцицкий, Казимеж Абламович и др.

Главными задачами Минского сельскохозяйственного товарищества были: 1) «налаживание прямых связей между производителями и потребителями, чтобы избежать дорогостоящего, обычно еврейского посредничества»; 2) «введение принципа взаимности в страховании от огня и долгосрочном кредитовании»⁴.

Наряду с хозяйственной деятельностью Минское аграрное общество разрабатывало статуты, с которыми неоднократно в 1893, 1899, 1900, 1902 гг. в составе делегации товарищества Э. Войнилович ездил на приём «к всемогущему в те времена министру финансов Вите»⁵.

В рамках деятельности Аграрного общества Э. Войнилович впервые познакомился с ковенским помещиком и губернским предводителем дворянства (в 1899–1902 гг.) Петром Стольпиным, назвавшего Э. Войниловича «минским Бисмарком».

Сельскохозяйственно-промышленная выставка, открытая в 1901 г. в связи с 25-летием Земельного товарищества, была воплощением идей, триумфом деятельности Э. Войниловича. Данная выставка была смотром сил и достижений Северо-Западного края. Она дала возможность многочисленным гостям восхищаться жизнеспособностью и всей структурой общественной жизни Минской губернии. Для местного населения выставка послужила поощрением и стимулом к дальнейшей работе, вдохновителем которой выступил председатель – Э. Войнилович.

С введением в России конституционного строя и созданием Государственной Думы в 1906 г., Государственный Совет был реформирован, став верхней палатой российского парламента. Все вопросы, поднятые по инициативе Думы, либо вносимые правительством, должны были вначале обсуждаться в Государственной Думе, прежде чем выносятся на повестку дня в Государственном Совете. В советской историографии сложился миф о «реакционности» Госсовета, который «блокировал» многочисленные законопроекты поступавшие от Государственной Думы. Однако из 3350 законопроектов, одобренных Думой I–IV созыва, Государственный Совет отклонил только 49 и 158 не успел рассмотреть⁶.

В апреле 1906 г. по всей стране проходили выборы в Государственный Совет. Минская губерния должна была направить только одного члена, избранного на съезде землевладельцев и имеющих юридически обозначенный ценз. Избранный депутатом большинством голосов (196:5) Э. Войнилович отмечал, что будет «независим от влияния города на Неве, а также Москвы, как и от подкасок города на Висле», отстаивая интересы избравшего его края и народа⁷.

По прибытию в Петербург Э. Войнилович поселился в забронированном гостиничном номере «Hotel de France» на ул. Морской. «Каждого депутата, – отмечал Э. Войнилович, –

⁴ Войнилович Э. Указ. соч. С. 84–85.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917 гг. М., 2006.

⁷ Войнилович Э. Указ. соч. С. 146.

по приезде ожидал опечатанный и разосланный “Церемониал выхода Его Императорского Величества” в Зимнем дворце на открытие законодательных палат, порядок подъезда к Зимнему, а затем Таврическому дворцам»⁸. Членам Госсовета подобало приезжать в карете, а формой одежды служили фраки без мундиров и наград.

27 апреля 1906 г. при оглашении акта, учреждающего Законодательные Палаты, Э. Войнилович при встрече «пожал руку и обмолвился несколькими словами со Столыпным, не зная ещё, что он уже получил назначение на пост министра внутренних дел»⁹. Вот как описывает открытие Законодательных Палат в Зимнем Э. Войнилович. Здесь присутствовали две императрицы, причём мать-императрица была с недовольной миной на лице, как бы говорящей: «Если бы не смерть моего мужа, не было бы этих новых порядков. Многие из этих “представителей народа” он приказал бы гнать со двора»¹⁰. Правящая императрица Александра Фёдоровна была сильно взволнована. Вскоре вошёл император, «бледный и взволнованный, сел на трон. Ему передали обращение, которое он прочитал стоя... Нас удивило то, что, обращаясь ко всему народу, он специально подчёркивал: “дорогих моему сердцу крестьян”, в то время как иные сословия не удостоились никаких эпитетов»¹¹.

По окончании церемонии П.А. Столыпин обратился к Э. Войниловичу: «Едем в Думу, посмотрим, что будет там»¹². Здесь, в Таврическом дворце, где находилась Дума, Э. Войнилович вновь встретил П.А. Столыпина, который, открывая дверь в ложу для членов Государственного Совета, сказал: «Ну, перекрестимся и пожмём друг другу руки для будущего совместного труда»¹³.

В Государственном Совете поляки из Западного края и Царства Польского составляли 18 чел. После долгого обсуждения ими был разработан и принят «Устав союза фракций Царства Польского и краёв Литвы и Руси в Государственном Совете в Петербурге». На должность председателя депутатов Государственного Совета от Царства Польского был избран Юзеф Островский, а председателем депутатов от Литвы и Руси – Э. Войнилович. Общим председателем обеих групп был избран Э. Войнилович.

В Государственном Совете депутаты не делились на партии, а скорее на группы, коих насчитывалось три: правые, центристы и левые. Депутаты Западного края, вместе со своим председателем примкнули к группе «Центр», которую возглавил князь Пётр Николаевич Трубецкой (депутат от Московской губернии). «Что касается отношения князя Трубецкого к делам нашей группы, – писал Э. Войнилович, – то оно всегда было корректным, а лично ко мне – самым доброжелательным»¹⁴.

⁸ Войнилович Э. Указ. соч. С. 147.

⁹ Там же. С. 148.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 149.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 151.

¹⁴ Там же. С. 159.

Особое место в своих «Воспоминаниях» Э. Войнилович отводил премьеру и министру внутренних дел П.А. Столыпину. «Безусловно, это была незаурядная личность, строго следующая по пути своих чётко обозначенных убеждений, не обращающая внимания на условия, в которых ей приходится этот путь прокладывать, и без колебаний устраняющая все препятствия на своём пути. Он поднял растаптываемую на улице власть и вдохнул в неё жизнь, а бюрократическую систему, наверно, в последний раз употребил в качестве двигателя в государственной работе. Имел смелость посягнуть на общинность российской деревни, а в проведении колонизации (хутора) и объединении крестьянских земель видел решение основных аграрных проблем»¹⁵.

Служебную карьеру П.А. Столыпин начал с поста предводителя дворянства, вначале уездного, а затем губернского на Ковенщине. Позже он стал гродненским губернатором (1902–1903 гг.) в Западном крае, откуда был направлен в Саратовскую губернию (1903–1906 гг.)¹⁶.

Летом 1906 г. Э. Войнилович, встречаясь с П.А. Столыпиным на министерской даче на Аптекарском острове, неожиданно получил предложение принять должность вице-министра сельского хозяйства, а в последующем, и министерский портфель. П.А. Столыпин сообщил, что кандидатура Э. Войниловича «была обсуждена в Царском Селе и получила самое высокое одобрение»¹⁷. Однако Э. Войнилович по ряду причин не принял предложение П.А. Столыпина, сообщив об этом чуть позже новому министру сельского хозяйства Б.А. Васильчикову.

Несмотря на это, уважительные отношения между П.А. Столыпиным и Э. Войниловичем не прекратились. «Я, не злоупотребляя знакомством, посещал его несколько раз в году. Мы всегда говорили достаточно резко друг другу правду в глаза, но всегда расставались хорошими друзьями», – вспоминал представитель Минской губернии. По окончании своего депутатского срока, Э. Войнилович, покинув Петербург (1909 г.) больше не встречался с П.А. Столыпиным. В 1911 г. бывший член Госсовета узнал, что премьер был убит в Киеве в театре на праздничном спектакле. «После киевского покушения не стало единственного человека, который имел бы смелость взять государство “под уздцы”, – вспоминал Э. Войнилович, – а широко задуманное намерение ликвидировать волостное правление и перевести малоземельное население на хуторскую систему с целью успокоения аграрных волнений не имело уже достаточно времени на своё осуществление»¹⁸.

С киевским покушением связано имя генерала П.Г. Курлова, который занимал должность командира Отдельного корпуса жандармов, «и на этом посту был привлечён к ответственности за служебную халатность во время убийства Столыпина в Киеве»¹⁹. Во время службы в Минске он был обвинён в том, что отдал приказ стрелять в толпу демонстрантов около тюрьмы и на Виленском вокзале в связи с революционными событиями 1905 г. «Это был очень способный и ловкий чиновник, если и падал, то, как кот, всегда “на четыре лапы”», – отмечал Э. Войнилович.

¹⁵ Войнилович Э. Указ. соч. С. 160.

¹⁶ Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мінск, 2001. Т. 6. Кн. 1. С. 398.

¹⁷ Там же. С. 164.

¹⁸ Там же. С. 212.

¹⁹ Там же. С. 138.

Особое уважение Э. Войнилович завоевал у других, не менее видных представителей политического бомонда Российской империи, таких как: граф С.Ю. Витте, председатель правых в Госсовете П.Н. Дурново, а также государственный секретарь барон Ю.А. Икскуль фон Гильденбрандт.

Э. Войнилович, как и другие члены Госсовета, был удостоен аудиенции в Царском Селе. Особое удивление у депутата от Западного края вызвали мавры в красочных костюмах, охранявшие двери кабинетов императора и императрицы. Как оказалось, мавры были подарены императору правителем Абиссинии, и очень быстро адаптировались к местным условиям.

Первоначально Э. Войниловича приняла императрица Александра Фёдоровна. «Мне она показалась человеком интеллигентным и имеющим доброе сердце», – вспоминал Э. Войнилович. После, депутата пригласили в кабинет императора. «Весь кабинет был отделан красным деревом, даже антаблементный потолок казался морской каютой: в центре стоял бильярд, в углу – стол, за которым, как мне рассказал барон Уекскуль, был подписан декрет 17 октября и контрабандирован бароном как госсекретарём, – отмечал Э. Войнилович. – Император появился в форме франтирьеров и малиновой шёлковой сорочке в национальном стиле. Каждому по очереди подал руку и расспрашивал каждого в основном о ситуации в губерниях, об аграрных волнениях»²⁰.

В Госсовете Э. Войнилович занимал высокое положение члена как финансовой, так и аграрной комиссии. Его рефераты и выступления по аграрному вопросу обращают на себя внимание, его признают одним из немногих компетентных специалистов в этом вопросе. В период работы в государственных комиссиях он всегда стремился к практической деятельности и приобрёл огромный опыт и знание государственной политики, став настоящим государственным деятелем²¹.

Заслуги Э. Войниловича были оценены по достоинству. Ему присвоили чин статского советника, причём минуя две ступени, а также отметили памятной серебряной медалью.

В 1909 г. Э. Войнилович, завершив работу в Госсовете, вернулся домой. С момента введения в Минской губернии столыпинских земств (1911 г.) Э. Войнилович был избран советником губернского земства от Слуцкого уезда, став принимать активное участие в его работе. При этом Э. Войнилович оставался почётным мировым судьей Слуцкого уезда на протяжении 35 лет (1883–1917 гг.).

Являясь примером для многих современников, Э. Войнилович проявил себя и в религиозной сфере. Будучи католиком, но мысля экуменически, он содействовал строительству ряда костёлов, церквей, синагог и мечетей в районах Клецка, Копыля, Несвижа, Новогрудка и Столбцов. Особое место занимает строительство в 1905–1910 гг. костёла Св. Симона и Св. Елены (так называемый Красный костёл) – визитной карточки г. Минска, памятника духовной культуры Беларуси.

²⁰ Войнилович Э. Указ. соч. С. 201.

²¹ Там же. С. 14.

Э. Войнилович построил этот костёл в память о своих умерших детях Симоне (1885–1897) и Елене (1884–1903). 2010 г. будет отмечен 100-летним юбилеем Красного костёла.

После российских революций 1917 г. Э. Войнилович выступал за возрождение Великого княжества Литовского, а затем и Польского государства. По окончании советско-польской войны и подписании Рижского мира 1920 г. оба его имения остались на советской стороне, что лишило Э. Войниловича средств к существованию. Он переехал в Быдгощ, где возглавил Общество кресовых землевладельцев, старался оказывать материальную помощь своим друзьям, потерявшим, как и он, свои поместья, организовывал акции протеста против Рижского мирного договора и писал воспоминания²². Э. Войнилович умер 16 июня 1928 г. в Быдгоще. Он был женат на Олимпии, урождённой Узловской, от которой имел двух упомянутых детей²³.

Воспоминания Э. Войниловича впервые были опубликованы в Вильно в 1931 г. Описывая свою общественно-политическую деятельность, Э. Войнилович оставил потомкам ценные характеристики российских, белорусско-литовских, польских государственных деятелей, имеющие историческую ценность.

²² Brzoza Cz., *Stępan K. Posłowie polscy w parlamencie rosyjskim 1906–1917: Słownik biograficzny*. Warszawa, 2001. S. 236.

²³ Ibid.

М.С. КИЩЕНКОВ
г. Ярославль

ПОЛЬСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ НА ТЕРРИТОРИИ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Взаимоотношения поляков и русских на территории Ярославской губернии имеют давнюю историю. В первую очередь необходимо отметить период Смутного времени начала XVII в.¹ Тогда Ярославский край был как полем военных столкновений между русскими и поляками, так и местом ссылки жены царя Лжедмитрия I Марины Мнишек и её окружения².

Следующий этап в истории польского присутствия на Ярославщине наступил в конце XVIII – начале XIX в. В этот период значительная часть Речи Посполитой вошла в состав Российской империи и поляки стали подданными русских императоров. Ярославский край стал местом ссылки участников польских национально-освободительных восстаний. Так, уже в 1802 г. в ярославской тюрьме находились польские повстанцы³. Позднее в городах губернии содержались участники Ноябрьского и Январского восстаний. Среди них были видные представители польской элиты, в том числе религиозные деятели, представители польской интеллигенции и дворянских кругов.

Постепенно численность поляков росла, и они обогнали немцев. Характерно, что часто к полякам примыкали мигранты из восточных районов Польши, зачастую украинцы, белорусы и литовцы. Основным объединительным фактором для них была религия – католицизм или униатство.

На основании имеющихся архивных материалов, можно сделать вывод о том, что во второй половине XIX в. стал складываться особый тип взаимоотношений поляков с местным населением и властями. Либеральные реформы Александра II выявили нехватку профессиональных кадров для работы в созданных органах местного и городского самоуправления. И ссыльных поляков стали привлекать для этой деятельности⁴. Работа в городском управлении и земских структурах помогала, с одной стороны, адаптироваться к российской

¹ Иерусалимский Ю.Ю., Федорчук И.А. Ярославский край в Смутное время // Русская смута начала XVII века. Ярославль, 2007.

² Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995.

³ Бородин А.В. Ярославские диаспоры до 1917 г. Ярославль, 2008. С. 107.

⁴ Хаиров А.Р. Эволюция либерализма в русской провинции: с XVIII до начала XX в. // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры. Ярославль, 2008. С. 264–275.

провинциальной жизни, а с другой, давала дополнительный источник контроля для властей. Число польских ссыльных, пошедших на сотрудничество с властями, было невелико, но уже сам факт такого сотрудничества говорил об изменившемся отношении народов друг к другу. Отчасти этому способствовало то, что в европейские губернии империи ссылали, как правило, поляков, оказывавших зачастую лишь пассивное сопротивление российским властям.

Среди поляков в Ярославской губернии были и офицеры, и сотрудники полиции, и члены губернского правления, и врачи, и учителя, в том числе Демидовского юридического лица. Особенно стоит отметить двух ярославских губернаторов – Н.А. Безака и А.А. Римского-Корсакова, имевших польские корни.

Николай Александрович Безак (1836 – 1897) был губернатором в 1878–1880 гг. и много сделал для развития губернского здравоохранения. Род дворян Безаков (Безацких) происходил из польской части Латвии и изменил «фамилию на немецкий лад в период Реформации»⁵. В 1882–1884 гг. Н.А. Безак был директором телеграфного департамента МВД, затем в 1884–1895 гг. начальником Главного управления почт и телеграфов.

Александр Александрович Римский-Корсаков (1849–1922) занимал пост губернатора в 1905–1909 гг. и показал себя умелым администратором. Его род происходил из польско-литовского рода Корсаков.

Власти Ярославской губернии постепенно наладили отношения и с местной католической общиной. Этому способствовало то, что в неё входили не только поляки, но и немцы, бывшие самой лояльной этнической группой в империи. Во второй половине XIX в. в двух основных городах губернии, Ярославле и Рыбинске, были открыты костёлы и молитвенные дома. Их работа освещалась в ярославской прессе вполне сочувственно. Так, в 1862 г. «Ярославские епархиальные ведомости» доводили до читателей сведения о жизни местных католиков, а в 1875 г. известили об открытии молитвенного дома в Рыбинске: «с мая католическое богослужение откроется в собственном католической общины доме»⁶.

Власти не препятствовали деятельности католиков, так как проживавшие в Ярославской губернии поляки в большинстве своём не принимали участия в антиправительственной деятельности. В городах губернии стали появляться римско-католические благотворительные организации.

В период Первой мировой войны ярославские власти объявили о поддержке населения Царства Польского, начав сбор средств для помощи пострадавшим в ходе боевых действий. Местная польская община, в свою очередь, объявила о поддержке властей и правящей династии Романовых.

В 1915–1917 гг. регион стал центром для огромной волны беженцев из западных регионов империи. В первую очередь в числе беженцев оказались поляки и литовцы. Так, в 1915 г. власти констатировали: «число беженцев достигает 5000 и признается предельным... новые партии беженцев

⁵ Марасанова В.М., Федюк Г.П. Ярославские губернаторы. 1777–1917. Ярославль, 1998. С. 254.

⁶ Ярославские епархиальные ведомости. 1875. №15. С. 120.

направлять в уезды»⁷. Несмотря на это, число беженцев превысило к 1917 г. 15 тыс. чел. В Ярославле открывались школы для эвакуированных детей, беженцы получали финансовую помощь, создавались условия для их проживания в городах. Большую роль в помощи беженцам сыграла местная католическая община. Так, в Ярославле и Рыбинске католики проводили специальные сборы для беженцев, было создано «Общество помощи нуждающимся католикам» во главе с ксёндзом Токаржевским.

Власти занимались трудоустройством беженцев и оказывали им материальную помощь⁸. Был создан специальный комитет помощи беженцам. В этот период, тем не менее, из-за ухудшения общего экономического и социально-политического положения как всей империи, так и в Ярославской губернии полностью решить проблемы беженцев не удалось. В их среде стали расти антиправительственные настроения. Власти опасались распространения пронемецких и проавстрийских настроений и проводили слежку над «польским элементом», так как «большинство поляков в России уже склонно принять австро-германское предложение»⁹. Тем не менее, сведений об открытых выступлениях поляков Ярославщины против российских властей не обнаружено.

В целом взаимоотношения поляков и местного населения Ярославской губернии во второй половине XIX – начала XX в. можно назвать относительно успешным, как в плане отсутствия серьёзных конфликтов, так и по итогам этого взаимодействия (сотрудничество в период Первой мировой войны, деятельность католических общин в городах губернии). Однако вековые конфликты и предубеждения так и не были до конца изжиты и проявлялись в стрессовых и критических ситуациях. Важно подчеркнуть, что объединения поляков, как общестественные, так и религиозные, способствовали сохранению их национальной идентичности по всей империи¹⁰.

⁷ Журнал заседаний Ярославской городской думы за 1915 год. Ярославль, 1915. С. 63.

⁸ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1827.

⁹ Там же. Ф. 73. Оп. 9. Д. 680. Л. 100.

¹⁰ Тинякова Е.А. Католическая вера как островок польской этничности в Курской области // Россия и Польша: долг памяти и право забвения. М., 2009. С. 100–101.

А. ШАБАЧУК
г. Люблин

ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ УНИАТОВ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО, СОСЛАННЫХ ВГЛУБЬ РОССИИ В 1875–1905 гг.

Процесс «очищения» Греко-католической церкви вызвал резкую реакцию униатского населения Царства Польского, которое не желало утратить веру своих отцов и принять «новое вероисповедание». Особенно драматически складывалась ситуация на территории Седлецкой губернии. Несмотря на то, что местное униатское население с равнодушием отнеслось к Январскому восстанию 1863 г., оно поддавалось полонизации. Униаты не желали принимать православие, усматривая в нём очередное проявление русификации. Особенно болезненно это проявлялось в языковой сфере. Вначале российская администрация делала попытки ввести проповеди на «малорусском наречии», но с ликвидацией Греко-католической церкви, оно было вытеснено русским языком¹.

На напряжённую ситуацию в губернии влияние оказала также позиция седлецкого губернатора, который своей быстрой карьерой был обязан усмирению «польского бунта». Степан Степанович Громека безошибочно уловил намерение русских властей, и сам стал инициатором «процесса воссоединения». Некоторые упрекали его в том, что собственные интересы он предпочёл интересам России в Царстве Польском². Трудно установить в какой степени поведение седлецкого губернатора повлияло на ход процесса «воссоединения», но оно способствовало, тем не менее, значительному ухудшению религиозных настроений среди местного населения. Однако это не удержало администрацию от дальнейших шагов³.

Спротивление униатского населения навязанным изменениям продолжалось непрерывно с 1 января 1867 г., с начала процесса «очищения Униатской церкви от латинских инноваций», до самого 1874 г. Власти в такой ситуации не могли оставаться безучастными. В «непокорные» деревни вводились войска, зверски издевавшиеся над местным населением, которое, зачастую неделями, должно было содержать солдат и обеспечивать их расквартирование. Деревни по распоряжению губернатора выплачивали штрафы

¹ WBPL. Sygn. 2163. T. 4. K. 728.

² Среди них варшавский генерал-губернатор И.В. Гурко. См.: AGAD. KWGG. Sygn. 1773. Фрагмент отчёта варшавского генерал-губернатора И.В. Гурко предположительно за 1883 г. К. 46–47.

³ *Совеицкий Н. Холмщина. Очерки прошлого.* СПб., 1912. С. 30сл.

по несколько сот рублей⁴, а когда население было не в состоянии собрать необходимую сумму, тогда на аукцион выставлялось движимое имущество. Продаваемое за бесценок имущество чаще всего скупали еврейские торговцы⁵.

Войска и полиция совершали также и физическое насилие, которое было вызвано, прежде всего, тем, что униатское население не желало безропотно принимать православие, обороняло свои храмы, заставляя их собственными телами, и прогоняло православное духовенство. Особенно драматическая ситуация сложилась на Подлясье, где униаты с одинаковой ненавистью относились и к российским властям, и к силой навязываемому православию⁶. Наиболее громкие события имели место в январе 1874 г. в Дрелеве и Пратулине. Там в результате стычек с войсками от открытого по толпам огня погибло почти сорок человек⁷.

В результате этих событий несколько сотен людей попали в тюрьмы в Белой и Седльцах. Задержанных было так много, что часть из них, из-за отсутствия мест, были отправлены в Брест Литовский⁸. Значительное число освободили сразу же после проведения «воссоединения» в августе 1875 г. Однако выявилась серьёзная проблема – начальники уездов «с воссоединённым населением» сообщили, что эти лица не изменили своего поведения. Не только сами не ходят в церковь, но прельщают и «сбивают с истинного пути» лиц, которые начали уже понемногу соглашаться с действующими порядками. К примеру, в Константиновском уезде жители волости и д. Ольшанка Михал Денисюк и Феликс Ящук, д. Кобыляны волости Гушлев Юзеф Савчук и Семён Томчук вскоре после возвращения домой стали убеждать народ, что старые обряды будут возвращены и что власти не запретят им ходить в костёлы. В свою очередь М. Денисюк вместе с Ф. Ящуком каждое воскресенье собирали всех жителей д. Ольшанка, и вели их в костёл в Лосицах, побуждая своим примером жителей соседних деревень⁹.

Российские власти были вынуждены нейтрализовать нежелательные действия лиц, продолжавших сопротивление. Проблема эта в 1874 г. стала особенно докучливой. Комитет по делам Царства Польского 25 марта 1875 г. издал указ, в силу которого начался процесс высылки бывших униатов в Екатеринославскую и Херсонскую губернии под надзор полиции¹⁰.

⁴ APL. ChZD. Sygn. 64. Отношение седлецкого губернатора Дмитрия Москвина в Министерство внутренних дел от 11 ноября 1881 г. б.р.

⁵ Dobrowolny powrót Unitów Podlaskich na łono Kościoła prawosławnego. Kraków, 1875. S. 15.

⁶ Из рапорта приходского священника из Пратулина Владимира Дрозда от 13 июля 1883 г. следует, что в 1875 г., через год после расстрела местных крестьян в январе 1874 г., Конрал Варенчук из д. Започки Пратулинского прихода во время воскресной службы ворвался в православную церковь, сорвал литургические одеяния со священника Л. Урбана, в то время настоятеля прихода в Соборе, и выволок его наружу, где затем его подхватила толпа и сбросив в протекавшую неподалёку р. Буг, стала там топить. APL. ChZD. Sygn. 945. б.р.

⁷ *Dyłałowa H. Dzieje Unii brzeskiej (1596–1918)*. Olsztyn, 1996. S. 160–174.

⁸ APL. ChZD. Sygn. 64. Отношение седлецкого губернатора Дмитрия Москвина в Министерство внутренних дел от 11 ноября 1881 г. б.р.

⁹ Отношение седлецкого вице-губернатора А. Петрова варшавскому генералу губернатору (вторая половина 1875 г., на документе дата отсутствует). На полях карандашная заметка: «Выслать бы их во внутрироссийские губернии». WBPL. Sygn. 2163. Т. 4. К. 785–785v.

¹⁰ APL. ChWDKP. Sygn. 3704. Отношение варшавского генерал-губернатора епископу Флавиану от 26 апреля 1895 г. К. 2.

Поводом для ссылки бывших униатов вглубь России, по словам седлецкого губернатора, явилось, прежде всего «подавление стремления к сопротивлению наиболее фанатичных приходов посредством высылки тех лиц, которые в период до высылки стояли во главе всех беспорядков среди униатского населения». Основанием для высылки могло послужить уклонение от исполнения обрядов Православной церкви, подстрекательство к этому и другие враждебные православию действия, в том числе сеяние злостных слухов, способствующих распространению сопротивления в форме неисполнения православных обрядов и т.п. Временное выселение этих лиц должно было способствовать обузданию их отрицательного влияния на свои семьи и других жителей деревни, а также, под угрозой наказания, оказывать влияние на общее успокоение умов и принуждения «упорствующих» к подчинению государственным и духовным властям¹¹.

Таким образом, ссылка вглубь России должна была помочь выделиться из среды бывших униатов наиболее враждебные православию и русским властям элементы, чтобы под воздействием различных средств «подвергнуть исправлению». В дальнейшей перспективе это должно было привести к успокоению настроений и уменьшению масштабов сопротивления среди униатского населения. Однако не всё пошло по плану. Эти лица в среде бывших униатов быстро приобрели ореол «мучеников за веру». Стоит подчеркнуть, что власти, планируя кампанию, совершили принципиальную, типичную не только для Царства Польского, ошибку. Не был оценён масштаб проблемы, с которой придётся столкнуться, при попытке свести её к вопросу «польско-латинской пропаганды» среди бывших униатов, а использованные властями и церковью средства оказались неэффективными и неподходящими. Следует помнить, что депортированные представляли собой наиболее уважаемых в своих местностях представителей сообщества. Это была самая сознательная в религиозном отношении группа, зачастую представляющая образованные слои населения. Именно эта группа руководила сопротивлением целых приходов. С другой стороны её поддерживали польские сообщества и Римско-католическая церковь, особенно иезуиты из Кракова, организовавшие сбор денежных средств на её цели и широко освещающие судьбы «упорствующих» униатов¹².

Надзор над ссыльными не был слишком жёстким, и довольно часто случались побеги. Чаще всего «упорствующие» униаты возвращались в родную сторону, где искали поддержки у семьи и других жителей своей деревни. К примеру, в д. Кшивицы Радинского уезда местные крестьяне укрывали у себя двоих беглецов, высланных в Херсонскую губернию. Толпа не только не пожелала выдать беглецов войту, но и направила на войта, солтыса и земского стражника донос, обвиняя указанные лица в применении насилия¹³. Необычайно интересный случай бегства из места высылки описал в 1880 г. благочинный Радинского округа в истории Яна Воловика, сосланного униата из д. Рудно, одной из наиболее непокорных деревень в Радинском уезде.

¹¹ APL. ChWDKP. Sygn. 3704. K. 3v. – 4.

¹² [Победоносцев К. П.] Историческая записка о Холмской Руси и городе Холме, о судьбах униии в Холмском крае и современном положении в нём униатского вопроса. СПб., 1902. С. 44.

¹³ APL. ChZD. Sygn. 990. K. 9–10.

Она принадлежала к числу 21 прихода в Седлецкой губернии, которые в 1875 г. не воссоединились с православием¹⁴. Я. Воловик сбежал из места высылки во Львов, где ему удалось встретиться с местным униатским митрополитом, а также наместником Галиции графом Альфредом Потоцким. Затем он прокрался в д. Рудно, где принялся проповедовать среди местного населения. Его проповеди концентрировались на двух основных положениях: утверждении, что Православная церковь – это не церковь, а «секта» и что православные таинства не обладают никакой силой. Говорил, что хоть бы кто и постился день и ночь и раздал всё своё имущество на благотворительные цели, но исповедался у православного священника, всё равно не будет спасён.

Доказывал, что, будучи в ссылке видел, что исконно православное население подобным образом относится к собственному таинству исповеди. Он сам наблюдал, как православный священник исповедовал не индивидуально, а сразу несколько человек одновременно. По информации благочинного, случай Я. Воловика в его деканате не единичен¹⁵.

Ссылные, как видим, были людьми сознательными и расторопными. Им требовалась огромная находчивость, чтобы без документов пробраться из юго-восточной Украины в Царство Польское, посетив по пути австрийскую Галицию. Российские власти с самого начала сомневались в положительном эффекте «перевоспитания» депортированных униатов. В 1878 г. в Херсонскую губернию был направлен чиновник МВД Баранов, который отметил, что ссылка бывших униатов не дала положительных результатов и, как и раньше, «поддерживают они фанатизм в семьях и находятся под сильным влиянием латинско-польской пропаганды». Уже тогда появились планы возвращения этих лиц, однако переписка по данному делу растянулась до 1881 г., когда по распоряжению властей Холмско-Варшавской епархии в Херсонскую губернию отправилась миссионеры Вахович и Будилович с крестьянином Блыскашем, с целью изучения моральной стороны их жизни и религиозных убеждений¹⁶.

Миссия 1881 г. должна была подготовить сосланных к их возможному возвращению на родину путём их проповедования. Целью миссии также было получение сведений об отношении бывших униатов к православию и российской администрации. Результаты этих исследований были представлены варшавскому генерал-губернатору. Миссионеры разделили всех высланных униатов на три категории: «безопасных» для православия по причине своего тихого и скромного образа жизни, но вне сомнения остающихся поляками-католиками, «подозрительных» лиц и на явных рьяных фанатиков. Все 50–53 чел., отнесённые к первой категории, по мнению миссионеров, могли бы вернуться на родину¹⁷.

¹⁴ В этом приходе в 1876 г. церковь посещали 14 чел. из официально фигурирующих 2016 чел. Никто не исповедывался. Во время визитации Холмско-Варшавского архиепископа Леонтия встретила враждебно настроенная группа местных жителей. AGAD. KWGG. Sygn. 1749. Отношение седлецкого губернатора в Министерство внутренних дел от 22 апреля 1881 г. К. 29.

¹⁵ APL. ChZD. Sygn. 606. b.p.

¹⁶ APL. ChWDKP. Sygn. 3704. Отношение варшавского генерал-губернатора к епископу Флавиану от 26 апреля 1895 г. К. 2v. – 3.

¹⁷ APL. ChZD. Sygn. 871. Отношение седлецкого губернатора к Люблинскому епископу Модесту от 20 мая 1882 г. b.p.

Отчёт, составленный миссионерами, способствовал осознанию российской администрацией масштаба проблемы. Из 334 униатов, высланных на основании решения графа Д.А. Толстого в 1875–1876 гг., через шесть лет большинство было отнесено к категории подозрительных или «фанатиков». Миссионеры, после проведения многочисленных опросов бывших униатов, пришли к выводу, что дальнейшее их пребывание среди смешанного населения, состоявшего из представителей разных народностей, бессмысленно и бесполезно. По этому поводу власти Холмско-Варшавской епархии обратились с просьбой о предоставлении возможности возвращения на родину некоторым из ссыльных. Дело приобрело несколько иной оборот¹⁸.

Возвращение не должно было принять форму амнистии. Духовные власти пришли к мнению, что во время их пребывания на родине, высланные окажутся под строгим надзором полиции и православных духовных, что облегчит положительное на них влияние. Однако верх взяли иные аргументы. Среди православного духовенства появились беспокойные сигналы о вредном влиянии «херсонцев» на семьи и других жителей их деревень. К примеру, влодавский благочинный информировал в рапорте от 5 ноября 1883 г., что сосланные контактировали с местными упорствующими, посылая им письма, в которых писали о «заступничестве за Унию турецкого султана», Папы Римского и австрийского императора и, веря в любовь императора, уверяли о своём желании возвратиться в родные стороны¹⁹.

Именно эта опасная переписка, а также протест архиепископа Леонтия и приходского духовенства против возвращения депортированных, привели к иному решению проблемы. Обоснование несогласия на их возвращение было обычно похожем. Сосланные не отрекаются от своих «ошибок» и даже наоборот, считают себя «мучениками за веру». По этой причине возвращение упомянутых могло бы оказать отрицательное влияние на православное дело в Седлецкой губернии²⁰.

Решение о высылке 40 наиболее враждебно настроенных по отношению к православию «херсонцев» было принято седлецким губернатором, а идею эту поддержал варшавский генерал-губернатор И.В. Гурко. Предполагалось охватить высылкой и семьи ссыльных. Порядок переселения определял указ от 19 февраля 1887 г. Расходы по переселению были покрыты за счёт средств, полученных от продажи конфискованного у них же имущества. По этой причине, вопрос об их возвращении из Оренбургской губернии рассмотрению не подлежал. Стоит добавить, что первоначально власти желали придать данному процессу добровольный характер, а семьи 40 самых рьяных «фанатиков», высланных в Екатеринославскую и Херсонскую губернии, должны были выразить согласие на переселение в Оренбургскую губернию. Такое согласие выразили лишь три семьи. По этой причине было принято решение об их принудительной совместной ссылке²¹.

¹⁸ APL. ChWDKP. Sygn. 3704. Отношение варшавского генерал-губернатора к епископу Флавиану от 26 апреля 1895 г. К. 2v. – 3.

¹⁹ APL. ChZD. Sygn. 1005. b.p.

²⁰ Ibid.

²¹ APL. ChWDKP. Sygn. 3704. Отношение варшавского генерал-губернатора к епископу Флавиану от 26 апреля 1895 г. К. 2–3.

Ссылка униатов в Оренбургскую губернию стала очередной попыткой решения религиозной проблемы административными методами. Граф Д.А. Толстой планировал разрешить херсонскую проблему поэтапно, высылая в Оренбургскую губернию по 20 чел. вместе с семьями. Благодаря умелому использованию этого инструмента министр хотел произвести постепенное возвращение на родину остальных «временно» сосланных. Однако случилось иначе, в Оренбургскую область вместе с арестованными семьями были сосланы самые непокорные. Они-то и отказались принимать в использование наделённую им землю. Так при попытке решения одной проблемы власти столкнулись с другой²². Всего в Оренбургскую губернию попали 40 упомянутых лиц вместе с 47 семьями, в состав которых входило 192 чел.²³

В очередной раз вопрос возвращения сосланных униатов возник в 1894 г. в связи с венчанием царя Николая II. Униаты по этому случаю стали массово направлять жалобы с просьбой предоставить им возможность возвращения на родину. Седлецкий губернатор выразил согласие на возвращение униатов, высланных в Екатеринославскую, Херсонскую и другие губернии, за исключением Оренбургской²⁴. Решение этого вопроса оставалось в ведении церковных властей, которые должны были выразить окончательное согласие на возвращение данных лиц. При этом каждый сосланный, само собой разумеется, возвращался в свою семью и в свою бывшую деревню. Поэтому решение о возвращении или невозвращении фактически принимал православный настоятель его родного прихода²⁵.

Епархиальные власти в принципе разделяли мнение седлецкого губернатора, но ставили некоторые условия. Возвращение должно носить постепенный характер. В первую очередь должны были вернуться те, кто оказался депортирован за уклонение от удовлетворения религиозных треб в Православной церкви, и лишь затем – лица, приговорённые за тяжкие прегрешения. Депортированным следовало объявить, что в случае их неповиновения распоряжениям духовных властей, они будут сосланы вновь. Лица, вернувшиеся на родину, должны будут находиться под постоянным надзором административных властей с целью противодействия их возможной агитационной деятельности²⁶. МВД, в соответствии с ходатайствами, представленными варшавским генерал-губернатором П.А. Шуваловым к архиепископу Холмско-Варшавскому Флавиану, дало согласие на постепенное возвращение «небольшими партиями» сосланных из Херсонской и других губерний, кроме Оренбургской, на основании непосредственного распоряжения варшавского генерал-губернатора²⁷.

В Екатеринославскую и Херсонскую губернии попали униаты из Седлецкой губернии. Скитальческая судьба не миновала также униатов из Люблинской губернии. Нам не известно точное число высланных

²² [Победоносцев К. И.] Указ. соч. С. 65.

²³ Такие данные приводит А.Ф. Кони, однако ошибается в дате высылки: *Кони А.Ф.* На жизненном пути. М., 1912. Т. 1: Из записок судебного деятеля. С. 578.

²⁴ APL. ChWDKP. Sygn. 3704. Отношение варшавского генерал-губернатора к епископу Флавиану от 26 апреля 1895 г. К. 1.

²⁵ APL. ChZD. Sygn. 871. Копия отношения седлецкого губернатора варшавскому генералу губернатору от 19 мая 1882 г. б.р.

²⁶ APL. ChWDKP. Sygn. 3704. Отношение варшавского генерал-губернатора к епископу Флавиану от 26 апреля 1895 г. К. 8–12.

²⁷ APL. ChWDKP. Sygn. 5548. К. 7–8.

из этой губернии, однако в 1881 г. на месте ссылки оставалось пять бывших униатов. Часть из них уже успела вернуться. Основными критериями положительного рассмотрения ходатайства о возвращении, было как поведение депортированного на месте ссылки, так и положение православия в родном приходе и во всей губернии. Процедура возвращения ничем не отличалась от таковой в Седлецкой губернии²⁸.

В 1895 г. из 334 бывших униатов, высланных в Екатеринославскую и Херсонскую губернии, 40 чел. было сослано в Оренбургскую губернию, а 65 чел. умерло в изгнании, 18 чел. вернулось к семьям, 46 чел. сбежало из мест ссылки, четверо были освобождены от надзора полиции с запрещением поселяться на территориях, где проживало бывшее униатское население. В Петроковской губернии под надзором полиции проживал один человек, ещё один был сослан пожизненно, на месте ссылки оставалось 159 чел.²⁹

Эти цифры в последующие годы не изменились. Духовные власти, несмотря на предварительные декларации, не очень благосклонно воспринимали идею возвращения депортированных униатов. Новый православный архиепископ Иероним даже пробовал воспрепятствовать этому мнимому согласию на возвращение. Он направил просьбу на имя министра внутренних дел об отсрочке на неопределённое время исполнения всех просьб, поступающих от бывших униатов по делу о возвращении на родину, а также выдачи разрешений на их временное возвращение из мест ссылки в Седлецкую губернию. Варшавский генерал-губернатор М.И. Четков информировал министра, что выше упомянутое распоряжение его предшественника, определяющее принципы возвращения ссыльных из бывших униатов «малыми группами», в полном объёме реализовано не было. До 1903 г. не было случаев возвращения на родину «партиями». Разрешения на возвращение предоставлялись лишь отдельным лицам и только для временного пребывания. Решения принимались исключительно на основании положительных характеристик, предоставляемых из места ссылки. Что касается просьб означенных лиц о получении разрешения на постоянное возвращение, то таковые предоставлялись «в крайне ограниченном количестве» в тех только случаях, когда просители уже находились на условиях временного пребывания вне ссылки, и по достоверному мнению местных властей не проявляли вредного в религиозном отношении влияния на окружение. 11 марта 1903 г. Святейший Синод отверг просьбу архиепископа Иеронима об отсрочке на неопределённое время разрешений на возвращение из ссылки, имея в виду, что порядок, предусмотренный распоряжением, имел значительные ограничения и «применялся с соблюдением мер предосторожности», а его изменение в настоящий момент нежелательно³⁰.

Решение Святейшего Синода было знаменем новых времён и начала новой религиозной политики. И если иерархия Православной церкви в Царстве Польском принадлежала к явным противникам новой толерантной политики, о чём свидетельствует позиция архиепископа

²⁸ APL. ChWdKP. Sygn. 1340. K. 5.

²⁹ Ibid. Sygn. 3704. Отношение варшавского генерал-губернатора к епископу Флавиану от 26 апреля 1895 г. К. 3v.

³⁰ Ibid. Sygn. 5548. K. 7–8.

Иеронима, а особенно люблинского епископа Евлогия, то в Петербурге доминировали новые реформаторские взгляды. 11 февраля 1905 г. император утвердил решение Комитета министров от 25 января. Его 2-й пункт предписывал отменить все предпринятые по религиозным делам министерствами или местными властями меры, исполняемые на основании законов о защите государственного или любого иного порядка. В силу данного указа, все находящиеся под надзором полиции бывшие униаты были освобождены от надзора и получили право свободного выбора места жительства на территории империи³¹.

Мы не располагаем точными данными, которые могут помочь определить число униатов, сосланных вглубь России в 1874–1905 гг. Нам не известно, как много их решило вернуться на родину уже в 1905 г., сколько вернулось позднее и сколько обосновалось на месте ссылки. С перспективы времени можно заметить, что ссылка не стала «исправительной» мерой и не успокоила настроений униатского населения. Ссылные остались в восприятии, по крайней мере, части униатского населения, «мучениками за веру», а их тяжёлое положение систематически представляла польскому общественному мнению иностранная пресса. С этой точки зрения ссылка принесла несоразмерный вред православному вероисповеданию в Царстве Польском.

³¹ APL. Kancelaria Gubernatora Lubelskiego (Канцелярия Люблинского губернатора). Sygn. 1905:130. Отношение канцелярии варшавского генерал-губернатора к люблинскому губернатору от 9 марта 1905 г. К. 48–48v.

Р.Р. ШИГАБУТДИНОВ
г. Казань

«СЫН... СЛАВЯНСКОГО ПЛЕМЕНИ» Г.Ф. ШЕРШЕНЕВИЧ – КАНДИДАТ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ «ОТ РУССКО-ТАТАРСКОГО ГОРОДА»

Дореволюционная Казань была одним из главных региональных центров польской ссылки в России. К концу XIX в. в городе насчитывалось ок. 15 тыс. поляков. Социальный состав был неоднородным: существенную часть составляли студенты, присланные из западных городов империи, профессора Казанского университета и других учебных заведений, польские военные и предприниматели, а также бывшие чиновники Царства Польского, уволенные со службы за политическую неблагонадежность. Поляки интегрировались в местную жизнь и вносили в неё либеральные традиции. Польские профессора Казанского университета занимали активную общественную позицию, принимали участие в благотворительной, научно-просветительской жизни города¹.

Одной из знаковых фигур был выдающийся правовед, политик, профессор Казанского университета Габриэль (Гавриил-Иосиф-Губерт) Феликсович Шершеневич (1 января 1863 – 31 августа 1912). Он внёс значительный вклад в политико-правовую науку, занимался как широкой разработкой общих проблем становления правового государства и гражданского общества, так и новых теоретико-практических направлений в российском правоведении: гражданского, торгового, авторского права и т.д. Г. Шершеневич являлся профессором Казанского (1888–1906 гг.), Московского (1906–1911 гг.) университетов и других высших учебных заведений Москвы, где был организатором научной работы, разработчиком учебных курсов и дисциплин.

Г. Шершеневич был не только учёным, педагогом, но и политиком, одним из идеологов отечественного либерализма. Ещё с 1880-х гг. он участвовал в деятельности общественных объединений и органов местного самоуправления г. Казани. В начале XX в. он принимал активное участие в политической жизни России.

Г. Шершеневич являлся одним из организаторов и видным деятелем Казанского отдела кадетской партии, которое было сформировано осенью 1905 г. В секретариат отделения партии вошли как ученики Г. Шершеневича: М.С. Венецианов, барон А.А. Симолин, Г.Г. Тельберг, так и его друзья: А.Г. Бать и А.В. Васильев. Количество членов

¹ Шарифжанов И.И. Благотворительная и просветительская деятельность польских профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета // Казанский университет как исследовательское и культурное пространство. Казань, 2005. С. 41–42.

партии быстро росло, поэтому возникла необходимость структурировать отделение в рамках всей губернии. 31 декабря 1905 г. был создан губернский комитет.

В списке губернского комитета отсутствовала фамилия Габриэля Феликсовича Шершеневича. Предположим, что формально он был членом Санкт-Петербургского комитета партии, о чём говорят некоторые факты. Во-первых, 18 января 1906 г. Г. Шершеневич именно как представитель Санкт-Петербургского комитета, по приглашению Ямбургского комитета, приезжал на предвыборный митинг². Во-вторых, на II съезде партии он был избран членом Центрального комитета как представитель Санкт-Петербургского комитета³. Конечно, необходимо учитывать, что партия только складывалась, и могли быть допущены неточности в определении принадлежности. Но фактически губернским комитетом руководили профессор А.В. Васильев, Г.Ф. Шершеневич и управляющий отделением Волжско-Камского коммерческого банка А.Н. Аносов⁴. Это подтверждает, что Г. Шершеневич был выбран делегатом от Казанского губернского комитета на II Общероссийский съезд партии⁵.

На II съезде Г. Шершеневич подчеркнул важность сотрудничества с лидерами татарского национального движения: «татары – это элементы, на которых наша партия может сильно опереться» и необходимо, чтобы «наша программа была переведена на татарский язык», и если «татары примкнут к нашей партии, то мы приобретём тридцать миллионов сочленов»⁶. В январе 1906 г. на II Всероссийском мусульманском съезде было принято решение примкнуть на выборах к кадетам. В соответствии с этим решением в Казанской губернии мусульмане вошли в блок с кадетами, выставив общий список⁷. 5–6 февраля 1906 г. Ю. Акчура от имени мусульманского съезда заключил соглашение с ЦК партии кадетов. ЦК принял решение о поддержании постоянных контактов между «представителями мусульман и центральными органами партии, а также между местными партийными комитетами и комитетами мусульманскими для согласования действий в избирательной кампании»⁸.

На II съезде партии Г. Шершеневич выступал за участие партии в выборах. «Участие в предвыборной агитации даст возможность подвести наши счёты, – говорил он, – сплотиться ещё более, чем в настоящее время. Мы должны ввести партийную дисциплину, которой не существует у нас до сих пор»⁹. Съезд большинством голосов санкционировал участие партии в выборах в Думу¹⁰. Съезду и ЦК определялась «роль идейного руководства партии». На заседание был избран Центральный комитет, куда вошёл Г. Шершеневич¹¹.

² Вечернее эхо. 1906. 25 января. №29.

³ Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы): Постановления II Съезда 5–11 января 1906. Программа. СПб., 1906. С. 3.

⁴ Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией. М., 1983. С. 80.

⁵ Айнутдинова Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900–1917). Казань, 2003. С. 42.

⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3-х т. М., 1997. Т. 1: 1905–1907 гг. С. 57.

⁷ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 240.

⁸ Хабутдинов А.Ю. Мусульмане-татары и выборы во Всероссийский парламент // <http://www.islamnn.ru/print.php?sid=1080> Но не везде национальное население отдавало голоса кадетам. В Нижегородской и Тамбовской губернии избиратели-мусульмане примкнули на выборах к умеренно прогрессивной партии. См.: Сидельников С.М. Образование и деятельность I Государственной думы. М., 1962. С. 123.

⁹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии... С. 78–79.

¹⁰ Там же. С. 179.

¹¹ Там же. С. 149.

Ещё в ноябре 1905 г. кадеты начали вести агитацию в Казани. Секретариат начал знакомить население с программой партии, которая продавалась «в огромном количестве разносчиками на более людных улицах, площадях и в учреждениях, посещаемых публикою»¹². В популяризации программы принял участие Г. Шершеневич, изложив её в доступной форме. В конце ноября 1905 г. была издана его брошюра, которая распространялась и в Санкт-Петербурге и в Риге¹³. Брошюра имела огромное значение, и на II съезде член ЦК А.А. Корнилов перечисляя популяризаторов программы, отметил, что «следует упомянуть о подробном изложении программы к.-д. партии, изданном в Казани проф. Шершеневичем»¹⁴.

Брошюра получила оценку правомонархистов. Газета «Казанский телеграф», отстаивающая лозунг «единой и неделимой России» и притерживающая крайних монархических и антисемитских позиций, критиковала программу кадетов, в том числе пункт о реорганизации Русской православной церкви, освобождения её от государственной опеки. Автор, скрывающийся под псевдонимом Сводум, с издёвкой подчёркивал еврейскую национальность некоторых членов Казанского отдела партии¹⁵. Подобные статьи появились и на Г. Шершеневича. В них указывалось на его национальность – «он – поляк, т.е. сын того славянского племени, которое отличается горячностью темперамента (недаром поляков называют северными французами)»¹⁶.

Наряду с массовым распространением кадетской литературы широких размеров достигла устная пропаганда. Для подготовки кадров пропагандистов в Москве и Петербурге были созданы агитаторские курсы. ЦК поручил Г. Шершеневичу выступить в качестве лектора на агитационных курсах в Москве¹⁷. В октябре 1905 г. в Костроме в общественном клубе «были организованы лекции на злободневные общественно-политические темы, которые читали приглашённые из Москвы профессора и литераторы (Шершеневич и Гольцев и др.)», – вспоминал З.Г. Френкель¹⁸. 18 января 1906 г. Г. Шершеневич вместе с И.В. Гессеном и Г.Ф. Гессеном был на предвыборном митинге в Ямбурге. В результате записалось в члены партии свыше ста человек¹⁹. С разьясениями

¹² Казанский телеграф. 1905. 18 ноября. №3844.

¹³ См.: Шершеневич Г.Ф. Программа конституционно-демократической партии в общедоступном изложении. Казань, 1905. Заметим, что 24 ноября 1905 г. появились объявления о продаже брошюры Г.Ф. Шершеневича, которую можно было приобрести в книжных магазинах «Бр. Башмаковых» по цене 10 к. Брошюра продавалась в Санкт-Петербурге и Риге (Казанский телеграф. 1905. 24 ноября. №3848). К слову, Н.Я. Башмаков был видным членом Казанского отделения партии кадетов и его магазин был местом агитации за программу (Волжский листок. 1905. 9 декабря. №329).

¹⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии... С. 52.

¹⁵ Член партии проходивцев Алексей. [Маленький фельетон] Окончание программы конституционно-демократической партии // Казанский телеграф. 1905. 24 ноября. №3848. Приведём характерную цитату из этой статьи: «Мы со своей стороны вполне присоединяемся к последнему требованию и надеемся, что такие знатоки православия как Г.Г. Тельберг (по национальности швед. – Р.Ш.), а в особенности А.Г. Бать и М.С. Венецианов успешно справятся с намеченным поручением... Жаль только, что этой компании не добавлен ещё почтеннейший М.Б. Зельдович, которого познания в Талмуде были бы нелишние при этой работе». См. также: Савинов В.В. Открытое письмо Казанскому отделению конституционно-демократической партии // Казанский телеграф. 1905. 25 ноября. №3849.

¹⁶ Сводум. Программа конституционно-демократической партии в общедоступном изложении // Казанский телеграф. 1905. 2 декабря. №3855.

¹⁷ Протоколы ЦК кадетской партии периода первой русской революции // Вопросы истории. 1990. №5. С. 89.

¹⁸ Френкель З.Г. Записки о жизненном пути // Вопросы истории. 2006. №9. С. 109–110.

¹⁹ Вечернее эхо. 1906. 25 января. №29.

программы Г. Шершеневич планировал выступить и в Казани. На 31 января 1906 г. была намечена публичная лекция «Аграрный вопрос с точки зрения Конституционно-демократической партии». 30 января ему было отказано в прочтении лекции²⁰. В Казани были запрещены лекции и других кадетских ораторов. По свидетельству газеты «Волжский листок», председатели участковых предвыборных собраний получали специальное распоряжение не допускать речей на политические темы²¹.

Согласно постановлению II съезда ЦК наделялся надзорными и руководящими функциями, имел право опротестовать действия местных отделений²². В работе ЦК участвовал и Г. Шершеневич, который вместе с П.Б. Струве выработал проект соглашения с другими партиями для проведения некоего числа представителей от рабочих в Думу²³. В соавторстве с П.Н. Милюковым Г. Шершеневич составил комментарий и указатель литературных пособий к программе партии и её тактическим постановлениям. Вместе с М.М. Винавером и Л.И. Петражицким организовывал издание брошюр, которые «выясняли действия правительства, отношения к ним партии и способствовали бы организации общественного мнения»²⁴. В «серии Б издание для народа» были переизданы брошюры Г. Шершеневича «Народные представители» и «Программа партии Народной Свободы (конституционно-демократическая) в общедоступном изложении»²⁵. В Москве цензура запретила выпуск брошюр его и Ф.Ф. Кокошкина²⁶.

В начале марта 1906 г. в самый разгар предвыборной кампании Г. Шершеневич возвратился в Казань²⁷. Местное отделение партии наметило его и А.В. Васильева в выборщики по 1-му избирательному участку²⁸. Царско-Народный Союз пытался отстранить от участия в выборах Г. Шершеневича. Была подана жалоба в губернскую по выборам комиссию. В ней говорилось, что он незаконно включён в список избирателей, так как избирательный ценз по должности утратил и не обладает цензом квартирного налога, потому что не живёт в Казани. Но губернская комиссия признала включение в список правильным²⁹.

Г. Шершеневич активно включился в избирательную борьбу и уже 9 марта 1906 г. был в составе делегации партии, отправившейся к прокурору по поводу ареста Ю.Х. Акчуры³⁰. 12 марта 1906 г. в зале Городской думы состоялось четвёртое предвыборное собрание по 1-му избирательному участку г. Казани. Было ещё более многолюдно, чем на предшествующих

²⁰ Вечернее эхо. 1906. 31 января. №35.

²¹ Волжский листок. 1906. 25 января; 15 февраля.

²² Съезды и конференции конституционно-демократической партии... С. 184–185.

²³ Протоколы ЦК кадетской партии периода первой русской революции... С. 89.

²⁴ Там же. С. 90, 92.

²⁵ См.: Шершеневич Г.Ф. Народные представители. М., 1906; Он же. Программа партии Народной Свободы (конституционно-демократическая) в общедоступном изложении. М., 1906.

²⁶ Протоколы ЦК кадетской партии периода первой русской революции... С. 98.

²⁷ 30 января 1906 г. Г.Ф. Шершеневич по партийным делам уехал из Казани. См.: Вечернее эхо. 1906. 31 января. №35.

²⁸ Казанский телеграф. 1906. 10 марта. №3932.

²⁹ Там же. 16 марта. №3937; Вечернее эхо. 1906. 23 марта. №76. Л. 3.

³⁰ Ю.Х. Акчура имел высокие шансы стать депутатом. Властям понадобилось использовать силу для его устранения. В начале марта 1906 г. он был арестован. Перед этим был произведён обыск в редакции – Ю.Х. Акчура являлся фактически секретарём газеты «Казан мухбире» – и на его квартире, оказавшийся безрезультатным, тем не менее, он был помещён в тюрьму. Ю.Х. Акчура был исключён из числа кандидатов, и просидев чуть более месяца в тюрьме и не получив никакого обвинения, на следующей день после окончания выборов был освобождён. См.: Урманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань, 2006. С. 13–14.

собраниях. Оппонентами были правомонархические партии³¹. Профессор познакомил избирателей с аграрной программой партии, которая говорит «не только о наделении крестьянина землёю, но образованием и правами», потому что «дать одну землю и не дать образования – значит, вызвать аграрный вопрос к жизни через каких-нибудь 10 лет, дать образование и не дать земли – значит, развить потребности и лишить средств на их удовлетворения и т.д.». Г. Шершеневич указал, что «земля должна быть приближена к землевладельцу», но необходимо соблюдать священное право собственности. Он видел выход в выкупе земли, но выкуп не по рыночной, а по справедливой цене³². Его выступление сопровождалось аплодисментами. Оппоненты высказали мнение, что главное различие между кадетами и их партией – вопрос о самодержавии, а «люди, стоящие за конституцию, – враги Государя»; и рекомендовали выбирать в Думу «людей православных, верующих, верноподданных, и не выбирать таких, которые меняли свою религию», – подчёркивал монархист Троицкий³³.

17 марта 1906 г. в зале Нового клуба выступил Г. Шершеневич с публичной лекцией «Наши партии»³⁴. Он подчеркнул, что политическим идеалом кадетов является конституционная монархия, «при которой законодательная власть осуществляется совместно с монархом и народом, в лице его представителей». Г. Шершеневич указывал, что конституционная монархия должна быть парламентарной и настаивал на равноправии всех граждан. Важнейшим условием прогресса он считал необходимость введения всеобщего народного образования³⁵.

Предвыборные собрания показали, что самой деятельной партией в Казани была партия кадетов. Это признавали её противники и раздавались голоса объединения других оппозиционных политических сил Казани, поскольку ни одна из партий «не может конкурировать с кадетами, особенно если принять во внимание энергию и настойчивость кадетов в предвыборной агитации»³⁶.

17 марта 1906 г. кадеты официально представили избирателям своих выборщиков в городское избирательное собрание. В списке по 1-му участку под №20 был указан Г. Шершеневич³⁷. С 21 марта в газете «Вечернее эхо» публикуется сообщение, в котором призывалось голосовать за список выборщиков от партии, а ответственными за участки, к которым можно обратиться за справками и разъяснениями и получить список выборщиков были А.Г. Бать и Г.Ф. Шершеневич³⁸.

26 марта 1906 г. состоялись выборы выборщиков. Явка избирателей была низкой, и из 3214 избирателей голоса подали лишь 1442. Избранными оказались все выставленные кандидаты в выборщики – члены Партии

³¹ К выборам в Государственную Думу [Предвыборное собрание по 1 участку] // Казанский телеграф. 1906. 15 марта. №3936.

³² Четвёртое предвыборное собрание по 1 участку г. Казани 12 марта // Вечернее эхо. 1906. 13 марта. №67.

³³ К выборам в Государственную Думу [Предвыборное собрание по 1 участку] // Казанский телеграф. 1906. 15 марта. №3936. Газета «Волжский курьер» констатировала, что «кадеты одержали верх» (Предвыборное собрание // Волжский курьер. 1906. № 27. 15 марта).

³⁴ Вечернее эхо. 1906. 17 марта. №71.

³⁵ Наши партии // Там же. 22 марта. №75.

³⁶ Казанский телеграф. 1906. 22 марта. №3942.

³⁷ Вечернее эхо. 1906. 17 марта. №71; Казанский телеграф. 1906. 17 марта. №3938.

³⁸ Вечернее эхо. 1906. 21 марта. №74.

народной свободы³⁹. Больше всех голосов получили ректор университета – профессор Н.П. Загоскин – 804, профессор А.В. Васильев – 797, купец А.Д. Чернояров – 783, профессор Г.Ф. Шершеневич – 778⁴⁰.

Монархисты пытались оспорить результаты итогов выборов по 1-му участку. Вновь была подана жалоба в губернскую комиссию по выборам в Думу, в которой утверждалось, что Г. Шершеневич не имел права участвовать в выборах в Казани, и в список избирателей по квартирному налогу включён неправильно. «Он из дома Осокиной, где жил до отставки, – говорится в жалобе, – выехал, оставив Казань вовсе ещё в ноябре 1905 г., а в доме Бергмана он снял квартиру уже 9 марта 1906 г., т.е. после обнародования списков, что удостоверяет полицейское управление». Отмечалось, что на 1-м участке в день выборов в помещении управы раздавались избирателям-кадетам заготовленные заранее избирательные списки с именами кадетских выборщиков⁴¹. Жалоба была признана неосновательной и оставлена без последствий⁴².

Вскоре выборщики-кадеты, совместно с губернским комитетом партии наметили первым кандидатом в члены Государственной Думы от г. Казани – Г.Ф. Шершеневича, вторым – И.И. Бабушкина, третьим – Н.И. Гусева. 31 марта 1906 г. состоялось второе частное собрание выборщиков партии, где присутствовали и выборщики от мусульман. Последние заявили, что в своей среде обсуждали вопрос о депутате и пришли к заключению, что наиболее желательным лицом является Г. Шершеневич, за которого мусульмане и будут подавать голоса на выборах. Габриэль Феликсович благодарил за оказанное доверие и заметил, что «то обстоятельство, что за меня подают голоса, как члены партии народной свободы, так и все мусульмане, даёт мне право считать себя истинным представителем от Казани». Кандидат считал, что «именно наша партия более способна дать России новый порядок», а её программа настолько широка, что выполнение её способно удовлетворить накопившееся в народе недовольство». Он ответил и тем, кто считал, что определяющим в выборе должны быть национальность. «Да, я поляк и никогда от этого не отрекался... я не изменил своей вере (римско-католическому вероисповеданию. – Р.Ш.), хотя в интересах службы меня и манили в православие». «Я проникнут общерусским мировоззрением, я служил русской науке, я воспитывал сам русских деятелей»⁴³.

В начале апреля 1906 г. состоялось собрание партии, на котором было принято решение наметить Г. Шершеневича кандидатом в члены парламента от Казани. В «Казанском телеграфе» появились публикации октябристов, считавшие выбор кадетов неудачным. Они полагали, что к Партии народной свободы примкнуло достаточно деятелей «солидных, известных, уважаемых, во всяком случае, стоящих выше г. Шершеневича, не кричащих о себе» и указывали, что достойные кандидаты – профессор Н.П. Загоскин и доктор Р.Ф. Николаи. «Конечно, этим людям не занимать у г. Шершеневича ума и знаний, а опытность, знание людей и жизни, пожалуй, г. Шершеневичу можно занять у этих людей. Если он горяч на словах – это не значит, что он покажет себя на делах»⁴⁴.

³⁹ Вечернее эхо. 1906. 28 марта. №80; Там же. 29 марта. №81.

⁴⁰ Казанский телеграф. 1906. 29 марта. №3947.

⁴¹ Там же. 6 апреля. №3951.

⁴² Там же. 11 апреля. №3955.

⁴³ К вопросу о депутатии от г. Казани [Начало] // Вечернее эхо. 1906. 6 апреля. №86.

⁴⁴ Неудачный кандидат в Государственную Думу от города Казани // Казанский телеграф. 1906. 13 апреля. №3957.

Октябристы призывали Г. Шершеневича снять свою кандидатуру и «уступить её следующим кандидатам, иначе он останется без поддержки казанского общества, большинство которого всё-таки состоит из октябристов и царско-народников». По их мнению, кадеты перешли «к пределу напряжения» общественного настроения», когда планируют «посадить поляка, каковым считает себя г. Ш., в Думу от русско-татарского города»⁴⁵. Октябристские публикации причисляли Г. Шершеневича к «польским агитаторам», утверждая, что автономия Польши, за которую выступали кадеты, негативно скажется на территориальной целостности страны. Г. Шершеневич и кадеты-космополиты, симпатии которых «на стороне инородцев, особенно поляков и евреев» и считали, что казанские татары совершили крупную ошибку, поддержав кандидата кадетов, полагая, что последние совершенно равнодушны «к татарским интересам»⁴⁶.

Правые монархисты и октябристы категорически не могли согласиться с кандидатурой кадетов, мотивируя тем, что «он не местный уроженец, не постоянный житель и поляк» и готовы были смириться с избранием профессора Н.П. Загоскина, и даже готовы были принять меры «к проведению в депутаты кого-нибудь из выборщиков-мусульман, не принадлежащих в действительности ни к одной из названных партий»⁴⁷. По инициативе октябристов, 14 апреля 1906 г. состоялось предварительное совещание городских выборщиков по вопросу о желательном кандидате от г. Казани. Явились в собрание почти все выборщики. У октябристов не получилось наметить другого кандидата. Они предложили обсудить личные качества кандидата, но кадеты сходились в том, что личность депутата не имеет никакого значения, а главное – политические убеждения. Октябристы вновь предложил наметить другого кандидата, но большинство отклонили это предложение, после чего все представители Союза 17 октября и Царско-народного общества «демонстративно поднялись с мест и удалились из зала заседания»⁴⁸.

14 апреля 1906 г. в зале Казанской городской думы состоялось городское избирательное собрание по выборам представителя от г. Казани в Государственную Думу. Явилось в собрание 80 выборщиков из 81. Записками были намечены кандидаты. При подсчёте записок за профессора Г.Ф. Шершеневича было подано 66 записок «за», П.Н. Загоскина – 13 «за» и И.И. Бабушкина – 1 «за». Последние отказались баллотироваться. Г. Шершеневич получил 66 избирательных шаров и 13 неизбирательных. Таким образом, депутатом г. Казани был избран Г.Ф. Шершеневич⁴⁹.

В тот же день в ресторане на Чёрном Озере было устроено, по инициативе нескольких десятков избирателей, чествование избранных депутатов от Казани и губернии. На этом банкете присутствовали профессор Г.Ф. Шершеневич, А.В. Васильев и присяжный поверенный С.Г.Ш. Алкин. Был организован сбор пожертвований в пользу голодающих, в результате было собрано 200 р. «Всю ночь пиروвали, разошлись и разъехались только после 2-х часов пополуночи»⁵⁰.

Таковы некоторые страницы политической биографии выдающегося юриста Г.Ф. Шершеневича.

⁴⁵ Рудин. Кадетский кандидат в Государственную Думу // Там же. 14 апреля. №3958.

⁴⁶ Рождествин А. К чему приведёт автономия Польши // Там же. 16 апреля. №3960.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. 18 апреля. №3961.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. 19 апреля. №3962.

*В.А. НЕСТЕРЕНКО
г. Каменец-Подольский*

ПОЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В ПЕРИОД УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1917-1920 гг.)

К наиболее сложным и противоречивым темам в истории украино-польских межэтнических отношений принадлежит вопрос о взаимоотношении между этими славянскими народами, их государственными и политическими элитами в бурный период 1917-1920 гг.

Целью данной статьи является анализ политики Украинской Центральной Рады (далее – УЦР), Гетманата П. Скоропадского, Директории Украинской Народной Республики (далее – УНР), украинских политических партий по отношению к полякам Правобережной Украины (Волынской, Киевской и Подольской губерний). Значительное внимание уделено также вопросу отношения поляков, их политических и культурно-образовательных организаций к разным формам украинской государственности.

Прежде всего, кратко рассмотрим национальную структуру населения исследуемого региона. Перед Первой мировой войной на территории Правобережной Украины проживало 15 853 100 чел. Среди них украинцев насчитывалось 11 531 220, евреев – 2 047 890, русских – 770 290, поляков – 740 000, немцев – 354 340¹. Другие этнические общности (чехи, белорусы, молдаване и др.) были совсем малочисленные. Правда, во время мировой войны в этой структуре произошли значительные изменения. В частности, почти всё немецкое население Волыни было выселено царской властью за пределы пограничных районов Российской империи. Многих евреев Подольской губернии обвинили в шпионаже в пользу Австро-Венгрии и также депортировали.

Февральская революция, падение самодержавия, начало демократических преобразований позитивно были встречены подавляющим большинством поляков. В целом поддержали они создание и первые шаги УЦР, которая декларировала себя как представительный орган украинцев, проживавших в России. Провозгласив в своих первых универсалах право украинцев быть хозяевами на своей земле, руководители УЦР (М. Грушевский, С. Ефремов и др.) поддержали право других этносов (русских, поляков, евреев и др.) на удовлетворение своих национально-культурных потребностей. Лидеры наиболее влиятельных украинских политических партий (УСДРП, УПСР, УПСФ)

¹ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність: Документи і матеріали. Київ, 1997. Т. 1. С. 304.

разделяли популярную в то время в Западной Европе идею национально-персональной автономии, которую разработал в конце XIX в. известный австрийский социалист К. Реннер. Именно председатель УЦР М. Грушевский немного позже впервые в украинском общественно-политическом движении разработал программу практического обеспечения социальных, культурно-образовательных прав всех этносов, проживавших на территории Украины².

23 июня 1917 г. в Киеве состоялся съезд польских организаций, на котором присутствовали 558 делегатов от почти всех районов Украины, где компактно проживало польское население. Съезд поддерживал деятельность УЦР, в состав которой позже вошло несколько членов польских социалистических партий³. Вместе с тем, на съезде в выступлениях отдельных делегатов прозвучало, что для польского населения Украины «необходима солидарность с политикой коренной Польши». В условиях отсутствия независимого Польского государства эти две позиции могли уживаться одна с другой.

Однако последующее развитие Украинской революции уже после прихода большевиков к власти в Петрограде вызвало неудовольствие и критики политики УЦР со стороны правой части польского сообщества. Причиной этому была социальная политика УЦР и её исполнительного органа – Генерального секретариата. В частности, польские помещики Подолья и Вольни негативно отнеслись к III универсалу УЦР от 7 (20) ноября 1917 г. В этом документе говорилось о том, что помещики должны были часть своих владений без выкупа отдать крестьянам. Против этого универсала решительно выступило и римско-католическое духовенство Луцко-Житомирского диоцеза во главе с епископом И. Дубовским⁴.

Однако несмотря на сложные отношения между украинскими крестьянами и польскими помещиками, можно согласиться со словами известного украинского политического деятеля, историка Д. Дорошенко, который считал, что в 1917 г. поляки были единственной национальной группой, которая (в отличие от евреев или русских) пыталась путём сотрудничества с Центральной Радой и Генеральным секретариатом защитить свои национальные и социальные права как отдельное национальное меньшинство⁵.

После объявления 22 января 1918 г. IV универсала УЦР, в котором провозглашалось создание независимой Украинской Народной Республики и принятия закона о национально-персональной автономии, поляки УНР получили большие возможности для решения своих социально-экономических, культурно-образовательных и религиозных вопросов. При правительстве УНР (Раде народных министров) было создано министерство по польским делам, которое возглавил М. Мицкевич. В течение нескольких месяцев в сложных условиях борьбы частей УНР против большевиков министерством

² Рафальський О. Національні меншини України у ХХ столітті: Історіографічний нарис. Київ, 2000. С. 84.

³ Polacy na Ukrainie. Zbiór dokumentów. Cz. 1: lata 1917–1939. Przemysł, 1999. T. 2. S. 2.

⁴ Rosowski W. Diecezja Kamieniec-Podolska w latach 1917–1921 // Pasterz i Twierdza. Księga jubileuszowa dedykowana Księdzu Biskupowi Janowi Olszańskiemu ordynariuszowi diecezji w Kamieńcu Podolskim. Kraków; Kamieniec Podolski, 2001. S. 210.

⁵ Національні меншини України у ХХ столітті: історико-правовий аспект. Київ, 2000. С. 73.

по польским делам было создано ок. 1200 польских начальных заведений на территории Киевской, Подольской и Волынской губерний. Кроме того, начали работать 31 польская гимназия и польская коллегия в Киеве⁶.

Национальная и социальная политика гетмана П. Скоропадского, пришедшего к власти на Украине 29 апреля 1918 г. при поддержке немецких и австро-венгерских войск, значительно отличалась от деятельности социалистической УЦР. Социальной опорой Гетманата были правые политические круги, землевладельцы. Польские помещики пытались при поддержке центральной власти вернуть потерянные ранее земли. Когда австро-венгерские войска, которые в это время фактически оккупировали Правобережную Украину, отказались помогать польским землевладельцам вернуть им их поместья, последние стали обращаться за помощью к польским легионам. Это привело к многочисленным социальным конфликтам между польскими помещиками и украинскими крестьянами на Волыни и Подолье.

Гетманская государственная администрация в своей национальной политике взяла курс на ликвидацию введённой при УЦР национально-персональной автономии. В частности, в своём заявлении 8 июля 1918 г. П. Скоропадский заявил, что национальные привилегии и права могут только способствовать развитию национальной борьбы и привести к межэтническим конфликтам. Вследствие этого закон о национально-персональной автономии был отменён. Однако следует отметить, что проводя свою социально-экономическую политику в пользу помещиков и дворян, П. Скоропадский был заинтересован в поддержке польских землевладельцев. При гетмане функционировал «Союз поляков-землевладельцев», созданный для защиты «публичных и частных прав польского населения». Продолжали открываться новые польские учебные заведения. 12 польских гимназий были поставлены на государственное обеспечение. Осенью 1918 г. польская община Каменца-Подольского открыла две новые польские гимназии, а при только что созданном Каменец-Подольском государственном украинском университете начала работать кафедра польской литературы⁷.

15 ноября 1918 г., после поражения стран Четверного блока в Первой мировой войне, началось, возглавляемое Директорией УНР, восстание против гетмана П. Скоропадского. Лишённый народной поддержки, он в декабре 1918 г. оставил Украину и эмигрировал в Германию. Директорию УНР возглавили известные украинские социал-демократы В. Винниченко и С. Петлюра. Директория задекларировала своё желание воссоздать принципы национальной политики УЦР по отношению к национальным меньшинствам. 10 декабря 1918 г. было принято решение – опять ввести действие закон УЦР от 9 (22) января о национально-персональной автономии.

Однако возобновить в полном объёме те учреждения национального самоуправления, что действовали при УЦР, Директория

⁶ Polacy na Ukrainie... S. 2.

⁷ Кравець С.М. Національно-культурна політика в Україні в 1917–1918 роках // Національні меншини Правобережної України. Історія і сучасність. Житомир, 1998. С. 20–23.

не спешила. Возрождение национально-персональной автономии касалось только еврейской общины. В то же время, глава Директории В. Винниченко считал, что возобновить деятельность польского министерства можно лишь после урегулирования вопроса о правах украинцев в возрождённом Польском государстве.

На наш взгляд, нежелание Директории создать национально-персональную автономию для польского населения УНР объясняется несколькими основными причинами.

Во-первых, начиная с ноября 1918 г. проходила жестокая борьба на территории Восточной Галиции между Польской армией и Украинской Галицкой Армией (УГА) – вооружёнными силами Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР). После «Акта Злуки» (т.е. акта воссоединения) 22 января 1919 г. Западная Украина формально вошла в состав УНР как Западная область.

Во-вторых, многие поляки Правобережной Украины активно включились в процесс строительства возрождённой независимой Польши, а некоторые надеялись на присоединение Подолья и Волыни к Польскому государству. Для реализации этой цели они иногда создавали военные отряды. Так, в январе 1919 г. в сёлах Фельштин, Куревка Проскуровского уезда вооружённые поляки поднялись на борьбу против УНР. Это выступление бескровно было прекращено⁸.

Кроме того, различные польские культурно-образовательные учреждения (например, «Macierz szkolna na Podolu») поставили перед собой задачу – добиться того, чтобы вся Правобережная Украина вошла в состав Польши. В печатных изданиях этого общества об украинцах писалось исключительно как о «гайдамаках», которые могли только всё разрушать, в то время как деятельность поляков оценивалась исключительно позитивно. Подобные взгляды были распространены не только среди польских консервативных, но и среди социалистических кругов⁹. Некоторые из них в своё время поддерживали независимость УНР, но после возрождения Польши изменили свою позицию относительно самостоятельности Украины. В этих условиях создание отдельного польского министерства, других органов самоуправления могло бы стать легальным прикрытием для проведения агитационной антиукраинской работы.

В-третьих, Директория, другие украинские государственные институты должны были считаться с настроениями украинских политических партий и местного крестьянства, которые были настроены решительно антипольски. Рассмотрим материалы только некоторых периодических изданий УНР, которые хорошо отражали общественное мнение. В печатном издании Подольской губернской народной управы газете «Село» была напечатана большая статья «Гайдамачина», в которой идеализировались гайдамаки, а вся вина за кровопролитные восстания против польской власти в 1734, 1750, 1768 гг. переносилась исключительно на польских магнатов, шляхту, католических священников¹⁰.

В печатном издании информационного бюро Армии УНР «Новини», что выходил в Жмеринке, 14 февраля 1919 г. был напечатан очерк

⁸ Робітнича газета. Орган Центрального проводу УСДРП. 1919. 2 лютого.

⁹ Гай С. Польський стан посідання // Вісник УНР. 1919. 7 лютого.

¹⁰ Село. 1918. 29 листопада.

«Поляки на Украине», который давал резко негативную характеристику польской общности Украины. Например, говорилось о том, что местные польские помещики используют все способы, чтоб вернуть потерянную раньше землю. Одни из них надеялись на поддержку стран Антанты, десант которой высадился в конце 1918 г. на Юге Украины, другие – искали помощи в Польше. Как отмечала редакция газеты, большинство польских помещиков своей «нечестной и подпольной работой» делают всё возможное, «чтоб разбить нас на фронтах, а затем захватить опять наши земли»¹¹.

Наиболее негативное отношение поляков было настроено в военные круги УНР. А настроения военных в условиях наступившей в начале 1919 г. на территории Украины анархии учитывались Директорией и украинским правительством в первую очередь. В первые месяцы 1919 г. под давлением большевиков руководящие органы УНР вынуждены были переезжать в разные города. Относительная стабильность наступила только в июне 1919 г., когда небольшой город Каменец-Подольский фактически стал главным государственно-административным центром УНР (до ноября 1919 г.).

Поскольку война между УНР, ЗУНР и Польшей продолжалась (весной 1919 г. польские войска заняли Западную Волынь, а в июле – территорию Галиции, вследствие чего президент ЗУНР Е. Петрушевич переехал в Каменец-Подольский), периодические издания УНР и далее часто публиковали антипольские материалы. Например, в правительственном «Вестнике УНР» 17 июля 1919 г. была напечатана заметка «Польский империализм и Украина». В ней говорилось о том, что Польша никогда не относилась положительно к Украине, утверждалось, что поляки Правобережной Украины находились под влиянием своих историков, писателей (главным образом Х. Сенкевича) и мечтали о «Великой Польше» от «моря до моря», а некоторые выступали за присоединение Каменца-Подольского к Польше¹².

Однако вскоре характер материалов изданий УНР существенно изменился. На наш взгляд, это было связано с тем, что начиная с августа 1919 г. (уже после окончания войны между УНР и Польшей) глава Директории С. Петлюра вместе со своими ближайшими соратниками под влиянием внешнеполитических неудач делает попытки сблизиться с руководством Польши. Он обратился с личным письмом к Ю. Пилсудскому, в котором выдвинул идею необходимости общей борьбы УНР и Польши против большевизма. В своём выступлении перед войском УНР 27 августа 1919 г. С. Петлюра призвал к объединению демократических сил всех национальностей Украины в борьбе за независимость УНР¹³. Глава Директории фактически предложил полякам Правобережной Украины принять самую активную роль в борьбе за независимую Украину, гарантируя им при этом широкие права. Члены украинского правительства стали чаще прислушиваться к заявлениям поляков. Так, 26 августа, выступая в Могилёве-Подольском перед членами профсоюзов (среди которых были и поляки) министр труда УНР

¹¹ Поляки на Україні // Новини. Листок інформбюро армії УНР (Жмеринка). 1919. 14 лютого.

¹² Вісник УНР. 1919. 17 липня.

¹³ Петлюра С. Статті. Київ, 1993. С. 184.

О. Безпалько высказался за необходимость расширения принципов национальной демократии¹⁴. Тем самым он намекнул на возможность возрождения на территории УНР польской автономии.

Об отношении тогдашнего украинского правительства социал-демократа И. Мазепы к польской общности можно узнать из передовой статьи «Украина и Польша», которая была опубликована в печатном органе УСДРП. В ней давалась немного другая, отличная от предыдущих, характеристика поляков Украины. В частности, отмечалось, что «среди польского панства есть симпатия к А. Деникину, потому что социальная програма этого генерала приятна для польских магнатов. Но массы польской демократии без сомнения относятся вражески к единой России»¹⁵.

С точки зрения правительства УНР в очень тяжёлых осенних условиях 1919 г., когда войска УНР воевали одновременно и с большевиками, и с деникинцами, безумием было бы начать ещё войну и с Польшей за Галицию. Наоборот, нужно было сделать всё возможное, чтобы Польша из противника стала союзником УНР.

Поэтому не случайно, что когда в ноябре 1919 г. большая часть Украины была оккупирована белогвардейцами, правительство УНР передало под контроль Польской армии некоторые районы Западного Подолья и Волыни. В Каменце-Подольском главноуполномоченным правительства УНР остался И. Огиенко – ректор местного университета, известный учёный и религиозный деятель. Однако реальная власть осуществлялась польской военной администрацией.

В этих условиях активизировалась местная польская община. 3 января 1920 г. представительная делегация поляков Каменец-Подольского уезда во главе с доктором В. Зеленским от имени широких слоёв польского населения (помещиков, ремесленников, хлеборобов) передала руководителю Польского государства Ю. Пилсудскому обращение, в котором искренне благодарила Польскую армию за то, что она «освободила наш старый Каменец от большевиков и анархии»¹⁶.

Говорилось также о том, что польская община потерпела много притеснений от различных правительств, поэтому все поляки, богатые и бедные, помещики, ремесленники, крестьяне желают воссоздания «большой могучей Польши». В просьбе также было предложение о том, чтобы Каменец-Подольский и дальше продолжал оставаться польской крепостью на «кресах Речи Посполитой», как это было в средние века. Кроме того, представители польской общины предлагали, чтобы их включили в местную гражданскую власть¹⁷. Через несколько дней польской военной властью бургомистром Каменца-Подольского был назначен Антони Шульминский – один из руководителей польской городской общины.

Такое заявление польских представителей свидетельствует о том, что несмотря на то, что Директория, украинское правительство по мере возможности содействовали процессу возрождения польских образовательных и культурных учреждений, они так и не смогли заработать большой авторитет среди местных поляков. В первую очередь, через

¹⁴ Робітнича газета. 1919. 26 серпня.

¹⁵ Україна і Польща // Робітнича газета. 1919. 9 жовтня.

¹⁶ Трудова громада. 1920. 14 січня.

¹⁷ Там же.

неспособность прекратить хаос и анархию, организовать более-менее эффективную систему власти, что нужно было полякам-крестьянам. Польские помещики были к тому же решительно настроены против социалистических аграрных преобразований УНР.

Начало 1920 г. было отмечено новым обострением отношений между польской военной, гражданской администрацией и представителями украинских учреждений. Из уст отдельных польских официальных лиц иногда звучали призывы о необходимости присоединения Подолья к Польше. В связи с этим С. Петлюра 22 января 1920 г. направил Ю. Пилсудскому меморандум, в котором предлагал «исправить те ошибки, которые были допущены польскими военными властями на Подолье и которые... будут иметь фатальное значение для Украины и отразятся негативно на спокойствии самих поляков»¹⁸. Некоторые шаги для улучшения межгосударственных отношений польским руководством были предприняты. Вопрос о присоединении Подолья и Восточной Волыни к Польше на высоком и местном уровнях больше уже не выдвигался.

25 апреля 1920 г. началось совместное наступление польской и украинской армий против большевиков. Сначала этот поход был успешным. Удалось освободить от советской власти почти всю Правобережную Украину. Украинские поляки воспринимали приход Польской армии как длительное явление. Однако приказ главного командования Польской армии от 27 мая 1920 г. развеял иллюзии многих поляков на присоединение Волыни, Подолья и Киевщины к Польше и призвал польское население осознать, что польские войска не останутся надолго на этой территории. Поэтому, говорилось в приказе, если поляки хотят спастись от нового прихода большевиков, они «должны искренне и в своих интересах отдать все свои силы на создание украинской государственности...»¹⁹.

Об отношении польского населения к идее украинского государственного строительства секция контрразведки в Украине докладывала, что в июне 1920 г. польская интеллигенция не верила в возможность самостоятельного существования Украины, поскольку не была уверена в создании эффективной украинской администрации и армии. Однако она полагала, что существуют основания для самостоятельного существования УНР при условии поддержки со стороны Польского государства. Аналогичной была позиция и польского крестьянства.

Однако последующие события продемонстрировали, что С. Петлюра и Ю. Пилсудский так и не смогли убедить своих соотечественников в необходимости украинско-польского союза. Негативно отнеслись к польским отрядам большинство украинских крестьян Правобережья. Массовое антибольшевицкое восстание так и не вспыхнуло²⁰.

Вскоре Красная армия перешла в контрнаступление и до июля 1920 г. оккупировала почти всю Правобережную Украину с целью распространить «пролетарскую революцию» и на территорию Польши. В конце концов, в октябре 1920 г. Ю. Пилсудский вынужден был отказаться от своей поддержки независимой УНР и подписал с представителями Советской России перемирие.

¹⁸ Петлюра С. Статті. С. 194-205.

¹⁹ Національні меншини України у ХХ столітті... С. 108.

²⁰ Павлюк О.В. Українсько-польський союз і політика США щодо УНР у 1920 р. // Український історичний журнал. 2000. №6. С. 8-9.

С. Петлюра ещё надеялся на продолжение борьбы. В октябре 1920 г. войскам УНР на некоторое время удалось вернуть часть Подолья. Отдельные государственные учреждения УНР в ноябре 1920 г. опять переехали в Каменец-Подольский. 31 октября 1920 г. в городе состоялось общее собрание местного польского населения. Доктор В. Зеленский, который в своё время желал присоединения Подолья к Польше, теперь так сформулировал главные задачи польской общины: нужно консолидировать польскую общину Каменца-Подольского и уезда, принимать активное участие в работе местных государственно-административных органов УНР и т.д. Кроме того, он призвал местных поляков принять активное участие в организации польского общества на всей территории УНР, содействовать украинской власти в борьбе против большевиков, создав специальный польский военный отряд в с. Фридровцы ок. Волочиска²¹.

Однако этот призыв уже не имел никакого значения. В середине ноября 1920 г. в Каменец-Подольском окончательно утвердилась советская власть, а вскоре правительство УНР выехало в Польшу.

Подводя итог этому небольшому исследованию, сделаем некоторые выводы. УЦР, Генеральный секретариат декларировали широкие права для польской общности Украины. Однако, их аграрная политика (так называемая социализация) вызвала недовольство со стороны польских помещиков Правобережной Украины, которые поддержали переворот гетмана П. Скоропадского. В целом, польская община позитивно отнеслась к внутренней политике Гетманата, который продолжал расширять сеть польских культурно-образовательных учреждений, отказался в своей национальной политике от принципа этнического национализма.

Политика Директории относительно поляков Правобережной Украины характеризовалась нечёткостью и непоследовательностью, что объясняется как объективными, так и субъективными причинами, изложенными выше.

Начиная с августа 1919 г., часть политической элиты УНР пыталась привлечь местных поляков к борьбе за независимое Украинское государство. Однако факты свидетельствуют о том, что поляки не очень верили в возможность создания независимой Украины, хотя и оказали руководство УНР определённую поддержку.

В заключение необходимо отметить, что данная статья далеко не исчерпывает всех аспектов этой проблемы и требует дальнейшего глубокого исследования неопубликованных материалов центральных и региональных архивов Польши, России и Украины.

²¹ Подольский край. 1920. 3 ноября.

К. ЗЕЛИНСКИЙ
г. Люблин

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ПОЛЬСКОГО БЮРО ЦК РКП(б) в 1918–1922 гг.

Целью настоящей работы является определение организационной структуры Польского бюро Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков) в первые годы его деятельности, т.е. в 1918–1922 гг. Этот период в истории большевистского государства предопределяли два события, ключевые для сохранения и существования молодого государства: Гражданская война и Польская война, как называли войну польско-большевистскую. Задачи Польбюро в этот период были жёстко подчинены военным нуждам, при этом польские коммунисты должны были сыграть особую роль: в победоносной войне с Польшей они видели, прежде всего, шанс создания Польской Республики Советов, в которой именно они играли бы «первую скрипку»¹. Как известно, эти надежды не осуществились. Тем не менее, именно Польская война предопределила, как характер деятельности, так и развитие организационной и территориальной структуры Польбюро в 1918–1922 гг. В этот период она была подчинена военно-разведывательным задачам.

Мы не располагаем достаточно подробной информацией о деятельности польских коммунистов в первые послереволюционные годы и в период польско-большевистской войны, в отличие от периода после 1922 г.² Остаётся фактом, что организация польских коммунистов – Польбюро, было жёстко подчинено директивам, поступающим из Москвы, тем не менее, образ и объём их реализации, сопутствующие им споры, а прежде всего, характер работы среди польского населения и польских пленных до сих пор остались неисследованными. Это побуждает представить организационную структуру Польбюро в рассматриваемый период, что должно стать отправной точкой для дальнейших исследований. Данная работа основывается, прежде всего, на слабо использованном польскими историками архивном собрании фонда 63 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве под названием «Польское бюро агитации и пропаганды при Центральном комитете Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)».

¹ Davies N. Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920 / Przeł. A. Pawelec. Kraków, 2006. S. 87–88, 184–185.

² См. прежде всего: Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: stalinizm wobec Polskiej ludności kresowej (1921–1938). Warszawa, 1991.

В начале наших рассуждений о Польшбюро ЦК РКП(б) стоит вспомнить, что прежде, чем началось формирование национальных секций, в сентябре 1918 г. на заседании коммунистических организаций, действующих на территории, занятой войсками центральных государств, было создано так называемое Центральное бюро коммунистических организаций. В его состав вошли представители: Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), Социал-демократической партии Латвии, Центрального бюро Литовской и Эстонской секций Российской коммунистической партии (большевиков), Финской коммунистической партии, Украинской коммунистической партии, многочисленных представители еврейских секций и партий и представители Комитета коммунистических организаций Белоруссии и Литвы. Во главе Бюро, в состав которого входили ведущие деятели действовавших позднее национальных секций, стал Р. Расикас. Соответствующий протокол подписали тогда среди прочих Я.М. Свердлов, Пустковский, С.М. Диманштейн, В.С. Мицкевич-Капсукас, Крестин и Станислав Бобиньский, занявший видное место в будущем Польшбюро³.

Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных территорий располагало главной резиденцией в Москве. Именно в её рамках позднее началось создание национальных секций. Уже действовавшим ранее так называемым комиссариатам: польскому, еврейскому, латышскому и др., подчинённым Народному комиссариату по делам национальностей, была поставлена задача, прежде всего, отвлекать внимание и силы центральных государств в ходе всё ещё продолжавшейся войны, путём агитации в рядах оккупационных войск и создания коммунистических организаций на оккупированных территориях. Роль комиссариатов значительно возросла после Брестского мира: считалось, что в дальнейшей перспективе, после подавления контрреволюции, эти организации вызовут революции в странах Центральной и Восточной Европы, которые станут «платформой» для европейской и мировой революций, а впоследствии приведут к созданию мировой Советской Коммунистической Республики.

Деятельность Бюро оказалась отличной школой для польских коммунистов, которые к концу 1918 г., в соответствии с директивами и принципами национальной политики большевиков, основали Польскую национальную секцию при ЦК РКП(б). Не удалось отыскать протокол учредительного собрания секции, которую вскоре стали называть Польшбюро. Тем не менее, можно полагать, что на стыке ноября и декабря в Москве уже функционировало игравшее роль центра и координатора Польское бюро ЦК РКП(б). В декабре же в Петрограде было создано первое местное отделение Польшбюро⁴.

Несмотря на то, что задачи, которые ставились перед этой секцией в начальный период, в меньшей степени были связаны с политикой коренизации⁵, а в большей степени направлены на помощь в реализации заданий, важных с военной точки зрения (мобилизация, работа в среде польских пленных), организационная структура Польшбюро была подобна

³ РГАСПИ. Ф. 333 (Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных местностей). Оп. 1. Д. 1. Л. 2–4. См. также: РГАСПИ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 5. Л. 29–33; Д. 6. Л. 1–12.

⁴ Там же. Ф. 63 (Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б)). Оп. 1. Д. 209. Л. 14.

⁵ Brubaker R. *Nacjonalizm inaczej*. *Struktura narodowa i kwestie narodowe w Nowej Europie* / Przel. J. Łuczynski. Warszawa; Kraków, 1998. S. 42, 46–50.

организационным структурам других национальных и этнических секций. Все они должны были выполнять задачи, определённые ЦК РКП(б), а в их передаче посредничали национальные секции-бюро при ЦК. Центральным бюро подчинялись окружные, губернские, уездные и городские бюро, действовавшие соответственно при окружных, губернских, уездных и городских комитетах партии.

Во главе Польбюро стоял коллегиальный секретариат с периодически сменяемым секретарём. Количество членов секретариата не было постоянным и обычно состояло примерно из полутора десятков человек. В составе центрального Польбюро были организованы следующие отделы: финансовый, агитации и пропаганды, экспедиционный и издательский. Отдельным подразделением в рамках структуры являлся партийный архив с библиотекой⁶. Фактически в условиях продолжавшейся войны с Польшей самым важным был отдел агитации и пропаганды и именно его деятельности подчинены были, а точнее, его обслуживали остальные подразделения.

В секретариате Польбюро, размещавшемся, как и остальные структурные подразделения, в III ДOME Советов в Кривоникольском переулке 8 в Москве, работало около полутора десятков человек. Во главе стоял секретарь, члены бюро и его уполномоченный. Остальные работники, хотя, как правило, члены партии, занимали технические должности (секретарши, машинистки, бухгалтеры, рассыльные-курьеры, сторожа и т.д.). В секретариате работало обычно несколько машинисток, пишущих по-польски и по-русски, и доверенная, с повышенным жалованием, машинистка для конфиденциальной переписки.

Количество личного состава в конкретных отделах было разным. Отдел агитации и пропаганды и издательский отдел были наиболее многочисленными⁷. Последний исполнял роль издательства Польбюро, так называемый Польиздат (издававший, среди прочего, расходящийся одно время большим тиражом бюллетень «Млот», т.е. «Молот»)⁸. В отделе агитации и пропаганды, кроме должностей технических работников, были предусмотрены также отдельные должности руководителя и секретаря партийных курсов⁹. В первой половине 1920 г. в Бюро работало 18 чел., во второй половине того же года – 29, а в январе 1921 г. уже 52 чел. (см. табл. 1)¹⁰.

Таблица 1

Польбюро при ЦК РКП(б) на 20 января 1921 г.

№ п/п	Имя и фамилия	Функция / должность
1	Юлиан Мархлевский	Член и председатель бюро
2	Станислав Будзьньский	Член бюро
3	Стефан Гельтман	Секретарь бюро
4	Михал Левицкий	Уполномоченный бюро
5	Станислав Бобинский	Член бюро, ответственный за зарубежную работу
6	Ядвига Бухман	Инспектор
7	Якуб Вэнглинский	Нет данных

⁶ Фонды архива в 1922 г. были переданы в Госархив РСФСР, а часть работников приняли в организуемое польское отделение Госархива. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 26 б.н.; Д. 29. Л. 2.

⁷ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 26 б.н.

⁸ Davies N. Op. cit. S. 185.

⁹ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 26 б.н.

¹⁰ Там же. Д. 27. Л. 1, 9, 16.

8	Леон Стыблинский	Бухгалтер
9	Зофья Сокольская	Машинистка
10	Стефания Кобус	Машинистка
11	Хиля Ангонова	Журналист
12	Карл Ваан	Экспедитор
13	Екатерина Чушкина	Экспедитор
14	Зофья Гурко	Уборщица
15	Пльвачевский	Сторож / швейцар
16	Мечислав Жепиньский	Инспектор
17	Альбина Айдукевич	Бухгалтерский работник
18	Наталья Кригер	Секретарь-машинистка
19	Эмануэль Бэм-Бэби	Руководитель в отделе агитации
20	Регина Будзыньская	Инструктор
21	Ян Сосновский	Инструктор
22	Зыгмунт Лазоверт	Инструктор
23	Ян Лещиньский	Инструктор
24	Форнальский	Инструктор
25	Барбара Будкевич	Руководитель партийных курсов
26	Кушта	Секретарь партийных курсов
27	Ядвига Гельтман	Руководитель архива и библиотеки
28	Мора Пльвачевская	Библиотекарь
29	Эмилия Пшибышевская	Технический работник
30	Ольга Гальперн	Технический работник
31	Анна Стыблинская	Технический работник
32	Отоцкий	Архивист
33	Северин Бухман	Референт канцелярии и экспедиции
34	Генрик Вайс	Экспедитор
35	Пэиньский	Экспедитор
36	Клавдия Игнатьева	Курьер
37	Бернард Закс	Руководитель издательского отдела
38	Казимеж Цыховский	Редактор, литератор
39	Б. Малуя	Секретарь редакции
40	Игнаций Познаньский	Корректор
41	Леон Хайкис	Руководитель по делам бюро в России
42	Фёдор Гурвич	Помощник руководителя по делам бюро в России
43	Бернардюк	Инструктор
44	Стефан Глиньский	Инспектор
45	Ирина Эфлер	Журналистка
46	Романа Гроссман	Машинистка
47	Лябедзь	Переводчик
48	Анна Турульская	Уборщица
49	Амелия Лишиньская	Курьер
50	Степанида Щлезарева	Курьер
51	Станислав Барчык	Курьер
52	Станислава Возда	Уборщица

Большинство работавших в Бюро жили на ул. Никитской 18 или в Хлебном переулке в Москве (из перечисленных в приведённой таблице Ю. Мархлевский жил в Кремле). Технические работники, в том числе сторожа и уборщицы проживали в III Доме Советов в Кривоникольском переулке, где размещалось Бюро, и где проживало большинство его членов¹¹.

В июле 1921 г. была создана Конфликтно-хозяйственно-административная комиссия работников Польбюро, которая должна была наблюдать за работой Бюро, контролировать содержание здания в Кривоникольском переулке, разрешать спорные вопросы. В состав комиссии входило 8 членов, избираемых общим собранием на трёхмесячный срок (треть членов комиссии могла быть избрана повторно, а её вышестоящим органом было правление Польбюро)¹². Комиссия не входила в организационную структуру Польбюро, носила хозяйственно-административный и товарищеский характер.

Количество территориальных отделений не определялось сверху, и они создавались по мере нужды и кадровых возможностей. В марте 1921 г. функционировало 8 окружных бюро/отделений, расположенных в Баку, Москве, Новониколаевске, Петрограде, Ростове-на-Дону, Ташкенте, Харькове и в Минске (Польбюро в Минске функционировало при ЦК Коммунистической партии Белоруссии). Губернских бюро было 37, уездных – 36¹³. Конкретные бюро, действовавшие при городских, уездных, губернских комитетах партии, имели иерархическую подчинённость: окружное отделение главенствовало над губернским, последнее над уездным или городским и т.п. Все отделения централизованно подчинялись Польбюро при ЦК РКП(б) в Москве.

Первое территориальное отделение Польбюро было организовано в 1918 г. в Петрограде. В 1919 г. были открыты бюро в Брянске (январь) и Смоленске (декабрь), а следующие в 1920 г. соответственно в Харькове, Одессе, Екатеринбурге, Иркутске, Ташкенте, Минске, Томске и Новониколаевске, остальные – в 1921 г. (см. табл. 2). В августе 1921 г. функционировало, кроме московского, 22 территориальных бюро: в Петрограде (открыто в 1918 г.), Смоленске и Брянске (основаны в 1919 г.), Ташкенте, Минске, Харькове, Одессе, Иркутске, Томске, Екатеринбурге и Новониколаевске (созданы в 1920 г.), в Гомеле, Витебске, Тамбове, Новгороде, Воронеже, Могилёве, Омске, Виннице, Полтаве, Николаеве и Запорожье (созданы в 1921 г.)¹⁴.

Факт, что бюро создавались только там, где существовали значительные скопления польского населения, приводил к тому, что некоторые из окружных Польбюро своей компетенцией охватывали огромные территории России, Украины или Белоруссии. При этом ономастика не всегда была адекватна в отношении историко-географических границ отдельных регионов. К примеру, московскому окружному отделению Польбюро подчинялись ячейки от Витебска и Пскова на западе до Саратова на Волге. Это вызывало понятные трудности в координации деятельности и связи между отдельными подразделениями¹⁵.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 27. Л. 6–10.

¹² Там же. Д. 28. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 207. Л. 2–3.

¹⁴ Там же. Д. 209. Л. 14.

¹⁵ Там же. Д. 207. Л. 2–3.

Как упоминалось, количество бюро не было постоянным. В середине 1921 г. центральное Польбюро предлагало воссоздать закрытые во время войны с Польшей или открыть новые отделения на территории России в Астрахани, Мозыре и Климовичах, на Украине в Чернигове, Николаеве, Елизаветграде, Херсоне, Юзовке и Таганроге, в Севастополе в Крыму, на Кавказе в Екатеринодаре, во Владикавказе и в Грозном¹⁶. Приведённая ниже таблица 2 показывает количество и организационную подчинённость польских бюро РКП(б) в марте 1921 г.

Таблица 2

**Организационно-территориальная структура
польских бюро и секций в марте 1921 г.**

Польбюро при ЦК РКП(б)		
Окружные отделения	Губернские отделения	Уездные отделения
1. Москва	Москва	Коломна
	Псков	
	Новгород	
	Пермь	Кунгур
	Тверь	
	Ярославль	
	Тамбов	Моршанск
	Тула	Борисоглебск
	Орёл	
	Курск	Белгород
	Воронеж	
	Царицын	
	Самара	
	Саратов	
	Нижний Новгород	
	Казань	
Брянск		
Смоленск		
Гомель	Жлобин Рогачёв Могилёв	
Витебск	Полоцк Невель Теуно Орша	
2. Петроград	Петроград	Кронштадт Шлиссельбург Белоостров Гатчина Красное Село

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 209. Л. 3.

3. Харьков	Харьков	Новорыбков
	Екатеринослав	
	Полтава	
	Киев	Бердичев Липовец
	Житомир	Шепетовка Новгород Волинский
	Винница	Каменец Подольский Могилёв Подольский Браслав Проскуров Литин
	Николаев	Бердянск (Александров)
	Одесса	
4. Ростов-на-Дону	Ростов-на-Дону	Луганск Новочеркасск Бахмут
5. Баку		
6. Ташкент	Ташкент	Самарканд
7. Новониколаевск (Польбюро при Сибирьбюро)	Омск Томск Екатеринбург Тюмень Красноярск Иркутск Челябинск	Барнаул
8. Минск (Польбюро при ЦК Компартии Белоруссии в Минске)		Бобруйск Игумен Борисов Слуцк

Источник: РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 207. Л. 2-3.

Во главе каждого из территориальных бюро, по образцу московского центрального органа, стоял секретарь и секретариат, в зависимости от потребностей существовали также конкретные организационные подразделения (отделы: хозяйственный, финансовый, агитации и пропаганды и т.п.). Заседания территориальных бюро обычно проводились ежемесячно¹⁷.

Смена кадров в отдельных организационных подразделениях, подчинявшихся центральному Польбюро, была значительной. В многочисленных списках рядом с фамилиями польских коммунистов в России можно найти партийные рекомендации и оптимальные, с точки зрения партии, участки работы. При направлении на работу принимались во внимание: образование, партийный стаж, моральный и идеологический облик, профессиональный и армейский опыт, социальное происхождение¹⁸. Зачастую руководствовались местом происхождения, где работники могли рассчитывать на возможную помощь местных коммунистов, знакомых или семьи, а также степенью знания польского языка. Работники

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 207. Л. 7.

¹⁸ Там же.

Польбюро попадали на разные участки работы и в разных частях России, также на работу при других национальных секциях, или же переходили на работу в другие секции. Например, Михалину Новицкую во время войны с Польшей перевели из Лит-Бела (Литовско-Белорусская национальная секция) в распоряжение городской комендатуры для участия в формировании польских частей Красной армии¹⁹. Случалось также, что работники польских бюро сами вызывались работать на отдельных участках, не обязательно соотносясь со своей регистрацией в той или иной национальной секции. К примеру, Леон Таухман, зарегистрированный в харьковском отделении Польбюро, просил исключить его из списков Польбюро и дать согласие на перевод для работы в Московском городском комитете партии²⁰.

Работники Польбюро, в отличие от зарегистрированных отдельными секциями, были обязаны состоять членами коммунистической партии: российской, польской, литовско-белорусской и т.п. Это соответствовало изменениям кадровой политики, соблюдению метода осуществления власти большевистской партией после 1919 г. и отстранением от власти и значения совнаркомов. Продолжительность партийного стажа становилась основным критерием при трудоустройстве на важнейшие посты. В 1921 г. даже от партийных работников низшего звена требовался дореволюционный партийный стаж²¹. Элиту Польбюро составляли такие заслуженные революционеры, как Ю. Мархлевский, Я. Лещиньский, Э. Прухняк, С. Будзыньский или С. Гельтман²². Большинство работников, занимавших высшие и ответственные посты, после революции вступили в Коммунистическую рабочую партию Польши (КРПП) имея разное партийное происхождение, поскольку в её стаж засчитывалось членство не только в самой близкой идейно СДКПиЛ, но и в Польской социалистической партии-«левица», при условии, что заинтересованный вступил в КРПП в момент объединения социал-демократов с «левицей». Считалось, что это имеет «определяющее значение при фильтрации партийных рядов и определении партийного стажа, а также для развеивания существовавших кое-где сомнений в отношении товарищей-“левицовец”»²³. В июне 1921 г. в Польбюро и его филиальных отделениях было зарегистрировано чуть более 3 тыс. коммунистов-поляков, из них более 2300 на территории России. За пределами огромных метрополий и промышленных центров – Москвы и Петрограда, где было зарегистрировано соответственно 550 и 843 польских коммуниста, лишь в нескольких городах бюро имели в своём составе более ста коммунистов-поляков (см. табл. 3). С учётом огромных пространств Страны Советов и количества польского населения, эта группа не была слишком многочисленной, даже если допустить, что не все польские коммунисты оказались в списках²⁴.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 30. Л. 50.

²⁰ Там же. Д. 119. Л. 2.

²¹ Williams B. Lenin / Przeł. A. Tuszyńska. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2002. S. 108.

²² См., к примеру: Najdus W. Udział Polaków w rewolucji październikowej. Warszawa, 1967. S. 65–88.

²³ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 206. Л. 16.

²⁴ Там же. Д. 207. Л. 3.

Таблица 3

**Количество коммунистов-поляков,
зарегистрированных в польских бюро РКП(б), июнь 1921 г.***

Город / Регион	Число зарегистрированных	Город / Регион	Число зарегистрированных
Москва (Р)	550	Орша (Р)	50
Петроград (Р)	843	Киев (У)	106
Петроград, губерния (Р)	160	Киев, губерния (У)	60
Смоленск (Р)	150	Одесса (У)	40
Саратов (Р)	68	Ростов (У)	26
Самара (Р)	100	Полтава (У)	данные отсутствуют
Казань (Р)	50	Житомир (У)	данные отсутствуют
Нижний Новгород (Р)	41	Каменец Подольский (У)	данные отсутствуют
Царицын (Р)	данные отсутствуют	Екатеринослав (У)	данные отсутствуют
Воронеж (Р)	28	Харьков (У)	данные отсутствуют
Курск (Р)	данные отсутствуют	Баку (Азербайджан)	27
Орёл (Р)	11	Ташкент (Туркестан)	30
Тула (Р)	10	Красноярск (С)	46
Тверь (Р)	15	Иркутск (С)	27
Псков (Р)	23	Тюмень (С)	25
Новгород (Р)	данные отсутствуют	Барнаул (С)	29
Пермь (Р)	50	Омск (С)	92
Ярославль (Р)	23	Новониколаевск (С)	19
Тамбов (Р)	30	Минск (Белоруссия)	данные отсутствуют
Витебск (Р)	44	Краснодар (Кавказ)	40
Гомель (Р)	75	ВСЕГО	3058
Брянск (Р)	11	В том числе в Центральной России	2332

* В таблице используются следующие сокращения: (Р) - Центральная Россия, (У) - Украина и (С) - Сибирь. Районизация соответствует организационной подчинённости и не всегда согласуется с историко-географической принадлежностью данной местности.

Несмотря на то, что большинство работников Польбюро состояли в КРПП, и в московском центре Бюро, и в провинции работало много коммунистов других национальностей – русских, украинцев, белорусов, литовцев и особенно коммунистов еврейского происхождения. К примеру, в Народном комиссариате внутренних дел работал зарегистрированный в Польбюро Я. Оберфельд из Минска, в 4-ю армию по рекомендации С. Будзыньского попали Пётр Копельман и Якуб Риндерман, одним из инструкторов Центрального рабочего отдела был происходивший из Минска член Польбюро Израэль Милиграм²⁵.

Периодическая сменяемость кадров и череда партийных назначений были действительно очень частыми: для работы в московском центре привлекали множество людей из различных уголков России, а «москвичей» направляли в провинцию для организационной работы среди местного польского населения, среди военнопленных, в польские части и к полякам, служащим в Красной армии. Некоторые попадали в Народный комиссариат внутренних дел или ГПУ, другие в отделы сельского хозяйства, экономические или иные секции. Чаще всего происходил обмен кадрами с Литовско-белорусской секцией (упоминавшийся Лит-Бел) и с Еврейской секцией (так называемая Евсекция)²⁶. Одни и те же коммунисты еврейского происхождения очень часто появлялись то в польской секции, то в украинской или литовско-белорусской²⁷.

Настоящая статья представляет собой лишь пролог к дальнейшим исследованиям истории Польбюро – Польского бюро ЦК РКП(б) в первые годы его существования, и, следовательно, до начала реализации советской властью с помощью польских коммунистов «польского эксперимента», наиболее заметным проявлением которого стало создание автономных территориальных образований, так называемых Мархлевщиzny и Дзержинщиzny²⁸. История польских коммунистов в России после польско-большевистской войны известна больше, чем в предшествующий период. Описание организационной структуры Польбюро является началом дальнейших исследований генезиса, деятельности и роли, которую сыграли польские коммунисты, не только в войне с Польшей, но и в повседневной жизни поляков в России в 1918–1922 гг.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 30. Л. 50.

²⁶ На тему «Евсекции» см. монографию: *Gitelman Z. Jewish Nationality and Soviet Politics: the Jewish Sections of the CPSU, 1917–1930.* Princeton, 1972.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 27. Л. 49–50.

²⁸ *Iwanow M.* Op. cit. S. 49–84.

М.Г. СТЕПАНОВ
г. Абакан

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕПОРТАЦИИ БЫВШИХ ПОЛЬСКИХ ГРАЖДАН В 1939 – ИЮНЕ 1941 г. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одной из наиболее изученных проблем в постсоветской исторической науке стал процесс депортации бывших польских граждан вглубь советской территории. Представляется целесообразным проанализировать данное явление сквозь призму ряда дискуссионных вопросов: определение числа депортированных лиц, а также особенности уголовного преследования бывших польских граждан, обвинённых в совершении «контрреволюционных преступлений».

Отметим, что в советской историографии разрабатывался тезис о том, что репрессивные акции против части бывших польских граждан носили вынужденный характер из-за частых фактов сопротивления советизации Западной Украины и Западной Белоруссии со стороны «польской шляхты». Кроме того, неоднократно обращалось внимание на факт оказания местным населением помощи частям Красной армии в боевых операциях против польских «офицерско-осаднических банд»¹.

Уже начиная с периода перестройки советская концепция, оправдывающая депортационные операции против бывших польских граждан, начинает подвергаться пересмотру. В частности, стали изучаться масштабы репрессий в отношении поляков. Так, в статье 1989 г. В.С. Парсаданова, используя документы архивов внешней политики СССР, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, Государственного архива РФ попыталась выявить количественные характеристики переселявшегося польского населения из западных районов. По данным автора, к январю 1941 г. считались переселёнными и расселёнными: «осадников» – 157 132 чел. и «беженцев» – 77 920 чел. (вместе – 215 052 чел.)². Кроме того, в данной статье В.С. Парсаданова проследила тесную взаимосвязь проблемы депортации польского населения с отношениями, складывавшимися на этой почве между СССР и Польшей.

Данные, приводимые в работе польского историка Л. Ежевского, который опирается на советские источники, свидетельствуют о том, что общее число депортированных поляков вглубь СССР в предвоенное время составило 189 тыс. чел.³

¹ Минаев В. Западная Белоруссия и Западная Украина под гнётом панской Польши. М., 1939. С. 45–46.

² Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 32.

³ Ежевский Л. Катънь, 1940. Рига, 1990. С. 9.

М.Б. Рогачев, ссылаясь на данные польских источников, пишет, что в ходе четырёх депортаций февраля 1940 – июня 1941 г. вывезено на спецпоселение 1,1 млн чел., представляющих опасность для режима («осадники», «кулаки», чиновники, мелкие торговцы и ремесленники, интеллигенция) и 336 тыс. беженцев (в основном польские евреи)⁴.

По мнению уральского историка А.В. Бакунина сталинский режим аннексировал ряд территорий на северо-западных границах (часть Польши, Румынии, Финляндии, Литву, Латвию, Эстонию)⁵. Из западных областей Украины и Белоруссии началось выселение кулаков, поляков, украинцев, белорусов и др. По данным А.В. Бакунина, в общей сложности было депортировано 1 173 170 чел., из которых 318 564 чел. направлено на работу в промышленность и 100 005 чел. – в сельское хозяйство, что составляло около одной трети высланных. Из общего числа депортированных трудпоселенцы составляли 959 482 чел., «осадники» и «лесники» – 137 351 чел., «беженцы» – 76 347 чел.⁶

По данным В.М. Самосудова к сентябрю 1941 г. из западных районов Украины и Белоруссии были выселены 389 300 поляков⁷.

В соответствии с подсчётами В.В. Сарновой в результате операций 1940–1941 гг. было депортировано по разным оценкам от 320 до 380 тыс. польских граждан⁸.

Расхождения в определении масштабов депортации бывших польских граждан можно объяснить тем, что исследователи, при выявлении количественных показателей, ссылаясь на данные одного архива, в качестве исходных опираются на документы разной датировки за 1941 г. На наш взгляд, искомым документом, проливающим свет на рассматриваемую проблему является справка «О количестве расселённых спецпереселенцев-осадников и беженцев и семей репрессированных (высланных из западных областей УССР и БССР)» по состоянию на 1 августа 1941 г., хранящаяся в ГАРФ. В этой справке приводились следующие данные: «1. Бывших военнопленных – 26 160 человек; 2. Осадников и лесников – 132 463 человека; 3. Осуждённых и следственных – 46 597 человек; 4. Беженцев и семей репрессированных – 176 000 человек. Итого: 381 220 человек»⁹. Именно отсюда цифра в 381 220 чел. является для нас искомой.

Н.Ф. Бугай в монографии «Народы Украины в “Особой папке Сталина”» (2006 г.), подготовленной на основе широкого круга источников (документы архивных фондов НКВД-НКГБ СССР, МВД-МГБ СССР, «Особая папка Сталина») подчеркивает, что «особые папки» фактически формировались на базе документов переписки НКВД СССР (Н.И. Ежов, Л.П. Берия и др.) и И.В. Сталина, а также переписки с другими наркоматами /

⁴ Рогачев М.Б. Польские могилы на Коми земле: судьбы депортированных в 1940 г. // Проблемы истории репрессивной политики на европейском Севере России (1917–1956 гг.) / Отв. ред. Н.А. Морозов. Сыктывкар, 1993. С. 73.

⁵ Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1997. Кн. 2: Апогей. С. 224.

⁶ Там же. С. 125.

⁷ Самосудов В.М. По сталинской «Владимирке»: Дополнение к книгам памяти жертв политических репрессий. Омск, 2001. С. 16.

⁸ Сарнова В.В. Пребывание депортированных польских граждан на территории Новосибирской области (1940–1941) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX вв.: Материалы четвертой региональной научной конференции / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 1999. С. 293.

⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 120.

министерствами СССР, Прокуратурой СССР, управлением ГУЛАГа, раскрывающих разные стороны развития межнациональных отношений в СССР, механизм укрепления советской власти на местах, и особенно в тех регионах, которые вошли в состав Советского Союза в конце 1930-х гг. и в последующие годы¹⁰.

«По итоговым данным, – пишет Н.Ф. Бугай, – на август 1940 г., с территории Украины были депортированы 88 262 осадника и лесника, 32 314 членов семей репрессированных, 76 246 беженцев, из 800-метровой пограничной полосы – 20 513 хозяйств. К началу июля 1941 г. их численность составила совместно с переселенцами из западных областей Белоруссии 11 484 чел. А всего в это время из Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Белоруссии и Украины направлялись на поселение 94 896 чел. Что касается конкретно Украины, то указывалось, что в ходе операции было изъято 7611 участников контрреволюционных организаций на территории Черновицкой области, Измаильской – 3615 чел.»¹¹.

30 июля 1941 г. амнистии подлежали все польские граждане. Они получали право свободно проживать на территории СССР, за исключением пограничных районов и запретных зон и местностей. Всего было освобождено 389 041 чел., из них 200 828 польских граждан¹².

В.Н. Земсков предлагает не рассматривать поляков депортированного народом. Он отмечает, что в 1940–1941 гг. было выселено не более 300 тыс. этнических поляков, так как «примесь» в лице евреев, украинцев, белорусов и др. исчислялась десятками тысяч, а в регионах, откуда производилась их депортация (Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика), к 1940 г. проживало, по самым осторожным оценкам, не менее 3 млн этнических поляков (а, возможно, и больше), и, следовательно, получается, что основная масса польского населения (порядка 90%) не была депортирована. Депортированным можно считать тот народ, который подвергся насильственному выселению если не тотально, то хотя бы в значительном большинстве, а поляки никак не попадают под этот критерий¹³. Таким образом, проведённую карательную акцию В.Н. Земсков призывает квалифицировать как «частичную этническую чистку»¹⁴.

Анализируя вышедшую литературу по рассматриваемой проблеме, особо следует выделить статью А.Э. Гурьянова, которая посвящена четвёртой массовой операции (май – июнь 1941 г.) по выселению вглубь страны больших групп населения с территорий, присоединённых к СССР после начала Второй мировой войны в соответствии с советско-германским пактом от 23 августа 1939 г. и договором от 28 сентября 1939 г. Три первых операции были проведены в 1940 г. на восточных территориях довоенного Польского государства.

В этой статье автором проведён анализ численности депортированных в ходе исследованной операции. Источниковой базой выступили архивные материалы из фонда Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР в Государственном архиве РФ, а также из различных фондов конвойных войск НКВД СССР в Российском государственном военном архиве¹⁵.

¹⁰ Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 3, 32.

¹¹ Там же. С. 77–78.

¹² Там же. С. 79.

¹³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 89.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае – июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан / Под ред. А.Э. Гурьянова. М., 1997. С. 137.

А.Э. Гурьянов считает, что основное отличие от операций 1940 г. состояло в дифференциации правового статуса различных категорий высылаемых, которые подверглись неодинаковым видам репрессий. В каждой из операций 1940 г. этот статус был однородным: спецпереселенцев-осадников и спецпереселенцев-беженцев (первая и третья операции) из западных областей УССР и БССР помещали в изолированные спецпоселки НКВД, а административно-высланных (вторая операция) расселяли под надзор НКВД в казахстанских колхозах, совхозах и рабочих посёлках¹⁶. Таким образом, по мнению учёного, для перечисленных категорий высылаемых были предусмотрены три вида репрессий: содержание в ссылке под надзором в качестве ссыльнопоселенцев, содержание в лагерях военнопленных и содержание в исправительно-трудовых лагерях¹⁷.

По итоговым подсчётам А.Э. Гурьянова общее число вывезенных на поселение и в исправительно-трудовые лагеря в ходе массовой майско-июньской депортации 1941 г. составило 105–110 тыс. чел. В пределах этого диапазона наиболее достоверной представляется чисто «эшелонная» оценка в 106 тыс. чел.: 87 тыс. ссыльнопоселенцев и 19 тыс. заключённых исправительно-трудовых лагерей¹⁸.

Таким образом, согласно выводам исследователя оценки традиционной польской историографии (от 200 тыс. до свыше 300 тыс. чел.) оказываются завышенными в пять-восемь раз. Возможно, что не все высланные с указанных территорий сами считали себя польскими гражданами, даже если они формально и были таковыми до 17 сентября 1939 г. – например, члены семей участников Организации украинских националистов, составлявшие, согласно донесениям УНКВД / НКВД регионов расселения, большинство среди ссыльнопоселенцев из западных областей УССР.

Кроме того, А.Э. Гурьяновым была поставлена немаловажная историко-ведческая проблема существования единого постановления о высылке населения из Молдавии, Прибалтики и Белоруссии. Автор справедливо заметил, что директивные и нормативные акты о высылке 1941 г. из «зоны пакта» (Прибалтики, западных областей Белоруссии и Украины, Северной Буковины и Бессарабии) – это всего лишь ведомственные документы НКВД, регламентирующие порядок исполнения неизвестной нам директивы советского руководства. И, кроме того, несмотря на все усилия, историки до сих пор не обнаружили в архивах решения высших органов власти СССР, предписывающие проведение этой высылки. Единственным исключением является совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1299-526сс от 14 мая 1941 г. «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР». Однако Постановление относится только к западным областям Украины и определяет разнообразные меры борьбы против «организаций украинских националистов» (лишь вскользь упоминая в одном месте польские организации)¹⁹.

Другие исследователи, занимавшиеся проблемой предвоенных депортаций бывших польских граждан – О.А. Горланов и А.Б. Рогинский, обратили внимание на то, что количественные параметры репрессий на бывших польских землях в 1939–1941 гг. изучены лишь частично –

¹⁶ Гурьянов А.Э. Указ. соч. С. 138.

¹⁷ Там же. С. 140.

¹⁸ Там же. С. 159.

¹⁹ Там же. С. 143.

в отношении массовых выселок населения. Что касается уголовного преследования бывших польских граждан по политическим мотивам, то О.А. Горланов и А.Б. Рогинский отметили следующее: «...касательно числа арестов, произведённых органами НКВД и предполагавших предъявление обвинения, следствие и приговор, то с ними определённой ясности нет. Польские авторы в течение последнего полувека чаще всего приводили оценку в 250 тысяч арестованных и помещённых в лагерь ГУЛАГа, однако встречаются и другие оценки – как меньшие, так и большие (от 180 до 440 тысяч). Отечественные историки этой темой специально не занимались»²⁰. Количественные же показатели, используемые авторами, были извлечены в основном из общесоюзных статистических сводок НКВД за 1939–1941 гг. По мнению О.А. Горланова и А.Б. Рогинского аресты, произведённые НКВД на отторгнутых от Польши территориях, были отнюдь не рутинным явлением в репрессивной практике предвоенных лет. Это была массовая операция, требовавшая прямого контроля центрального руководства НКВД СССР и ВКП(б)²¹. И с таким умозаключением нам нельзя не согласиться, так как хаотичного характера арестов в тех условиях, в которых проводилась операция, не могло и быть из-за тотального контроля процесса со стороны органов государственной безопасности.

Анализируя динамику арестов по «контрреволюционным преступлениям» в СССР О.А. Горланов и А.Б. Рогинский отметили, что в 1939 г. по всему СССР было арестовано 44 731 чел. Из общей цифры арестованных в СССР за 1939 г. на долю Западной Украины и Западной Белоруссии падает не менее чем 19 382 чел. (без учёта арестованных Особыми отделами), т.е. 43%. В 1940 г. из 132 958 арестованных по Союзу на Западную Украину и Западную Белоруссию (без арестованных Особыми отделами) падает 75 448, что составляет 56% всех арестованных²². Что касается 1941 г., то учёные констатируют, что массовая операция в западных областях Украины и Белоруссии пошла на убыль. Общее число арестованных за первые шесть месяцев 1941 г. по стране, которое нам известно, – 43 956 чел. В западных областях Украины и Белоруссии в январе – мае 1941 г. органами НКВД-НКГБ было арестовано 12 310 чел., т.е. 28% от общего числа²³.

В целом, резюмируют О.А. Горланов и А.Б. Рогинский, с сентября 1939 по июнь 1941 г. включительно по стране было арестовано всеми органами безопасности 206 646 чел., доля Западной Украины и Западной Белоруссии в этой цифре – примерно 52%²⁴.

В контексте уголовного преследования бывших польских граждан советскими органами власти отдельной проблемой является так называемая Катинская трагедия. Современный подход к массовому расстрелу органами государственной безопасности СССР бывших польских офицеров и солдат был раскрыт в опубликованном в 1991 г. сборнике «Катинская драма». Данная работа построена на документальных и

²⁰ Горланов О.А., Рогинский А.Б. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Под ред. А.Э. Гурьянова. М., 1997. С. 77.

²¹ Там же. С. 78.

²² Там же. С. 83–84.

²³ Там же. С. 85.

²⁴ Там же. С. 86–87.

научно-публицистических материалах советских и польских исследователей об одной из трагических страниц Второй мировой войны. Кроме того, авторский коллектив поставил проблему прямой ответственности сталинского режима за катынские события 1940 г.²⁵

На региональном уровне депортации с территории Западной Украины и Западной Белоруссии приведены в нижеперечисленных публикациях.

На материалах Томской области рассматриваемая акция была затронута в монографии В.Н. Уйманова²⁶. Депортация так называемого неблагонадёжного гражданского населения в Омскую область получила отражение в работе Л.В. Алексеевой²⁷. Оригинальные данные о депортации поляков в Красноярский край приведены в исследовании Е.Л. Зберовской, которая в качестве исходных данных по общесоюзным масштабам депортационной операции опирается на публикации А.Э. Гурьянова²⁸. Выясняя специфику Красноярского края как региона депортации Е.Л. Зберовская заметила, что «... в итоге на спецпоселении в крае оказалось свыше 22 тысяч человек из Западной Украины и Западной Белоруссии. Это был самый высокий показатель размещения спецконтингентов по Сибирскому региону, принявшему в целом около 80 тысяч бывших польских граждан»²⁹.

В целом, определяя роль сибирского региона как конечного пункта депортации, С.А. Папков заметил: «Предвоенные политические маневры сталинцев, результатом которых было присоединение к СССР территорий соседних государств вдоль западной границы, существенным образом повлияли на положение ссылки в Сибири. В 1940–1941 годах Сибирь стала одним из основных регионов страны, куда были заброшены десятки тысяч депортированных граждан Польши, Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики. С этого периода сибирская ссылка теряет преимущественно крестьянский (“кулацкий”) характер и становится частью этнической ссылки»³⁰.

Подводя итог степени разработанности вопроса предвоенных депортаций бывших польских граждан, необходимо заметить, что, несмотря на определённые успехи на общесоюзном материале, региональные исследования проблемы проведены недостаточно полно. Дальнейшая конкретизация некоторых деталей так называемой польской проблемы является в настоящее время крайне необходимой, так как данной проблематикой часто пытаются спекулировать на политическом межгосударственном уровне.

²⁵ Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих / Под ред. О.В. Яснова. М., 1991.

²⁶ Уйманов В.Н. Репрессии как это было (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х гг.). Томск, 1995. С. 23.

²⁷ Алексеева Л.В. Северо-западная Сибирь в 1917–1941 годах: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 190.

²⁸ Зберовская Е.Л. Польские спецпереселенцы в Красноярском крае (1940–1945 гг.) // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края: материалы научно-практической конференции. Красноярск, 4–5 ноября 2003 г. Красноярск, 2004. С. 185–186.

²⁹ Там же. С. 186.

³⁰ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 247–248.

М. ШУМИЛО
г. Люблин

ДЕЯТЕЛИ ГЛАВНОГО ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ПАТРИОТОВ В СССР (1943–1944 гг.)

Основной задачей Союза польских патриотов (СПП) была консолидация всех поляков, которые во время Второй мировой войны оказались на территории Советского Союза. В руководстве СПП решительно доминировали коммунисты, но в него вошли также представители других политических течений и беспартийные. В данной статье я постараюсь описать образы наиболее активных деятелей СПП, входивших в Главное правление этой организации в начальный период её деятельности.

В январе 1943 г. группа польских коммунистов во главе с Вандой Василевской вышла с инициативой создания организации, представляющей всех поляков в СССР. Однако фактическим автором идеи и создателем Союза польских патриотов был И.В. Сталин, который лично дал ему название и наметил цели его деятельности. Он рассматривал СПП в качестве инструмента своей политики в польском вопросе¹. Организация приступила к своей деятельности в июне 1943 г. В принятую тогда идейную декларацию вошли призывы к вооружённой борьбе с Германией, союзу с СССР, демократическо-парламентарному строю, общественным и хозяйственным реформам в послевоенной Польше. Власти Польской Республики, пребывающие в Лондоне, объявлялись нелегальными². При помощи таких пропагандистских призывов польские коммунисты пытались получить поддержку польских переселенцев и стереть из их памяти испытанную несправедливость.

В начальный период своей деятельности СПП участвовал в создании Первой пехотной дивизии им. Т. Костюшко, впоследствии Польской армии в СССР. Кроме того, он развернул широкую культурно-просветительскую и почительскую деятельность. На основании решения советских властей ему были переподчинены все местные отделения так называемых Представительств Посольства Польского Правительства в Лондоне, в том числе польские школы, детские дома и дома социальной защиты³. Был создан Государственный комитет по социальной защите поляков «Упробсобртрг», в состав которого вошли представители СПП. В 1945–1946 гг. Союз польских патриотов организовал репатриацию поляков из СССР в Польшу. После исполнения этой задачи он завершил свою деятельность в августе 1946 г. В момент наивысшего развития СПП насчитывал ок. 100 тыс. членов в 103 регионах⁴.

¹ *Zenczykowski T.* Dwa komitety 1920 1944. Polska w planach Lenina i Stalina. Paryż, 1983. S. 56.

² *Kumoś Z.* Związek Patriotów Polskich. Warszawa, 1983. S. 64.

³ *Zenczykowski T.* Op. cit. S. 59.

⁴ *Jaloszynski I.* Niektóre problemy dotyczące powstania i struktury organizacyjnej ZPP w ZSRR // Najnowsze dzieje Polski: Materiały i studia z okresu II wojny światowej. Warszawa, 1962. T. VI. S. 174–176.

На первом съезде ССП 9–10 июня 1943 г. в Москве было избрано Главное правление. Исполнительным органом Главного правления был президиум из 5 членов, который избирал генерального секретаря Союза. Генеральный секретарь отвечал за исполнение резолюций президиума и непосредственно руководил центральным и местным аппаратом. При Главном правлении были созданы следующие отделы: организационный, кадров, военный, национальный, культуры и просвещения, издательский, социальной защиты, прессы и информации, розыска семей, а также юридическое бюро⁵.

Первоначально в состав Главного правления вошло 20 чел.: Зыгмунт Берлинг, Юлия Брыстигер, Ванда Василевская, Зенон Василевский, Казимеж Виташевский, Анджей Витос, Болеслав Дробнер, Стефан Ендрыховский, Халина Завадзка, Юзеф Ковальский, Владыслав Красновецкий, ксёндз Вильгельм Францишек Кубиш, Антони Михалык, Тадеуш Пейпер, Мечислав Попель, Ежи Путрамент, Эдмунд Пшулковский, Станислав Сکشешевский, Владислав Соколовский, Влодзимеж Сокорский. В состав президиума Главного правления СПП вошли: В. Василевская – председатель, С. Ендрыховский – заместитель председателя, З. Берлинг, С. Сکشешевский, В. Сокорский – члены⁶. Весной 1944 г. состав Главного правления и президиума был расширен на несколько человек. Были кооптированы: Ян Грубецкий, Александр Завадзкий, Эмиль Соммерштейн, Ежи Штахельский. Ответственную функцию секретаря Главного правления исполняли поочерёдно: Юлия Брыстигер, Влодзимеж Сталь, Ежи Штахельский, Александр Юшкевич⁷.

Наибольшее влияние на деятельность Союза польских патриотов имела, конечно, его председатель Ванда Василевская (1905–1964). Она родилась в Кракове. Её отец Леон Василевский был известным деятелем ППС, близким сотрудником Юзефа Пилсудского. Ванда в 1927 г. окончила польскую филологию в Ягеллонском университете, была учительницей и журналисткой. Активно работала в Союзе польского учительства и Товариществе рабочих университетов. Состояла в ППС, но тесно сотрудничала с коммунистами. На страницах польской прессы печатала статьи, расхваливающие успехи Советского Союза. Являлась также предвестницей социалистического реализма в польской литературе, опубликовав несколько романов социальной проблематики⁸.

В сентябре 1939 г. она отправилась во Львов, где фактически возглавила группу польских коммунистов. Организовала газету на польском языке «Червоны Штандар» («Красное знамя»). В начале 1940 г. была назначена депутатом Верховного Совета СССР от Львовской области. В 1941 г. вступила в ВКП(б). После нападения Германии на СССР выехала в Москву, где основала издание «Новэ Виднокрэнгi» («Новые горизонты»). В. Василевская вступила в Красную армию, где служила в звании полковника в Политическом управлении Юго-Западного фронта. В 1943 г. она сыграла огромную роль в создании Союза польских патриотов и Первой пехотной дивизии им. Т. Костюшко⁹. Благодаря своим личным

⁵ *Jalozzyński I.* Op. cit. S. 161–165.

⁶ AAN. ZPP. Sygn. 216/II-2; *Kumoś Z.* Op. cit. S. 83.

⁷ *Jalozzyński I.* Op. cit. S. 161.

⁸ *Ciołkosz A.* Wanda Wasilewska: dwa szkice biograficzne. Londyn, 1977.

⁹ См. подробнее: *Syzdek E.* Działalność Wandy Wasilewskiej w latach Drugiej wojny światowej. Warszawa, 1981.

контактам с И.В. Сталиным действительно обращалась к советским властям, помогая многим полякам, особенно коммунистам. Быстро разошлись слухи о её романе со Сталиным, которые никогда не были подтверждены. Её особые связи с руководителем советского государства вытекали, по-видимому, из того, что И.В. Сталину нравились её художественные романы. Кроме того, он мог быть восхищён тем, что дочь выдающегося пилсудчика стала революционеркой и интернационалисткой¹⁰.

21 июля 1944 г. В. Василевская в качестве вице-председателя вошла в состав созданного в Москве Польского комитета национального освобождения (ПКНО), который вскоре перебрался в Люблин. Однако практически эту функцию она на себя не приняла, решив навсегда остаться в СССР. Обосновалась в Киеве со своим третьим мужем Александром Корнейчуком. В. Василевская оставалась председателем СПП до конца его существования, но фактически руководство Союзом перешло в руки генерального секретаря Александра Юшкевича. В большей степени она посвятила себя литературному творчеству и семейной жизни. После войны принимала участие во всемирном движении за мир. Умерла в Киеве 29 июля 1964 г. от инфаркта¹¹. У поляков её личность пробуждала противоречивые эмоции. Для большинства она стала символом национального предательства. Коммунисты помнили её как деятеля, который спас жизнь многим людям, вытаскивая их из лагерей и тюрем.

Наряду с В. Василевской значительную роль в руководстве СПП сыграла энергичная коммунистическая активистка – Юлия «Луна» Брыстигер (1902–1975). Дочь еврейского аптекаря, получила степень доктора исторических наук во Львовском университете. Уже с 1927 г. была связана с коммунистическим движением Львова. Исполняла ответственные функции в аппарате нелегальной Коммунистической партии Западной Украины. В 1937 г. осуждена на два года тюремного заключения. После занятия Львова Красной армией в 1939 г. Ю. Брыстигер работала в Совете профсоюзов и в качестве секретаря областного отделения Международной организации помощи революционерам (МОПР). В июне 1941 г. эвакуировалась в Самарканд, где продолжала работать в МОПРе. С 16 июня 1943 г. была генеральным секретарём СПП, а со 2 сентября 1943 г. заместителем генерального секретаря и руководителем организационного отдела. На этих постах вплоть до сентября 1944 г. фактически управляла аппаратом СПП и решала кадровые вопросы областных правлений СПП. После возвращения в Польшу с декабря 1944 г. по ноябрь 1956 г. работала в органах общественной безопасности в качестве директора Политического департамента¹². По всеобщему мнению считалась очень влиятельной особой, несущей ответственность за террор против политической оппозиции в Польше. Заслужила себе прозвище «кровавой Луны».

Существенную роль в деятельности СПП играл до июля 1944 г. вице-председатель Главного правления и одновременно руководитель отдела прессы и информации – Стефан Ендрыховский (1910–1996). Он родился в Варшаве в учительской семье. Изучал юриспруденцию в Университете

¹⁰ *Jedrychowski S.* Na pierwszej linii spraw polskich // Wanda Wasilewska we wspomnieniach / Opr. E. Syzdek. Warszawa, 1982. S. 164.

¹¹ *Ibid.* S. 178–179.

¹² AAN. BSK PZPR. Akta J. Brystygiel. Sygn. 237/XXIII-771; Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego / Pod red. F. Tycha. Warszawa, 1987. T. 1. S. 327–328.

Яна Батория в Вильно. Во время учёбы состоял первоначально в пилсудчиковском Легионе молодых. С 1932 г. стал деятелем нелегального Союза академической левицы «Фронт», связанного с Коммунистической партией Польши. После присоединения Вильно к Советскому Союзу в июле 1940 г. работал в редакции «Виленской правды», а впоследствии был председателем Городской комиссии хозяйственного планирования. Кроме того, он был избран депутатом Верховного Совета Литовской Советской Социалистической Республики. В 1941–1943 гг. работал в редакции польского журнала «Новэ Виднокрэнгi» и в редакции польского радио в Саратове. В это время он стал тесно сотрудничать с В. Василевской. В период с июня 1943 по июль 1944 г. в качестве вице-председателя СПП часто её замещал во время проведения заседаний Главного правления¹³. После возвращения в Польшу почти 30 лет исполнял важные партийные и государственные функции. Был министром судоходства и внешней торговли (1945–1947 гг.), вице-премьером (1951–1956 гг.), председателем Комиссии по планированию при Совете Министров (1956–1968 гг.), министром иностранных дел (1968–1971 гг.). В 1956–1971 гг. заседал в Политбюро ЦК ПОРП¹⁴.

Из среды виленской академической левицы происходит также приятель С. Ендрыховского – Ежи Штахельский (1911–1975). В автобиографии Е. Штахельский признавал: «Я воспитывался в национальном и католическом духе, которым был наполнен родной дом, школа и харцерское движение». Под влиянием этой атмосферы он вступил в ряды националистической «Всепольской молодёжи». Однако в период обучения на медицинском факультете в Вильно сменил политические пристрастия, вступив в 1934 г. в Коммунистический союз молодёжи. В 1940–1941 гг. Е. Штахельский руководил Виленским городским отделом здравоохранения. После эвакуации вглубь СССР был ординатором больницы в Татарстане. В январе 1942 г. он был призван в Красную армию, откуда в июне 1943 г. был переведён в польскую Первую пехотную дивизию им. Т. Костюшко. Командовал медико-санитарным батальоном. За участие в битве под Ленино Е. Штахельский был удостоен ордена Красной Звезды. В период с 13 апреля по 14 августа 1944 г. исполнял должность генерального секретаря СПП. В послевоенной Польше был белостоцким воеводой (1944 г.), министром снабжения и торговли (1945–1947 гг.), вице-министром здравоохранения (1947–1951 гг.) и министром здравоохранения (1951–1968 гг.)¹⁵.

Большой вклад в деятельность СПП внёс также Станислав Сکشешевский (1901–1978 гг.) – член президиума Главного правления СПП, руководитель отдела культуры и просвещения и одновременно вице-председатель созданного советским правительством Комитета по делам польских детей. По образованию был доктором философских наук, по профессии – учителем. С 1924 г. состоял в Коммунистической партии Польши. В качестве деятеля Союза польского учительства сотрудничал с В. Василевской. В 1939–1941 гг. преподавал во Львовском пединституте, а затем до

¹³ AAN. Akta osobowe S. Jędrzychowskiego. Sygn. 9137.

¹⁴ *Moldawa T. Ludzie władzy 1944–1991.* Warszawa, 1991. S. 365–366.

¹⁵ AAN. BSK PZPR. Akta J. Sztachelskiego. Sygn. 237/XXIII-837.

1943 г. работал учителем в Узбекистане. 21 июля 1944 г. стал руководителем ведомства просвещения ПКНО. После войны занимал высокие государственные посты: посла Польской Республики в Париже (1945–1947 гг.), министра просвещения (1947–1950 гг.), министра иностранных дел (1951–1956 гг.)¹⁶.

Два других члена президиума Главного правления СПП Зыгмунт Берлинг (1896–1980) и Владзимеж Сокорский (1908–1999) концентрировали свои усилия на вопросах, связанных с призывом в создаваемые в СССР части Войска Польского. З. Берлинг был кадровым военным, подполковником Войска Польского в 1939 г. В 1941–1942 гг. служил в армии генерала В. Андерса. Затем самовольно не покинул территорию СССР, оставаясь в распоряжении советских властей. С мая 1943 г. командовал по очереди: Первой пехотной дивизией, Первым польским корпусом в СССР, Польской армией в СССР. В октябре 1944 г. выведен в тень и перестал играть заметную роль¹⁷. В. Сокорский, до войны занимавшийся коммунистической деятельностью, был заместителем З. Берлинга по политико-воспитательной работе. После войны исполнял различные функции, в том числе вице-министра культуры и искусств (1948–1952 гг.), министра культуры и искусств (1952–1956 гг.), председателя Комитета по делам радио и телевидения (1956–1972 гг.)¹⁸.

Непосредственного участия в деятельности СПП не принимали заседавшие в Главном правлении офицеры по политиковоспитательной работе Первой пехотной дивизии, бывшие члены Коммунистической партии Польши: Мечислав Попель (1904–1992), Эдмунд Пщулковский (1904–1997), Казимеж Виташевский (1906–1992) и Александр Завадзкий (1899–1964). Все они в послевоенной Польше занимали ответственные партийные и государственные посты.

Довольно случайно в узком составе руководства СПП оказался народный деятель Анджей Витос (1878–1973 гг.) – младший брат Винценция Витоса – трижды занимавшего пост премьер-министра Правительства Второй Речи Посполитой. Подражая старшему брату, А. Витос втянулся в общественную и политическую деятельность на селе. В 1920 г. он поселился в Ясёнове (повет Броды) на территории Восточной Галиции. В 1922–1928 гг. руководил Бродским поветовым правлением Польской народной партии «Пяст». Одновременно был депутатом от этой партии в Сейме Польской Республики. В 1928 г. переехал в деревню Краснэ в Злочевском повете. Здесь также руководил поветовой организацией партии «Пяст». В январе 1940 г. был депортирован вместе с семьёй в Республику Коми на лесоповал. В декабре 1940 г. был арестован по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной группе». На свободу вышел по амнистии от 12 сентября 1941 г. и, после установления контактов с Посольством Польской Республики в Куйбышеве, стал его представителем в Сыктывкаре. Организовал 12 польских школ на территории Коми и помощь для 700 польских семей¹⁹.

В мае 1943 г. А. Витос получил телеграмму от В. Василевской с призывом принять участие в I съезде СПП. Вне сомнения, А. Витос потребовался коммунистам по причине своей известной фамилии, которая

¹⁶ AAN. BSK PZPR. Akta S. Skrzyszewskiego. Sygn. 237/XXIII-900.

¹⁷ *Szczurowski M.* Dowódcy Wojska Polskiego na froncie wschodnim 1943–1945. Pruszków, 1996. S. 15–17.

¹⁸ *Ibid.* S. 131.

¹⁹ AAN. Akta osobowe Andrzeja Witosa. Sygn. 15530.

должна была привлечь в СПП польских крестьян. Решение о принятии этого предложения А. Витос объяснял в своих воспоминаниях следующим образом: «Разумеется, можно было отказаться от сотрудничества с СПП, но оказало ли бы это влияние на дальнейшее развитие запланированных событий? Конечно, нет. Сотрудничая же, можно было многое сделать для поляков, и только об этом я думал, вступая в союз»²⁰. В июне 1943 г. он стал членом Главного правления СПП, и в качестве представителя СПП вошёл в «Упрособторг». В течение следующих месяцев А. Витос объезжал северные территории СССР, организуя местные кружки СПП. На этой должности он также организовал переселение 120 тыс. поляков с холодного Севера на территории южной России и Украины²¹.

21 июля 1944 г. А. Витос стал вторым, после В. Василевской, вице-председателем ПКНО и одновременно руководителем ведомства сельского хозяйства и аграрных реформ. Уже в конце сентября 1944 г. он был смещён с этого поста по причине расхождения во взглядах с коммунистами на проведение аграрной реформы в Польше. После этого работал в рядах Народной партии. С 1947 г. был депутатом Законодательного Сейма. В 1950 г. был вынужден отказаться от мандата и уйти из политической жизни²².

Вторым заметным членом Народной партии в руководстве СПП был Александр Юшкевич (1915–1975). Он происходил из д. Зачарна в Вилейском повете на Виленщине. С молодых лет он работал в волостном правлении и был деятелем Союза сельской молодёжи «Вици». В сентябре 1939 г. в качестве солдата 7-го бронетанкового батальона Войска Польского попал в немецкий плен. После побега из лагеря военнопленных в мае 1940 г. нелегально пересёк границу СССР, чтобы вернуться в семью. Был задержан пограничниками и сослан в Сыктывкар в Республике Коми, где работал на фабрике керамических изделий. По амнистии 1941 г. организовал там, среди прочего, первую польскую школу и приют для сирот. В 1943 г. руководил СПП в Республике Коми. В августе 1944 г. был назначен на пост генерального секретаря СПП и исполнял эту должность до августа 1946 г. В связи с тем, что председатель Главного правления СПП В. Василевская в то время проживала в Киеве и посвятила себя литературному творчеству, А. Юшкевич был фактическим руководителем всего аппарата СПП. В марте 1946 г. он стал исполнять функцию первого секретаря Посольства Польской Республики в Москве. После возвращения в Польшу А. Юшкевич входил в тесный круг руководства Народной партии, а с 1949 г. – Объединённой народной партии. Затем, в 1957–1971 гг. был последовательно послом ПНР в Болгарии и Финляндии²³.

Народную партию представлял в СПП также Ян Грубецкий (1904–1987) – инженер-путеец, выпускник Львовского политехнического института. До войны он состоял в объединениях инженеров и техников, находящихся под влиянием правой Национально-демократической партии. В сентябре 1939 г. он сам обратился за работой в советскую дирекцию Львовской железной дороги. В 1941 г. после гитлеровского нападения на Советский Союз, эвакуировался в Сталинград, где занимался

²⁰ *Witos A.* Wszystko co niosło życie. Wspomnienia. Wojnicz, 1998. S. 147–149.

²¹ *Ibid.* S. 151–168.

²² *Słownik biograficzny działaczy ruchu ludowego.* Warszawa, 1989. S. 430.

²³ *AAN. BSK PZPR. Akta Aleksandra Juszkiewicza.* Sygn. 237/XXIII-792.

ремонт мостов через Волгу. В 1943 г. Я. Грубецкий вступил в Народную партию в СССР. С сентября 1943 г. исполнял функцию члена Главного правления и руководителя Отдела социальной защиты СПП. С июля по ноябрь 1944 г. руководил ведомством коммуникаций, почтовой и телеграфной связи в ПКНО. Позднее он был директором Бюро контроля при Государственном Совете и заседал в руководстве Народной партии и Объединённой народной партии²⁴.

В Главном правлении СПП одно место отводилось для Польской социалистической партии, которую представлял заслуженный деятель Болеслав Дробнер (1883–1968). Степень доктора химических наук он получил во Фрейбургском университете. С 1902 г. участвовал в польском социалистическом движении. В межвоенный период принадлежал к левому радикальному крылу Польской социалистической партии. Был сторонником единого фронта с коммунистами и программного призыва к диктатуре пролетариата. В Кракове близко сотрудничал с В. Василевской. В сентябре 1939 г. оказался во Львове. Был директором правления по эксплуатации производства калийных солей. В июне 1940 г. был арестован НКВД и послан в Сибирь. После освобождения уехал в Чувашию, в Чебоксары, где пребывала его семья. Там его нашла В. Василевская и ввела в состав Главного правления СПП в качестве представителя польских социалистов в СССР. В июле 1944 г. после создания ПКНО Б. Дробнер возглавил руководство ведомства по труду, социальной защите и здравоохранению. Весной 1945 г. стал первым президентом г. Вроцлава. Затем Б. Дробнера постепенно перемещали на менее заметные должности, что было связано с его критическим отношением к методу объединения ППС с Польской рабочей партией²⁵.

В апреле 1944 г. в состав Главного правления СПП был введён также представитель еврейских слоёв. Им стал Эмиль Sommerштейн (1883–1957) – адвокат, известный сионист. С 1922 по 1939 г. он непрерывно был депутатом Сейма Польской Республики. Арестован 1 октября 1939 г. во Львове. Пребывал в заключении в Киеве, а затем в Балашове под Саратовом. О его освобождении ходатайствовал в конце 1941 г. посол Польской Республики в СССР Станислав Кот. Советские власти, однако, утверждали, что он не является польским гражданином²⁶. Лишь в начале 1944 г. по просьбе В. Василевской его освободили и доставили в Москву. Заседая в Главном правлении Э. Sommerштейн одновременно руководил Юридическим бюро СПП. 21 июля 1944 г., наряду с остальными семью членами Главного правления СПП, Э. Sommerштейн вошёл в ПКНО. Ему было доверено ведомство военных репараций. В 1945–1946 гг. он был членом Центрального еврейского комитета в Польше. Принимал участие в организации репатриации 140 тыс. евреев из СССР²⁷.

Остальные члены Главного правления СПП были беспартийными и раньше не принимали участия в политической деятельности. Чаще всего выполняли декоративно-пропагандистские функции. Среди них выделялся ксёндз Вильгельм Францишек Кубиш (1911–1978). Он происходил

²⁴ Słownik biograficzny działaczy ruchu ludowego... S. 131.

²⁵ AAN. BSK PZPR. Akta B. Drobnera. Sygn. 237/XXIII-421; Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego... T. 1. S. 478–480.

²⁶ Kot S. Listy z Rosji do gen. Sikorskiego. Londyn, 1955. S. 101–102, 259, 273.

²⁷ Polski Słownik Biograficzny. Warszawa; Kraków, 2001. T. XL. Z. 166. S. 472–476.

из Силезии. Изучал философию и теологию, был рукоположен в 1936 г. С 1939 г. был настоятелем прихода Пазиче около Барановичей в Белоруссии. В 1942 г. из опасения ареста немцами присоединился к советскому партизанскому отряду. Когда в 1943 г. началось формирование Первой пехотной дивизии им. Т. Костюшко, для неё потребовался капеллан римско-католического обряда. С этой целью была организована переброска ксёндза Кубиша самолётом через линию фронта. В качестве военного капеллана получил звание майора. В январе 1945 г. был уволен со службы в следствие конфликта с генералом М. Ролей-Жимерским. Тогда В.-Ф. Кубиш ушёл в Свентокшиский монастырь²⁸.

Формально высокое положение в СПП занимал Влодзимеж Сталь (1904–1977), который с 1 сентября 1943 г. по 13 апреля 1944 г. был генеральным секретарём Союза. В действительности аппаратом СПП руководила его заместитель Юлия Брыстигер. В. Сталь до войны был учителем польского языка и истории. В июне 1940 г. был депортирован в Республику Мари. В. Василевская привлекла его в СПП по-видимому из-за ассоциации со Здзиславом Сталь – деятелем Национальной партии. В. Сталь должен был создавать впечатление, что в руководство СПП входит и представитель польских правых сил. В 1944–1945 гг. он был директором театра Первой армии Войска Польского, а после войны – деятелем культуры в Силезии²⁹. Наряду с В. Сталь в Главном правлении СПП оказались ещё несколько несомненных статистов: Владислав Красновецкий – актёр из Львова, Антони Михалюк – студент Познаньского университета, Тадеуш Пейпер – литератор, основатель и теоретик польского поэтического авангарда, Зенон Василевский – художник-график и Халина Завадзка – химик-лаборант³⁰.

Большинство членов руководства СПП были деятелями Коммунистической партии Польши. Они представляли собой элиту своего движения. Большею частью происходили из семей интеллигенции. Работая в СПП они получили ценный организационный опыт, который пригодился после войны, когда они занимали высокие руководящие партийные и государственные должности в Польше. Наряду с ними в Главном правлении СПП оказались народники, социалисты, левые, беспартийные и даже католический ксёндз. Их роль заключалась, прежде всего, в создании видимости многопартийности и демократического характера организации. Идя на сотрудничество с коммунистами, они старались, в меру своих возможностей, помогать польскому населению в СССР. Многие из них сами получили тяжёлый опыт депортаций и тюрем.

²⁸ Szydek E. Ze Wschodu z kapelanem: rzecz o księdzu-kapelanie I Polskiej Dywizji Piechoty imienia Tadeusza Kościuszki Pułkowniku Wilhelmie Franciszku Kubszu. Nadarzyn, 1998.

²⁹ Polski Słownik Biograficzny. Warszawa; Kraków, 2002. T. XLI. Z. 170. S. 471–473.

³⁰ AAN. ZPP. Sygn. 216/3.

Е.В. ТУКАЛЕНКО
г. Иркутск

ИРКУТСКИЙ КЛУБ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ДРУЖБЫ «ВИСЛА» В 1960-1980-е гг.

Значительная роль поляков в общественной и культурной жизни Иркутска predetermined исторически. Ещё в эпоху империи в эти края был сослан ряд польских революционеров. В советский период сибирские поляки старались способствовать развитию общественных связей между Польшей и СССР. Их деятельность по форме находилась в рамках государственной политики, но по содержанию, в плане налаживания межличностных и культурных взаимодействий, выходила далеко за рамки официоза.

Одной из форм работы по развитию дружеских международных связей молодежи Сибири и социалистических стран в начале 1960-х гг. становится деятельность клубов интернациональной дружбы (далее: КИДов). Являясь первичными организациями обществ дружбы с зарубежными странами, КИДы создавались при школах, техникумах и вузах в рамках культурных учреждений, в колхозах и на предприятиях. В Иркутске в начале 1970-х гг. действовали 60 интерклубов¹, а к середине 1970-х гг. в Иркутской области насчитывалось ок. 200 КИДов, ставших «важнейшим средством интернационального воспитания трудящихся, студентов и школьников в неучебное и нерабочее время»².

При внешней аполитичности у всех мероприятий, в которых участвовали члены КИДов, было политическое наполнение: они проходили «на принципиальной идеологической основе». От участников интерклубов требовалось умение давать «пр-авильную оценку» целого ряда политико-идеологических проблем. Соответственно, деятельность молодежных клубов интернациональной дружбы велась под руководством партийных организаций.

Но, помимо выполнения пропагандистской роли – воспитания молодежи в духе советского патриотизма и интернационализма, интерклубы способствовали решению ещё двух очень важных задач, имевших значение для общественной жизни города. КИДы собирали информацию о зарубежных странах, создавали стенды и выставки на интернациональную тематику, организовывали курсы иностранных языков и группы по изучению традиций и культуры зарубежных стран, т.е. выполняли просветительскую функцию, призванную компенсировать ограниченность информации о зарубежье и отсутствие свободного выезда из страны. Другая задача заключалась в

¹ Сверчков В.И. Международные связи сибиряков (1960–1980 гг.). Братск, 2003. С. 67.

² Дорошенко В. Многими узами // Восточно-Сибирская правда. 1974. 24 февраля.

формировании актива, задействованного в проведении тематических вечеров и бесед, встреч с зарубежными туристами и дискуссиями с представителями иностранной общественности, организуемых обществами дружбы и Бюро молодежного международного туризма «Спутник», тем самым способствуя развитию контактов советской и зарубежной молодёжи.

Одним из первых в Иркутске (1959 г.) начал работу клуб интернациональной дружбы «Висла», позднее вошедший в состав городского отделения Общества советско-польской дружбы³. Инициатором создания клуба был М.Я. Бушман, а руководителем – профессор Иркутского государственного университета Б.С. Шостакович, которым принадлежит основная заслуга в развитии контактов иркутян с польской общественностью. На базе клуба работала секция ветеранов войны, участвовавших в освобождении Польши от фашизма. Энтузиасты клуба – инженеры, рабочие, студенты, служащие – подготавливали и слушали лекции и беседы о современной Польше, её истории и культуре. Ежегодно работали два кружка польского языка, осуществивших коллективный перевод книг почётного члена клуба Б. Мрувчинского «Голубой след», «Дневники доктора Дубовского», «Красное знамя», ряд научных работ и статей других авторов. Заметными событиями в Иркутске становились регулярно проходившие декады польской книги, музыкальные и поэтические вечера о польской музыке и творчестве польских поэтов. Клуб «Висла» неоднократно проводил городские викторины под девизом «Кто больше знает о Польше» и организовал обширную переписку с жителями польских городов, клубами и отделениями Общества польско-советской дружбы. В начале 1970-х гг. клуб «Висла» ежегодно получал более 100 писем из десятков городов Польши⁴.

В 1984 г. Иркутское отделение Союза советских обществ дружбы праздновало 15-летие создания клуба интернациональной дружбы «Висла». В честь юбилея в клубе была создана секция ветеранов Великой Отечественной войны, участвовавших в освобождении Польши. Это мероприятие соответствовало главной задаче клуба: «пропаганде идеалов дружбы и сотрудничества между двумя народами, исторических связей прогрессивной польской общественности с Сибирью»⁵.

В середине 1980-х гг. советское и польское руководство приняли директивное решение о развитии международных межрегиональных связей. В результате был заключён договор о содружестве Иркутской области и Пильского воеводства⁶. Однако через несколько лет произошли серьёзные перемены в политической ситуации в Польше и СССР, были прекращены централизованные дотации на обменные мероприятия по линии прямых дружественных связей, что ярко показало неэффективность подобных договоров⁷.

Подводя итог, отметим, что общественные связи, основанные на неподдельном интересе, самоотверженной работе активистов клуба польско-советской дружбы «Висла» смогли преодолеть все негативные политические явления и были важным связующим мостом, объединяющим наши страны.

³ Материалы о работе с интеллигенцией зарубежных стран. 1979 г. // ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 164.

⁴ ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 126. Л. 17.

⁵ Информация о деятельности Иркутского отделения ССОД. 1986 г. // ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 216.

⁶ Доклад «Об улучшении информационно-пропагандистской, организаторской работы, повышении политической бдительности в приёме иностранцев в области, улучшении качества подбора и подготовки наших граждан к выезду за границу». 1987 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 125. Д. 140.

⁷ Информация в Международном отдел ЦК КПСС «Об эффективности дружественных связей Иркутской области с зарубежными партнёрами». 1989 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 128. Д. 163.

Н.С. СИДОРЕНКО
г. Краснодар

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОГО ФАКТА В ФИЛОСОФИИ Л. ФЛЕКА

Современная философская парадигма направлена, прежде всего, на выяснение особенностей научного знания, поскольку на науку возлагается основная надежда человечества. До недавнего времени никто не оспаривал истинность и надёжность научных изысканий. При этом приоритет всегда отдавался практической направленности науки. «Всякое наше познание начинается с опыта», – писал И. Кант, что совершенно очевидно. Тем не менее, не следует забывать окончание этой фразы: «отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта»¹. Отношение теории и практики в научном поиске, а также природа научного факта – проблемное поле философии XX в.

Как оказалось, эмпирические факты науки всегда несут в себе теоретическую нагрузку. Они не являются независимыми от теоретических знаний. Как эмпирическое, так и теоретическое знание предполагают логическую опосредованность и относятся к рациональной ступени познания². К тому же, если теория не соответствует фактам, то это ещё повод для того, чтобы отбросить теорию.

В этом свете достаточно актуально вспомнить о незаслуженно забытом польском мыслителе еврейского происхождения Людвиге Флеке (1896–1961) и его философских изысканиях относительно гносеологических аспектов научных теорий. В научных кругах он более всего известен как микробиолог, а его работа «Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива» (1935 г.)³ в полной мере ещё не оценена. Она отличается не только содержанием, но и самими условиями её создания и осмысления.

Известно, что с 1943 г. Л. Флек был вынужден работать в Освенциме над методами диагностирования тифа, сифилиса и других эпидемических заболеваний. Он непосредственно переживал и осмысливал предмет и метод своего исследования – коллективный характер научного труда и его влияние на факты и теории, представления об истине и заблуждении. К нему приходит опыт того, что в науке главные роли принадлежат стилю мышления, сопротивляться которому невозможно. Только ломка его позволяет создавать что-то принципиально новое и важное.

Что же такое научный факт на котором базируется наука? Очень часто в нём видят нечто определённое, устойчивое, независящее от

¹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 32.

² Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. М., 1982. С. 78.

³ Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., 1999.

субъективных взглядов исследователя. Но так ли это? Л. Флек отвечает на этот вопрос следующим образом: в истории науки эмпирические факты часто подгоняются к теоретическим концепциям и, наоборот, концепции подгоняются к доказательствам.

Л. Флек выделяет основные черты процесса познания. Прежде всего, он отказывает ему в индивидуализации и определяет как результат социальной активности⁴. «Мыслительный коллектив» – вот основа познания и фундамент науки как таковой. Под этим понятием Л. Флек понимает сообщество людей, взаимно обменивающихся идеями или поддерживающих интеллектуальное взаимодействие, составляющим единицу развития какой-либо сферы мышления. Научное познание включает, таким образом, три составных элемента: индивида, коллектив и объективную истину (то, что должно быть познано). При этом индивид практически никогда не осознает коллективный стиль мышления, который необходимо определяет его ход мысли и вопреки ему ничего нельзя даже представить.

Для обоснования своей гносеологической стратегии Л. Флек использует примеры из медицинской практики и истории. Так, открытие реакции Вассермана было уникальным историческим процессом, который не может быть обоснован ни логически, ни экспериментально. Реакция была разработана, несмотря на множество ошибок и благодаря социально-психологической мотивации, опираясь на коллективный опыт. Л. Флек демонстрирует, что наука – это единое пространство, в том смысле, что многое в ней обусловлено феноменолого-психологическими и культурно-историческими проекциями коллектива учёных. (Хотя польский мыслитель говорит о том, что современный мир – это бесконечная дифференциация научного знания, сопоставимая с совокупностью различных тенденций и направлений в искусстве). И всё-таки все науки обладают общей тенденцией к идеальному конечному состоянию, которое называют истинным знанием. Но это стремление представляет собой бесконечный процесс, так как ни одна из наук не может претендовать на объективную картину мира. Нельзя говорить даже хотя бы о какой-либо части такой картины, поскольку научная система – это не простое приращение знаний, а постоянное изменение. Изменяются даже самые фундаментальные основания наук.

Разработки польского мыслителя стали достоянием науки совершенно случайно. Философскому миру имя Л. Флека не было известно. Однако Т. Кун в предисловии к своей знаменитой работе «Структура научных революций» заметил, что рассуждения Л. Флека предвосхитили многие его собственные идеи⁵.

Только после этого философской рефлексии стал доступен основной тезис Л. Флека, связывающий воедино когнитивные и социальные моменты феноменологически проявленного процесса познания. Л. Флеку удалось выявить зависимость между социальными условиями возникновения и развития научного знания и содержательной стороной самого знания, закономерностями его функционирования и развития. Все научные факты связаны с определённым, сложившимся в коллективе и принятым учёными стилем мышления. Он оказывает стимулирующее и в то же время ограничивающее воздействие на индивидуальное сознание. И наука в целом может быть осмыслена лишь в контексте культурной среды в которой осуществляет себя «мыслительный коллектив».

⁴ Флек Л. Указ. соч. С. 63.

⁵ Кун Т. Структура научных революций. М., 2002. С. 15.

ПОЛЯКИ НА КУБАНИ И КАВКАЗЕ

А.А. БОГОЛЮБОВ
г. Пятигорск

ПЯТИГОРСК В ВОСПОМИНАНИЯХ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII–XX ВВ.

Северный Кавказ с его уникальным географическим положением и историей на протяжении столетий, безусловно, притягивал к себе внимание не только представителей русской культуры, но также литераторов и учёных европейских стран, в том числе из Польши. Конечно же, основанный в 1780 г. как крепость на южных рубежах России, но вскоре превратившийся в известнейший горный курорт с минеральными водами, Пятигорск стал объектом пристального внимания тех польских мемуаристов, которым удалось побывать в этом уникальном уголке Кавказа.

Первым из виднейших представителей польской литературы, составившим подробное описание Пятигорска стал граф Ян Потоцкий. Книга этого блестящего литератора о его путешествии на Кавказ, написанная на французском языке, сделала описание этого региона доступным широкому кругу читателей во всей тогдашней Европе.

Путешествуя по Северному Кавказу, Я. Потоцкий провёл весну 1798 г. в г. Константиногорске, как тогда назывался Пятигорск, и восхищался не только красотой этого уголка Кавказа, но и его уникальным микроклиматом, влажным и тёплым, дающим жизнь удивительной южной растительности¹.

Летом 1827 г. на Кавказских Минеральных Водах находился на лечении польский аристократ Александр Еловицкий, описавший своё пребывание в регионе в мемуарах. При этом Пятигорск в воспоминаниях А. Еловицкого фигурирует лишь как местность между Машуком и Бештау. В этом нет ничего удивительного, поскольку название «Пятигорск» было утверждено Правительствующим Сенатом лишь в ноябре 1830 г. Дата же эта, в свою очередь, является весьма символической в российско-польских отношениях, поскольку именно в этом месяце в Царстве Польском вспыхнуло восстание против российского владычества, вошедшее в польскую историю под названием Ноябрьского. Восстание это, безусловно, явилось следствием грубого произвола царских чиновников, в том числе и ближайших родственников царя, чинимого ими в Царстве Польском, в котором, в отличие от всей остальной Империи, действовала своя конституция. Кстати, именно неукоснительное выполнение её положений и было одним из основных требований восставших к царской власти.

¹ *Potocki J. Podróże / Opr. L. Kukulski. Warszawa, 1959. S. 396.*

Заметим, что непонимание и чувство отчуждённости по отношению к россиянам накапливались с польской стороны постепенно. С этой точки зрения мемуары А. Еловицкого, в частности, в той их части, которая касается пребывания автора на Кавказских Минеральных Водах, представляют несомненный интерес. Обращает на себя внимание прежде всего то, с каким восторгом автор описывает похищения людей горцами с целью выкупа. Промысел этот, увы, на Кавказе уже тогда был не в новинку. Его подробно описал упоминавшийся выше граф Я. Потоцкий. Однако, если у графа эти похищения описываются как зло, которое, безусловно, со временем будет искоренено, то у А. Еловицкого этот этнографический феномен вызывает преклонение перед удалью горцев, которой «глупые москали» не в состоянии ничего противопоставить. Видимо, А. Еловицкий посчитал обыкновенный бандитизм неким особенным проявлением свободолюбия².

После подавления Ноябрьского восстания на Северный Кавказ стали прибывать группы польских пленных, захваченных российскими войсками во время сражений. Среди тех, кто оказался в рядах этих пленных и попал в Пятигорск, был Станислав Пилят – один из интереснейших представителей польского народа, находившийся тогда в этом курортном городе и одним из первых издавший свои мемуары об этом пребывании. Родившийся в г. Красный Став, недалеко от Люблина, и получивший образование в Грубешове и во Львове, С. Пилят в период восстания служил в одном из корпусов польского генерала Юзефа Дверницкого. В сражении под Боремлем С. Пилят, получив несколько ранений, был захвачен в плен русскими войсками и направлен служить в Отдельный Кавказский корпус³. Летом 1832 г. 39-й пехотный полк, в котором служил С. Пилят, должен был охранять Пятигорск от возможных набегов горцев. Обычно такого рода охрана поручалась двум или трём пехотным полкам и примерно двумстам казаков.

Товарищи С. Пилята по подневольной службе, как и он сам, каждый вечер после исполнения всех своих солдатских обязанностей имели возможность посещать источник минеральной воды, где принимали ванны. Поляки дали этому месту название «Салон “Европа”». В один из таких вечеров старший среди этой группы польских ссыльных, по имени Людвик (С. Пилят в своих мемуарах очень часто или не называл имён своих товарищей по ссылке полностью, или заменял их псевдонимами, опасаясь за их судьбу – мемуары были написаны вскоре после описываемых им событий) предложил, чтобы каждый из посетителей «Европы» либо выступал перед собравшимися с каким-либо устным рефератом, либо принесил с собой привезённые им в ссылку книги. Таким образом, С. Пилят и его товарищи, будучи в массе своей людьми весьма неплохо образованными для своего времени, надеялись спастись от той интеллектуальной деградации, которую неизбежно несла с собой солдатская муштра⁴. Людвик был избран президентом «Европы», и С. Пилят вскоре начал замечать, как в его товарищах просыпались такие таланты и способности,

² Jęłowicki A. *Moje wspomnienia*. Warszawa, 1970. S. 74–95.

³ Śliwowska W. *Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku*. Warszawa, 1998. S. 459.

⁴ Pilat S. *Ustęp z pamiętników... z czasu jego niewoli na Kaukazie* // Album Lwowskie. Lwów, 1862. S. 127.

о которых они ранее, возможно, и сами не помышляли. Вскоре в «Европе» даже стало действовать правило, согласно которому каждый из членов этого своеобразного клуба обязан был в течение недели написать что-либо в стихах или прозе. Причём один из членов клуба, Юлиан Пржигодский, не только прекрасно знал наизусть многие произведения Адама Мицкевича, но и сам писал неплохие стихи. К сожалению, ни одно из этих стихотворений С. Пилята в своих мемуарах не воспроизвёл⁵.

В Пятигорске же произошла встреча С. Пилята с польским ссыльным, которого автор называет Измаилом Черкавским. Это человек принадлежал к числу тех татар и соответственно мусульман по вероисповеданию, которые веками жили в Польше и Литве и ничем, кроме религии, от поляков не отличались. И. Черкавский рассказал С. Пиляту о своей несчастной любви к польской девушке и о своём участии в восстании, а также поделился своими планами побега в горы к единоверцам и, как считал И. Черкавский, единомышленникам. Препятствием к осуществлению этих планов стало прибытие в Пятигорск в группе польских пленных тяжело больного отца невесты И. Черкавского, пана Михала, заботу о котором И. Черкавский взял на себя. После смерти пана Михала И. Черкавский действительно исчез. До С. Пилята позднее доходили слухи, более похожие на легенды, о якобы необычайно благородном поведении горцев во время их набега на Прочный Окоп, во время которого горцы, вопреки своим обычаям, не убивали безоружных и не брали в плен женщин и детей⁶. Естественно, С. Пилята предположил, что все эти нововведения – результат присутствия в их рядах его пятигорского друга.

В целом же С. Пилята весьма доброжелательно писал о Пятигорске, указав, что город «имеет совсем европейскую физиономию» и даже назвал Пятигорск «Карлсбадом на Кавказе»⁷.

В 1839 г. в Варшаве был арестован за якобы готовившийся им тайный выезд за границу восемнадцатилетний сотрудник металлообрабатывающего завода Кароль Калиновский. После четырёх месяцев заключения в варшавской Цитадели его выпустили. Однако в 1844 г. вновь арестовали за связь с конспиративной организацией, которую возглавлял Томаш Вернер. После девяти месяцев пребывания всё в той же Цитадели К. Калиновский по приговору следственной комиссии, утверждённому наместником Царства Польского И.Ф. Паскевичем, был включён в состав Отдельного Кавказского корпуса⁸. Весну 1845 г. К. Калиновский провёл в Пятигорске. Он описал Пятигорск как прекрасный, хотя и небольшой городок, а также рассказал о благотворном влиянии на его здоровье минеральных вод Пятигорья. В своих мемуарах К. Калиновский восхищался только что построенным тогда пятигорским католическим храмом. Он писал: «Над городком, на прекрасном возвышении, возносится небольшой католический храм красивых очертаний, со службами и небольшим садом. Священник, человек ещё не старый, но всеми уважаемый, с великой радостью исполняет для своих прихожан обязанности пастыря, отца и друга одновременно»⁹. К величайшему сожалению для будущих

⁵ *Pilat S. Op. cit. S. 132-134.*

⁶ *Ibid. S. 129.*

⁷ *Ibid. S. 128.*

⁸ *Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 255.*

⁹ *Kalinowski K. Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila od roku 1844 do 1854. Warszawa, 1883. S. 12.*

исследователей, К. Калиновский так и не указал имени этого человека. Остаётся только предположить, что им был капеллан Отдельного Кавказского корпуса отец Бернадт Гижицкий. К. Калиновский также составил подробное описание и других городов Кавказских Минеральных Вод – Ессентуков, Кисловодска и Железноводска¹⁰.

С 1835 по 1846 г. в Отдельном Кавказском корпусе служил ещё один польский ссыльный, Ипполит Яворский. Он родился в 1812 г. и в 1830–1831 гг. принимал участие в Польском восстании под псевдонимом «Древновский». После поражения восстания эмигрировал, жил во Франции и Англии. В 1835 г., по возвращении на родину, арестован и направлен в Отдельный Кавказский корпус, где служил в Апшеронском полку. После 11 лет службы получил офицерский чин и разрешение вернуться на родину. В 1846 г. по личному решению Николая I стал смотрителем Лазенок и царских дворцов. Во время Польского восстания 1863–1864 гг. был в числе сторонников одного из его предводителей, Людвика Мерославского, получил чин полковника. После поражения восстания эмигрировал. С 1871 г. жил в Брюсселе. Умер в 1877 г.¹¹

Будучи твёрдым сторонником независимой Польши, И. Яворский при этом смотрел на Кавказскую войну как на совершенно справедливую со стороны России, утверждая, что «оккупация Россией Кавказа явилась следствием необходимости» и что «бывают ситуации, когда независимость приводит к ужасающим последствиям»¹². При этом имелось в виду, естественно, движение горцев под руководством Шамиля. Свои мемуары И. Яворский написал и издал в эмиграции и, таким образом, заподозрить его в желании выслужиться перед царской властью никак нельзя.

Описание Пятигорска можно найти и у И. Яворского. Он писал, что город был не только курортом, но и местом пребывания правительственных учреждений¹³. И. Яворский, также как и К. Калиновский, составил описание не только Пятигорска, но и других городов группы Кавказских Минеральных Вод, в том числе: Ессентуков, Железноводска и Кисловодска¹⁴.

В начале 1850-х гг. в Пятигорске побывал ещё один польский ссыльный, оставивший свои мемуары – Матеуш Гралевский. Он родился в д. Мазев Ленчицкого уезда в крестьянской семье. Видя недожизненные способности мальчика, профессор Вацлав Александр Мацейковский, управляющий деревней, определил его в гимназию в Ленчице. Именно там мальчик, носивший фамилию Граля или Граляк, сменил её на более благозвучную – Гралевский. Однако из-за отсутствия средств гимназию окончить не удалось. В 1841 г. он попал в монастырь ордена кармелитов и одновременно стал преподавать в школе. В мае 1843 г. М. Гралевский оставил монастырь и получил стажировку в правлении Мазовецкой губернии. Но уже в марте 1844 г. за принадлежность к кружку Т. Вернера, являвшегося частью конспиративной организации «Союз польского народа», был арестован. По приговору следственной комиссии от 14 (26) июня 1844 г. М. Гралевский был включён в ряды Отдельного Кавказского корпуса. В качестве дополнительного наказания наместник Царства

¹⁰ *Kalinowski K.* Op. cit. S. 11.

¹¹ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 243.

¹² *Jaworski H.* Wspomnienia Kaukazu. Poznań, 1877. S. 6.

¹³ *Ibid.* Cz. 3. S. 21–23.

¹⁴ *Ibid.* S. 23, 25.

Польского И.Ф. Паскевич приговорил обвинённого к 20 ударам шпиц-рутенами. М. Гралевский служил в Ширванском полку до 1856 г., когда получил разрешение вернуться домой¹⁵.

В описаниях М. Гралевским Пятигорска преобладают восторженные тона. Он писал и о встреченных им в городе татарах из Литвы, постоянно проживавших в городе. В Пятигорск, по словам М. Гралевского, приезжали польские семьи из-за Днепра, чтобы встретиться здесь со своими родными, посланными на Кавказ. М. Гралевский стал свидетелем одной такой встречи с семьёй ссыльного по фамилии Ковалевский, прибывшего на лечение из Абхазии. С представителями нескольких польских семей, постоянно проживавших в Пятигорске, М. Гралевский совершил восхождение на вершину горы Машук¹⁶.

О Пятигорске писал также Викентий Давид (настоящая фамилия Давидовский). Он родился в 1816 г. в Щебжешине, где в 1837 г. закончил гимназию. Позднее он успешно завершил учёбу на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета¹⁷. По другим данным В. Давид изучал математику и философию. После окончания учёбы, он работал учителем гимназии в Сувалках, а затем – в Люблине¹⁸. В то время глава одной из конспиративных организаций Александр Карпинский вовлёк его в работу своей организации. В августе 1843 г. организация была разгромлена. Среди арестованных оказался и В. Давид. Решением следственной комиссии, он был направлен простым солдатом в ряды Отдельного Кавказского корпуса.

В. Давид с восторгом описывает Пятигорск, называя его «малой энциклопедией всего Кавказа»¹⁹. Высоко оценивает В. Давид и нравы местной публики: «Формальный этикет уступает здесь место искренним отношениям дружбы и бескорыстного знакомства. Здесь исчезают принудительные обязанности и холодный расчёт больших городов. Свобода в домашнем быту и во время публичных прогулок характеризует пятигорское общество»²⁰. Очень много места уделяет В. Давид различного рода ваннам с минеральной водой, в том числе «пропасти, размерами напоминающей огромный колодец и наполняющейся мутной водой» (т.е. «Провалу»), а также Эоловой Арфе, беседке, спроектированной доктором Конради, в которой находилась настоящая арфа, приводившаяся в действие порывами ветра. Особое восхищение В. Давида вызвала панорама гор Главного Кавказского хребта, которой он любовался как из центра города, так и с вершины горы Машук²¹. Так же, как и М. Гралевский, В. Давид описывает Пятигорск как место встреч поляков с соотечественниками, находящимися в ссылке в рядах царской армии на Кавказе. Ссылные приезжали сюда со всех концов Кавказа, чтобы отдохнуть и поправить здоровье²².

¹⁵ *Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny. Warszawa; Poznań, 2000. S. 98.*

¹⁶ *Grulewski M. Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli. Opisanie kraju – Ludność – Zwyczaje i Obyczaje. Lwów, 1877. S. 408–410.*

¹⁷ *Mądzik M. Z Lublina na Kaukaz // Kalendarz Lubelski. Lublin, 1985. S. 129.*

¹⁸ *Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 124.*

¹⁹ *Dawid W. Piatihorsk i jego okolice // Dziennik Warszawski. 1853. 10 (22) lutego. № 50. S. 3.*

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid.*

К сожалению, других воспоминаний поляков, относящихся к XIX в. и рассказывающих об их пребывании в Пятигорске, нам обнаружить не удалось.

О настоятеле католического прихода в Пятигорске, священнике Юлиане Михальском, как о человеке весьма уважаемом, писал в 1904 г. анонимный автор в публикации, помещённой на страницах журнала «Край», издававшегося на польском языке в Санкт-Петербурге. По словам автора, отец Ю. Михальский прибыл в Пятигорск после длительной службы в Сибири. Число прихожан в пятигорской католической церкви составляло тогда ок. 900 чел., в том числе ок. 300 военнослужащих²³.

В конце 1970-х гг., то есть уже в советский период, Северный Кавказ посетили польские путешественники Гражина и Анджей Милош, составившие путеводитель по этому региону, включающий в себя и описание Пятигорска. Причём в книге помещена фотография одного из новых микрорайонов города – Белая Ромашка²⁴. К сожалению, эта книга оказалась последней по хронологии, изданной в Польше, в которой нам удалось обнаружить описание нашего родного города. Будем, однако, надеяться, что новые описания Пятигорска вскоре появятся в Польше.

²³ Kraj. Petersburg, 1904. Rok XXIII. 30 lipca (2 sierpnia). Nr 31. S. 19.

²⁴ *Miłoszowie G. i A. Kaukaz*. Warszawa, 1979.

Р.В. НУТРИХИН
г. Ставрополь

ПОЛЯКИ-ФРАНКМАСОНЫ - РОДОНАЧАЛЬНИКИ РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Вопрос о влиянии масонства на генезис в XVIII–XIX вв. некоторых направлений в археологии, историографии и этнографии до сих пор не получил в истории европейской науки сколько-нибудь значительного освещения. Между тем, можно установить, что некоторые учёные того времени – в особенности, египтологи и иные специалисты по востоковедческой проблематике – состояли в Ордена вольных каменщиков. Исследования их во многом соотносятся с фундаментальными масонскими доктринами, из чего можно заключить, что круг научных интересов указанных учёных был обусловлен их специфическим философским и историософским мировоззрением, сформированным в лоне Ордена франкмасонов.

Вообще же, значимость влияния масонства на развитие европейской культуры беспорна. Она отмечается в работах целого ряда авторитетных историков, философов, искусствоведов, культурологов и литературоведов (И. Финдель, А. Пятигорский, А.И. Серков, Н. Богомолов, Дж. Смит, *etc.*). Однако о роли масонства в истории науки, а точнее – о направлениях научных исследований, сложившихся под непосредственным влиянием масонской доктрины, – почти ничего конкретного в специальной литературе сказано не было.

Цель настоящей статьи заключается в частичном восполнении указанного пробела через выявление масонского влияния на становление раннего научного кавказоведения. Мы обратимся к трудам польского графа Яна Потоцкого (1761–1815) – писателя, путешественника и археолога. В 1797–1798 гг. он совершил экспедицию по Северному Кавказу, результатом которой стала его книга «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи» (*«Voyage de Jean Potocki dans les steps d'Astrakhan et du Caucase»*).

Материалы данной экспедиции сами по себе настолько специфичны, что при первом же рассмотрении дают устойчивое представление о масонском влиянии на мировоззрение графа в целом и на задачи его кавказоведческих исследований в частности. Тем более, что сопоставление отдельных фрагментов путевых заметок Я. Потоцкого с трудами других учёных-франкмасонов обнаруживает длинную череду интереснейших корреляций, явно указывающих на наличие «масонского следа» в истории его кавказской экспедиции.

Притом, что никаких документальных сведений о членстве графа Я. Потоцкого в какой-либо из русских, польских или западноевропейских

лож до настоящего времени так и не было обнаружено, вопрос о его связях с Орденом исследователи ставили уже неоднократно и по целому ряду косвенных признаков решали положительно. И в самом деле, тематика научных исследований и творческих поисков Я. Потоцкого у всякого знатока масонской философии не оставляет сомнений в том, что граф был не просто с нею знаком, но и близко соприкасался с масонством на протяжении длительного периода своей активной творческой жизни.

Граф Я. Потоцкий принадлежал к старинному шляхетскому роду, сыгравшему колоссальную роль в истории становления и развития масонства в Польше. Можно сказать, что ношение белых перчаток вольных каменщиков стало у Потоцких своеобразной семейной традицией. Дореволюционный историк И.С. Рябинин писал, что ещё в первой половине XVIII в. «распространителями» раннего польского масонства «были преимущественно пребывавшие в Польше иностранцы и магнатская польская молодежь, Мнишки, Потоцкие, Огинские, Виельгорские, основавшие несколько лож в Вишневец на Волыни, в Дукле и других местностях»¹. Это были династии, давшие многие поколения польских масонов. Я. Потоцкий принадлежал, таким образом, к известной семье с богатыми масонскими традициями.

Граф Игнаций Потоцкий с 1781 по 1785 г. занимал пост Великого Мастера всего национального масонства, возглавлял Великий Польский Восток (высший орган масонского правления в стране). С 1785 по 1789 г. главою польского масонства был Станислав Шенский Потоцкий. Многие близкие и дальние родственники Я. Потоцкого состояли в масонских ложах. Его родной брат Северин Потоцкий, с которым он в детстве был отправлен в Швейцарию для обучения в Женеве и Лозанне, удостоился масонского посвящения ок. 1780 г.²

Документов об участии самого Я. Потоцкого в деятельности масонских лож в научный оборот пока не введено. Ведь большую часть своей жизни он провел в путешествиях по Европе и Азии. Известно, например, что на Мальте Я. Потоцкий был принят в Орден рыцарей-госпитальеров. Его присоединение к Ордену вольных каменщиков могло произойти в любой из тех европейских стран, где он вёл свои исследования – в Австрии, Англии, Германии, Голландии, Испании, Италии, Португалии, России, Франции, Швейцарии или Шотландии. В каждой из этих стран граф Я. Потоцкий жил и работал, но ни в одной из них долго не задерживался. Поэтому если его посвящение в ложу где-либо и состоялось, то посещать ту страну регулярно он, конечно же, не мог.

Скорее всего, масонские занятия Я. Потоцкого в силу такого образа жизни были сугубо индивидуальными. Опираясь на традицию своей фамилии, общение с другими франкмасонами по всему миру и знания об Ордене, почерпнутые из редких антикварных книг, он вполне мог сосредоточиться на внутренней философской работе, коль скоро не имел возможности ходить в обычную масонскую ложу. В своих нескончаемых экспедициях он приучился воспринимать как «философскую мастерскую» всякое место, где оказывался в тот или иной момент времени. Свои «рабочие инструменты» он всегда имел под рукой. В работе своего просвещённого ума, в суме тонко чувствующего сердца...

¹ Рябинин И.С. Польское масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. С. 228.

² Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 662.

Ключ к правильному пониманию исследовательской миссии графа Я. Потоцкого на Северном Кавказе заключается в его собственных чрезвычайно точных словах: «Впечатления путешественника лишь тогда могут стать любопытными и поучительными, если его ум сохраняет общую философскую настроенность»³. На первый взгляд, странное в контексте естественнонаучных и исторических экспедиций понятие «философия» (или, говоря языком века XVIII, «любомудрие») означает в данном случае не просто склонность к размышлениям о смысле бытия, а именно умение находить этот потаённый смысл и высшее предназначение во всём, что встречается в ходе учёных странствий.

Как характерный пример «философской настроенности» самого Я. Потоцкого на всём протяжении его кавказской экспедиции можно привести такой отрывок из его дневника: «Геродот вновь совершает путешествие по Скифии вместе со мной, после того как он побывал здесь двадцать два века назад. За этот промежуток времени сотня различных народов жила в этой стране, руины их городов покрывают степь, но их названий больше не помнят. Сотня царей, тысячи славных воинов захоронены здесь в могилах, но больше никто не помнит имена этих царей и воинов. А Геродот существует. Он разговаривает со мной на своём языке, я взвешиваю каждое из его слов, я боюсь потерять хоть бы одно, и то, что я слышу, доставляет мне больше удовольствия, чем разговоры с кем-нибудь из ныне живущих. Благословим же науку историков, завещавших нам подобную радость»⁴.

Помимо того, что Геродот известен всем как древнегреческий писатель и «отец истории», его немеркнущая слава имеет ещё и другую, мало кому знакомую сторону. Члены тайного общества франкмасонов издавна считали его одним из посвящённых в священные мистерии, т.е., говоря языком Ордена, «протомасоном античной эпохи». Выдающийся исследователь-масон XX в. М.-П. Холл, пытаясь объяснить многочисленные загадки и недоговорённости в трудах первого великого историка Эллады, настаивает на том, что «Геродот был иницирован в священные школы и был вынужден, следовательно, сохранить неприкосновенными секреты древних Орден»⁵.

Путешествуя по различным «варварским» странам, в том числе в Скифии, Геродот собирал исторические предания, но в особенности интересовался чертами иноземных религий, в коих усматривал сходство с культами античных мистерий. Иными словами, сравнивая себя в какой-то степени с Геродотом, называя его своим духовным братом и незримым собеседником, граф Я. Потоцкий вполне мог указывать на то, что шествует в своих исследованиях по стопам Геродота. Причём, не только географически, но и духовно. Вполне вероятно, что в этих словах Я. Потоцкого содержится намёк на не вполне обычный характер его кавказской экспедиции.

«Путешествие» Я. Потоцкого обнаруживает неисчислимы корреляции с трудами иных известных франкмасонов. Это заставляет думать, что исторические исследования графа Я. Потоцкого на Кавказе

³ Потоцкий Я. Рукопись, найденная в Сарагосе / Пер. с польск. Д. Горбова. М., 1989. С. 9.

⁴ Он же. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи / Пер. с фр. Е. Сосниной // Соснина Е.Л. Ян Потоцкий и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». Пятигорск, 2003. С. 28.

⁵ Холл М.-П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / Пер. с англ. В. Целищева. М.; СПб., 2003. С. 144.

подверглись значительному влиянию древних доктрин Ордена вольных каменщиков. В настоящей работе предлагается разбор лишь некоторых из этих корреляций. Заметим, что Кавказ, с его историческими тайнами и обширнейшей мифологией, довольно часто обращал на себя внимание исследователей-масонов, чьи замечания по указанному поводу удивительно созвучны тому, что писал о Кавказе граф Я. Потоцкий.

Альберт Пайк, американский франкмасон высших степеней посвящения (достаточно сказать, что с 1859 и до самой смерти в 1891 г. он занимал должность Державного Великого Командора Материнского Верховного Совета 33-го и последнего градуса Шотландского Устава Южной юрисдикции США), в похожем мифопоэтическом контексте говорит о Кавказе на страницах своего фундаментального трактата «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава Вольного Каменщичества». Эту книгу справедливо называют «философской библией франкмасонства». В ней А. Пайк подчеркивает, что одним из важных солярных мифов античности была легенда о подвигах Геракла в землях гипербореев, которые сам А. Пайк локализует на Северном Кавказе.

«Геркулес Нерождённый (*Hercules Ingenuculus*), – пишет он, – держащий в руках палицу и, преклонив одно колено, попирающий ногой голову Змея, был, подобно Прометею и Танталу, одним из воплощений борющегося, то победоносного, то побеждённого Солнца. Подвиги Геракла – всего лишь отражение победоносной силы Солнца, постоянно горделиво заявляющей о себе. На далеком Севере, в земле гипербореев, он, сняв львиную шкуру с плеч, улегся спать и потерял лошадей своей колесницы»⁶. Тот факт, что произошло это где-то в Кавказских горах, придавал им в воображении эллинов особый сакральный статус. Наряду с такими горами, как Парнас и Олимп, Кавказ предстал в древнегреческой мифологии как «место силы», на которое проецируются священные, с точки зрения древних, астрономические реалии годового цикла движения Солнца по небосклону. Любопытно, что столетием ранее о том же самом рассуждал в своих сочинениях ещё один известный франкмасон – Жан Сильвен Байи (Бальи).

В 1779 г. во Франции были опубликованы написанные им «Письма об Атлантиде Платона и о древней истории Азии, означенные продолжить письма о началах наук, которые господин Байи направлял господину Вольтеру». Этот научный трактат, претендовавший на извлечение исторической истины из сходных между собой мифов разных народов, был составлен из полемических писем астронома Ж.-С. Байи к Вольтеру. Эти два светила европейской мысли XVIII в. отнюдь не случайно вели переписку о тайнах прошлого, скрытых под руинами античной мифологии. Ж.-С. Байи и Вольтер были франкмасонами, членами одной «масонской мастерской» – прославленной парижской Ложи Девяти Сестёр, в которую входили многие выдающиеся учёные, писатели и мыслители той эпохи.

Талантливый русский поэт, также являвшийся франкмасоном⁷, – Максимилиан Волошин писал: «Когда Вольтер в самые последние годы своей жизни (1778) был посвящён в масоны, то в числе членов Ложи

⁶ Пайк А. Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава Вольного Каменщичества / Пер. с англ. Е. Кузьмина. М., 2007. Т. 3. С. 21.

⁷ Серков А.И. Указ. соч. С. 196.

Девяти Сестёр, основанной Лаландом, в которую он был введён Франклином и историком Куртом де Жебеленом, были: Бальи, Дантон, Гара, Бриссо, Камилль Демулен, Шамфор, Петсион, Кондорсе и Дом Герль»⁸.

Считая себя полноправными наследниками античных мистерий и эзотерических культов древности, франкмасоны с большим рвением изучали это «своё» наследие. В масонских трактатах, посвященных мифологическому символизму, Кавказ фигурирует столь часто, что в важности этого географического «предела» сакральной топографии для мировоззрения вольных каменщиков не остается никаких сомнений.

Масон Ж.-С. Байи в своих посланиях вопрошает «брата» по Ордену Вольтера: «Не согласитесь ли, сударь, что все сии греческие мифы крайне походят на мифы, что составляют начальную историю персов? ... Не тот же самый Геркулес освободил на Кавказе Прометея, чью печень склевывал орёл? А как быть с Геркулесом в самой Скифии, где мы находим все истоки, с его подвигами и благодеяниями на Кавказе, откуда вышли атланты и где берут своё начало персы с их историей?»⁹

В «Письмах» Ж.-С. Байи мы сталкиваемся с той же актуализацией солярного аспекта мифологии о Геракле в кавказской Скифии, что и у А. Пайка в его «Морали и Догме». «Я сообщал в "Древней истории", – пишет Ж.-С. Байи, – миф, привязанный уже к астрономии. Геркулес, говорится в том сказании, когда двигался через Скифию, то продрог до костей из-за северных льдов. Он лёг отдохнуть на свою львиную шкуру, но после пробуждения не обнаруживает своих волос и обыскивает Скифию в поисках оных. Лишённый волос Геркулес являет собой солнце, кое в своих точках стояния некоторое время остаётся недвижимым, не опускаясь и не поднимаясь к полюсам. Оно как бы отдыхает на львиной шкуре, ибо, действительно, некогда легче солнцестояние приходилось на созвездие Льва. Но почему местом действия была выбрана Скифия? Солнце поднимается лишь над Индией и полуденными областями Персии, слишком далеко до достижения зенита в Скифии. Отчего же Геркулес, или Солнце, приходит туда замерзшим и продрогшим? Не есть ли сие изображение лучей слабых и немощных, лучей, падающих полого, подобно тому, как случается в северной Скифии?»¹⁰

Поразительное совпадение идей, практически одинаково выраженных в текстах Ж.-С. Байи и А. Пайка, позволяет выявить некий, по сути, общий для многих исследователей-франкмасонов подход к рассмотрению Кавказа, который виделся им величавым локусом сакральной географии древних народов. Сущность этого масонского исследовательского подхода к описанию Кавказа на этом этапе сводится к следующему:

1) Кавказ, как правило, рассматривался в связи с легендарными сюжетами, которые локализируются древними авторами в данном географическом ареале; причём, особым вниманием вольных каменщиков пользовались античные мифы о битве богов и титанов, о подвигах Геракла и Прометея, о походах аргонавтов и Александра Македонского, а также библейские предания об Эдемском саде, Ноевом ковчеге, диких ордах Гога и Магога;

⁸ Волошин М. Пророки и мстители. Предвестия великой революции // Перевал. 1906. Ноябрь. № 2. С. 25.

⁹ Байи Ж.-С. Письмо об Атлантиде Платона и о древней истории Азии, означенные продолжить письма о началах наук, которые господин Байи направлял господину Вольтеру // Атлантида и Гиперборея. Мифы и факты / Пер. с фр. А. Гарькавого. М., 2003. С. 181.

¹⁰ Там же. С. 90.

2) при обращении к Кавказу в свете указанных легенд франкмасоны были склонны усматривать в них важный источник достоверной, хотя и мифологически завуалированной информации о фактах, имевших место в далёком прошлом – этногенезе ранних цивилизаций и зарождении архаичных религиозных культов, основанных на сакрально-топографических и палеоастрономических представлениях, т.е. на солярно-астральных календарных воззрениях, происхождение которых связывается с архетипом легендарной «прародины».

Этот «масонский метод» изучения Кавказа, являвшийся, по сути, «кавказоведением мифологическим», не только предшествовал научному кавказоведению по времени, но и во многом предопределил и ускорил его возникновение в качестве отрасли позитивной науки.

Общеизвестен библейский миф об обитающих где-то на севере (по отношению к ближневосточному географическому ареалу) Гоге и Магоге, коими библейские пророки грозили своим современникам. В нынешней библеистике под этими этнонимами принято понимать скифов, которые на самом деле являлись серьёзной внешней угрозой для Израиля. Ж.-С. Байи уделяет большое внимание их исторической локализации, связывая её с Кавказом. Последний, по его словам, древние «именовали оплотом Гога и Магога... Си народы Гог и Магог, как сказывают, населяли весьма высокие и обрывистые горы, где не могла пройти никакая повозка»¹¹. Характерно, что Я. Потоцкий повторяет некоторые утверждения масона Ж.-С. Байи практически дословно. Находясь на Кавказе, граф Я. Потоцкий отмечает в своём «Путешествии»: «Я созерцал суровые вершины, оплот Гога. Затем воскресил в памяти тени Бошара и де Гуге, и погрузился в древнееврейские знания через комментарий к тридцать восьмой главе Иезекииля, очень важный для понимания истории скифов»¹².

Этот способ изучения и описания Кавказа, о котором на примере Ж.-С. Байи и А. Пайка мы говорили ранее, применялся, как можно заметить, и Я. Потоцким. В высшей степени примечателен тот факт, что рассуждения исследователей-франкмасонов о Кавказских горах по многим признакам совпадают с тем, что писал о них польский граф в дневнике своей экспедиции. Так, говоря о Кавказе, А. Пайк подчёркивал, что «эта северная земля, обитель холода и грусти, "земля смерти и воскресения Адониса" – Кавказский хребет, чьи вершины столь высоки, что кажется, что годовой цикл обращения солнца вокруг Земли начинается и заканчивается именно над ними, – превратилась в воображении древних греков в последний предел бития, в обитель зимы и разрушения, вершину воображаемой арки, соединяющей верхний и нижний миры, а посему закономерно, что именно эти горы были избраны местом вечного наказания Прометея»¹³.

Увидев близ нынешнего Пятигорска (в ту пору Константиногорска) гору Эльбрус, Я. Потоцкий, конечно же, не мог не вспомнить об этом знаменитом мифе: «В окрестностях Константиногорска лучше всего видна дулава вершина Эльбруса. Древние верили в то, что Прометей был прикован в его седловине таким образом, что каждая его рука покоилась на одной из вершин»¹⁴. Здесь следует отметить, что образ титана Прометея

¹¹ Байи Ж.-С. Письмо об Атлантиде Платона... С. 136.

¹² Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи... С. 63.

¹³ Пайк А. Мораль и Догма... Т. 3. С. 21.

¹⁴ Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи... С. 93.

действительно был чрезвычайно важен для масонского символизма. К тому, что А. Пайк довольно часто пользуется этой античной мифологией в «Морали и Догме», необходимо добавить ещё и то, что одна из степеней Древнего и Изначального Обряда Мемфиса и Мицраима называется «Титан Кавказа».

Я. Потоцкий, как и А. Пайк, пишет, что мрачность античной мифологии о Кавказе стала следствием разительного отличия здешнего горного ландшафта и сурового климата от того, к чему эллины привыкли у себя на родине. «Греки, – подчеркивает Я. Потоцкий, – не совершали путешествий во льдах Гренландии и Памони. Они видели лишь свои холмы Парнаса и Олимпа. Те из них, кто доезжал до Фазиса и до Диоскурии, должно быть, были поражены зрелищем столь величественным и легко согласились с мнением жителей Востока, поместивших здесь место действия их мифологических рассказов»¹⁵.

Я. Потоцкий справедливо отмечает, что греки отнюдь не первые поставили Кавказ во главу угла своей мифологической географии, но лишь сошлись в этом с «мнением жителей Востока». Граф поясняет, что персы значительно раньше приступили к эпической сакрализации Кавказа. Персидская мифология, хоть и не вполне усвоенная греками, все же послужила им в качестве исходного материала для составления античных сказаний о Кавказских горах: «Некий Клеанф, написавший “Теомахию”, которой мы больше не располагаем, – сообщает Я. Потоцкий в своём «Путешествии», – говорит о том, что название “Кавказ” идёт от имени одного пастуха, убитого Сатурном, превратившимся в крокодила. Но, не в обиду ему будет сказано, это название должно произноситься как Кох-Каф (*Koh-Kaf*), и персы его произносили именно так. На их языке это означает “Гора Кафа”. Впрочем, гора Кафа, опоясывающая землю, на вершине которой живет птица Анка, известна у них с древности. Я хочу восстановить историю Эльбруса»¹⁶.

Эти рассуждения графа Я. Потоцкого весьма близки по звучанию с утверждениями ещё одного вольного каменщика Рене Генона, который также писал о древней топонимике Кавказа как о понятии, крайне важном с точки зрения франкмасонских мифологических исследований. Не лишено интереса утверждение Р. Генона о том, что архетип топонима «Кавказ» не обязательно имел строгую привязку к его современной географической локализации: «Некоторые стремятся отождествить каф (*qaf*) с Кавказом (*qaf-qasiyah*); если бы такое уподобление понималось буквально, в его нынешнем географическом значении, оно было совершенно ошибочно, так как никоим образом не согласовывалось бы с тем, что говорится о Священной Горе, которой нельзя достичь “ни по суше, ни по морю” (*la bi-barr wa la bil-bahr*); но нужно заметить, что само это имя, Кавказ, в древности прилагалось ко многим горам, расположенным в самых различных регионах. Это позволяет думать, что первоначально оно действительно было одним из обозначений Священной Горы, по отношению к которой все остальные “Кавказы” могут считаться всего лишь её вторичными “локализациями”»¹⁷.

¹⁵ Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи... С. 73.

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ Генон Р. Символы священной науки / Пер. с фр. Н. Тирос. М., 2004. С. 132.

И в самом деле, Кавказ, какая бы именно горная область во времена персов под ним ни подразумевалась, определённо занимал центральное место в их сакральной топографии, а высочайшая кавказская вершина – пик Эльбрус (авест. «Альбордж») – играла роль Мировой Горы, являющейся практически повсеместным мифологическим архетипом. «В древней иранской мысли, – замечает Уильям Ф. Уоррен, – перед исследователем предстаёт образ той же самой небесной горы. Её называют Хара-Березайте, мифическая гора Альбордж, – “местопребывание духов: вокруг неё образуются солнце, луна и звезды; над нею проходит путь благословенных в небеса”»¹⁸. Карл Риттер также указывает на то сакраментальное значение, которое придается Эльбрусу в авестийской религиозной традиции: «Этот Альбордж, Гора света, пуп Земли, вокруг которого ходят солнце, луна и звёзды»¹⁹.

Обращение исследователей-франкмасонов к мифолого-топографическому осмыслению Кавказа в преданиях разных народов не является случайным хотя бы потому, что Солнце, Луна и Звёзды – это символические атрибуты, которые в обязательном порядке присутствуют в каждой масонской ложе. Вольные каменщики видели в упомянутых мифах прообраз и исток своей собственной духовной традиции. Поскольку данные мифы были связаны с Кавказом и горой Эльбрус, стремление учёных-масонов к исследованию этого некогда труднодоступного региона не только понятно, но и вполне закономерно. К цепи Кавказа их влекло желание постичь великие тайны прошлого, сокрытые в историко-легендарных корнях их Ордена.

Состоявший в Ордене вольных каменщиков французский философ-традиционалист Р. Генон уже в первой половине XX в. на страницах своих работ, посвящённых эзотерике масонского символизма, опять же обращался к персидским преданиям о священной горе Альбордж, что лишний раз свидетельствует об устойчивости этой тенденции в исследованиях вольных каменщиков. Гора Эльбрус как крайне важная для масонов мифологема упоминается Р. Геноном в трактатах «Масонство и компаньонаж»²⁰ и «Царь Мира»²¹.

Я. Потоцкий с восторгом пишет о поэтическом совершенстве связанных с Эльбрусом метафор из священной Авесты: «Зороастр, рассказывая о злом гении Аримане, говорит: “Он прыгнул с высоты вершины Боруза, и его тело простерлось над пропастью, похожее на мост, брошенный между мирами”. Я не знаю у Милтона ничего более прекрасного, чем эта картина, но в Зенд-Авесте она включает в себя столько нелепостей, что мне кажется, что это произведение издано, так сказать, на осколках труда Зороастра»²².

На страницах своего «Путешествия» граф сетует, что наследие древних дошло до нас лишь в «осколках». В отличие от учёных-скептиков, склонных воспринимать их как ничего не значащий «мифологический хлам», Я. Потоцкий, напротив, как это свойственно многим исследователям-франкмасонам, крайне бережно относится к таким

¹⁸ Уоррен У.-Ф. Найденный рай на Северном Полюсе / Пер. с англ. Н. Гусевой. М., 2003. С. 133.

¹⁹ Там же. С. 234.

²⁰ Генон Р. Масонство и компаньонаж. Легенды и символы вольных каменщиков / Пер. с фр. Д. Зеленцова. Воронеж, 2009. С. 35–36.

²¹ Он же. Царь Мира / Пер. с фр. Б. Виноградского. Коломна, 1993. С. 44, 48.

²² Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи... С. 74.

«осколкам», которые пусть и искажённо, но всё же отражают в себе далекое прошлое. Скрупулезно собирая пеструю мозаику легенд и мифов, граф тщится составить из них целостный образ той «допотопной» истории человечества, которая ушла от нас, казалось бы, безвозвратно.

Путешествуя по Северному Кавказу, Я. Потоцкий с особым вниманием относился к слухам о находящихся где-либо древних рукописях, прилагал значительные усилия в поисках миастифровок. Например, 21 ноября 1797 г. он сделал в своём дневнике такую запись: «Сегодня вечером я получил сообщение об одном ценном документе, который трудно заполучить. Это генеалогия кабардинских князей. Я потратил три или четыре часа для того, чтобы представить её в виде генеалогического древа»²³. Исследуя родословную княжеской династии Кабарды в виде схемы, граф опирается на текст кавказского манускрипта, возводящего род кабардинских князей к патриарху Ною.

Перевод соответствующего отрывка из этой старинной рукописи Я. Потоцкий приводит здесь же, в своём «Путешествии»: «Пророк Ной имел трёх сыновей, старший из них звался Сим, у Сима было четыре сына: Ларун, Радун, Лаун и Раун; от Ларуна пошли ханы Аравии, а от трёх других пошли князья. Эти князья много страдали в Аравии, ушли из неё и расселились по разным странам»²⁴. Потомки этих аравийских князей-семитов якобы и прибыли некогда в Кабарду, дав основание здешним аристократическим фамилиям.

Нас интересует не столько историческая достоверность данных сведений, сколько то поразительное сходство с «масонским подходом» к пониманию древней истории, которое демонстрирует в данном случае сам Я. Потоцкий. О происхождении народов, населивших землю после Потопа, от сыновей праведника, спасшегося в ковчеге на горах Кавказа, свидетельствует не только Библия в купе с преданиями Кавказа, но и мифология всё тех же персов. А. Пайк в «Морали и Догме» пишет о том, что, согласно древнеиранским сказаниям, «семеро было спасшихся от великого Потопа будущих отцов человечества, поселившихся на священной горе Альборди»²⁵. В XIX в., пожалуй, только масоны и относились к подобным утверждениям со всей серьёзностью – и то лишь потому, что легенды эти имели для них не историческую, а сугубо символическую ценность. В орденских преданиях и ритуалах, в названиях некоторых степеней нашли отражение библейские мифы о Потопе, патриархе Ное, его ковчеге и троих сыновьях – родоначальниках последопотопного человечества.

Так, например, двадцать первая степень Древнего и Принятого Шотландского Устава носит название «Ноев Патриарх»²⁶. Катехизис этого градуса начинается с вопросов и ответов о детях Ноя²⁷, генеалогию которых Я. Потоцкий столь подробно исследовал в своём дневнике, пользуясь обнаруженной им на Кавказе редкой рукописью. Кроме того, в системе дополнительных масонских капитулов, помимо 21-го градуса Шотландского Устава, присутствует ещё и степень Морехода Царственного Ковчега (*Royal Ark Mariner*). Один из крупных авторитетов современного

²³ Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи... С. 68.

²⁴ Там же. С. 69.

²⁵ Пайк А. Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава Вольного Каменщика / Пер. с англ. Е. Кузьмишина. М., 2007. Т. 1. С. 277.

²⁶ Он же. Мораль и Догма... Т. 2. С. 35.

²⁷ Карначев С. Тайны масонских орденов. Ритуалы «вольных каменщиков». М., 2007. С. 284.

русского масонства пишет о ней следующее: «В настоящее время степень Морехода Царственного Ковчега практикуется во многих странах, отчасти как милое архаическое наследие оперативных времён. Она повествует о строительстве Ковчега и его прибытии к горе Арарат; управляется Мастером, который носит название Капитана Ноя, и двумя его “сыновьями”-помощниками, Симом и Иафетом»²⁸.

Уже в «Конституциях Вольных Каменщиков» Дж. Андерсона 1723 г. подчеркивается первостепенная роль Ноя и его детей в легендарной предыстории масонства: «Ной и его три сына, все истинные масоны, принесли с собой в мир после Потопа Традиции и Искусства Допотопных людей»²⁹. Всё это с полной определённой свидетельствует о том, что франкмасоны уделяли этим библейским персонажам большое внимание, в виду чего исследование Я. Потоцким обнаруженного на Кавказе апокрифического родословия Ноевых внуков вполне могло преследовать и некие масонские цели, а именно – более детальное прояснение легендарных истоков Ордена. Тем более, что относящийся к «ноахитам» период действия франкмасонских легенд вполне логично было изучать именно на Кавказе, ибо, как гласит библейское предание, после Потопа Ноев ковчег встал на одной из кавказских вершин, откуда духовная традиция, сохранённая Ноем и его сыновьями, вновь распространилась по всей земле. «И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских» (Бытие, 8:4). Стало быть, предание Торы было для Я. Потоцкого таким же значимым путеводителем по древностям Северного Кавказа, каковым оно являлось для всех масонов вообще при изучении ими легендарной и реальной архаики примитивного человечества.

В «Путешествии» граф отмечает, что в ходе своих учёных изысканий на Кавказе он постоянно обращался к свидетельствам Моисея Пятикнижия. По его словам, он цитирует «Моисея не просто как автора, но как человека, получившего образование в Египте, где, по свидетельству Диодора Сицилийского, изучали историю всех стран. Моисей говорит о том, что его обучала египетская принцесса, Страбон же указывает, что это был египетский священник. Если Моисей цитирует вирши халдеев или египтян, то, как мне кажется, его свидетельство согласуется с Берсом, который довольно точно описывает вавилонские анналы»³⁰.

Авторитет этого библейского пророка как историка в представлении Я. Потоцкого основывается на том факте, что Моисей обучался в святилищах Древнего Египта, являвшего собою в ту эпоху передовой центр просвещения, светоч науки для всего античного мира. В Египте, как нигде, были развиты математика и астрономия, архитектура и религия, скульптура и живопись. Но самое главное, в египетских храмах веками велись летописи, и потому Египет стал колыбелью Истории. Именно в долине Нила первый древнегреческий историк Геродот, как говорят, не только был посвящён в мистерии, но и почерпнул из бесед с тамошними жрецами немало ценных сведений для своих книг. Будучи воспитанным в семье фараона, Моисей, как гласит предание, имел доступ к

²⁸ *Зелот*. Заместитель Великого Секретаря Великой Ложи России. Гробы на колесиках // Святой Грааль. 2006. Осеннее равноденствие. № 2. С. 28.

²⁹ Цит. по: *Пятигорский А.* Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства / Пер. с англ. К. Боголобова. М., 2009. С. 86.

³⁰ *Потоцкий Я.* Путешествие в Астраханские и Кавказские степи... С. 33.

бездонным анналам египетской мудрости. Он обучался в самых великих научных школах, и потому написанное им Пятикнижие, по мнению Я. Потоцкого, должно рассматриваться как источник исторический и к тому же весьма достоверный.

В романе «Рукопись, найденная в Сарагосе» Я. Потоцкий снова вкладывает в уста одного из своих героев указание на то, что пророк Моисей являлся выдающимся мудрецом своего времени, поскольку прошёл обучение у жрецов Древнего Египта.

«Прежде всего предупреждаю тебя, – говорит просвещённый александрийский жрец одному еврейскому юноше, – не считай главным изображение или символ, а старайся постичь скрытую в них мысль. Вот, например, ил обозначает всё материальное. Божок на листе лотоса, плывущий по илу, изображает мысль, покоящуюся на материи, совершенно с ней не соприкасаясь. Это символ, к которому прибег ваш законодатель, говоря, что “дух Божий носился над поверхностью вод”. Утверждают, что Моисей был воспитан жрецами города Она, то есть Гелиополя. И в самом деле, ваши обряды очень близки к нашим. Как и у вас, у нас тоже существуют жреческие семейства, пророки, обычай обрезания, запрет на свинину и много других сходных особенностей»³¹.

Высказанная Я. Потоцким в его «Рукописи» и «Путешествии» мысль о том, что пророк Моисей был посвящён в таинства египетских храмов и потому при формулировании основ иудаизма заимствовал многое из религии египтян, отнюдь не оригинальна. Она является «общим местом» в трудах целого ряда исследователей-франкмасонов. В частности, А. Пайк на страницах уже цитированной здесь «Морали и Догмы» пишет следующее: «Моше (Моисей) был посвящён в египетские Мистерии в обязательном порядке как сын Фуорис, дочери фараона Сезостриса-Рамзеса, которая, насколько позволяют судить надписи на её гробнице и памятниках, во время рождения Моисея была властью своего несовершеннолетнего супруга правительницей Нижнего Египта, то есть области дельты Нила, и трон её стоял в Гелиополе. Также она была, судя по тем же надписям, жрицей Хатхор и Нейт – двух высших и древнейших египетских богинь. Поскольку иудейский пророк жил при ней в её дворце до сорока лет, будучи только отдалённо знаком со своими соотечественниками-иудеями, посвящён он был в египетские Мистерии и таинства египетского священного Закона»³².

Для масона А. Пайка египетские и античные мистерии – понятие в высшей степени ценное. На страницах своей работы он неоднократно указывает на то, что мистерии были историческим предшественником франкмасонства. Именно на их незыблемом фундаменте возникло великолепное здание Ордена вольных каменщиков. Между тем, граф Я. Потоцкий также превозносит мистерии как великое культурное достижение в истории человечества. «Творец миров, – пишет он, – несомненно, мог начертать свои святые законы огненными буквами на звёздном небе, но не сделал этого. В древних Мистериях скрыл он обряды более совершенной религии, точно так, как в желудях скрывается лес,

³¹ Потоцкий Я. Рукопись, найденная в Сарагосе... С. 379.

³² Пайк А. Мораль и Догма... Т. 1. С. 301.

который будет давать тень нашим потомкам»³³. Эту метафору о дубе, заключённом в желуде, передающую пафос присутствия великому в малом, любил и вольный каменщик А. Пайк, часто использовавший её в своих франкмасонских сочинениях.

Вообще, круг античных, гностических и раннехристианских источников, которыми пользовался А. Пайк при написании «Морали и Догмы», поразительно совпадает с источниковой базой трудов Я. Потоцкого, включая его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи» и роман «Рукопись, найденная в Сарагосе». Оба писателя ссылаются, в частности, на Гермеса Трисмегиста и Филона Александрийского, подробно объясняют сущность египетских мистерий, уделяют внимание концепции деизма, или так называемой естественной религии, мистицизму Каббалы и описанным у Иосифа Флавия общинам ессеев. Одним словом, весь этот круг идей, а, следовательно, и литературных источников, к которым А. Пайк обращается столь же часто, как и Я. Потоцкий, можно с полным правом определить как «масонскую проблематику», которая всегда интересовала франкмасонов и старательно изучалась в их ложах.

Ещё одним любопытным моментом в «Путешествии» Я. Потоцкого является его попытка отыскать культурные параллели между Кавказом и Скандинавией. Так, 20 апреля 1798 г. близ кубанской станицы Курка граф нашёл земляной вал, который принял сначала за остатки римского укрепления, но позднее пришёл к выводу, что это было всё-таки городское поселение. По мнению исследователя, «необходимо отнестись этот древний город к Аспургианам, так как Страбон говорит о том, что их страна простирается между Фанагорией и Синдикой на протяжении пяти сотен стадий». Установив, что это именно то место, Я. Потоцкий добавляет: «Их столица называлась Аспургиум, но сама страна звалась Азией, а азиаты, видимо, были остатками большого народа»³⁴.

И здесь путешественник ставит перед собой несколько, казалось бы, совершенно неожиданных вопросов, которые записывает тут же, в своём дневнике. Самый удивительный из них сформулирован так: «Аспургиум, был ли он Асгардом Одина?». Но далее мысли этой он не развивает, оставляя читателя в полном недоумении своим многозначительным замечанием: «Это вопросы, затронуть которые я не осмеливаюсь»³⁵. Почему не осмеливается? И какая может быть связь между остатками земляного укрепления на Кубани и скандинавским богом Одинем? Всё-таки от северных европейских стран до юга России путь неблизкий. Откуда могло возникнуть это утверждение, будто нордический бог оставил какие-то археологические следы в Предкавказье?

Возможно, оно базируется на свидетельствах Снорри Стурлусона, автора «Младшей Эдды». В своей «Саге об Инглингах» С. Стурлусон пишет о том, что земля, на которой шведы живут теперь, является вторичным местом их поселения по отношению к утраченной прародине – Великой Швеции. Её географическое положение С. Стурлусон описывает так: «К северу от Чёрного моря расположена Великая, или Холодная, Швеция... Ссевера, стгор, что за пределами заселённых мест, течёт по Швеции река, правильное название которой Танаис. Она называлась раньше

³³ Потоцкий Я. Рукопись, найденная в Сарагосе... С. 425.

³⁴ Он же. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи... С. 96.

³⁵ Там же.

Танаквисль, или Ванаквисль. Она впадает в Чёрное море. Место у её устья называлась тогда Страной Ванов, или Жилищем Ванов. Эта река разделяет три части света. Та, что к востоку, называется Азией, а та, что к Западу – Европой»³⁶.

Общеизвестно, что «Танаис» – это античное название р. Дон, по которой древние, действительно, проводили условную границу между Европой и Азией. Вот, что говорится далее в «Саге об Инглингах» об этой южной области нынешней России: «Страна в Азии, к востоку от Танаквисля, называется страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одним»³⁷.

Современный историк В.И. Щербаков, который локализует Асгард в Кавказской Албании (на территории нынешнего Дагестана), отмечает, что «земля восточнее Дона в древности в скандинавских сочинениях (“Какие земли лежат в мире” и др.) ещё до Снорри Стурлусона называлась Великая Свитьод – Великая Швеция. Это память о прежней родине асов, точнее, племён, на языке которых “ас” означает “бог”, “владыка”»³⁸. Героями скандинавских саг, пришедшими некогда в Европу из степей Придонья, вполне могли быть и кочевники-аланы, занимавшие данную территорию в ту эпоху, о которой идёт речь, и носившие гордое самоназвание «асы» (на их языке оно звучало как «яссы» или «оссы»).

В ходе своей кавказской экспедиции Я. Потоцкий уделил этому народу самое пристальное внимание, что также могло быть обусловлено идеей отыскания следов эпического Асгарда на Северном Кавказе. «Я ещё ехал вдоль Дона, – пишет он в своём дневнике, – но мне не было видно русло этого царя всех скифских рек, прославленного греческими поэтами и историками как Танаис, который я так часто пересекал вместе с Геродотом, Страбоном и Птолемеем»³⁹. Здесь Я. Потоцкий, судя по его запискам, намеревался найти не просто археологические следы асов «Старшей Эдды», но и самих «потомков бога Одина», которые не ушли с ним на север, а остались в кавказской «прародине» – сторожить отеческий Асгард. И ему это удалось...

9 октября 1797 г. Я. Потоцкий записывает в своём дневнике: «Этот день должен быть отмечен на моих дощечках самым красивым красным цветом, потому что сегодня я почти приобрёл уверенность в том, что аланы ещё существуют, со своим языком, под своим именем, и, может быть, со своими обычаями»⁴⁰. Это открытие графу помог сделать один из имеретинских князей, который провёл три года в плену у осетин и считал их аланами.

19 ноября того же года он снова отмечает в своих путевых записях: «Я совершил визит к епископу епархии Моздока и Маджар, который был по происхождению грузин. Он меня уверил в том, что аланы ещё существуют в одной из долин Кавказа, рядом со Сванетией, но сам он их никогда не видел и не знает, как до них добраться»⁴¹.

25 ноября Я. Потоцкому удалось выяснить у этого архипастыря новые подробности о проживающих на Кавказе потомках средневековых алан: «Этим вечером я сказал епископу Гайозу о том, что мне кажется

³⁶ Цит. по: Щербаков В.И. Где жили герои эддических мифов? М., 1989. С. 15.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи... С. 21.

⁴⁰ Там же. С. 54.

⁴¹ Там же. С. 67.

очень правдоподобным то, что осетины, именуемые оссами, были оссианами Птоломея, жившими на Дону, тем более, что в осетинском языке “дон” означает “вода, река”. Епископ мне ответил, что я не сообщил ему ничего нового и что у грузин давно известно, что оссы, ранее жившие на севере гор, там, где они живут сегодня, пришли с Дона, вытесненные хазарами. Затем епископ Гайоз рассказал мне много интересного об албанцах и утиях; вообще, каждое слово, сказанное им, как мне кажется, проясняет круг моих исследований, и я не упустил возможности весь вечер провести с ним»⁴².

В настоящее время поиск «прародин» скандинавских асов на Дону и Северном Кавказе является вполне разработанным направлением в историко-археологической науке. Попытке найти следы легендарного Асгарда близ г. Азова в Ростовской области была посвящена последняя экспедиция прославленного учёного-путешественника Тура Хейердала. Но тогда, в XVIII в., Я. Потоцкий был одним из пионеров этого направления исследований. Он предложил довольно интересную локализацию Асгарда, сопоставив сведения из древних письменных источников с ещё неизученными археологическими памятниками Предкавказья. Любопытно, что данной исторической проблемой занимались и другие известные масоны, видя в этом прямую связь с легендарным прошлым своего эзотерического Ордена.

Посвященный 33-го градуса Древнего и Принятого Шотландского Устава Роберт Макой в своей «Общей истории масонства» тоже пишет о том, что скандинавские асы были выходцами с Кавказа, обожествлёнными на Севере: «Как явствует из северных хроник, Зигте, вождь азиатского племени Азер, в первом веке христианской эры привёл племя с Каспийского моря и Кавказа на север Европы. Он прошёл от Чёрного моря в Россию, где оставил в качестве правителя одного из своих сыновей; то же он сделал в Саксонии и Франкии. Затем он двинулся в Данию, которая признала в качестве правителя его пятого сына Скольда, и оттуда в Швецию, где Гильф, отдав почести удивительному страннику, посвятил его в свои Мистерии. Тут Зигте и правил. Столицей империи он сделал Зигтуну, дал новый кодекс законов и основал священные Мистерии. Сам он взял имя Один»⁴³.

Из данного отрывка явствует, что масоны, подобные Р. Макою, интересовались гипотезой о завоевании Европы выходцами с Кавказа, впоследствии обожествлёнными. Этот их интерес был обусловлен, прежде всего, тем, что они считали скандинавские мистерии Одина историческим предшественником своего Ордена. Рассматривая данные мистерии как древнюю отрасль «протомасонства», учёные-франкмасоны, искавшие утерянные корни своей традиции, обращали взоры от Северной Европы на Кавказ, откуда бог Один и его асы, как гласит скандинавское предание, некогда пришли в Швецию.

Если принять гипотезу, что Я. Потоцкий осуществлял на Кавказе некие масонские исследования, важные с точки зрения западных «сциентифических лож», то не будет равным счётом ничего удивительного и в том, что он пытался отыскать в степях Предкавказья, а также на северных отрогах гор Кавказа следы присутствия родоначальников европейских нордических цивилизаций. В данном аспекте этнографические и археологические изыскания Я. Потоцкого согласуются с исследованиями масона 33-й степени Р. Макоя.

⁴² Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи... С. 72.

⁴³ Цит. по: Холл М.-П. Указ. соч. С. 83.

В поисках свидетельств о пребывании на Кавказе прародителей ранних европейских цивилизаций граф Я. Потоцкий отмечает буквально всё, обращает внимание на каждую мелочь. Например, 23 августа 1797 г. он аккуратно записал в своём дневнике: «Вечером приехали черкесы, которых заставили танцевать. Неудивительно, что этот народ, живущий по соседству с казаками, имеет подобные танцы. Но как получилось, что норвежский танец похож на казачий? Этого я не могу объяснить, хотя и видел его в Копенгагене»⁴⁴. Казалось бы, такая незначительная деталь, как сходство черкесо-казачьих танцев с плясками норвежцев, выглядит крайне важной в свете нашего предположения о том, что поиск кавказских следов древних цивилизаторов Скандинавии был одной из неафишируемых целей этой кавказской экспедиции.

«Масонский след» прослеживается в ней не только благодаря явному созвучию исследований Я. Потоцкого с крипто-историческими изысканиями других учёных-франкмасонов, но также и в его непосредственных контактах с членами Ордена вольных каменщиков здесь, на Северном Кавказе. 15 декабря 1797 г. Я. Потоцкий записывает в своём дневнике: «Вот уже восемь месяцев как я путешествую по этим пустыням без единого дня, свободного от того, чтобы его большая часть не была занята рисованием, письмом, или же составлением мною карт на основании старой географии, или сравнением между собой варварских диалектов, несмотря на погоду и на тучи различных насекомых, облепивших мои бумаги и меня самого. Я чувствую, что мои голова и тело нуждаются в отдыхе и решаю провести пару месяцев в обществе графа Гудовича, принявшего меня с самой большой любезностью. Однако я не хочу, чтобы зима была полностью потеряна для накопления мною исторических материалов и разбираю моих авторов на предмет того, что касается скифов-сколотов и киммерийцев. Это занятие может продлиться до весны, ранней в этих краях, после чего я вновь примусь за мои работы»⁴⁵.

Упомянутый в этом отрывке граф Иван Васильевич Гудович, произведённый в 1790 г. за взятие Килии в генерал-аншефы и переведённый после этого на Кавказ, безусловно, был франкмасоном. Причем, участие его в деятельности масонских лож прослеживается до 1810 г. Не порывал он с масонами и после того, как в 1806 г. получил назначение на должность командующего войсками на Кавказе⁴⁶.

Путешествуя по Северному Кавказу, Я. Потоцкий изучал его сквозь призму древней мифологии и редчайших письменных источников античности и средневековья. Как мы могли в этом убедиться, его взгляд на исследование Кавказа в наиболее принципиальных моментах и любопытных частностях согласуется с рядом франкмасонских доктрин, имевших широкое распространение среди членов этого духовно-светского Ордена.

Масонские интересы графа Я. Потоцкого лежали в сфере сугубо традиционной. Они касались познания великих тайн бытия и утерянных секретов прошлого. В этом у него было мало общего с лейтмотивами современного ему польского масонства, охватившего вихрем

⁴⁴ Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи... С. 43.

⁴⁵ Там же. С. 78.

⁴⁶ Серков А.И. Указ. соч. С. 279.

политических страстей⁴⁷. В то время как подавляющее большинство его соотечественников-франкмасонов увлеклось активной борьбой за освобождение и национальное возрождение Польши, Я. Потоцкий исповедовал ценности куда более универсальные.

Будучи поляком и, более того, великим польским учёным, он честно служил непреходящей славе своей Родины на поприще Чистой Науки, не знаящей разделения по принципу национальности и гражданства. Она всегда была для него превыше сиюминутных гражданских распрей. Наверное, ещё и поэтому до нас не дошло каких-либо документальных свидетельств об активном участии графа Я. Потоцкого в деятельности польских лож. Являясь приверженцем универсальных масонских ценностей, он так и не нашёл себя в излишне политизированном польском франкмасонстве той эпохи...

Заложенный Я. Потоцким фундамент «масонского кавказоведения» продолжил впоследствии прирастать новыми экспедициями и трудами других учёных, которые также были связаны с Орденом вольных каменщиков. Исследователи-масоны создавали основы российской кавказоведческой науки по инициативе и при поддержке влиятельных чиновников-масонов.

Здесь надо упомянуть князя Адама Ежи Чарторыйского, польского общественного деятеля и близкого друга русского императора-масона Александра I. Уже в конце XVIII в. князь числился членом варшавской Ложи Святыни Изиды. С 1818 по 1821 г. он был почётным членом житомирской Ложи Рассеянного мрака. Впечатляет длинный перечень его масонских титулов: «Масон 7-й степени. Судья Ложи Северного Щита в Варшаве в 1811, затем её почётный член. Член Ложи Казимира Великого в Варшаве в 1819–1821. Кандидат на пост Великого Мастера Ложи Истинного Соединения в Плоцке в 1819–1820»⁴⁸.

А.-Е. Чарторыйский был двоюродным братом учёного-кавказоведа графа Я. Потоцкого. «Именно Чарторыйский привлёк своего кузена Яна Потоцкого на русскую службу при министерстве иностранных дел по азиатскому департаменту»⁴⁹. Заняв в 1804 г. пост министра иностранных дел Российской империи, франкмасон А.-Е. Чарторыйский начал вести административную работу по созданию здесь научной школы академического кавказоведения. Мероприятия эти преследовали, прежде всего, политические цели, ведь тогда Россия осуществляла масштабную военно-дипломатическую кампанию по окончательному включению Кавказа в своё имперское геополитическое пространство.

Помимо практических мероприятий, решавших сиюминутные задачи государственного строительства, деятельность масона А.-Е. Чарторыйского в этой сфере была направлена и на иные, куда более дальновидные перспективы. Пользуясь имевшимся в его распоряжении мощным административным ресурсом, князь А.-Е. Чарторыйский выступил инициатором создания в России фундаментальной кавказоведческой науки. Он хотел не просто завершить присоединение Северного Кавказа к России, но и открыть его для империи путём глубокого и всестороннего исследования кавказской истории и географии, археологии и этнографии.

⁴⁷ Р. Валериан Лукасинский // Голос минувшего. Журнал истории и литературы. 1913. Май. № 5. С. 33–39.

⁴⁸ Серков А.И. Указ. соч. С. 867, 1137.

⁴⁹ Потоцкий Я. Рукопись, найденная в Сарагосе... С. 15.

Научное сопровождение этого кавказоведческого проекта князь А.-Е. Чарторыйский поручил своему брату по Ордену, выходящу из польского шляхетского рода, чиновнику секретной экспедиции Коллегии иностранных дел Семёну Броневскому. Согласно А.И. Серкову, С.М. Броневский был членом-основателем крымской Ложи Иордан в Феодосии, где с 1815 по 1819 г. являлся почётным мастером стула. В 1820-1821 гг. он посещал эту Ложу в 3-й масонской степени. 14 января 1818 г. он получил почётное членство ещё и в одесской Луже Эвксинского Понта⁵⁰. С.М. Броневский состоял в близких отношениях с такими видными масонами той эпохи, как А.С. Пушкин, Ф.Ф. Вигель и М.М. Сперанский. Последний вёл с ним переписку на тему франкмасонского мистицизма, называя своего корреспондента «братом во Христе». Одним словом, С.М. Броневский увлекался франкмасонством столь же серьёзно, как и его начальник по Коллегии иностранных дел А.-Е. Чарторыйский.

В 1804 г. А.-Е. Чарторыйский поручил С.М. Броневскому упорядочить архивную документацию, представляющую ценность для кавказоведения, и составить историко-географическое описание Кавказа энциклопедического характера. Результатом этой совместной работы двух масонов под сенью российского внешнеполитического ведомства стала книга «Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семёном Броневским», вышедшая только в 1823 г., и книга «Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времён Ивана Васильевича доняне», рукопись которой попала в министерский архив и при жизни автора так и не была опубликована. В ходе работы над этими сочинениями С.М. Броневский служил бок о бок с Я. Потоцким, который в 1805 г. поступил в тот же Департамент азиатских дел Коллегии иностранных дел.

Поскольку к моменту окончания записок о Кавказе в 1810 г. князь А.-Е. Чарторыйский уже покинул министерский пост, С.М. Броневский вынужден был обратиться за содействием в опубликовании этой «первой российской энциклопедии Кавказа» к ещё одному брату по Ордену – уже упомянутому здесь М.М. Сперанскому.

«Являясь масоном, – пишет А.В. Данилов, – Броневский был достаточно близок с другим известным масоном, реформатором, графом М.М. Сперанским и имел с ним религиозно-мистическую переписку. Благодаря протекции Сперанского, Семён Михайлович поднёс императору первые три тетради своего труда “Новейшие географические и исторические известия о Кавказе”, над которым работал с 1804 года. Александр I повелел напечатать его за счёт Кабинета его императорского величества в пользу С.М. Броневского»⁵¹.

Однако М.М. Сперанский подвергся вскоре несправедливой опале, так и не успев довести до конца начатое было обнародование «кавказской энциклопедии» С.М. Броневского. 16 сентября 1816 г. автор обратился за помощью к другому влиятельному чиновнику-франкмасону – министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну.

⁵⁰ Серков А.И. Указ. соч. С. 141-142.

⁵¹ Данилов А.В. Семён Михайлович Броневский (К 245-летию со дня рождения; к 185-летию со дня выхода в свет первых двух частей книги С.М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе») // Ставропольский хронограф. 2008. Ставрополь, 2008. С. 289.

Показательно, что, став в 1810 г. градоначальником крымской Феодосии, С.М. Броневский очень скоро создал здесь центр кавказоведческих исследований. Плеяда блестяще образованных местных франкмасонов принимала в этой работе самое активное участие. «31 мая 1811 года, – пишет А.В. Данилов, – по инициативе С.М. Броневского был организован городской музей древностей. Его создали лица, которых объединяла не только страстная любовь к археологии, но и членство в открытой в мае 1812 года масонской ложе Иордан в Феодосии (С.М. Броневский, А. Галлера, И.И. Граперон и др.). Они также занимались сбором крымских древностей и поддерживали тесные контакты с одесскими и керченскими масонами (А.Ф. Ланжерон, П. Дюбрюкс, Э.В. Тетбу де Марины и др.). В музее находились античные статуи, множество глиняных вещей, коллекция медных монет»⁵².

Традиция «масонского кавказоведения», возникшая в начале XIX в. при участии таких представителей Ордена, как Я. Потоцкий, А.-Е. Чарторыйский, С.М. Броневский, М.М. Сперанский, И.В. Гудович, *etc.*, существенно замедлила своё развитие в связи с запрещением масонства на всей территории Российской империи в 1822 г.

Только на рубеже XIX–XX вв. начался новый этап развития масонских тенденций в российском кавказоведении. Одним из наиболее заметных исследователей Кавказа в данный период стал яркий представитель российской юриспруденции Максим Максимович Ковалевский, который не просто состоял в нескольких масонских ложах, но и являлся, по сути, лидером всего российского масонства, возродившегося после издания октябрьского манифеста 1905 г. М.М. Ковалевский происходил из польского шляхетского рода, обосновавшегося под Харьковом.

Масонская биография профессора М.М. Ковалевского поистине впечатляет. В 1884 г., находясь за границей, он получил посвящение в одной из лож союза Верховного Совета Франции – будущей Великой Ложи Франции. В 1888 г. вошёл в парижскую Ложу Космос. В 1906 г. в Париже присоединился к Ложе Труд и Истинные Верные Друзья. Вернувшись в Петербург, стал председателем Ложи Финикс, работавшей в союзе Великой Ложи Франции по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу. 15 ноября 1906 г. М.М. Ковалевский участвовал в подписании масонских документов о создании в России лож, подчинённых Великому Востоку Франции, выступив, таким образом, одним из основоположников российского либерального масонства. Став членом-основателем московской Ложи Возрождение, занимал в ней должности Мастера-Наместника и 1-го Стража. Являлся Достоцимым Мастером петербургской Ложи Полярная Звезда, которая нередко собиралась на его квартире. С ноября 1908 г. исполнял обязанности 1-го Стража Совета 18-ти Розенкрейцеровского Капитула Астрей. М.М. Ковалевский по праву считается одной из ключевых фигур в истории русского масонства⁵³.

Кавказоведческая научно-исследовательская деятельность М.М. Ковалевского началась с серии археолого-этнографических экспедиций на Северный Кавказ в летние сезоны 1877–1887 гг. Он вёл раскопки и изучал древние черты повседневного быта и обычное право кавказских горцев. Экспедиционный сезон 1885 г. был проведён им вместе с историком

⁵² Данилов А.В. Указ. соч. С. 288.

⁵³ Серков А.И. Указ. соч. С. 403–404.

И.И. Иванюковым, ставшим впоследствии членом петербургских Лож Феникс и Полярная Звезда. В 1887 г. М.М. Ковалевский совершил очередную кавказскую экспедицию при участии ещё одного масона – Ю.С. Гамбарова, который в 1905 г. был посвящён в парижскую Ложу Космос, участвовал, как и М.М. Ковалевский, в подписании документов об учреждении в России лож французского Великого Востока, в основании московской Ложы Возрождение. Ю.С. Гамбаров также был членом петербургских Лож Феникс и Полярная Звезда⁵⁴. Участие в кавказских экспедициях М.М. Ковалевского других франкмасонов, будущих его братьев по целому ряду столичных лож, лишний раз свидетельствует о правомерности предлагаемого здесь термина – «масонское кавказоведение», который сформулирован нами, исходя из выявленной тенденции устойчивого интереса вольных каменщиков к кавказоведению, а кавказоведов – к масонству.

Результатом длительных кавказских экспедиций самого М.М. Ковалевского стали многочисленные статьи и книги. Серьёзным кавказоведческим проблемам посвящены такие его фундаментальные работы, как «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (1886), «Закон и обычай на Кавказе» (1887), «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдалённом прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права» (1911), *etc.* Доклад М.М. Ковалевского «Об иранской культуре на Кавказе» был зачитан на съезде ориенталистов в Лондоне и напечатан в трудах съезда. Кавказоведческая работа М.М. Ковалевского являлась столь же масштабной, как и его масонская деятельность. И одно, как мы увидели, было тесно связано с другим.

Ещё один близкий его друг – М.И. Тамамшев, введённый М.М. Ковалевским в парижскую Ложу Космос в 1905 г. и остававшийся до конца жизни её членом, – будущий историком и этнологом, также внёс заметный вклад в развитие науки о Кавказе. В парижской Русской высшей школе общественных наук М.И. Тамамшев читал лекции по кавказской истории и общему кавказоведению. 19 сентября 1908 г. вместе с масоном Георгием Тумановым, членом тифлисской Ложы союза Великого Востока народов России, он открыл в Тифлисе Высшие курсы кавказоведения, пригласив за собственный счёт лучших профессоров и преподавателей.

Благотворительность была доброй семейной традицией этого старинного купеческого рода. Один из предков масона-кавказоведа, купец 1-й гильдии Гавриил Тамамшев, удостоился звания почётного гражданина двух известных кавказских городов Тифлиса и Ставрополя за огромный вклад в их благоустройство. Так, в губернском Ставрополе им была возведена загадочная Тифлисская арка, устройством которой указывает на влияние эзотерического масонского символизма. М.И. Тамамшев не изменял этой семейной традиции, тратил значительные суммы на самую широкую пропаганду кавказоведческих знаний. В 1899 г. он подарил Товариществу распространения грамотности среди грузин несколько старинных рукописей по истории Грузии. В 1900 г. товарищество получило от него в дар карту Иверии 1828 г., приобретённую им в германском г. Баден-Розен.

⁵⁴ Серков А.И. Указ. соч. С. 219.

Практически все своё огромное состояние кавказовед-франкмасон М.И. Тамамшев истратил на фолианты и манускрипты по истории Кавказа, которые тщательно разыскивал в антикварных салонах Западной Европы. Им была собрана большая частная библиотека, которая насчитывала более 41-й тыс. книг, включая уникальный раздел по Кавказу. Сокровищем этим М.И. Тамамшев распорядился вполне по-масонски. В завещании он написал: «Своё собрание книг я дарю городу Тифлису. Пусть оно хранится в Пушкинской библиотеке». Выбор библиотеки был, судя по всему, не случаен. Ведь А.С. Пушкин являлся не только вольным каменщиком, но и тоже в какой-то степени кавказоведом (вспомним его знаменитое «Путешествие в Арзрум», на страницах которого поэт-масон упоминал о загадочной кавказской экспедиции Я. Потюцкого).

Подводя итог анализу влияния масонства на развитие науки о Кавказе, следует отметить, что даже самое поверхностное рассмотрение истории становления российского научного кавказоведения указывает на значительную роль Ордена вольных каменщиков в этом процессе. Первые исследователи Северного Кавказа, будучи франк-масонами, осуществляли свои научные работы по инициативе и под покровительством братьев по Ордену – влиятельных государственных чиновников-масонов.

Столь пристальный интерес вольных каменщиков к Кавказу, как уже говорилось выше, был, вероятнее всего, обусловлен генетической связью легендарной предьстории Ордена с этим ключевым ареалом древней сакральной географии. Интерес масонов к Кавказу подогревался и тем вниманием, которое они уделяли всем малоизученным мифологиям и архаичным культам. Непрестанный поиск некогда утерянных сакральных истин подвигал исследователей-масонов к изучению Кавказа наряду с такими регионами мира, как Эфиопия и Египет, Индия и Китай, Палестина и Средиземноморье. Везде, где можно, не исключая и Кавказ, вольные каменщики искали нечто, близкое по духу их древней инициатической традиции.

А.И. КРУГОВ, М.В. НЕЧИТАЙЛОВ
г. Ставрополь

ПОЛЯКИ В КAVКАЗСКОЙ ВОЙНЕ: PRO ET CONTRA

Деятнадцатый век стал периодом, когда судьбы Кавказа и Польши причудливо переплелись в истории Российской империи. Сначала здесь появились ок. 10 тыс. польско-литовских солдат и офицеров, взятых в плен в ходе войны с императором Наполеоном I. Они стали первой волной массовой миграции поляков на Северный Кавказ (1812–1814 гг.). Большинство пленных затем вернулось на родину, но часть их осталась на Кавказе¹. К середине 1820-х гг., отмечал ветеран Отдельного Кавказского корпуса, «поляков тогда у нас служило мало и то офицерами»². Однако после усмирения Польского восстания 1830–1831 гг. остатки хорошо организованных полков польских войск были сосланы в Отдельный Кавказский корпус и здесь распределены, чтобы участвовать в войне против горцев³.

Поляки причислялись как к регулярным, так и к казачьим полкам, постоянно нуждавшимся в людях. Так, в ноябре 1833 г. новочеркасский полицмейстер сообщил в Ставропольское полицейское управление: «Нижних чинов бывшей Польской армии Шимон Цыльельский, Антон Расподельский, Антон Свербило, Иаков Гвоздицкий, прибывших сюда в город Новочеркасск из Киева... следующих в Кавказские линейные казачьи полки я вместе с сим отправил их посредством Внутренней стражи с кормовыми их деньгами до города Ставрополя и ... прошу Ставропольское городовое управление чинов сих по принятии их в Ставрополе представить к командующему войсками на Кавказской линии господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову и мне о том доложить»⁴. В большинстве случаев это были люди бедные,

¹ Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII – начало XXI в.). М., 2006. С. 77; Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Военнопленные поляки армии Наполеона на Северном Кавказе (1812–1824 гг.) // Российско-польский альманах. Ставрополь; Волгоград; Пятигорск, 2006. Вып. 1. С. 81–96; Поляки на Кавказе в 1814–1854 годах: документы / Вступ. ст. и публ. М.В. Нечитайлова // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь; Волгоград, 2007. Вып. 2. С. 268сл.; Скворцов-Кавказский А. Пленные из армий Наполеона на Северном Кавказе // Ставрополье. 1991. № 4. С. 91–100; Krugov A.I., Nieczytailow M.W. Polacy na Kaukazie Północnym // Wiadomości Historyczne. 2006. № 1. S. 4.

² Андреев В. Воспоминания из кавказской старины // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. 1. С. 21.

³ Киняпина Н.С. Внешняя политика России 1-й половины XIX в. М., 1963. С. 159–170; Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы: Библиографические очерки. Ставрополь, 2004. С. 26; Фёдоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. 3. С. 4. В июне 1832 г. было дозволено вернуться на родину тем высланным из Польши уроженцам Царства Польского, «кои во время прибытия их равно и во всё время жительства в России оказались вовсе не подозрительными» (ГАСК. Ф. 8. Оп. 2. Д. 2969. Л. 3 об.).

⁴ ГАСК. Ф. 8. Оп. 2. Д. 3395. Л. 1.

«без всяких посторонних средств к существованию»⁵. Однако Кавказ был регионом, где продвижение по службе происходило быстрее всего, а, следовательно, и быстрее всего появлялась возможность отставки и возвращения на родину⁶.

Согласно источникам, общее количество ссыльных доходило до 10 тыс. чел.⁷ Так, в 1831 г. в Отдельный Кавказский корпус попало 1865 поляков, в 1832 г. – еще 8091, в 1834 г. – 2600, в 1835–1843 гг. – 9600. Кроме того, на Кавказ были отправлены студенты-поляки Киевского и Виленского университетов «за участие в одном из заговоров, которые так часто открывались в этом крае». После суда над членами студенческой организации «Молодая Польша» («Содружество польского народа») в январе 1839 г., более 20 студентов Виленской медико-хирургической академии были сосланы на Кавказ⁸.

В конце 1832 г. Николай I даже намеревался сформировать в Навагинском пехотном полку три батальона (ок. 2000 чел.) из пленных поляков. Однако барон Г.В. Розен, командующий Отдельным Кавказским корпусом, возразил против царского предложения. Такое скопление поляков было, по его мнению, опасно⁹.

После того, как рекрутская повинность была распространена на Царство Польское (1834 г.), в Отдельный Кавказский корпус направлялись большие партии рекрутов¹⁰. Например, в один из линейных батальонов (1835 г.) «однажды более 400 человек враз прибыло их... и притом многие из них до того служили в "польской армии" и не скрывали своего нежелания служить в русских войсках»¹¹. Основная масса польских военно-служащих была людьми верующими. Необходимо было удовлетворять их духовные потребности. Поэтому генерал-майор Н.Н. Раевский, начальник Черноморской береговой линии, назначил капеллана с причетником «для объезда укреплений с совершением духовных треб среди солдат и офицеров римско-католического вероисповедания»¹².

По мнению польских исследователей, русское правительство преследовало две цели: поляки воевали в составе русской армии, а не против неё, а во время очередного мятежа польские солдаты, находясь далеко от родины, не имели бы возможности присоединиться к повстанцам в Польше¹³. В ряде случаев польские военнослужащие ставили идею возрождения Польши выше присяги императору. Невзирая на угрозу расстрела, они, не желая погибать за чуждые им интересы, искали удобного

⁵ Агапова Т.И., Серова М.И. Декабристы на Кубани. Краснодар, 1975. С. 18.

⁶ Сливовска В. Составление «Словаря польских ссыльных первой половины XIX в.» и компьютерной базы данных о польских ссыльных-участниках восстания 1863 г. в Институте истории Польской академии наук // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 17.

⁷ Шамиль: Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997. С. 75.

⁸ Смирнов А.Ф. Революционные связи народов России и Польши. 30–60 годы XIX века. М., 1962. С. 110, 382.

⁹ Маркова О.П. Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов прошлого века и движение мюридизма // Исторические записки. 1953. Т. 42. С. 235.

¹⁰ Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801–1855. М., 1996. С. 131.

¹¹ Симонов Л.В. Один из потомков Нашебургского полка. Исторический очерк 1726–1875 гг. // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1906. Т. XII. С. 160.

¹² Санеев С.А. «Век служу, Раевский, с нами, мы с тобою и штыками опрокинем свет» // Военно-исторический журнал. 2004. № 6. С. 72.

¹³ Порада А.М. Поляки на Кавказе // Российско-польский альманах. Ставрополь; Волгоград; Пятигорск, 2006. Вып. 1. С. 17.

случая для того, чтобы сбежать¹⁴. По свидетельству К. Оммер д'Эль, «русское правительство имело оплошность послать на Кубань большую часть полков», где служили поляки¹⁵. Некоторые историки создали романтическую легенду массового дезертирства поляков на сторону горцев и их борьбы в отрядах мусульман Кавказа (у Шамиля и на черноморском побережье). Действительность оказалась несколько иной. Безусловно, многие поляки перебежали на сторону горцев. Точную цифру назвать невозможно, но она была достаточно велика. Бывали случаи, когда горцы выдавали их обратно, но чаще всего беглецы оказывались на невольничьих рынках. Там их просто продавали в рабство те самые горцы (не только «адыгская феодальная верхушка протурецкой ориентации»)¹⁶, к которым они наивно стремились¹⁷. «На берегу моря, как говорили мне убыхи, – отмечал Ф.Ф. Торнау (1838 г.), – проживает много беглых поляков, которых число увеличилось до того, что хозяева их, продавая, не ценят более, как в одну лошадь, а иногда за доброго коня не отказываются заплатить двумя поляками. Продают поляков и в Турцию, где султан их набирает для полевых работ»¹⁸. Английский эмиссар Дж. Лонгворт тогда же жаловался, что черкесы не делают различий между дезертирами поляками и русскими, продавая всех в турецкое рабство, «хотя по предложению мистера Уркхарта вожди и старейшины должны были позаботиться об улучшении условий их содержания и обращаться с ними (поляками. – А.К., М.Н.) как со своими природными рабами». «Я сомневаюсь, однако, – подчеркнул Дж. Лонгворт, – чтобы эти различия соблюдались хотя в какой-то степени... хотя они все при сдаче в плен называют себя поляками... Это правда, что поляков продают туркам так же, как и русских, и один польский офицер, работавший в Ангоре, сказал мне, что он нашёл по меньшей мере 800 своих соотечественников, пребывающих в рабстве в одном только этом пашалыке»¹⁹. Несколько сотен поляков-дезертиров, однако, оставались жить среди черкесов²⁰, хотя и зачастую на положении домашних рабов. Например, 12 беглых поляков в 1813 г. «встретились с черкесами, которым они представились как французы. Те пригласили их в свои жилища... но... когда поляки пожелали снова отправиться в путь, каждый из них был задержан тем, у кого он гостил, с объяснением, что он более не свободен, но что в качестве их братьев они могут воспользоваться первым же случаем для продажи их торговцам, которые пристают к этим берегам»²¹.

«Но, – отмечает Ф.А. Щербина, – все вообще, как дезертиры, так тем более пленные, тяготились своим положением. Сами черкесы жили бедно и им нечем было содержать пленных. Кормили черкесы очень скудно

¹⁴ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 339.

¹⁵ *Hommage de Hell. Etudes sur la Circassie. Situation des Russes dans le Caucase // Revue de l'Orient*. 1843. Т. 1. Р. 272.

¹⁶ Бижев А.Х. Из истории формирования оппозиций политики царизма в русской армии и в среде польских ссыльных на Северном Кавказе в 30–40 гг. XIX в. // Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991. С. 135.

¹⁷ Гакстгаузен Ф., фон. Закавказский край. СПб., 1857. Ч. I. С. 83.

¹⁸ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 479.

¹⁹ Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 172.

²⁰ Спенсер Э. Путешествие в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 42.

²¹ Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии // Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002. Т. 1. С. 26–27.

и плохо, а работы взваливали на пленников тяжёлые»²². Ф. Дюбуа де Монпере приводит пример группы дезертиров (60 чел., в основном поляки), бежавших к черкесам. Шестеро из них вернулись добровольно, «считая, что их несчастья в Геленджике лучше, чем то, что они вытерпели у черкесов, которые обращались с ними, как с заключёнными»²³. В плену у Шамиля некоторым полякам приходилось ещё хуже. Их бросали в яму, которая «над выходом имела глубину человеческого роста, ширину 4–5 шагов в диаметре. Подстилкой на влажной земле – полугнилая солома... Надзиратель ямы... ежедневно приносил нам пищу из нескольких хинкали и кувшина воды. Иногда разрешал выглянуть наверх на несколько минут... Иногда прохожие бросали нам куски сухого хлеба»²⁴. Что касается цен на польских рабов на невольничьих рынках, точных сведений нет, но, если верить Т. Лапинскому, «раб, годный для военной службы, стоит обыкновенно 200 рублей»²⁵.

Н.Н. Раевский доносил командующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанту Е.А. Головину (8 апреля 1838 г.): «Уже до меня дошли следующие сведения, которые заслуживают внимания. Ныне Англичане ласково принимают наших беглых, в особенности поляков, стараясь вооружить их против нас; старание до сих пор неуспешное: беглые, большею частью, обращались в рабов, продавались в Трепизонд, где откупщики медных руд покупали их для работ; но с построением новых крепостей и с большею бдительностью крейсеров, вывоз стал затруднителен, в горах цена на рабов упадает, и число беглых, живущих там на свободе, увеличивается. Уже в стычках доходили до нашей цепи стрелков крики на Польском языке: "цельте в чёрных", подразумевая под этим наших офицеров»²⁶.

Есть и другое свидетельство. При нападении горцев на станицу Темнолесскую в ноябре 1835 г., очевидцу запомнилась «русская речь» одного из горцев. «Может быть, – полагал он, – это был беглый солдат из поляков, бежавший в горы очень давно. Тогда поляки часто убегали»²⁷.

Польский беглец из Сибири, поручик Якубович, приняв ислам (и имя Якуб-хан), «завёл у черкесов лабораторию, в которой изготовлял для горцев порох и другие военные припасы», но был убит за Кубанью²⁸. Русские источники сохранили любопытный аспект польско-горского сотрудничества – попытки поляков модифицировать оружие горцев, тогда планировавших атаки на русские форты восточного побережья Чёрного моря. В своём рапорте военному министру от 7 апреля 1840 г. генерал-лейтенант П.Х. Граббе сообщал: «Поляки ввели среди горцев и новое в этой местности оружие – длинный шест, к одному концу которого прикрепляется коса, чтобы колоть и рубить,

²² Шербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 526–527.

²³ Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму // *Тэбу де Марини*. Путешествие по Черкесии... С. 96.

²⁴ Цит. по: Гаджиев Б.И. Поляки в Дагестане. Махачкала, 2005. С. 24–26.

²⁵ Лапинский Т. (*Тэффик-бей*). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 106.

²⁶ Архив Раевских. СПб., 1910. Т. III. С. 662.

²⁷ Яковлев И. Нападение горцев на ст. Темнолесскую. По воспоминаниям О.П. Павловой. Ставрополь, 1914. С. 5.

²⁸ Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. Нальчик, 2004. С. 372; Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. 1871. № 12. С. 155–157.

а ... к другому крючья, чтобы влезать на крепостные верки.... Они производят съёмки атакуемых мест, подают нужные советы для организации обороны, а при штурме идут всегда в голове колонны»²⁹.

В архиве Г.В. Розена сохранилась копия письма поляка Броневица, бежавшего в самом начале 1830-х гг. к Гамзат-беку, будущему второму имаму Дагестана. Броневиц пишет (адресат письма неизвестен) о своём пребывании у Гамзат-бека в селении Нацотль: он жил у Гамзата, как сын (!), участвовал в его походах, принуждая горские аулы к покорности. Броневиц сообщает, что он был отправлен от Гамзат-бека в Турцию, очевидно с каким-то поручением, но по дороге его ограбили и чуть не убили³⁰. Другой польский ссыльный, Кароль Калиновский, попав в плен, оказался в составе «Шамилевской команды», набранной из дезертиров или пленных (1840-е гг.)³¹. Хотя сообщения о «Польской сотне» в армии Шамиля принадлежат к жанру апокрифов, источники ещё в 1854 г. отмечают, что в резиденции имама, Ведено, «находится до 340 иностранцев, большею частью из поляков»³². Шамиль использовал поляков для налаживания связей с их соотечественниками, верно служившими России. В 1852 г. имам рассылал неких поляков в качестве своих эмиссаров с прокламациями (на двух языках) и медалями для польских офицеров и солдат русских войск, поощряя их к дезертирству и заявляя, что они пользуются поддержкой Франции. Но их деятельность не возымела никакого практического результата³³.

Однако немало поляков верно служили России, являясь проводниками её политики на Кавказе³⁴. Были и те, кто успешно делал здесь карьеру³⁵. Конечно, согласно Высочайшему повелению (в циркуляре управляющего МВД от 27 июля 1841 г.), к ссыльным полякам, как и к русским, применялись особые правила чиновнопроизводства – поскольку получение первого же офицерского звания позволяло подать в отставку. «Как высланные во внутренние Губернии на службу лица из Польских уроженцев, принадлежащие к тайным обществам, выходят из обыкновенного ряда чиновников, то они не должны быть в производстве подводимы под общие правила, но о каждом из них должно испрашивать особое ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение при представлении к первому обер-офицерскому чину»³⁶. Но, с другой стороны, «чтобы Польские уроженцы, – к производству коих в чине, после уже высылки их, за принадлежность к тайным обществам, во внутренние Губернии, было испрошено однажды особое ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение, – производились в следующие чины обыкновенным порядком»³⁷.

²⁹ АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. С. 252.

³⁰ Маркова О.П. Указ. соч. С. 231.

³¹ Гаджиев Б.И. Указ. соч. С. 28–29. О батальоне дезертиров у Шамиля см.: Нечитайлов М.В. Кавказский «Багадеран»: русские дезертиры на службе у Шамиля // Северный Кавказ и кочевый мир степей Евразии: VII «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2005. С. 179–183.

³² Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля // Отечественные записки. 1856. Т. 105. № 3. С. 247.

³³ Wl-off G. Souvenirs d'un officier du Caucase. Paris, 1899. P. 174–175. В том же году французский офицер Э. Тиллиен предложил «поднять весь Кавказ» при поддержке польских и венгерских эмигрантов, служивших Шамилю (Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях: 30–60-е гг. XIX в. Владикавказ, 1992. С. 93).

³⁴ Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Военнопленные поляки... С. 93–96.

³⁵ См.: Порада А.М. Указ. соч. С. 18–22.

³⁶ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1473. Л. 4.

³⁷ Там же. Л. 5 (Циркуляр МВД от 12 декабря 1842 г.).

По мнению Г.И. Филиппсона, «между поляками было много отличных офицеров и солдат, столько же, как и между другими национальностями; но они были заметнее других, потому что их положение придавало им особенную оригинальность»³⁸. Вот точка зрения другого кавказского офицера: «Поляк, в свою очередь, даёт превосходных офицеров и солдат, достойных сподвижников русских»³⁹. «Нижние чины из поляков отличались особенно примерным усердием», – признавалось в официальном документе⁴⁰. И не только солдаты. В Ставропольском краевом архиве сохранился любопытный документ. Он доказывает, что по окончании военной карьеры польские военнослужащие могли продолжать службу в рядах кавказской полиции. Из перечисленных в списке 13 поляков-полицейских Станислав Орловский, Антон Кшецкий и Францшек Зайковский «на службе при сём управлении более восьми лет при хорошем их поведении всегда исполняли долг службы со всею точностью и никогда в пьянстве и других дурных поступках не замечены». «За усердную их службу и хорошее поведение» они были награждены унтер-офицерскими званиями. Из остальных, В. Коза, И. Залевский, В. Казакевич, Я. Кошмарчук, А. Ежка, У. Адамович и К. Славянский были уволены в бессрочный отпуск. Прочие поляки были оставлены на службе до истечения 25-летнего срока⁴¹.

В Ставрополе (1845 г.) был построен католический костёл, в ограде которого нашли последний приют многие достойные граждане⁴². Отметим и тот факт, что хутор Польский был основан в 1834 г. именно поляками, посланными на Кавказ за участие в восстании 1830–1831 гг.⁴³ Поэтому польские военнопленные оставили свой след не только в истории, но и на картах, в топонимике Ставрополя и Северного Кавказа⁴⁴.

Поляки проявили себя в Кавказской войне. Несмотря на неудачи в налаживании тесных контактов с Черкесией и с Шамилем, они оказывали посильную помощь горцам. Однако нет оснований всерьёз утверждать, что дезертирство поляков явилось существенным вкладом в борьбу с самодержавием и его колониальной политикой⁴⁵. Безусловно, некоторые поляки при первой же возможности бежали из рядов армии в горы, становясь на сторону противника империи. Но нельзя отрицать и того, что значительное число уроженцев Княжества Варшавского, а потом и Царства Польского верно служило России, являясь проводниками её политики на Кавказе.

³⁸ Филиппсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2000. С. 161.

³⁹ Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа... С. 348.

⁴⁰ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 549.

⁴¹ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 4–5об., 9, 13–13об., 14, 16.

⁴² Кругов А.И. Указ. соч. С. 78.

⁴³ Орудина Л., Искра Г. О чём рассказывают названия // Агитатор Ставрополя. 1988. № 21. С. 31.

⁴⁴ См.: Гаджиев Б.И. Указ. соч. С. 15–16, 36–55.

⁴⁵ Бижев А.Х. Указ. соч. С. 137–138.

Б. КУХАРЕНКО
г. Люблин

ВОЕННЫЕ КАПЕЛЛАНЫ В ТИРАСПОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ

Историки Римско-католической церкви в России интересуются преимущественно выдающимися деятелями церкви: мучениками, митрополитами и епископами. Многочисленные статьи и монографии посвящены этим личностям, а также жизни польского народа на фоне истории Римско-католической церкви. Тем не менее, не все проблемы дождалось своих исследователей. Одной из таких проблем является пастырская служба католического духовенства в воинских частях царской армии.

Основным источником информации о службе капелланов римско-католического вероисповедания в русской армии являются публикации ксёндза Э. Новака¹. В настоящее время историки Польши занимаются исследованиями деятельности капелланов в польской армии². С сожалением следует констатировать, что историки государств бывшего СССР не предприняли ещё ширококомасштабных попыток описания данного явления. Очевидно, что проблема до сих пор не была разработана, прежде всего, из-за бедной базы первоисточников и большого распыления архивных материалов, находящихся ныне в разделённых независимых государствах. Автор надеется, что настоящая статья побудит других учёных приступить к исследованиям данной проблематики.

Темой настоящей статьи является функционирование института римско-католических капелланов в русской армии на примере Тираспольской епархии³. Упомянутая епархия латинского обряда возникла на основании конкордата, заключённого 22 июля (3 августа) 1847 г. в Риме между Святым Престолом и Россией⁴.

¹ Nowak E. Duszpasterstwo wojskowe katolickie i prawosławie w Rosji 1832–1914. Wilno, 1934; *On je. Rys dziejów duszpasterstwa wojskowego w Polsce 968–1831*. Warszawa, 1932.

² Historia duszpasterstwa wojskowego na ziemiach polskich / Red. J. Ziölek. Lublin, 2004.

³ Епархия в течение недолгого своего существования неоднократно меняла наименование. Название новой епархии восходило к названию Херсонской епархии, учреждённой 5 июля 1333 г. буллой „*Quam gaudiosa sit Deo*” папы Иоанна XXII. Фактически она перестала существовать уже в XIV в. В результате протеста Православной церкви и на основании переговоров с российским правительством папа Пий IX издал декрет „*Memor sollicitudinis*” от 26 августа 1852 г. о переносе епархиальной столицы в Тирасполь на Днестре (5 ноября 1852 г.) и смене названия с «Херсонской» на «Тираспольскую». По месту постоянного пребывания епископа именовалась также Саратовской, см.: *Kumor B. Diecezja Tyraspolaska // Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelne*. 1976. Nr 20. S. 299; *On je. Konkordat rosyjski z 3.VIII. 1847 roku i utworzenie diecezji tyraspolskiej (1847) // W służbie wartościom / Red. R. Kamiński. Kielce, 1999. S. 331; Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. С. 105.*

⁴ *Boudou A. Stolica Apostolska a Rosja. Stosunki dyplomatyczne między nimi w XIX stuleciu. Kraków, 1928. T. 1. S. 582–587; Papiestwo wobec sprawy polskiej w latach 1772–1864 / Wybór źródeł, red. O. Beiersdorf. Wrocław, 1960. S. 155–160.*

Новая епархия была организована из частей Каменецкой епархии и Могилёвского архиепископства. Херсонская епархия была учреждена 8 ноября 1850 г. Она охватывала следующие губернии и области: Астраханскую, Бакинскую, Бессарабскую, Дагестанскую, Екатеринославскую, Кубанскую, Кутаисскую, Самарскую, Саратовскую, Ставропольскую, Таврическую, Терскую, Тифлисскую, Херсонскую, Черноморскую и Эриванскую⁵.

Николай I делил своих подданных-католиков на три категории: 1) жители внутренних районов Империи, 2) жители Царства Польского и 3) жители Литвы с землями, присоединёнными после разделов Речи Посполитой. Самой надёжной была первая группа, как послушная и покорная по отношению к властям. Вторая и третья категории были ненадёжны, что царь подчёркивал в беседе с папой Григорием XVI⁶.

Новая епархия создавалась, прежде всего, с мыслью о немецких колониях в южной части империи. Однако на территории Тираспольской епархии католики были представлены не только колонистами и эмигрантами из Западной Европы, но и польскими солдатами русской армии. Расквартирование последних требовало присутствия среди них священников, которые заботились бы о поддержании нравственности в армии. В российской политике религия всегда была фактором, подчиняющим личность властям. И официальное исповедание католицизма должно было удовлетворять этой функции⁷.

Кавказ был местом, где многие поляки проходили воинскую службу. Большое количество католиков среди солдат, расквартированных в Грузии уже в 1812 г., понуждало российские власти к решению проблемы. Особенно много рекрутов было с территории Польши. В этот период вопрос был решён путём подчинения местного католического духовенства Римско-католической духовной коллегии в Санкт-Петербурге и выплате им жалования в размере 120 р в год. Их пастырская служба должна была охватывать не только гражданское население, но и военных⁸.

До 1830 г. военных капелланов как таковых в империи не было. Датой появления в империи должности военного капеллана принято считать 1831 г. Однако имеется документальное подтверждение присутствия капеллана на кораблях Черноморского флота в 1829 г. во время войны с Турцией⁹. После подавления Ноябрьского восстания до 1836 г. в империи было 6 капелланов. Их количество постепенно возросло. В 1846 г. их было уже 16 чел., а в 1847 г. – 17 чел.¹⁰

Включение в состав российских войск в 1831 г. ок. 11 500 участников Ноябрьского восстания меняет существующую ситуацию. Призыв в Царстве Польском 1832 г., проводившийся в качестве карательного, привлёк на службу 27 800 бывших повстанцев¹¹. Однако на основании этих данных нельзя делать вывод, что так же много поляков было

⁵ *Directorium Officii Divisi et missae sacrificii ad usum utriusque clerici diaecesis tiraspolensis*. Sratov, 1913.

⁶ *Boudou A. Stolica Apostolska...* Т. 1. S. 451.

⁷ *Jabłońska-Deptuła E. Katolicyzm łaciński w Imperium Rosyjskim w XIX w.* // *Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.)* / Red. J. Bardach. Warszawa, 1997. S. 266.

⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 25. Д. 2504. Л. 60–62об.

⁹ РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 2211. Л. 1.

¹⁰ *Nowak E. Duszpasterstwo wojskowe katolickie...* S. 22.

¹¹ *Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1837*. Warszawa, 2001. S. 222; *Он же*. Z problematyki katolickiego duszpasterstwa wojskowego w armii rosyjskiej w XIX wieku // *Historia duszpasterstwa wojskowego na ziemiach polskich* / Red. J. Ziółek. Lublin, 2004. S. 264.

призвано и в последующие годы. За весь период между восстаниями поляки составляли примерно 10% личного состава русской армии¹².

Лишь незначительная часть пребывающих на Кавказе солдат были добровольцами. Солдаты-ссыльные могли добиваться своего перевода на эти территории из других частей империи. Здесь к ним относились лучше, а, кроме того, существовала возможность быстрой карьеры¹³. Зачастую они удаивались сокращения срока ссылки. Младшие офицеры после длительного пребывания на Кавказе часто решались остаться здесь и после амнистии. Особенно часто решались на это бывшие жители польских окраин¹⁴. До самой революции число поляков в кавказских частях было значительным, что объясняется службой здесь кадровых солдат и офицеров не только из Царства Польского, но и с окраин бывшей Речи Посполитой¹⁵.

Присутствие солдат-ссыльных в рядах русской армии, которая была им чужда в национальном, языковом, религиозном отношении, создавало антагонистическую ситуацию. В ответ на издевательства над ними солдаты убивали командиров, дезертировали в горы и за границу и даже отказывались от верности царю. Волны убийств среди польских военно-служащих и драки в частях между солдатами на национальной почве, заставляли командование вмешиваться¹⁶. Привлекательными для солдат были призывы Отеля «Ламбер» к полякам в русской армии дезертировать и пробираться в Турцию, где планировалось сформировать польский легион для борьбы с Россией¹⁷.

Царские власти исходили из того, что религиозный индифферентизм является результатом ошибочного мышления и будет отражаться на общественно-политической жизни личности. На аудиенции, которой удостоился католический епископат империи в 1849 г. Николай I не только одобрил деятельность Римско-католической церкви в стране, но и обещал ей свою поддержку¹⁸.

В ситуации, когда в армейских рядах присутствовало множество ссыльных поляков, назрела необходимость призвать на службу военных капелланов. Капеллан – это священник, который исполняет пастьрское служение в определённом объёме по отношению к какому-нибудь сообществу или группе верующих. Исполняет это в соответствии с нормами церковного права¹⁹.

¹² Современные авторы утверждают, что в 1831–1855 гг. в войска на Кавказе было включено 41 460 поляков, что составляло 21% рекрутов из Царства Польского за этот период. В 1855–1865 гг. призыва в армию не было. В 1865–1873 гг. солдаты из Царства Польского сюда не отправлялись. Расширяя это количество на жителей губерний Западного края, можем получить цифру 70 тыс. чел., см.: *Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego...* S. 114–115.

¹³ *Baranowski B. Polskie zainteresowanie z XVIII i XIX wieku kulturą Gruzi.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982. S. 35.

¹⁴ Дьяков В. Карательная политика царизма по отношению к католическому духовенству (1832–1855) // *Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.)* / Red. J. Bardach. Warszawa, 1997. S. 204.

¹⁵ *Piwnicki G. Polacy wojskowi i zesłańcy w carskiej armii na Kaukazie w XIX i na początku XX wieku.* Toruń, 2001. S. 193.

¹⁶ *Gralewski M. Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli.* Lwów, 1877. S. 506–508.

¹⁷ *Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego...* S. 167.

¹⁸ «Все смуты происходят от недостатка религии. Я не фанатик, но твёрдо верую. Знаю, что человек умом всего постигнуть не может, что есть такие предметы, которых разобрань не возможно; нужно возложить упование на Промысел и верить; отсюда упадок протестантизма, ибо он основывал всё на разуме человеческом. Я не хочу новой веры, знаю старую католическую и желаю утверждения её как безопасной для государства», цит. по: *Горизонтов Л.* Польский вопрос и конфессиональная политика самодержавия (30-е годы XIX – начало XX в.) // *Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce...* S. 271.

¹⁹ *Wileńska E. Kapelani* // *Encyklopedia Katolicka.* Lublin, 2000. T. 8. S. 650–651.

Свод законов Российской империи отмечает, где и когда власти дали согласие на введение должности военного капеллана²⁰. На основании содержащихся там указов можно узнать, что капелланом не могло стать духовное лицо из Царства Польского, которое преследовалось за политическую деятельность, поскольку священник, который был в группе повстанцев, не может заботиться о нравственности солдат. Поэтому совершенно беспочвенным представляется мнение некоторых исследователей, что эти функции исполняли священники-ссылы²¹. Подобное явление не отмечено современными авторами и являлось бы деструктивным шагом властей. В то же время известны примеры полного запрета проведения богослужений ссыльными священниками, но не наоборот²².

Назначения на должности капелланов в Могилёвской митрополии в первой половине XIX в. происходило с привлечением ксёндзов из всех епархий империи. Зачастую это были монахи из ликвидированных во времена царствования Николая I католических монастырей²³. В последующие годы, в соответствии со специальным распоряжением, в Тираспольской епархии служили ксёндзы выпускники Санкт-Петербургской духовной академии²⁴.

Памятуя, что католическое духовенство оказывало огромное влияние на повстанцев, Николай I пожелал использовать его для достижения своих целей – покорения кавказских горцев. Следовало внушать солдатам справедливость их военных действий и их одобрения со стороны всего общества. Подчёркивалось, прежде всего, придание их службе и учения моральных санкций²⁵. Таким образом, осуществлялось намерение заглушить голос совести у бывших повстанцев, солдат, воюющих в интересах российской экспансии. Власти не опасались отрицательных последствий присутствия в воинских частях католического духовенства, ведь прозелитизм был государственным преступлением²⁶.

Желая превратить капелланов в инструмент государственной политики, их вывели из-под власти епископов. Выбор и назначение

²⁰ К сожалению, в связи с утратой многих материалов, разбросанностью данных, касающихся этой тематики по многочисленным российским архивам, не представляется возможным изложить здесь исчерпывающую трактовку темы.

²¹ Чаплицкий, о. Б. Константин Будкевич 1867–1923. Жизнь и деятельность. СПб., 2004. С. 18; Cabani W. Z problematyki katolickiego duszpasterstwa wojskowego... S. 266.

²² Державний Архів Миколаївської Облaсті (Україна). Ф. 231. Оп. 1. Д. 1263. Л. 20.
²³ Sysko A. Tyraspolska diecezja // Encyklopedia Kościelna / Red. M. Nowodworski. Warszawa, 1907. T. 29. S. 361; Список римско-католических духовных лиц и учреждений. СПб., 1853. С. 221–232; Cabani W. Z problematyki katolickiego duszpasterstwa wojskowego... S. 266.

²⁴ Nowak E. Duszpasterstwo wojskowe katolickie... S. 7–8.

²⁵ Gach P. Zakonni kapelani wojskowi pod koniec XVIII i w XIX stuleciu // Historia duszpasterstwa wojskowego na ziemiach polskich / Red. J. Ziółek. Lublin, 2004. S. 259.

Капелланы и солдаты также были «послами» российской имперской культуры на вновь приобретённых землях. Как не парадоксально это звучит, но первым примером русской культуры на Кавказе были военные крепости с течением времени превращающиеся в города. Новая архитектура и способ строительства не только показывали присутствие России в регионе, но и укрепляли имперскую культуру на этой территории.

²⁶ Пункт 4 «Свода учреждений и уставов Управления Духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных» чётко утверждал: «В границах государства только господствующая Православная Церковь имеет право склонять приверженцев других христианских исповеданий для принятия её науки веры. Строго запрещается духовным и светским лицам других христианских исповеданий и иноверцам вмешиваться в дела убеждений и совести лиц не принадлежащих к их религии; в противоположном случае они будут подвергнуты наказаниям, определённым в уголовном кодексе», цит. по: Czapliski B. Katolicka działalność dobroczynna w Rosji w latach 1860–1918. Warszawa, 2008. S. 71.

капелланов находились в ведении моголёвского архиепископа как главы Римско-католической церкви в России. Поскольку для духовных властей сношение с капелланом было весьма ограниченным, и происходило исключительно при посредничестве командования части, обязанности капеллана обычно сводились епископом к служению Св. Мессы и исповедованию. Эти священники только гипотетически были подчинены местному епископу²⁷. Можно полагать, что обязанности капелланов в империи не отличались от описанных в инструкции 1852 г. для капелланов в Царстве Польском. Священник исповедовал и причащал, принимал присягу у рекрутов и у солдат при их производстве. К обязанностям военных капелланов относилось ведение актов гражданского состояния, касающихся солдат, унтер-офицеров и офицеров, служащих в армии. Этими же услугами были охвачены и их семьи. Однако если кто-либо не давал на это согласия, то их акты вёл чиновник по делам гражданского состояния²⁸.

Давление на Римско-католическую церковь всегда оказывалось административным, а по форме велось законными методами. С 28 октября 1832 г. перед занятием должности духовенство обязано было подписывать «Инструкцию дивизионным римско-католическим капелланам». Без этого невозможно было исполнять обязанности военного капеллана. Порядок формулирования этой инструкции, противоречащий каноническому праву, показывает, что *de facto* государственная власть уже через пять лет после заключения конкордата перестала соблюдать его положения²⁹.

Несколькими годами позже, принимая во внимание, «что духовные лица прививают военнотружущим правду веры, преданности трону и любви к отчизне», их жалование приравняли к православному духовенству³⁰.

Тем не менее, эту ситуацию, принуждающую священника подписать инструкцию, во многих местах противоречащую каноническому праву, нельзя рассматривать однозначно отрицательно. Во-первых, следует отметить, что священник не обязан был подписывать эту инструкцию. Всегда требовалось его согласие на исполнение этой работы³¹. С другой стороны, если священник решался под этим подписаться, то с момента подписания инструкции священник становился государственным служащим. По этому случаю, он приобретал как привилегии, к примеру, принадлежность к армии – оплоту государственности и гордости династии Романовых, так и обязанности по отношению к государству, которое, зачастую, недоброжелательно относилось к католическому вероисповеданию. Следует также отметить, что в России отношение к гражд нам как светского, так и духовного сословий было одинаковым, т.е. государство не видело разницы между

²⁷ Nowak E. Rys dziejów duszpasterstwa wojskowego w Polsce 968–1831. Warszawa, 1932. S. 141–142.

Политику русского правительства по отношению к Римско-католической церкви в краткой форме охарактеризовал кардинал Джакомо Антонелли в 1863 г.: «Правительство империи воспринимает понтифика как иностранного повелителя для России и Польши, придавая ему исключительно политический характер; однако Папа, будучи главой католического исповедания, не может быть посторонним ни в одном уголке земли», цит. по: Esposizione dokumentata sulle constanti cure del sommo pontifice Pio IX a riparo dei mali che soffre la chiesa cattolica nei dominii di Russia e Polonia. Roma, 1866. NLXVI. S. 211. Как показывает нам история России этот взгляд по-прежнему актуален для российских властей.

²⁸ Nowak E. Duszpasterstwo wojskowe katolickie... S. 267.

²⁹ Ibid. S. 9–10.

³⁰ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 31. № 30890.

³¹ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 2. Д. 2682. Л. 5, 5об.

обычным военнослужащим и священником, как исполнителем духовных треб³². Деятельность и поведение своих подчинённых контролировал административный декан. Его работа не регламентировалась чёткими правилами, но основным его заданием был надзор за благонадёжностью и лояльностью подчинённых. В случаях не субординации он был обязан незамедлительно докладывать всё командованию. Капелланы, будучи выведены из-под власти епископов, не могли быть возведены в какой-либо духовный сан³³.

Понятно, что невозможно совершать духовные требы, не располагая средствами на эти цели. Уже 1 (13) августа 1802 г. капелланы приобрели право получать деньги на проезд в командировки и при назначениях в новую часть³⁴. С целью повышения эффективности 5 (18) ноября 1845 г. их обязали посещать свои подразделения не реже раза в год³⁵. Для служебных поездок предоставлялись деньги на наём 3 или 4 лошадей, в зависимости от времени года, и суточные по 60 к. в день.

Указ от 3 (16) августа 1856 г. наделял римско-католическое духовенство теми же правами, что и православное, исполняющее те же самые действия по исполнению духовных треб и прививанию верности монарху и любви к Отчизне³⁶. Однако капелланам постоянно отказывали во вспомоществовании под старость в виде пенсии³⁷. Православная церковь получила эти права ещё 14 (27) апреля 1832 г.³⁸ Капеллан, несмотря на получение жалования, мог принимать оплату за свои услуги от гражданских лиц.

Дабы деятельность католического духовенства давала желаемые результаты, указ от 11 (24) июля 1887 г. увеличил ему жалование. Был установлен оклад в размере 366 р серебром, кормовые – 366 р, квартирные – от 100 до 300 р серебром. Надбавка за выслугу составляла: за 10 лет – ¼, а за 20 – ½ годового оклада. Перерыв в капелланской службе лишал возможности получать эту надбавку. Этой надбавки лишались и капелланы, получавшие жалование от Военного министерства, но подчиняющиеся епархиальным властям³⁹. Указ от 26 февраля (11 марта) 1901 г. изменил основы содержания военного духовенства. Служба в армии более 20 лет давала право при увольнении на 1/3 пенсионного обеспечения, от 30 до 35 лет сумма возрастала до 2/3 пенсии. Служба в армии более 35 лет давала право на полную пенсию⁴⁰.

Царским указом от 16 (29) апреля 1836 г. духовенству христианских конфессий за исполнение литургических обрядов в госпиталях была установлена оплата 100 р в год. Манифест от 18 июня (1 июля) 1839 г. предписывал выдавать эту сумму серебряными рублями. Однако в 1889 г. «Собрание морских уложений» не упоминает таких расходов⁴¹. Морское министерство не становило в 1894 г. оплачивать в подобных случаях по 1 р за каждое посещение священником госпиталя⁴². В годы

³² Nowak E. Duszpasterstwo wojskowe katolickie... S. 9.

³³ Ibid. S. 14–15.

³⁴ ПСЗ. 1-е собрание. Т. 27. № 20368.

³⁵ Nowak E. Duszpasterstwo wojskowe katolickie... S. 17.

³⁶ Свод Военных постановлений. Ч. 2. Кн. 2. Ст. 1129; ПСЗ. 2-е собрание. Т. 31. 1-е отделение. № 30890; Свод законов... СПб., 1857. Т. 11. Ч. 1. Ст. 96.

³⁷ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 31. 1-е отделение. № 30890.

³⁸ ПСЗ. 3-е собрание. Т. 7. № 5310.

³⁹ Там же. № 4659.

⁴⁰ Там же. Т. 21. № 19738.

⁴¹ РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 4. Д. 20. Л. 70.

⁴² Там же. Л. 70об.

Первой мировой войны для компенсации инфляционных потерь было решено оплачивать визиты в размере 3 р, что не распространялось на духовенство, приписанное к персоналу госпиталей⁴³. Царь предписал изыскать такие средства в бюджете Морского министерства, высоко оценивая значение и роль присутствия духовенства среди солдат и матросов⁴⁴.

Католические капелланы, по сравнению с духовенством иных конфессий, оплачивались достойно. Так имам в Николаеве в 1893 г. получал жалование в размере 262 р⁴⁵. Настоятель костёла в этом городе имел тогда оклад 294 р⁴⁶.

Должность военных капелланов была ликвидирована в 1918 г. Это был один из первых шагов большевистской власти на поле борьбы с религией. Ликвидации с 16 (28) апреля 1918 г.⁴⁷ института военного духовенства в армии, предшествовало прекращение с 1 марта 1918 г. пенсионного обеспечения духовенства, что, безусловно, оставляло его на произвол судьбы⁴⁸.

Жалования, которое получали капелланы, как правило, было недостаточным для покрытия расходов на собственное содержание и многочисленные пастырские поездки. В 1837 г. капеллан Черноморского флота и портов Ф. Коперский (Коперко) просил епископа могилёвского В.-Г. Камёнка назначить его в приход Виленской или Самогитской епархии. Служили бы там vicarius, а он получал бы дополнительное вознаграждение, оставаясь в Севастополе, где костёл очень беден. Он мог быть администратором, несмотря на занимаемую должность, которую получил от Св. Отца при переходе в ряды белого духовенства⁴⁹. Располагая в Севастополе и округе более чем тысячей католиков, капеллан ещё в 1836 г. обратился к визитатору новороссийских костёлов с просьбой направить в Севастополь ещё одного священнослужителя, чтобы капеллан имел возможность выезжать к верующим в других городах⁵⁰.

Зачастую финансовый вопрос, касающийся выплат священникам, совершающим требы для военнослужащих, не был понятен и самим властям. Для выяснения действующего положения приходилось возбуждать переписку с Военным министерством. Так, в 1894 г. командир Севастопольского порта обратился к командующему Черноморским флотом с вопросом, следует ли выплатить католическим капелланам за участие в мессе подчинённых ему моряков, предусмотренные на это 28 р 60 к⁵¹.

Просьбы духовенства заставили Военное министерство исследовать эту проблему. Поскольку в имеющихся отчётах никакой информации

⁴³ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 1746. Л. 1, 2.

⁴⁴ Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 248. Л. 5. Насколько большое значение имел этот вопрос для Николая II показывает его разговор с военным министром В.А. Сухомлиновым в 1912 г. На отчётный доклад о недостатке средств для призыва капелланов в воинские части и отсутствие согласия со стороны министерства финансов и государственного контроля поддержать эту инициативу ответ царя был однозначный. «Военное министерство обязано потребовать кредиты на удовлетворение важнейшей нужды в войсках. Упадок веры грозит началом нравственного разложения человека, особенно русского. Тут мало значит мнение того или другого – раз я так хочу», цит. по: *Люблин С.* Последние Романовы. Тернополь, 1990. С. 200.

⁴⁵ РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 4. Д. 20. Л. 30об.

⁴⁶ Там же. Л. 31.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 352. Оп. 2. Д. 697. Л. 9–10об.

⁴⁸ Сборник Узаконений РСФСР. 1918. № 17. С. 249.

⁴⁹ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 2. Д. 1892. Л. 20–21.

⁵⁰ Там же. Л. 45.

⁵¹ РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 4. Д. 20. Л. 61.

на эту тему обнаружено не было, командиров частей обязали уточнить следующие вопросы: кто осуществляет в части пастырскую службу, каким образом осуществляет свои поездки, какое получает жалование и проездные деньги, удовлетворяет ли его существующий порядок вещей? Кроме того, командиры должны были доложить – достаточно ли хорошо один капеллан справляется со своими обязанностями, и не требуется ли назначение ещё одного на эту должность⁵². Так, в 1835 г. херсонский приходский священник Ярмаркевич, будучи капелланом только одного округа внутренней стражи, имел под своим попечительством 257 мужчин и 11 женщин, кроме того, в пасхальный период он исповедовал и причащал 359 военнопослужащих Пражского пехотного полка⁵³. Подобным образом симферопольский ксендз Униан исповедовал 173 солдата таврического батальона внутренней стражи и 10 инженеров⁵⁴. И это помимо своих прямых пастырских обязанностей.

В 1842 г. императорская канцелярия потребовала информацию о наличии при капелланах Военного министерства ординарцев. В их обязанности входила перевозка капеллана к месту совершения треб и обратно за государственный счёт. Лишь капеллан Ф. Коперский в Севастополе и Б. Езерский в Грозном располагали такой возможностью, а остальные были её лишены. Для сравнения, православный капеллан в Саратове имел в своём распоряжении двух ординарцев⁵⁵. Что же касается капеллана Ф. Коперского – наличие ординарца было результатом его обращения в Военное министерство в 1837 г. До этого он имел лишь право на бесплатный проезд и только во время поездок по распоряжению МВД⁵⁶.

Важным элементом духовной жизни солдат была исповедуемая ими религия. Зачастую лишь она одна давала возможность реализации своих национальных потребностей. Если в русской армии возникла такая потребность, то власти призывали на службу капелланов не только христианского, но и мусульманского вероисповедания. Католики, при их значительном количестве, имели, с согласия командования, своих капелланов⁵⁷. Гарнизоны с небольшим количеством верующих посещались капелланами нерегулярно. Огромные пространства Кавказа и гористая местность затрудняли такие разъезды. Дополнительным препятствием была нехватка финансовых средств на подобные поездки, а следует помнить, что средства на эти цели отпускались государством.

Капелланы-поляки понимали, что военнопослужащие, пребывая долгие годы вдали от дома, могли быть обречены не только на утрату национального облика, но и веры. Некоторые авторы намекают на нерелигиозное поведение отставных солдат по их возвращении на родину⁵⁸. Это вполне возможная ситуация, тем не менее в месте ссылки верность исповедуемой религии представляет дополнительный источник для сопротивления угнетателю. Капелланы, вне сомнения, побуждали военнопослужащих к активному исповеданию веры в солдатской среде. Такие обряды культивировались в воинских частях и собирали всех поляков, поскольку они перерождались в символ национального единства⁵⁹.

⁵² НИАБ. Ф. 1781. Оп. 2. Д. 1892. Л. 1.

⁵³ Там же. Л. 35.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Д. 2530. Л. 1, 5, 9, 18, 25.

⁵⁶ Там же. Д. 1892. Л. 42.

⁵⁷ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 10. № 8438; Т. 15. № 13054, 13577; Т. 16. № 14256; Т. 29. № 28275.

⁵⁸ *Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego...* S. 195.

⁵⁹ *Gralewski M. Kaukaz.* S. 165.

В армии капелланов уважали за их деятельность. Манеры, уровень интеллектуального развития, благовоспитанность в соединении с их малой численностью помогали завоёвывать расположение командования. В результате их часто награждали за отличие по службе. Капелланы, с помощью учителей, проводили для солдатских детей не только занятия по Закону Божию, но и учили чтению и письму. Могли также учить унтер-офицеров и рядовых, если получали на то согласие командования воинского формирования⁶⁰.

Задачей капеллана было оберегать солдат от дурного поведения. Восстание в Царстве Польском 1863 г. ещё больше, чем перед этим, усилило подозрение властей о нелояльности поляков. При этом количество дезертиров из вооружённых сил всегда было более значительным в военно-морском флоте, чем в сухопутных войсках⁶¹. Морское министерство было обеспокоено присутствием католиков лагинского обряда на кораблях, находящихся в заграничном плавании. В доверительной переписке явно подчёркивалось отсутствие надёжных священников для духовной опеки матросов в столь длительных рейсах. В будущем предполагалось прекратить отправку католиков в заграничные плавания, а при невозможности – ограничить их число до минимума⁶².

Церковь воспринималась как часть государственного механизма. Существовало тесное взаимодействие в поиске преступников и дезертиров. Об этом оповещалось с амвонов по воскресениям и в праздничные дни⁶³. Существовала соответствующая практика, касающаяся участия солдат-католиков в богослужениях. Ксёндз должен был уведомить командира части о планируемом им присутствии в костёле солдат или матросов за 7–10 дней. Точно определялись часы, в которые католики увольнялись из части, а их присутствие в храмах подтверждалось именованным списком, который командование сохраняло⁶⁴. На территориях, охваченных боевыми действиями, командование напрямую поощряло интерес солдат к религиозным обрядам⁶⁵.

Число военных капелланов колебалось с постоянной тенденцией к снижению численности. Это было связано с появлением новых приходов и передачей функций капелланов епархиальному клиру. Другим важным фактором были передислокации частей на другие территории и прекращение их пополнения солдатами католического вероисповедания. Ситуация временно изменилась во время Крымской войны, когда в корпус, расположенные на Кавказе, в которых поляков было больше всего, были дополнительно назначены капелланы для католиков⁶⁶.

Увеличение числа военнотружущих католического вероисповедания в кавказских гарнизонах выявило проблему действенности сложившейся организации работы капелланов. В 1862 г. генерал-губернатор князь Г. Д. Орбелиани обратился к Военному министерству с просьбой добавить в штат капеллана и псаломщика. По причине обслуживания большого числа солдат, размещённых в Закавказье, приписанные к

⁶⁰ Nowak E. Rys dziejów duszpasterstwa wojskowego... S. 138.

⁶¹ Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego... S. 172.

⁶² РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 3796. Л. 4.

⁶³ Лиценбергер О. А. Римско-католическая церковь в России... С. 156.

⁶⁴ РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 4. Д. 223. Л. 42, 45.

⁶⁵ Caban W. Z problematyki katolickiego duszpasterstwa wojskowego... S. 273.

⁶⁶ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 29. № 28275.

гренадерской дивизии два капеллана с трудом исполняли свои обязанности. После прибытия рекрутов из западных губерний капелланам больше времени приходилось проводить в разъездах, чем при исполнении своих обязанностей. С целью повышения результативности их действий власти решили увеличить денежное содержание ксендзам до 441 р, а псаломщикам до 5 р 25 к. в год. По части распределения обязанностей они были подчинены Главнокомандующему войсками на Кавказе⁶⁷. Министр внутренних дел согласился с таким предложением⁶⁸.

Католическое духовенство испытывало затруднения, исполняя требы на уровне дивизии или корпуса, в отличие от пастырей господствующей религии, назначенных в полки⁶⁹.

Русский император 3 (16) мая 1866 г. утвердил назначение в Закавказье капеллана и псаломщика латинского обряда. Эта информация была доведена до сведения тираспольского епископа и всех митристерств⁷⁰.

Военное министерство, корректируя расходы армии в 1869 г., рекомендовало в губерниях, где воинские части были удалены от приписанного капеллана, привлекать к исполнению треб местное духовенство⁷¹.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Александр II утвердил должность капеллана латинского обряда при ставке Главнокомандующего. Денежное довольствие этого священника должно было включать, среди прочего, и выплаты за пребывание в марше в размере 1–2 р в день, и зависящее от места постоя⁷². Командующий армией на Кавказе такой нужды не видел, и отказался от присутствия дополнительного капеллана⁷³. Для того, чтобы рекруты после службы в армии были более русифицированы и смогли перенести эту атмосферу в свою среду, к Департаменту иностранных вероисповеданий была обращена просьба обязать капелланов проводить занятия с солдатами по Закону Божию на русском языке⁷⁴.

В 1883 г. МВД информировало могилёвского митрополита о воле императора назначать во время войны в каждую армию капеллана вместе с псаломщиком. Направлять их надлежало в Варшаву, Вильно, Киев и Тифлис. Информация была совершенно секретной, а назначения должны были состояться в обозначенные властями сроки⁷⁵.

Здесь следовало бы рассмотреть ситуацию, сложившуюся в южных губерниях европейской части России, которые являются предметом настоящего исследования. Ещё до Ноябрьского восстания в многочисленных кавказских гарнизонах присутствовали солдаты римско-католического вероисповедания. Однако число их было невелико, и были они рассеяны на слишком обширном пространстве, чтобы возникла необходимость присутствия среди них капеллана латинского обряда. Даже принадлежность командования к католицизму не меняла сложившейся ситуации⁷⁶.

⁶⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3211. Л. 9.

⁶⁸ Там же. Л. 11.

⁶⁹ *Caban W. Z problematyki katolickiego duszpasterstwa wojskowego...* S. 268.

⁷⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3211. Л. 48.

⁷¹ Там же. Л. 37, 37об.

⁷² Там же. Л. 61, 61об.

⁷³ Там же. Л. 63.

⁷⁴ Там же. Л. 82.

⁷⁵ Там же. Л. 122.

⁷⁶ List ks. J. Syryna TJ opisujący podróż z Mozdoku przez góry kaukaskie ku miastu Tyflis // *Miejszcznik Połocki*. Połock, 1818. Nr 7. S. 156–160.

Поддержание высокого воинского духа на некатолической территории не могло проводиться силами приходского клера. Если бы только создание нового прихода было связано с увеличением расходов фонда католического духовенства, то на территориях будущей Тираспольской епархии этих капелланов приходилось содержать непосредственно за счёт государственной казны⁷⁷.

На основании царского волеизъявления от 11 (23) октября 1835 г. в Отдельный Кавказский корпус было отправлено пятеро священников тринитарского ордена. Находясь в армии, они принимали участие в многочисленных походах против врагов. В соответствии с пожеланием командира Отдельного Кавказского корпуса барона Г.В. Розена они сменили свои монашеские одеяния на рясы светского духовенства⁷⁸.

Таблица 1

**Первые военные капелланы
на территории Тираспольской епархии⁷⁹.**

Имя и фамилия	Место предназначения	Направившая епархия
Бартломей Прушковский	1-я бригада 15-й дивизии, Темир-Хан-Шура	Луцкая
Йоахим Ковальский	1-я бригада 20-й дивизии, Кубань	Луцкая
Бернард Езерский	20-я пехотная дивизия, Ставрополь	Луцкая
Эгениуш Осташевский	Бригада гренадеров, Гори	Виленская
Кароль Себастьянович	2-я бригада 15-й дивизии, Тифлис	Виленская

С самого начала капелланы сознавали свою самостоятельность по сравнению с остальным духовенством. Это становилось поводом для многочисленных жалоб, направляемых в курию местными священниками⁸⁰. Начальник капелланов на Кавказе ксёндз К. Себастьянович, пребывавший в Тифлисе, придерживаясь прямо противоположного мнения, считал, что имеет преимущество перед другими священниками. Служители существовавшей в Грузии католической миссии капуцинского ордена не знали ни русского, ни польского языка, но при этом отлично владели армянским. Это послужило поводом для письма К. Себастьяновича в могилёвскую курию, в котором он сетует на существующий порядок вещей, и просит прислать ему в помощь ксёндза польской национальности⁸¹. Апелляция к могилёвской курии руководителя миссии Й. Дженюджи по этому делу не возымела действия. Местные священники знали только армянский язык, поскольку прибыли вместе с верующими из Турции и Персии, а миссионерами были итальянцы. Даже упрёк в плохом знании капелланом К. Себастьяновичем как латыни, так и русского языка при полном незнании армянского, не подорвал доверия к его мнению⁸².

⁷⁷ Попов А. Последняя судьба папской политики в России 1845–1867. СПб., 1868. С. 136.

⁷⁸ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 2. Д. 1892. Л. 3, 16–18об.

⁷⁹ Там же. Л. 18.

⁸⁰ Там же. Л. 5.

⁸¹ Там же. Л. 59.

⁸² Там же. Д. 1889. Л. 59–64.

Успехи русского оружия расширили территориальные приобретения, что стало поводом для увеличения количества капелланов. Теперь для войск, размещённых на Черноморской береговой линии, были назначены два капеллана. Один находился в Новороссийске, а другой – в Бомборах. На должность второго капеллана с приданием ему в помощь псаломщика был назначен 7 (20) октября 1843 г. монах доминиканского ордена З. Калиновский⁸³.

Тяжёлые условия в окружении горцев и вдали от территорий, где проживало католическое население, отпугивали многих священников от ведения здесь пастырской деятельности. Тираспольский епископ Ф. Кан стремился заполучить капелланов для своей епархии, и с этой целью обратился к генеральному викарию моголёвского архиепископства А. Фиалковскому с просьбой прислать капеллана в 20-й пехотный полк 2-й бригады, дислоцированный в крепости Грозный. Викарий костёла Св. Яна в Смолянах ксёндз Дзервановский, определённый генеральным викарием к выезду в 1857 г. на Кавказ, к назначенному сроку не прибыл. Выехал, объясняя болезнью, в Виленскую епархию, и оттуда вёл переписку с моголёвской консисторией. На этот отъезд разрешения он не имел, это была попытка избежать подобного назначения⁸⁴. Данная ситуация вынудила тираспольского епископа к перемещению другого священника. Им оказался С. Смуглевич из тельшевской епархии. Для того, чтобы как можно быстрее приступить к своей работе, он был вынужден выехать на Кавказ за свой счёт, не дожидаясь получения положенных ему денег⁸⁵.

При наличии в населённом пункте костёла, функции капеллана исполнял местный ксёндз. За исполнение треб для солдат он зачастую не получал вознаграждения, что становилось поводом добиваться доплат от различных министерств. Так, настоятель прихода в Николаеве, обслуживавший дивизию лёгкой кавалерии и 4 округа новороссийских канонистов, получал 300 р в год, что было недостаточно для содержания храма и клира. Свою просьбу к Морскому министерству о присвоении приходу статуса капелланства настоятель объяснял необходимостью ежегодного получения средств для ремонта костёла и увеличения его жалования. По финансовым же соображениям было добавлено 300 р в год на содержание учреждения, но было отказано во включении его в список капелланств Морского министерства. Однако с 1856 г., для предотвращения повторения в будущем подобных просьб, костёл стал общим капелланством Николаевского гарнизона⁸⁶. В 1898 г. командующий Черноморским флотом перенёс свой штаб в Севастополь, перестав выплачивать сумму 834 р из бюджета Морского министерства на содержание костёла и причта. Это вынудило прелата Н. Черняховича обратиться к николаевскому военному губернатору с просьбой исхлопотать у МВД денег для надлежащего содержания нового (1896 г.) храма и священника⁸⁷.

Войсковой приход в Царских Колодцах, местности в восточной части Грузии, где дислоцировалась 21 пехотная дивизия, существовал с 1849 по 1866 г. В течение всего этого периода капелланом был монах ордена францисканцев В. Жижневский⁸⁸. Следует отметить, что историкам

⁸³ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 2. Д. 2682. Л. 5, 5об.

⁸⁴ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 7. Л. 31–34.

⁸⁵ Там же. Л. 42, 42об.

⁸⁶ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1192. Л. 1–4об.

⁸⁷ Державний Архів Миколаївської Облaсті (Україна). Ф. 230. Оп. 1. Д. 14238. Л. 1–1об.

⁸⁸ Chmielecki T. Gruziński katolicyzm w XIX i na początku XX wieku w świetle archiwów watykańskich. Toruń, 1998. S. 257.

неизвестно, сколько поляков было призвано в царскую армию вплоть до самых последних лет существования империи⁸⁹. Официальные источники отмечают сокращение количества прихожан, что было следствием постоянно уменьшавшейся численности размещённых там солдат⁹⁰. В 1864 г. количество верующих составляло 2 тыс. чел. Более точные данные о приходе, и даже о наименовании его, неизвестны⁹¹.

После 1866 г. этот приход уже не упоминается в ежегодных списках (схематизмах) епархии⁹². Скорее всего он перестал существовать, ведь, как заявил в 1864 г. кавказский наместник Николай Николаевич, Кавказ был полностью покорён⁹³. В связи с этим снизилась численность расположенных там войск.

В Белом Ключе, также находящемся на территории Грузии, в 1849 г. был воздвигнут костёл Вознесения Пресвятой Девы Марии. С 1846 г. настоятелем там был Францишек Старович⁹⁴. Приход в годы своего существования обслуживал многочисленные войсковые часовни в местах расположения конкретных полков: Баку, Бечинаги, Закаталы, Лагодехи, Манглиси, Сагадаты, Ханкенды, Эривань. Этот капеллан до 1857 г. исполнял должность декана военных капелланов в Закавказье. В следующем десятилетии он стал почётным каноником и до 1877 г. исполнял должность настоятеля и капеллана войск в Закавказье. Затем, в 1877–1879 гг., эту должность исполнял Феликс Корман, а в 1879–1893 гг. – Валентин Шамотульский. В годы его управления приход был перенесён в Манглиси, где раньше существовал филиал того же прихода. Случилось это в 1884–1886 гг. Существование прихода в Белом Ключе и его функционирование было обусловлено размещением там русских войск⁹⁵.

Приход Св. Алоизия, такое наименование носил костёл в Манглиси, принял на себя обслуживание полковых часовен в Белом Ключе, Закататах, Лагодехах⁹⁶. Уже в 1860 г. здесь был построен костёл⁹⁷. Ксёндзы Ян Уселис в 1893–1903 гг., Юзеф Печуро в 1903–1911 гг. и Варфоломей Миколаюнас с 1911 г. духовно окормляли здесь солдат⁹⁸.

⁸⁹ *Caban W. Pobór rekruta z Królestwa Polskiego do armii carskiej po upadku powstania styczniowego. Sposób na unifikację czy system represji? // Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 2001. S. 33.*

⁹⁰ DIR. 1853. S. 227.

⁹¹ DIR. 1863. S. 91, 107.

⁹² Схематизмы были развитием литургических календарей, называемых *rubricellae*. Первоначально (в конце XVIII в.) в них должны были содержаться списки членов кафедральных и коллегиальных капитулов и умерших епархиальных священников. Позднее они стали охватывать также перечни церковных учреждений, приходов, монастырей и списки духовенства. В течение некоторого периода схематизмы, оставаясь неотъемлемой частью *rubricelli*, выходили ежегодно. Обычно их издание приурочивалось к концу года. Схематизмы содержали следующую информацию: общецерковные иерархи и учреждения, верховные епархиальные власти и учреждения, территориальная и персональная организация епархии, административная структура приходов (губернии, уезды), география, демография, информация о епархии и её подробная статистика, мужские и женские монашеские ордена и собрания на территории епархии, епархиальная статистика в табличной форме, предметные сведения о духовенстве, собственные предметные перечни. За время своего существования схематизм мог называться по-разному: *catalogus, consignatio, elenchus, schematismus, series*. На польском языке он мог именоваться каталогом, списком, ежегодником, схематизмом. В русском языке ему соответствовали термины: каталог и список. *Librowski S. Katalog rubrycel i schematyzmów diecezji i zakonów historycznej Polski znajdujących się w księgozbiorze podręcznym archiwum diecezjalnego we Włocławku // Archiwa, Biblioteki i Muzea kościelne. 1971. № 23. S. 214–216, 219–220.*

⁹³ *Gralewski M. Kaukaz. S. 454.*

⁹⁴ DIR. 1853. S. 227.

⁹⁵ *Chmielecki T. Gruziński katolicyzm... S. 255.*

⁹⁶ DIR. 1917.

⁹⁷ DIR. 1913.

⁹⁸ *Chmielecki T. Gruziński katolicyzm... S. 255.*

Ещё одним войсковым приходом был приход в Бомборах⁹⁹. Перемещение войск привело к перемещению его в Сухуми¹⁰⁰. К сожалению, схематизмы не приводят наименование этого прихода. В 1867 г. он был перенесён в Кутаиси. После 1883 г., когда капеллана перевели в Баку, где существовала лишь домовая часовня, приход больше не упоминается¹⁰¹.

При этом приходе существовала домовая часовня в Редут-Кале¹⁰². Филиал в Редут-Кале никогда не становился приходом. После 1868 г. упоминания о его функционировании не встречаются. Можно предположить, что это было связано с переносом прихода из Сухума в Кутаиси, чьим филиалом была часовня в Редут-Кале¹⁰³.

В 1840 г. возник приход в Новороссийске¹⁰⁴. В 1843–1858 гг. капелланом в этом городе был уже упоминавшийся польский монах-доминиканец Зенон Калиновский¹⁰⁵. Динамично развивающийся портовый город был переполнен военными служащими сухопутных войск и военно-морского флота. Эта ситуация сохранялась до конца существования царского режима.

Однако не всегда требовалось присутствие военных капелланов. В восточных регионах империи и на Кавказе епархиальные священники отлично справлялись с пастырской опекой солдат. Также часто военные капелланы исполняли обязанности настоятелей местных костёлов¹⁰⁶. Государство в таких случаях оплачивало им исполнение дополнительных обязанностей. Иллюстрирует это приведённая ниже таблица.

Таблица 2

**Капелланы и священники, опекающие католиков
в армии на территории Гираспольской епархии в 1856 г.**¹⁰⁷

Местность	Функция священника	Жалование (рубли)
Астрахань	приходский ксёндз	294
Кубанская область	военный капеллан	441
Терская область	военный капеллан	441
Дагестан	военный капеллан	441
Бакинская, Елисаветпольская, Тифлисская, Эриванская губернии	военный капеллан	441
Кутаисская губерния	военный капеллан	441
Бессарабская губерния	священник-визитатор	57,15
Херсонская губерния	священник-визитатор	71,55
Кишинёв	приходский ксёндз	14,40
Бельцы	приходский ксёндз	7,20

⁹⁹ DIR. 1853–1855.¹⁰⁰ DIR. 1856.¹⁰¹ DIR. 1872–1884.¹⁰² DIR. 1864.¹⁰³ DIR. 1869.¹⁰⁴ DIR. 1853.¹⁰⁵ Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Katholischer Teil: aus Vergangenheit und Gegenwart des Katholizismus in Russland. Stuttgart, 1980. S. 324.¹⁰⁶ Gach P. Zakonni kapelani wojskowi pod koniec XVIII i w XIX stuleciu // Historia duszpasterstwa wojskowego na ziemiach polskich / Red. J. Ziółek. Lublin, 2004. S. 253–254.¹⁰⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3211. Л. 109.

Кроме того, капелланы обеспечивались жильём. В поездках с целью исполнения пастырских обязанностей среди солдат, к капеллану прикомандировывался псаломщик. Священнику выплачивались суточные в размере 60 к. Псаломщик получал 7,15 р в месяц. Оплачивались также транспортные расходы, либо выделялась четвёрка лошадей. Приходскому духовенству также оплачивались транспортные расходы в подобных поездках. Ксёндзы, служащие на Кавказе, могли, при необходимости, получать дополнительно 4,05 р в год¹⁰⁸.

В местностях, где располагались воинские части, должность капеллана могла, как исчезнуть, так и вновь появиться.

Хорошо справляющийся со своими обязанностями капеллан мог служить в различных частях империи. Государство оценивало его достоинства и перемещало с одного поста на другой. Епархиальный священник, служивший в Николаеве в 1850–1860 гг., Зенон Иоткевич в первых отчётах упоминается не как капеллан, а как приходский священник¹⁰⁹. Затем рядом с ним появился военный капеллан Августин Люткевич¹¹⁰. Здесь он оставался до самой своей смерти в 1867 г.¹¹¹. По документам умер А. Люткевич в возрасте 47 лет. О нём нам известно, что в 1853 г. он был капелланом в г. Выборге на Балтийском побережье¹¹². На основании этого факта можно с большой долей уверенности утверждать, что перевод священников с постов военного характера происходил практически исключительно на подобные должности в других частях империи. Ещё одним примером, подтверждающим наше предположение, является служба ксёндза Мартина Битовта, исполнявшего в 1864 г. должность капеллана в Грозном¹¹³. В 1870 г. он был капелланом в Николаеве¹¹⁴. В качестве ещё одного примера может послужить ксёндз Казимеж Варпуцьянский, который в 1875–1903 гг. занимал должность военного капеллана в Темир-Хан-Шуре и Владикавказе¹¹⁵.

Экономическое развитие Одессы, являвшейся и морским портом, привели к увеличению количества войск, размещённых в городе и окрестностях. Большое количество католиков в расположенных здесь войсковых частях, стало причиной того, что уже в 1820-х гг. в Одессе появилась должность военного капеллана¹¹⁶. Следует отметить, что в этом городе уже в 1853 г. было 6 ксёндзов¹¹⁷.

Говоря о духовенстве, нельзя обойти молчанием национальный вопрос. Это тем более важно, поскольку существует мнение, будто польский элемент в России преследовался постоянно. Не всегда, однако, это соответствовало действительности.

По состоянию на 1853 г. все капелланы Тираспольской епархии были поляками. В 1864 г. 10 из 11 священников были представлены польской национальностью. Количество капелланов стало уменьшаться

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3211. Л. 109–110.

¹⁰⁹ DIR. 1853.

¹¹⁰ DIR. 1864.

¹¹¹ Державний Архів Миколаївської Облaсті (Україна). Ф. 410. Оп. 1. Д. 102. Л. 13.

¹¹² DIR. 1853.

¹¹³ DIR. 1864.

¹¹⁴ Державний Архів Миколаївської Облaсті (Україна). Ф. 410. Оп. 1. Д. 102. Л. 84.

¹¹⁵ DIR. 1874, 1902.

¹¹⁶ DIR. 1898.

¹¹⁷ DIR. 1853.

под конец XIX в., но поляки в процентном отношении продолжали опережать представителей других народов. Такое состояние вещей продолжало сохраняться без изменений до 1917 г.

Таблица 3

**Национальность военных капелланов
Тираспольской епархии в 1853–1917 гг.¹¹⁸**

Годы	Национальность капелланов							
	поляки		немцы		литовцы		армяне	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1853	7	100	—	0	—	0	—	0
1864	10	90,9	1	9,1	—	0	—	0
1876	6	100	—	0	—	0	—	0
1898	4	66,6	—	0	1	16,7	1	16,7
1902	2	40	—	0	1	20	2	40
1908	4	57,1	2	28,6	1	14,3	—	0
1913	4	57,1	2	28,6	1	14,3	—	0
1917	5	71,4	1	14,3	1	14,3	—	0

Если иметь в виду национальность солдат, то к исполнению этой роли наиболее подходили польские священники. Власти сделали ставку на лояльных поляков и не ошиблись. Они работали в течение долгих лет, зачастую награждались орденами. В последние годы капелланами становились воспитанники Саратовской духовной семинарии, где за них и их поведение отвечали Тираспольские епископы.

Тем не менее, капелланы не были лишь примиренческими воплощениями замыслов своего военного командования. Случались конфликты, в том числе и касающиеся исполнения обязанностей. Так, капеллан Черноморского флота и портов Д. Самбор в 1850 г. был отозван со своего поста по жалобе коллег на его неуместное по отношению к ним поведение, без письменного указания причин. Он был не только отстранён, но и сослан в монастырь ордена бернардинцев¹¹⁹. Также и его предшественник на этом посту Ф. Коперский в 1846 г. был снят за отказ принять в суде присягу от трёх уголовников. Поводом для конфликта был атеизм задержанных. Для священника это было равнозначно несостоятельности самой процедуры по отношению к неверующим. Его непримиримость в этом вопросе и отказ огласить в костёле венчание католика и лютеранки, стали поводом для его ссылки в монастырь. Сверх того, он был подвергнут повторным экзаменам по моральной теологии¹²⁰. Даже предшествующая безупречная служба и награды не были приняты во внимание¹²¹.

Бывали случаи, когда священник, исполняющий духовные требы для солдат, не получал за это вознаграждения от государства. В таких случаях на основании его заявления по этому делу расходы компенсировались за весь предшествующий период¹²².

¹¹⁸ DIR. 1853, 1864, 1876, 1898, 1902, 1908, 1913, 1917.

¹¹⁹ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 2. Д. 3586. Л. 1–9.

¹²⁰ Там же. Д. 2824. Л. 1–5.

¹²¹ Там же. Л. 43.

¹²² Там же. Д. 909. Л. 1–3.

Опека Римско-католической церкви со стороны государства зачастую создавала курьёзные ситуации. Указом от 22 июля (4августа) 1844 г. было решено выделить из имущества ликвидированных в западных губерниях монастырей предметы, необходимые капелланам на Кавказе. К тому времени упомянутое имущество уже было разделено между остальными монастырями и местными костёлами. У деканов не возникло желания высылать предметы, необходимые им самим или новые, другим пастырским представительствам. Результатом стала присылка вещей изношенных, старых и негодных к употреблению¹²³.

Суммируя рассуждения необходимо отметить, что российская экспансия на Кавказе и интересы на Балканском полуострове, требовали постоянного присутствия в приграничных районах крупных войсковых формирований. Волею случая располагались они на территориях, входящих в Тираспольскую епархию. Должность военного капеллана не исчезла здесь с течением времени, а просуществовала до конца существования Российской империи.

Анализируя ситуацию, можно решительно констатировать, что военные капелланы католического вероисповедания находились в наилучшей ситуации среди своих собратьев по всей империи. Государство сотрудничало с ними, а пребывание в рядах неполиитизированной в те времена армии создавало благоприятные условия для пастырской деятельности, часто затрудняемой в иных местах.

Российская политика по отношению к католикам, особенно к католикам польской национальности, никогда не была до конца последовательной. Противоречивые интересы разных министерств, переменчивая политическая ситуация, не говоря уже о многократных сменах монархов, не позволяют констатировать постоянство политики преследования в отношении католиков-поляков. Нажим никогда не был перманентным, и слабел по мере удаления от центра империи.

Однако надо справедливо признать правоту тех авторов, которые трактуют пастырскую опеку польских солдат в империи в качестве специфической формы тюремного пастырства¹²⁴. Тем не менее, мы считаем, что такая точка зрения справедлива лишь в отношении ситуации первой половины XIX в.

¹²³ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 2. Д. 3179. Л. 3–8, 17, 38–50.

¹²⁴ *Gach P. Zakonni kapelani wojskowi...* S. 257.

К. ЛЯТАВЕЦ
г. Люблин

ЮЗЕФ СМИГЕЛЬСКИЙ – ОТ БУНТАРЯ ДО ЧИНОВНИКА*

В Российской империи в XIX – начале XX в. поляки составляли значительную часть населения. Их можно было встретить во многих уголках государства, где они пребывали в качестве ссыльных, чиновников администрации или же работников различных хозяйственных учреждений. Представленная в данной статье персона Юзефа Смигельского отражала довольно нетипичные судьбы поляков, которые в своей жизни претерпели своеобразную трансформацию, меняя своё отношение к царской власти.

Юзеф Смигельский (Шмигельский)¹ происходил из шляхетской семьи². Он родился ок. 1819 г. в Добратычах в Бяльском округе Подлясского воеводства. Начальное образование получил, по-видимому, в домашней тиши. Затем учился в гимназии в Лукове. После окончания этого заведения летом 1836 г. принял решение поступить в Униатскую духовную семинарию в Холме (Хелме)³. Этот шаг, вне сомнения, был продиктован определёнными семейными традициями Смигельских, у которых в прошлом несколько представителей рода служили в качестве униатских священнослужителей. Осенью 1836 г. наш герой приступил к учёбе в Холмской семинарии. По-видимому, он был одним из самых усердных учеников, ибо в августе 1838 г. его направили на учёбу в Католическую духовную академию в Варшаве⁴. Довольно туманны обстоятельства его возвращения в Холм, где он учился в 1840 г.⁵ Смена среды и соприкосновение с реалиями жизни столицы тогдашнего Царства Польского вне сомнения повлияли на поведение

* Работа финансируется Университетом им. Марии Склодовской-Кюри в рамках гранта проректора по делам научных исследований и международному сотрудничеству – собственные исследования Министерства по науке и высшему образованию

¹ В польской историографии деятельность Юзефа Смигельского нашла своё отражение. Однако укоренилось мнение, что Ю. Смигельский умер ок. 1851 г. в сибирской ссылке. См.: *Djakow W.A., Galkowski A., Śliwowska W., Zajcew W.M. Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832–1855 (Królestwo Polskie): Przewodnik biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1990. S. 445.

² Его брат Ян (1821 г.р.) был униатским приходским священником на территории Холмской греко-католической епархии. Занимал, среди прочего, должность администратора в Бересте. В 1874 г. не одобрил стремления царских властей ликвидировать Униатскую церковь, за что был интернирован в Седльцах. Умер не ранее 1879 г. См.: *Kołbuk W. Duchowieństwo unickie w Królestwie Polskim 1835–1875*. Lublin, 1992. S. 167; *Djakow W.A., Galkowski A., Śliwowska W., Zajcew W.M.* Op. cit. S. 445.

³ APL. ChKGGK. Sygn. 1057. K. 1.

⁴ Ibid. K. 3.

⁵ APL. RGL (1867–1918). Sygn. osobowe 1825. K. 2–2v.

Ю. Смигельского. Неясными остаются обстоятельства его знакомства с действующей в Варшаве конспиративной средой. В конце 1830-х гг. в различных местах Царства Польского возникают негласные общественно-политические группы, преследуемые тогдашним наместником князем И.Ф. Паскевичем. Это было одним из последствий Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. и попыток создания подпольного вооружённого движения ещё до 1835 г.⁶ Все проявления конспирации и сопротивления русским властям в Варшаве отслеживались, и их участники сурово карались. Такая же судьба была уготована Ю. Смигельскому. Наш герой, несомненно, столкнулся в Варшаве с конспираторами. Поддерживая постоянные контакты с униатскими семинаристами в Холме, он в 1839 г.⁷ решил вместе с сотоварищами основать тайное общество «Фратернитас». Полицейские власти очень быстро напали на след нелегальной организации. 18 (30) октября 1840 г. воинский начальник Люблинской губернии распорядился арестовать Ю. Смигельского и под стражей доставить его в тюрьму в Люблине⁸. Следствие продолжалось несколько месяцев. Были выявлены все участники тайного общества. Следственная комиссия 18 (30) марта 1841 г. высказала мнение, которое послужило основанием для исключения Ю. Смигельского из духовного сословия⁹. Аналогичная судьба была уготована также остальным участникам «Фратернитаса». Однако не все они, как например, брат Ю. Смигельского Ян, получили столь суровые приговоры¹⁰.

Наместник Царства Польского князь И.Ф. Паскевич 7 (19) июня 1841 г. подписал приговор, по которому Ю. Смигельский был принудительно зачислен в состав Куринского егерского полка (впоследствии 79-й Куринский пехотный полк)¹¹. Это было едва ли не самое распространённое в то время наказание для политических преступников. Не было бы ничего особенного в вынесенном ему приговоре, если бы не место расположения этой воинской части. Полк был расквартирован на Северном Кавказе, где царские власти пытались военными методами покорить горцев.

Ю. Смигельский был одним из многих поляков, которые за нелегальную политическую деятельность попали на многолетнюю военную службу¹². Это обстоятельство неоднократно оказывало влияние на дальнейшие судьбы лиц, ссылаемых вглубь России. Вернёмся, однако, к личности Ю. Смигельского. Будучи молодым рядовым солдатом, он с самого начала службы добросовестно выполнял все поручаемые ему задания. Его полк сразу же вступил в активные бои с горцами. Уже в 1842 г. во время проведения войсковых операций в

⁶ См.: *Spoleczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku* / Pod red. W.A. Dżakowa. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984; *Dżakow W.A., Gałkowski A., Śliwowska W., Zajcew W.M.* Op. cit.

⁷ *Ramotowska F.* Akta śledcze tajnego товарищества „Fraternitas” zawiązanego w Chełmie w 1840 r. // *Przegląd Historyczny.* 1979. Z. 2. S. 301–317.

⁸ APL. ChKGK. Sygn. 1057. K. 15.

⁹ Постановление следственной комиссии было утверждено наместником Царства Польского князем И.Ф. Паскевичем 27 марта (8 апреля) 1841 г. *Dżakow W.A., Gałkowski A., Śliwowska W., Zajcew W.M.* Op. cit. S. 445.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ APL. RGL (1867–1918). Sygn. osobowe 1825. K. 2v – 3v; См.: *Śliwowska W.* *Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny.* Warszawa, 1998.

¹² О присутствии поляков в царской армии в первой половине XIX в. см.: *Caban W.* *Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873.* Warszawa, 2001.

Куринском укрепленном районе проявил большую отвагу и был награжден Знаком отличия военного ордена Св. Георгия Победоносца¹³. В 1842 г. непрерывно находился в боях с горцами с 23 мая (4 июня) по 5 (17) декабря – это была первая и самая продолжительная кампания того года.

Таблица 1

Время и место боёв, в которых принимал участие Ю. Смигельский в период службы на Северном Кавказе в 1843–1850 гг.

Год кампании	Период участия в кампании	Место боевых действий
1843	7–29 декабря	Северный и Горный Дагестан
1844	12–20 мая	Малая Чечня
	1 июня – 1 августа	Северный и Горный Дагестан
	14–24 декабря	Малая Чечня
1845	4–6 мая	Малая Чечня
	20 мая – 20 июля	Северный и Горный Дагестан
	4–24 декабря	Малая Чечня
1846	14–29 января	Малая Чечня
	14–30 апреля	Малая и Большая Кабарда
	13–24 декабря	Малая Чечня
1847	21–28 января, 27 февраля, 6 марта, 17 июня, 17–30 ноября, 3–24 декабря	Малая Чечня
1848	8–26 января, 1–19 февраля, 2 мая, 11 мая	Малая Чечня
	20 июня – 1 августа	Большая Чечня
	1 августа – 3 сентября	Малая Чечня
1849	14 января – 9 февраля	Малая Чечня
	1 мая – 9 июня	Район реки Нефтянки
	3 августа – 26 октября	Район Тепли-Кинчинской крепости
1850	19 января – 16 февраля, 10 марта	Большая Чечня
	16–20 марта, 17–18 мая	Малая Чечня
	10 августа – 7 сентября	Карзкальковский хребет
	10–26 октября	Малая Чечня

Источник: APL. RGL (1867–1918). Sygn. osobowe 1825.

¹³ APL. RGL (1867–1918). Sygn. osobowe 1825. К. 3v – 4v.

В приведённой выше таблице представлено участие Ю. Смигельского в боевых действиях на Северном Кавказе. Как можно заметить, военная часть, в которой он служил, оперировала в основном на территории Малой Чечни. Недавнему осуждённому пришлось принять активнейшее участие в стычках с горцами. Командующий Кавказским корпусом 16 (28) января 1846 г. произвёл Ю. Смигельского в унтер-офицеры¹⁴. Сложилась нетипичная ситуация. Ю. Смигельский видел в верной службе в рядах царской армии путь к исправлению ошибок, совершённых в конце 1830-х гг.

Ю. Смигельскому пришлось ещё долгие четыре года принимать активное участие в борьбе с горцами, прежде чем было отмечено его исправление. В его формулярном списке 20 ноября (2 декабря) 1850 г. было записано: «...за хорошее поведение и благонамеренный образ мыслей, Всемиловитвейше получил прощение и штраф этот повелено не считать препятствием к преимуществам на службе»¹⁵. Это был несомненный перелом в положении Ю. Смигельского. За участие в кампании против горцев в период с 4 (16) января по 1 (13) марта 1851 г. он получил денежную награду и такую же – по итогам зимней кампании следующего года¹⁶.

Первая половина 1850-х гг. для Ю. Смигельского была полосой успехов на военном поприще, что отразилось на его успешной карьере. 14 (26) декабря 1852 г. он за выдающиеся заслуги в боях с горцами был произведён в прапорщики¹⁷. Это открыло перед Ю. Смигельским путь к офицерской карьере в рядах царской армии. Тем паче, что на Северном Кавказе условия этому способствовали. Через три года, 16 (28) мая 1855 г. он был произведён в подпоручики. Ю. Смигельский ежегодно активно участвовал в кампаниях против горцев, что было отмечено его командирами. Это выразилось, среди прочего, в том, что 7 (19) марта 1857 г. он был удостоин благодарности императора Александра II. Стоит отметить и другие награды, которые были вручены Ю. Смигельскому: бронзовая на георгиевской ленте медаль «В память Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.», серебряная медаль «За покорение Чечни и Дагестана» и серебряный крест «За службу на Кавказе»¹⁸.

Служба на Кавказе не относилась к простым. Господствовали там тяжёлые климатические условия. Ю. Смигельский же принадлежал к числу стойких – он провёл в Чечне и Дагестане более 18 лет. На стыке 1858–1859 гг. стал терять здоровье, что не способствовало продолжению активной службы. 20 февраля (2 марта) 1859 г. Ю. Смигельский по собственному прошению был отправлен в отставку в связи с болезнью. За годы, проведённые на Кавказе, он выслужил чин поручика и пенсию в размере 153,33 р в год¹⁹. Это был уникальный случай, когда лицо, приговорённое за нелегальную политическую деятельность к принудительной военной службе в части, ведущей боевые действия на Северном Кавказе, не только избежало неминуемой гибели, но можно сказать, что использовало пребывание на Кавказе для открытия совершенно новой страницы своей жизни.

¹⁴ APL. RGL (1867–1918). Sygn. osobowe 1825. K. 31v – 32.

¹⁵ Ibid. K. 32v – 33.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

Ю. Смигельский, по всей видимости, покинул Кавказ в 1859 г. и, вероятно, вернулся в Царство Польское. Он имел такую возможность благодаря собственным заслугам по укреплению русского господства на Северном Кавказе. К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, чем Ю. Смигельский занимался в период 1859–1864 гг. Можно лишь утверждать, что во второй половине 1859 г. или в 1860 г. он заключил брак с дворянкой Эмилией Телесфоровной Малевской, римско-католического вероисповедания²⁰.

Неожиданно в июне 1864 г. Ю. Смигельский выдержал испытания перед экзаменационной комиссией при Правительственной комиссии народного образования. Таким образом, он получил право на преподавание русского и церковно-славянского языков, литературы и истории России. Мог преподавать в гимназиях, прогимназиях, уездных школах и учительских семинариях²¹. Но нашему герою пришлось ещё более года дожидаться вакансии в государственном учебном заведении. Наконец 18 (30) октября 1865 г. Правительственная комиссия народного образования назначила его преподавателем польского языка в униатской прогимназии в Бялой с годовым окладом 500 р. Ю. Смигельский занял доверенную ему должность 11(23) ноября 1865 г.²² Это была нетипичная функция для человека, который четверть века тому назад принимал участие в тайном и нелегальном обществе. Даже Январское восстание 1863 г. не повлияло на отношение к нему начальства из ведомства просвещения. По-видимому, кавказские заслуги обеспечили ему огромное доверие царских властей.

В августе 1866 г. была проведена реорганизация государственной мужской средней школы в Бялой. Прежняя прогимназия получила статус гимназии. Ю. Смигельский стал преподавать польский язык и литературу. Его годовой оклад возрос до 1000 р. Это место он покинул 1 (13) ноября 1867 г. по собственному желанию²³. Это был необычный шаг. Нельзя исключать, что атмосфера униатской гимназии не пришлась ему по душе, особенно, если учесть, что преподаваемые им предметы оказались второстепенными.

И опять в карьере Ю. Смигельского появляется перерыв. Характерно, что он не стал искать возможности продолжать деятельность на ниве государственного просвещения. На этот раз с 10 (22) июля 1868 г., ему удалось получить должность в уездном правлении в Янове Люблинской губернии. Должность в общей администрации уездного масштаба не была солидной²⁴. В его компетенцию входило ведение журнала заседаний коллегии уездного правления, приём входящей корреспонденции и её распределение между подразделениями учреждения,

²⁰ Согласно формулярному списку о службе от 1883 г. в семье Смигельских родилось семеро детей: Чеслав Иозафат Иезехель род. 29 марта (10 апреля) 1861 г., Станислав Пётр род. 17 (29) июня 1862 г., Елена Эулалия Бениамина род. 31 января (12 февраля) 1869 г., Стефания Станислава род. 26 апреля (8 мая) 1870 г., Мария Вилибранда род. 27 ноября (9 декабря) 1871 г., Владислав Дионизий род. 24 марта (5 апреля) 1873 г., Казимера род. 16 (28) июля 1879 г. Известно, что в середине 1860-х гг. родился сын Болеслав и дочь Зофья. Обое, однако, умерли в детском возрасте. Все дети крещены по римско-католическому обряду. APL. RGL (1867–1918). Sygn. osobowe 1825. K. 30 – 32.

²¹ Ю. Смигельский получил диплом № 71, датированный 10 (22) июня 1864 г. См.: Ibid.

²² Ibid. K. 2 – 3v.

²³ Ibid. K. 24 – 25.

²⁴ В октябре 1870 г. Ю. Смигельский был избран членом-референтом Совета общественного призрения Яновского уезда, обязанности которого исполнял до 1 (13) мая 1872 г. См.: Ibid. K. 39–40.

обработка статистических материалов на основе информации, поступающей от городских и волостных властей, существовавших на территории уезда и т.д.²⁵ По истечении трёх с лишним лет он был переведён на должность референта по полицейским делам в том же административном органе. Занимался он делами, связанными с административно-полицейским надзором на территории всего уезда. К его компетенции относилось инспектирование тюрем, ведение учёта мужчин призывного возраста, контроль книг постоянной и временной прописки населения, ведение дел земской стражи и т.д.²⁶ Этот довольно ответственный пост он занимал долгие восемь лет. В начале октября 1879 г. Ю. Смигельский был назначен смотрителем тюрьмы в Янове с годовым окладом 375 р. Известно, было ли это назначение результатом стремлений нашего героя, или сознательным решением его начальства. Кроме того, что Ю. Смигельский при этом потерял в зарплате, он стал исполнять довольно специфическую функцию. Она резко выделяла его среди работников местных органов общей администрации. Тюремным учреждением в Янове он руководил до 12 (24) августа 1883 г.²⁷, когда был освобождён от упомянутой должности и направлен в распоряжение Люблинского губернского правления. Известно, что стало причиной такого оборота событий. Среди причин увольнения можно было бы рассматривать пожилой возраст, или упущения, совершённые во время руководства Яновской тюрьмой. Известно лишь, что через полмесяца пребывания без определённых обязанностей он был направлен в военно-полицейский отдел Люблинского губернского правления и стал исполнять должность референта²⁸.

Должность, исполняемая Ю. Смигельским в Люблинском губернском правлении, была, по-видимому, для него последней в государственной администрации. К сожалению, скверное состояние сохранности личного дела этого чиновника значительно затрудняет определение дальнейшей его судьбы. Всё говорит о том, что ещё в 1883 г. он принял окончательное решение о выходе на пенсию.

В сфере догадок остаётся также вопрос активности Ю. Смигельского после увольнения от должности в правительственной администрации. Мы не располагаем сведениями ни о месте его проживания, ни о дате и месте его смерти.

Течение карьеры Ю. Смигельского представляет исключительный случай в судьбах поляков на территории Российской империи XIX в. На его довольно запутанную судьбу оказали влияние разнообразные события, обусловленные явлениями политического характера. Лицо,

²⁵ См.: APL. RGL (1867-1918). Sygn. A I 1867:63. K. 103-105v; *Latawiec K. Obsada personalna chełmskiego zarządu powiatowego w latach 1867-1915 // Rocznik Chełmski. Chełm, 2006. T. 10. S. 122-123; Он же. Zarząd Powiatu Radomskiego w latach 1867-1917 // Biuletyn Kwartalny Radomskiego Towarzystwa Naukowego. Radom, 2006. T. XL. Z. 1-4. S. 93.*

²⁶ Референт по делам полиции в уездном правлении получал денежное содержание 550 р в год. Должность была освобождена русским чиновником Платоном Геннадиевичем Соколовским. См.: APL. RGL (1867-1918). Sygn. A I 1867:63. K. 111-113; *Latawiec K. Obsada personalna... S. 121-122; Он же. Zarząd Powiatu Radomskiego... S. 92-93.*

²⁷ С 1 (13) июля 1882 г. была проведена реорганизация основ финансирования штатов в тюремной системе Царства Польского. Благодаря этому Ю. Смигельский получал 550 р годового содержания. APL. RGL (1867-1918). Sygn. osobowe 1825. K. 40-41.

²⁸ Ibid.

следующее призванию, мечтающее о духовном образовании, даёт подхватить себя волне создания вольных, хотя и нелегальных сообществ в период правления в Царстве Польском князя И.Ф. Паскевича. Приговорённый к ссылке вглубь России с наказом принудительного включения в состав царской армии, он не сомневался в своём скором конце. Однако в довольно нетипичных военных обстоятельствах на Северном Кавказе, благодаря вовлечённости в исполнение своих боевых обязанностей, он восстанавливает доверие властей, что привело к смягчению кары. Это послужило толчком к его военной карьере. Почти два десятилетия спустя он возвращается в Царство Польское, где служит в системе образования, а затем в структурах общей правительственной администрации. Таким образом, перед нами предстаёт образ человека – бунтовщика, который своими заслугами вернул себе доверие властей и сам стал одним из элементов бюрократической машины Российской империи.

А.И. СЕЛИЦКИЙ
г. Краснодар

ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛЯКОВ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.*

С конца XVIII в. Российская империя активно проникает на Кавказ. В этот же период осуществляются три раздела Речи Посполитой, уничтожившие польскую государственность и превратившие многих поляков в поданных российской короны. Началось добровольное или вынужденное массовое перемещение представителей польского народа по территории империи. На Кавказ прибывают первые польские рекруты, а с началом Кавказской войны количество поляков-военных в этом регионе постоянно увеличивается. По мере стабилизации социально-политической ситуации кавказские земли стали нуждаться в специалистах самых разных направлений, что также способствовало увеличению числа польского населения гражданских профессий, желавших сделать карьеру в динамично развивающемся регионе империи.

Основными путями проникновения поляков на Кавказ, таким образом, стали: военная и казацья колонизация, экономическая миграция (перемещение специалистов в юриспруденции, медицине, железнодорожном деле, а также учителей, торговцев, ремесленников, прислуги и т.д.) и, наконец, ссылка политических и уголовных преступников.

По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Российской империи (без Царства Польского) проживал 1 174 774 чел., назвавших своим родным языком польский, из них на Кавказе – 25 117 чел., в том числе в Кубанской области – 2719 чел. (0,14 % от всех жителей области), а в Черноморской губернии – 731 чел. (1,27 % от всех жителей губернии)¹. Согласно переписи, характерной чертой польского населения по всему Кавказу было значительное преобладание мужчин (20 683 чел., т.е. 82 % от всех назвавших родным языком польский). Такой половой дисбаланс легко объясняется относительно недавним переселением поляков в регион, а также преобладанием механического прироста над естественным, когда в основном приезжали мужчины активного работоспособного возраста (прежде всего, военные и гражданские специалисты).

* Статья написана при финансовой поддержке Российским гуманитарным научным фондом исследовательского проекта № 09-03-00823 а/Р.

¹ Lukawski Z. Ludność polska w Rosji. 1863–1914. Wrocław, 1978. S. 71–74.

Оказавшись в ином этнокультурном окружении, кавказские поляки стремились, с одной стороны, адаптироваться к условиям новой жизни, а, с другой, сохранить привычную духовную атмосферу, религиозные ценности, национальный дух («польскость»), возможность общаться с соплеменниками, оказывать взаимопомощь. Характерно, что на Кавказе поляки селились преимущественно в городах или больших селениях, создавая здесь польские «колонии» или землячества. По данным той же Первой переписи 1897 г. в Екатеринодаре проживало 674 чел., указавших в качестве родного языка польский, в Новороссийске – 350, в Майкопе – 175, в Ейске – 143, в Армавире – 122, в Темрюке – 74, в ст. Кавказской – 63, в Анапе – 21, в Сочи и ст. Баталпашинской – по 20, в Туапсе – 14, в ст. Уманской и ст. Славянской – по 4 поляка².

Социальный состав польских «колоний» был довольно пёстрым: от крупных чиновников и высокооплачиваемых военных и технических специалистов до представителей общественных низов. При этом подавляющее большинство поляков объединяло католическое вероисповедание. Важным источником о жизни польской диаспоры являются метрические книги римско-католических приходов, позволяющие понять родственные и дружественные связи, возникающие среди поляков. Ещё одним информативным источником представляется местная пресса, освещающая основные проявления социальной активности польской диаспоры.

Следует заметить, что в течение всего XIX в., вплоть до Первой русской революции 1905–1907 гг., поляки, как и многие другие народы империи, не имели легальной возможности создавать национальные объединения. Единственным местом допускаемых властями значительных собраний поляков был костёл. Именно здесь концентрировалась вся общественно-культурная жизнь польского населения империи, в том числе и на Кавказе.

В конце XIX – начале XX в. на территории Кубанской области (основана в 1860 г.) и Черноморской губернии (основана в 1896 г.) был построен ряд римско-католических религиозных центров. Поляки сыграли решающую роль в создании и развитии четырёх из них, а именно: *Екатеринодарская приходская церковь во имя Розария Пресвятой Девы Марии* (сооружена в 1893 г.), *Новороссийский молитвенный дом во имя Св. Анны* (сооружён в 1895 г.)³, *Армавирский молитвенный дом Иконы Честной Божьей Матери* (сооружён ок. 1909 г.), *Майкопская филиальная церковь во имя Св. Антония Падуанского* (сооружена в 1914 г.)⁴. В регионе были и другие молитвенные дома и церкви, однако в них ведущую роль играли представители иных народов, исповедующих католицизм: в селениях вокруг Анапы и Новороссийска преобладали чехи и словаки, в сёлах Семёновка, Новониколаевка и Рождественское – немцы, а в ст. Крымской и ст. Баталпашинской – армяно-католики.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. А.Н. Троицкого. СПб., 1905. Т. 65. С. 60; СПб., 1903. Т. 70. Тетрадь 3 (последняя). С. 30.

³ Это был уже второй римско-католический храм в Новороссийске. Первый был освящён 26 сентября 1853 г., но уже в 1855 г., во время Крымской войны, он был уничтожен в ходе обстрелов. См.: Кавказ. 1853. 31 октября. № 81; Селицкий А.И. Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар, 2008. С. 60–61.

⁴ Каталог духовенства и церкви Тираспольской римско-католической епархии на 1917 год. С. 60–61.

Важной сферой проявления польского духа и традиций взаимопомощи стали официально организуемые при костёлах римско-католические благотворительные общества. Впервые в Российской империи такое общество появилось в Риге в 1878 г., а в дальнейшем благотворительные общества были созданы в крупнейших центрах польской диаспоры России – в Одессе (1882 г.), Петербурге (1884 г.) и Москве (1886 г.). В последующие годы подобные общества постепенно появляются и в других городах империи. На Кавказе первое из них было основано в Тифлисе в 1894 г. и к 1896 г. включало 223 чел. В 1897 г. МВД разработало Нормальные и Примерные уставы благотворительных обществ, что заметно упростило процедуру их создания. Благотворительные общества начинают массово появляться в различных католических центрах, в том числе и на Кавказе: Баку (1903 г.), Ставрополь (1903 г.) и др. К 1904 г. римско-католические благотворительные общества (или, как они назывались в некоторых местах, общества пособия бедным) существовали уже в 37 городах империи. Как правило, они создавались при костёлах и не имели собственных помещений, ксёндзы входили в число их членов и часто были председателями. Основными направлениями деятельности обществ была разносторонняя помощь бедным, обеспечение занятости безработных и опека над детьми, стариками и немощными из неимущих слоёв. Кроме того, в работе обществ большое значение играла культурно-просветительская сфера: при обществах создавались любительские театральные кружки, часто ставившие пьесы польских авторов, школы, в которых изучали польский язык, а также библиотеки и читальни, ставшие важными местами сбора литературы на польском языке⁵.

На территории Кубанской области и Черноморской губернии также были основаны римско-католические благотворительные общества, ведущую роль в которых играли представители польского народа. Нам известно о существовании четырёх из них: екатеринодарского, армавирского, новороссийского и геленджикского.

Екатеринодарское римско-католическое общество пособия бедным было учреждено в 1904 г. и официально открыто 20 февраля 1905 г. К 1906 г. оно включало 70 чел.⁶ Устав общества дословно повторял копию Нормального устава, разработанного МВД, а также устава Ейского общества пособия бедным, утверждённого в 1901 г.⁷ Его первым председателем стал настоятель Екатеринодарского костёла Пётр Гаас (1904–1906 гг.), которого сменил его преемник-настоятель Иоанн Рот (1906–1915 гг.). Товарищем председателя долгое время был один из наиболее активных деятелей католической общины Екатеринодара – действительный статский советник Якуб Мордмиллович. В 1905 г. при обществе открылась библиотека-читальня (заведующей стала Юстина Реутт). Устав библиотеки-читальни был составлен по образцу устава библиотеки при Ростовском-на-Дону римско-католическом благотворительном обществе⁸. Екатеринодарское общество оказывало денежную помощь неимущим единоверцам, устраивало благотворительные вечера,

⁵ Łukawski Z. Op. cit. S. 131–145; Furier A. Polacy w Gruzji. Warszawa, 2009. S. 328–337.

⁶ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3940. Л. 77–77об.

⁷ Там же. Д. 3809. Л. 8, 29.

⁸ Там же. Д. 6157. Л. 5, 8–9.

рождественские ёлки, пасхальные столы для бедных, бесплатные воскресные чтения, организовало бесплатную медицинскую помощь, создало приют для стариков, общежитие для детей и т.д. Разноплановая деятельность общества стала в городе образцом благотворительности национально-конфессиональной организации. Среди многочисленных направлений работы общества всегда чувствовался польский дух: организовывались любительские спектакли на польском языке, постоянно поддерживались связи с польскими религиозными центрами в Варшаве, Вильно, Люблине и др. Характерно, что в местной прессе и в ряде платёжных документов благотворительные вечера общества назывались «польские вечера/балы», а само общество – «Польским благотворительным обществом»⁹.

Армавирское римско-католическое общество пособия бедным было создано в 1912 г. стараниями неформальных лидеров местной польской общины супругов Адама и Теодозии Мазарек. Кроме них в состав правления общества вошли: М.Е. и В.М. Эдельштейн, Е.Д. Закржевская и инженер Хенрик Садовский. В 1916 г. при обществе была открыта библиотека-читальня¹⁰.

Новороссийское римско-католическое общество пособия бедным было учреждено в 1913 г.¹¹

Польско-католическое общество благотворительности и просвещения в Геленджике появилось предположительно после революционного 1917 г. вместе с местным «Домом Польским». Судя по источникам, в январе 1919 г. одним из наиболее активных членов «Дома Польского» и Польско-католического благотворительного общества в Геленджике был Станислав Сырокомский¹².

После событий Первой русской революции в общественной жизни империи произошли существенные перемены. В том числе появилась возможность создавать организации, в названиях которых можно было официально поместить слово «польский». Правовой основой для этого послужил именной высочайший указ «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. Пионерами в создании таких организаций стали поляки Одессы (1906 г.). На Кавказе первый «Дом Польский» был основан в Тифлисе в 1907 г. Чуть позже подобные организации появились в Батуми и Баку (1909 г.). Перед началом Первой мировой войны поляки Ставрополя создали общество «Огниво», в 1917 г. преобразованное в просветительское объединение «Дом Польский»¹³.

⁹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 6223. Л. 115; Оп. 2. Д. 3940. Л. 73об.

¹⁰ Кубанские областные ведомости. 1912. № 76; Отклики Кавказа. 1912. № 234; 282; Ктиторев С.Н. Польская диаспора досоветского Армавира // Поляки в России: история и современность / Отв. ред. А.И. Селицкий. Краснодар, 2007. С. 179–187.

¹¹ AAN. Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego w Piotrogradzie. Sygn. 94. S. 825; Любушкина Е.Ю. Общественные организации Ставропольской губернии и Кубанской области в период с 1860-х гг. по октябрь 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. С. 166.

¹² ГА РФ. Ф. Р-3596. Оп. 1. Д. 6. Л. 32; Д. 17. Л. 52. В 1921 г. Станислав Витольдович Сырокомский (52 года) с своей супругой Марией Иосифовной (39 лет), дочерью Хеленой (11 лет) и сыном Виктором (6 лет) были записаны в список польских подданных, зарегистрировавшихся в Отделе управления Новороссийского окружного исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Сырокомские подали сведения, что происходят из г. Житомира Вольнской губернии и проживают в г. Геленджик. См.: ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 450. Л. 159.

¹³ Mądziak M. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków w Gruzji na przełomie XIX i XX wieku. Lublin, 1987; *Oni же. Z dziejów inteligencji polskiej na Kaukazie na przełomie XIX i XX wieku* // Rota. 1995. № 2/3 (18/19). S. 72–75; *Furier A.* Op. cit. S. 337–347.

Польские общества активно проводили национально-просветительскую деятельность: организовывали любительские театры, создавали новые библиотеки и читальни, проводили музыкально-поэтические вечера, светские и религиозные мероприятия.

Заметим, что поляки Кубанской области и Черноморской губернии не торопились с учреждением подобных организаций, что, вероятно, было связано как с их меньшим числом, так и меньшей социальной активностью, по сравнению с тем же Тифлисом. Кроме того, местные поляки были тесно и гармонично связаны с костёлом и в рамках его мероприятий вполне удовлетворяли практически все свои национально-культурные потребности. Только в 1917 г. появляется информация о создании в Екатеринодаре польского клуба «Огниско» (или «Огниско Польское»). Помещение для работы этого общества предоставил крупный кубанский промышленник Пётр Павел Буковский. «Огниско» разместилось в одном из домов Буковских, расположенном по ул. Новой (ныне ул. им. С.М. Будённого) № 75 (угол ул. Рапшилевской). В период революций и гражданской войны это общество, наряду с костёлом, стало важнейшим социально-культурным и политическим центром кубанских поляков. Так, 23 июля 1917 г. в помещении «Огниско» состоялось общее собрание членов Польского социалистического объединения, 17 декабря того же года – общее чрезвычайное собрание поляков-беженцев, 24 декабря в польском клубе был устроен сочельник для военных поляков Екатеринодарского гарнизона, а уже вечером 25 декабря местное латышское общество, воспользовавшись гостеприимством поляков, устроило здесь ёлку для детей беженцев, спектакль на латышском языке и благотворительный вечер, сбор от которого поступил в пользу Ейского латышского приюта для детей беженцев. 11 февраля 1918 г. в помещении «Огниско» состоялось общее собрание прихожан костёла и членов польских римско-католических и благотворительных организаций Екатеринодара, а в июне того же года – собрание польской группы коммунистов. 15 февраля 1919 г. в зале «Огниско» должен был пройти первый съезд поляков в Екатеринодаре (до апреля того же года он так и не состоялся). В 1919 г. здесь же размещалась канцелярия уполномоченного Польского правительства в Екатеринодаре. Кроме того, судя по регистрационным спискам польских граждан, желавших репатрироваться на родину в 1921 г., дом на ул. Новой № 75 был временным убежищем для многих польских семей, служа им тёплым «очагом»¹⁴.

Вероятно, именно в то революционное время, кроме уже упомянутого польского объединения в Геленджике, «Дом Польский» появляется и в Новороссийске. 14 апреля (по новому стилю) 1918 г. в его зале по ул. Серебряковой (ныне ул. Советов) состоялось общее собрание новороссийских поляков (пришло 257 чел.) для обсуждения вопроса об организации консульства или комиссариата Польского государства в Новороссийске. Тогда во главе «Дома Польского» стоял доктор

¹⁴ Листок войны. 1917. 22 июля. № 1022; 14 декабря. № 1137; 21 декабря. № 1143; 31 декабря. № 1148; Свободное слово. 1918. 11 февраля. № 165-29; Прикубанская правда. 1918. 9 июня; 16 июня; Вольная Кубань. 1919. 5 января; Утро Юга. 1919. 11 (24) апреля. № 78-106; 8 (21) мая. № 100-128; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 450. Л. 65-69об., 78-85об., 87-92об.; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 294. Л. 203, 204, 214.

Матушевский¹⁵. В конце того же года в Новороссийске действительно появилось польское консульство, занимавшееся опекой поляков северокавказского региона и защищавшего интересы возрождённой Польши. В 1919 г. консульство имело представительства в Сочи и Гаграх¹⁶.

Говоря об общественно-культурных организациях поляков, нельзя не упомянуть о тех, которые были созданы в эпоху Первой мировой войны. События той войны внесли заметные изменения в положении польского населения России. Война поставила перед поляками новые задачи, в том числе осуществление помощи соотечественникам. Русская политическая элита существенно изменила своё отношение к «польскому вопросу», в прессе всё чаще стали появляться статьи о русско-польском славянском братстве, во многих российских городах проходили мероприятия, направленные на сбор средств в пользу беженцев с польских земель. Так, 21–22 ноября 1914 г. в Екатеринодаре состоялся «День Польши», во время которого было собрано 8341 р 70 к. Среди организаторов этой акции особую активность проявили: статский советник Ромуальд Гульбин, инженер путей сообщения Эмилий Вакре (*Emil Vacqueret*), товарищ прокурора Валериан Шарамович, доверенный Волжско-Камского банка в Екатеринодаре Винценты Буковский, владелец магазина жирардовских изделий Юзеф Фетгер, а также директор 1-го Екатеринодарского общества взаимного кредита Владислав Малиновский и судебный следователь Миколай Мечислав Витковский. Почётным попечителем комитета по устройству сбора в пользу пострадавшего населения Царства Польского и проведения в Екатеринодаре «Дня Польши» стала супруга наказного атамана Кубанского казачьего войска Софья Иосифовна Бабыч, урожд. Сташевская¹⁷. Подобный «День Польши» состоялся 4 мая 1915 г. и в Майкопе. В результате было собрано 764 р 23,5 к. Одним из главных его организаторов выступил уже упомянутый В. Шарамович¹⁸.

События Первой мировой войны во многом способствовало появлению польских организаций нового типа. На базе обществ «Дом Польский» или Римско-католических благотворительных обществ появляются Польские комитеты помощи жертвам войны, которые координировались из Петрограда, созданным в августе 1914 г. Польским обществом вспомоществования (помощи) жертвам войны (далее – ПОВЖВ). По сути ПОВЖВ было первой общероссийской организацией поляков. Теперь представители отдельных польских землячеств чувствовали своё единство и могли обмениваться идеями в рамках общей структуры, собираться на объединяющие съезды в столице империи. Основными задачами ПОВЖВ стали: материальная и медицинская помощь беженцам, их трудоустройство, забота об образовании детей, моральная реабилитация и т.д.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-3596. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

¹⁶ AAN. Konsulat RP w Noworosyjsku. Sygn. 1–6; ГА РФ. Ф. Р-3596. Оп. 1. Д. 1–23.

¹⁷ Кубанский край. 1914. № 245–248, 253, 254, 263–265; *Леусян О.А.* «День Польши» в Екатеринодаре в ноябре 1914 г. // Поляки в России: XVII – XX вв.: Материалы международной научной конференции / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2003. С. 244.

¹⁸ Майкопское эхо. 1915. 27 января. № 26; 16 февраля. № 44; 11 апреля. № 95; 4 мая. № 116; 12 июня. № 155; Отклики Кавказа. 1915. 13 мая. № 102; *Матвеев О.В.* Поляки Майкопа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Польские ведомости: Издание Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство». 2007. Приложение № 1(3). С. 7–9.

Уже в сентябре 1914 г. в Тифлисе был создан Польский комитет помощи жертвам войны при обществе «Дом Польский». Однако большинство отделов, в том числе и на Кубани, стало появляться после поражений русской армии на Западном фронте весной-летом 1915 г., когда сотни тысяч беженцев двинулись вглубь империи. В октябре 1915 г. отделения ПОВЖВ появились во Владикавказе и Ставрополе, в 1916 г. – в Грозном, Кисловодске, Пятигорске и др. К концу 1916 г. на Кавказе было 11 отделений, членами которых состояло 643 чел.¹⁹

На территории Кубанской области и Черноморской губернии было образовано пять отделений ПОВЖВ: Новороссийское (с августа 1915 г.)²⁰, Екатеринодарское (с октября 1915 г.), Армавирское (с ноября 1915 г.), Майкопское (с 1915 г.) и Сочинское. Самоотверженная работа членов этих отделений уже получила освещение в научной литературе²¹. Отметим только, что «старые» и «новые» польские структуры часто включали одних и тех же членов, не конкурируя, а объединяясь в суровые годы войны. Иногда эти организации проводили совместные акции. Так, 16 ноября 1916 г. в Екатеринодарском костёле римско-католический приход, общество пособия бедным и комитет беженцев организовали заупокойную мессу и панихиду по умершему польскому писателю Хенрику Сенкевичу, а 11 февраля 1918 г., как уже упоминалось, в помещении «Огниски» прошло общее собрание прихожан костёла и членов польских организаций²². Характерно, что в эпоху революционных событий 1917 г. поляки, помимо общественно-культурных организаций, также создавали военные и политические объединения, такие как Союз военных поляков Екатеринодарского гарнизона, Союз военных поляков в Армавире, Польское социалистическое объединение, Союз польских граждан, Польская коммунистическая партия Екатеринодара и др.

Кроме того, на Кавказе действовала ещё одна общегосударственная благотворительная организация – Центральный гражданский комитет Царства Польского в России (далее – ЦГК)²³, созданный в Петрограде в августе 1915 г. и продолжавший традиции Центрального гражданского комитета Царства Польского, активно действовавшего в сентябре 1914 – августе 1915 г., т.е. до немецкой оккупации польских земель. В отличие от отделов ПОВЖВ, более самостоятельных от центральных структур и действовавших в крупных городах, ЦГК опекал беженцев, осевших в сельской местности и малых городах, и имел жёсткую систему соподчинения. Правление ЦГК условно делило территорию России на 7 районов, которые, в свою очередь, распадались на округа. Кавказ входил в Южный район с центром в Харькове, при этом Северный Кавказ, в том числе Кубанская область и Черноморская губерния, относились к Ростовскому (Донскому) округу, а Закавказье с Терской областью – к Кавказскому²⁴.

¹⁹ *Mądzik M.* Stowarzyszenie „Dom Polski” w Tyflisie w latach I wojny światowej // *Pocznik Polonijny*. Lublin, 1984–1985. T. 5–6. S. 67–82; *Он же.* Z dziejów inteligencji polskiej na Kaukazie... S. 74–75; *Furier A.* *Op. cit.* S. 347–354.

²⁰ Вначале председателем Новороссийского отделения ПОВЖВ стал инженер Хенрик Рудигер, а затем бывший вице-председатель отделения Болеслав Рудзевич (упом. 1915 г.). См.: *AAN. Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego w Piotrogradzie*. Sygn. 94. S. 825; *Organizacje Polskie w Rosji. Polskie Towarzystwo Pomocy Ofiarom Wojny*. Sygn. 44. S. 1.

²¹ *Селицкий А.И.* Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар, 2008. С. 103–121; *Боголюбов А.А.* Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. / Под научн. ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2008. С. 144–149.

²² Военный вестник. 1916. 15 ноября. № 636.

²³ ГА РФ. Ф. Р-5115. Оп. 3. Д. 1–10.

²⁴ *Furier A.* *Op. cit.* S. 353.

В 1916 г. стараниями ЦГК в Кубанской области были созданы 4 польские школы для детей беженцев (Армавир, Майкоп, ст. Тихорецкая, хутор Романовский), а в Новороссийске кроме школы для детей были ещё учреждены так называемые низшие курсы для взрослых. Однако постепенно активность ЦГК на Кавказе затухала, беженцы всё чаще старались селиться в крупных городах (например, в Тифлисе или Екатеринодаре), а не в сельской местности. Здесь вполне хватало энергии членов «старых» польских организаций и 1 апреля 1916 г. Кавказский округ был упразднён и создан Ростовско-Кавказский с центром в Ростове-на-Дону, а уже к концу 1916 г. в корреспонденции этот округ называли только Ростовским²⁵.

Таким образом, следует отметить, что поляки Кубанской области и Черноморской губернии, находясь вдали от традиционных центров польской культуры, не только успешно интегрировались в окружающую иноэтничную среду, но и сумели сохранить свою «польскость», поддержать этническую дистанцию, в том числе и через образование общественно-культурных организаций, чья деятельность внесла особый колорит в жизнь кавказского региона.

Приложение

Биографические заметки

Буковский, Пётр Павел (Пётр Викентьевич) (ок. 1864–1918) – католик, потомственный дворянин Радомской (ранее Келецкой) губ. Его род – Буковские герба Ястшембец – был утверждён в дворянском достоинстве в Царстве Польском в 1840 г.

В конце XIX в. основал в Екатеринодаре собственное дело, а впоследствии стал крупнейшим предпринимателем в области металло- и деревообработки на Кубани. Ряд предприятий он открыл самостоятельно, некоторые перешли к нему в ходе конкурентной борьбы. Он успешно вёл бакалейную и железно-скобяную торговлю, в том числе продажу железа алапаевских заводов наследников промышленника Сергея Саввича Яковлева. В 1902 г. П.-П. Буковский был награждён медалью Кубанского экономического общества.

К 1918 г. в Екатеринодаре ему принадлежали: 1) деревообделочный механический завод «Петровский», состоящий из комплекса строений в 3-й части города по ул. Новокузнецкая № 48/2 (бывшая собственность Товарищества Дуб), ул. Новокузнецкая № 50 (бывшая собственность Здесенко), ул. Новокузнецкая № 52 / Динская (ныне ул. им. С.А. Леваневского) № 151 (бывшая собственность Радченко), ул. Динская № 149 (бывшая собственность Приходченко), 2) чугунолитейный механический завод «Станиславский», состоящий из строений во 2-й части города по ул. Кузнецкая № 81 (бывшая собственность Захарова), ул. Кузнецкая № 79 / Ярмарочная (ныне ул. им. В. Головатого) № 78 (в 1914 г. это предприятие было куплено у Владимира Карловича Гусника), 3) фабрика весов «Славянин», состоящая из производственных зданий по адресу Карасунский канал № 50 (ныне ул. им. А.В. Суворова № 62) и Малиновский переулок (Малиновская дамба, ныне ул. им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) № 12 (бывшая

²⁵ Mądzik M. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków w Gruzji... S. 101–117.

собственность И.П. Проценко, а с 1916 г. Варт-Баронова, который продал фабрику П.-П. Буковскому в июне 1917 г.; в советское время здесь было организовано предприятие «Краснодарсельмаш»), 4) главная контора фабрично-заводских предприятий П.-П. Буковского в 3-й части города по ул. Бурсаковская (ныне Красноармейская) № 128 и № 130 / Северная № 84 (дом Товарищества М. Гельферих-Саде). П.-П. Буковскому принадлежал и соседний жилой дом по ул. Северная № 86 (бывшая собственность Колесникова), 5) колёсная и бричечная фабрика, кузнечный завод «Подкова» по ул. Борзиковская (ныне ул. Коммунаров), в советское время вошедшие в объединённое предприятие – обозный, впоследствии – станкостроительный завод им. М.И. Калинина, 6) кузнечно-сборочный завод «Старый», 7) чугунно-литейный завод компании Г.В. Персанова и Я.П. Чеканова по ул. Северная № 57 (куплен П.-П. Буковским в 1914 г.; 20 рабочих, годовой оборот – 15 000 р), 8) двухэтажный дом Буковских по ул. Новая № 75 (ныне ул. им. С.М. Будённого) / Рашпилевская № 108 (телефон № 253). Этот дом стал одним из важных центров общественной жизни польской диаспоры города.

В 1916 г. на предприятиях П.-П. Буковского было занято до 170 рабочих. Нередко пролетариат конфликтовал с предпринимателем, организовывал стачки и митинги. В годы Первой мировой войны предприятия работали на нужды фронта (армии) и тыла.

После установления советской власти предприятия П.-П. Буковского были объявлены национализированными (постановление президиума Кубано-Черноморского областного Совета народного хозяйства от 4 июня 1920 г. на основании декрета ВСНХ от 28 июня 1918 г.), а в 1921 г. были национализированы все оставшиеся земельные участки семьи Буковских в черте Краснодара.

П.-П. Буковский был одним из жертвователей Екатеринодарского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулёзом (упом. 1912 г.).

Он один из учредителей и действительных членов Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (с 1904 г.), кандидат в члены правления (1904–1907 гг.), член правления и казначей общества (с 1907 г.). В 1907 г. пожертвовал обществу 42 р на устройство спектакля на польском языке. Синдик Екатеринодарского костёла (до сентября 1909 г.).

В 1906 г. П.-П. Буковский был восприемником при крещении Леонарда – сына дворянина Варшавской губ. Станислава Леонарда Турчинского и Станиславы Станиславовны, урожд. Скибневской.

П.-П. Буковский скончался 26 апреля 1918 г. в Екатеринодаре и, учитывая его заслуги перед Римско-Католической церковью, 28 апреля был похоронен скёндзом Адамом Шпигановичем в пределах ограды Екатеринодарского костёла.

В 1919 г. в списках желающих принять польское гражданство, составленных Польским консульским агентством в Екатеринодаре на польском языке, были зарегистрированы отец, мать, жена П.-П. Буковского и его сын Пётр. А в 1921 г. в подобных списках, но уже составленных советскими властями на русском языке, были

зарегистрированы отец промышленника Винценты Буковский (90 лет), его вдова Агнешка (54 лет), его сестра Зофья (50 лет), племянники Винценты (14 лет) и Мечислав (12 лет), а также Халина Людвиговна Буковская (25 лет, родом из Киевской губ.). При этом Винценты, Агнешка и Халина Буковские проживали в Екатеринодаре по ул. Новая № 75, а Зофья Буковская с племянниками Винценты и Мечиславом по ул. Северная № 86.

До наших дней сохранился ряд книг из библиотеки Буковских, находящийся в Краснодарской краевой научной библиотеке им. А.С. Пушкина. На некоторых томах есть печати с надписями: «Biblioteka Wincentego Bukowskiego», «Biblioteka Zbigniewa Bukowskiego», «Biblioteka Mieczysława Bukowskiego», а также с подписями Винценты Буковского и монограммами из букв «W» и «B» под дворянской короной или без неё.

Супруга: *Агнешка, урожд. Висьневская (Вишневская)* (ок. 1866/1869 г.р.) – дочь Игнация Висьневского и Зофьи, урожд. Галдушинской. Венчание в 1894 г. в Екатеринодарском костёле (свидетелями были Винценты Буковский и Францишек Шабловский). Сестра *Анджея Висьневского* (1879 г.р., родом из Ловического уезда Варшавской губ.), управляющего фабрикой, одного из учредителей Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (1904 г.), в 1919–1921 гг. проживавшего с женой Руженой Викентьевной (родом из Богемии) и сыновьями Богумилом, Станиславом и Виктором Яном в Екатеринодаре в доме Буковских по ул. Новая № 75. А. Буковская была действительным членом Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (с 1904 г.), членом от комитета Екатеринодарского отделения ПОВЖВ (упом. 1915–1916 г.).

Дети: *Станислав Клеменс* (1894–1895) – родился и крещён в Екатеринодаре, его воспитателями были Станислав Викентьевич Буковский и кишинёвская мещанка Эмилия Семёновна Гезе / Гейзе (владелица популярной в Екатеринодаре кондитерской на ул. Красной / угол ул. Базарной в доме Черника, имевшей также отделение на ул. Красная № 83). Умер в Екатеринодаре и похоронен на Всесвятском кладбище.

Станислав Виктор (1896–1976) – родился и крещён в Екатеринодаре, воспитателями были его дед Винценты Буковский и кишинёвская мещанка Эмилия Семёновна Гезе. В 1919 г. он числился вместе с уже покойным отцом среди участников Третьего Торгово-промышленного съезда Кубанского края, проходившего в Екатеринодаре. В начале 1920 г. Польское консульство в Новороссийске назначило его руководителем Консульского агентства в Екатеринодаре. В 1920-е гг. он переехал в Польшу. По профессии был техником, занимался журналистикой. Во время Второй мировой войны был членом подпольной Федерации национально-католических организаций «Уния», основанной в 1940 г. и в 1943 г. объединившейся с христианско-демократической Партией труда (Стронництво Працы). Участник Варшавского восстания 1944 г., поручник, был 2-м адъютантом VIII группировки боевой группы «Крыбар» Армии Крайовой (его псевдоним «Станислав Ястшембец» или «Ястшембец»). После восстания вышел из Варшавы с гражданским населением. В 1945–1946 г. депутат Крайовой Рады

Народовой, в которой возглавлял комиссию по делам вероисповеданий и национальностей. В 1946–1947 гг. исполнял обязанности секретаря Главного правления Партии труда. В 1947 г. был судим по сфабрикованным обвинениям и через четыре года разбирательств приговорён к 15 годам лишения свободы. Находился в заключении с 1948 по 1956 г. Был оправдан. Впоследствии до самой смерти жил в Лодзи (по данным на 1958 г. проживал здесь по адресу: ул. Нова № 7. кв. 2). Супруга: *Мелена Буковская* (род. в 1908 г. в Берлине), работала в Лодзи епархиальным библиотекарем.

Зофья Агнешка Станислава (1897–1898) – родилась в Екатеринодаре и крещена в 1898 г. в Екатеринодарском костёле, её восприемниками были Антон Антонович Казржис и Станислава Станиславовна Скибнецкая / Скибневская (с 1904 г. – супруга дворянина Варшавской губ. Станислава Леонарда Турчинского). Умерла в Екатеринодаре и похоронена на Всесвятском кладбище.

Пётр (1900 г.р.) – родился и крещён в Екатеринодаре, его восприемниками были Теофил Фиалковский и Зофья Пстронговская. В 1919 г. – студент.

Отец: *Винцентый (Викентий Феликсович) Буковский* (1837 г.р.) – католик, потомственный дворянин Радомской (ранее Келецкой) губ. В 1901 г. занимался в Екатеринодаре бакалейной торговлей (промысловое свидетельство 2-го разряда) и поначалу проживал в доме наследников купца Ивана Матвеевича Оснача (угол ул. Красная № 105 / Новая № 77, 2-я часть города; на месте нынешней гостиницы «Интурист»), а затем в собственном доме Буковских по ул. Новая № 75.

Мать: *Мария / Марианна, урожд. Штертман* (ок. 1839 г.р., умерла до 1921 г.) – католичка.

Сестра: *Зофья Буковская* (1872 г.р.) – католичка, незамужняя. В 1921 г. проживала в Екатеринодаре с племянниками Винценты и Мечиславом по ул. Северная № 56.

Брат: *Винцентый (Викентий Викентьевич) Буковский* – католик, потомственный дворянин. Губернский секретарь (упом. 1912 г.), доверенный Екатеринодарского отделения Волжско-Камского коммерческого банка (упом. 1912–1916 гг.). В Екатеринодаре проживал по адресу: ул. Ростовская (ныне часть ул. Красная) № 146 (доходный дом купца Э.Г. Шишманова).

С октября 1914 г. был членом комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавшего от военных действий населения Польши. В ноябре 1914 г. на его квартире по ул. Ростовской с 9 до 18 ч велась запись желающих принять участие в организации «Дня Польши» в Екатеринодаре. В связи с этим мероприятием он отметил: «Пусть этот день “Екатеринодар – Польша” (жертва столицы Кубанского казачества) будет откликом того радушного приёма и тех восторженных встреч, какие были оказаны казакам в Польше в эту войну за братство славянских народов. Пусть этот день помощи разорённому войной населению Польши будет залогом такого братского единения, какое было проявлено местными общественными деятелями в совместной работе с проживающими здесь поляками по организации дня “Екатеринодар – Польша”». Женат на *Зофье, урожд. Гинтылло*, от которой имел

сына Мечислава (1908 г.р.), крещённого в Екатеринодарском костёле в 1910 г. и восприемниками которого были его дядя П.-П. Буковский и супруга последнего А. Буковская. В 1921 г. Мечислав проживал в Екатеринодаре с тёткой Зофьей Буковской и братом Винченцы по ул. Северная № 56.

ГА РФ. Ф. Р-3596. Оп. 1. Д. 8. Л. 54, 54 об.; Ф. Р-7562. Оп. 1. Д. 2. Л. 460б. – 48, 580б., 59; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5854; Оп. 2. Д. 3809. Л. 26; Д. 3940; Д. 4027; Д. 6032. Л. 196–198об.; Ф. 460. Оп. 2. Д. 21; Ф. 583. Оп. 1. Д. 1102; Ф. 586. Оп. 1. Д. 71. Л. 156; Ф. 663. Оп. 1. Д. 5; Д. 69; Оп. 2. Д. 11; Ф. 801. Оп. 1. Д. 120. Л. 71об., 91об.; Д. 121(1). Л. 95, 117, 161, 220; Д. 121(2). Л. 312, 394; Д. 122. Л. 92об.; Д. 329. Л. 74об.; Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 450. Л. 92об.; Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 5, 19, 29, 33, 34; Вольная Кубань: орган Кубанского войскового правительства [газета]. 1919. 5 января; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1914. 31 октября. № 1438-245; 9 ноября. № 1447-254; 21 ноября. № 1457-264; 23 ноября. № 1458-265; Новая жизнь: орган республиканской мысли; ежедневное издание В.Е. Шварева в г. Екатеринодаре [газета]. 1917. 15 (28) июня. № 48; Новая Заря: ежедневная политическо-литературная, общественная газета Кубанско-Черноморского края [газета]. 1909. 16 сентября. № 869; Екатеринодарские городские избиратели 1901 г. Ек., 1901. С. 3; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборы гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1905–1909. С. 5; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1908–1912 г. по 2-му избирательному участку (2-я полицейская часть). Ек., 1908. С. 1; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1912–1916, по 2-му избирательному участку (2-я полицейская часть). Ек., 1912. С. 2; Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья / Сост. и изд. М.С. Шапсович. Баку, 1914. С. 50, 128, 132; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 181; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 176, 303; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 153, 217; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 168, 275; Екатеринодар-Краснодар. 1793–1993: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи / Ред.-сост. И.Ю. Бондарь. Краснодар, 1993. С. 378, 390, 465; *Леусян О.А.* Поляки на Северо-Западном Кавказе в период революций 1917 г. и Гражданской войны // Поляки в России: вехи истории / Отв. ред. А.И. Селицкий. Краснодар, 2008. С. 218–227; *Трёхбратов Б.А.* Историко-краеведческий словарь школьника. Ч. 1. Краснодар, 2007. С. 60; *Rodzina: Herbarz szlachty polskiej / Oprac. S. Uruski.* Warszawa, 1905. Т. II. S. 77; *Opozycja parlamentarna w Krajowej Radzie Narodowej i Sejmie Ustawodawczym 1945–1947 / Red. R. Turkowski.* Warszawa, 1997; *Sojuznicy Gestapo: Proces Kwasiborskiego i innych / Red. odp. J. Guranowski.* Warszawa, 1951.

Вакре (Вакрэ), Эмилий Аполинарий (Эмилий Эмильевич) – католик, дворянин. Происходил из семьи с французскими корнями (франц. *Vacqueret*, польск. *Wakre*).

В 1887 г. окончил Санкт-Петербургский университет по разряду математических наук со степенью кандидата, а в мае 1890 г. – Институт Корпуса инженеров путей сообщения с правом на чин коллежского секретаря.

Инженер путей сообщения, титулярный советник, начальник 14-й дистанции (станция Крымская) (упом. 1897–1904 гг.), а затем – 15-й дистанции (станция Екатеринодар) Владикавказской ж.д. (упом. 1904–1917 гг.).

В декабре 1905 г. был привлечён по делу о ж.-д. забастовке на станциях «Екатеринодар», «Кавказская» и «Тихорецкая».

В 1918 г. начальник Царицынского отдела по службе пути и зданий Управления Владикавказской ж.д. (станция Царицын).

Вступил в Добровольческую армию, доброволец-рядовой. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода (1918 г.).

Член правления АО Северо-Кавказской ж.д. (с 1919 г.). В мае 1919 г. в Екатеринодаре.

Почётный мировой судья Екатеринодарского судебномирового округа (упом. 1906–1917 гг.). Почётный блюститель двухклассного училища Общества Владикавказской ж.д. (упом. 1912 г.). Член Общества любителей изучения Кубанской обл. (с 1908 г.), член Екатеринодарского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулёзом (упом. 1912 г.), член Совета Кубанского отделения Русского Императорского Технического общества от группы ж.-д. строителей (с 1913 г.).

Гласный Екатеринодарской городской думы и член Екатеринодарского комитета Всероссийского союза городов (согора) (с 1917 г.).

Действительный член Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (упом. 1905–1908 гг.). С октября 1914 г. был членом комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавшего от военных действий населения Польши и заведующим кружечным сбором во время «Дня Польши» в Екатеринодаре (21–22 ноября 1914 г.).

Член комитета Екатеринодарского отделения ПОВЖВ (упом. 1915–1916 гг.).

В 1907 г. был восприемником при крещении в Екатеринодаре Владимира – сына дворянина Минской губ. Юлия Якубовского и Анны, урожд. Рыковой.

В начале XX в. владел в Екатеринодаре домом на углу ул. Северная № 59 (ныне № 390) и Котляревская (ныне ул. им. М. Седина) № 155. Здесь был Дом призрения для душевнобольных и дряхлых одиноких людей (возглавлял его врач С.Д. Орлов, содержалось более 120 чел.). Дом национализировали в 1922 г., здесь долгое время был детский сад, затем отдел образования Центрального округа Краснодара (в настоящее время разрушен). Сам Э.Э. Вакре проживал в доме по ул. Кузнечная № 135.

Отец: (?) *Эмиль Вакре* (1832–1907) – католик, сын офицера Бернарда Вакре. Окончил гимназию в Петрокове, учился в Санкт-Петербурге. Вначале работал служащим в Канцелярии пенсионной комиссии, а затем в Административном совете Царства Польского. С 1892 г. возглавлял комиссию по делам повышения доходности Варшавских казённых театров, на рубеже 1894–1895 и в 1901 г. временно исполнял обязанности председателя, а в 1895–1902 гг. был вице-председателем дирекции Варшавских казённых театров. Как администратор отличался необычайной энергией и большой шепетильностью. В 1900 г. отмечал 50-летие профессиональной деятельности.

В 1886 г. проживал в Варшаве по ул. Маршалковской № 1370 и был прихожанином парафии (прихода) костёла Всех Святых.

Мать: (?) *Мартина, урожд. Вевюрская.*

Сестра: (?) *Хелена Целина Мария Эмилия Вакре* (ок. 1866 г.р.) – католичка, родилась в Варшаве. Супруга Адама Леона Мартвих (ок. 1861 г.р.), евангелическо-лютеранского вероисповедания. Венчание в 1886 г. в варшавском костёле Всех Святых по римско-католическому обряду. Свидетелями были эмерит Юлиан Рожанский и чиновник Альфонс Вакре.

Брат: (?) *Кароль Шимон Вакре* (1876 г.р.?).

Сестра: (?) *Мартина Бенигна Вакре* (1876 г.р.?).

Брат: *Людвик Тадеуш Эмиль (Людвиг Эмильевич) Вакре* (1876 г.р.) – католик. В мае 1898 г. окончил Корпуса Институт инженеров путей сообщения с правом на чин коллежского секретаря. Инженер путей сообщения, коллежский секретарь (упом. 1911–1913 гг.), титулярный советник (упом. 1916–1917 гг.). Начальник 2-й дистанции (станция Крыловская) (упом. 1901–1904 гг.), 16-й дистанции (станция Песчанокопская) (упом. 1907–1910 гг.), 19-й дистанции (станция Царицын) Владикавказской ж.д. (упом. 1911–1913 гг.). Участковый инспектор Инспекции по постройке Черноморско-Кубанской ж.д. (г. Екатеринодар) (упом. 1916–1917 гг.). Почётный блюститель Крыловского сельского одноклассного училища, содержимого обществом Владикавказской ж.д. (упом. 1901–1904 гг.).

ГА РФ. Ф. Р-7562. Оп. 1. Д. 1. Л. 7об.; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5854; Оп. 2. Д. 3940; Д. 4027; Ф. 801. Оп. 1. Д. 121(2). Л. 329об.; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 75. Л. 19; Д. 166. Л. 102, 103; Д. 298. Л. 65; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 619, 687, 708; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1913. 18 октября. № 235; 30 октября. № 244; 1914. 31 октября. № 1438-245; 21 ноября. № 1457-264; 23 ноября. № 1458-265; Листок войны: ежедневное издание в г. Екатеринодаре [газета]. 1917. 17 июня. № 993; Новая жизнь: орган республиканской мысли; ежедневное издание В.Е. Шварева в г. Екатеринодаре [газета]. 1917. 16 (29) июня. № 49. С. 4; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1916–1920 гг. по 3-му участку. Ек., 1916. С. 3; Работы первого общего собрания акционеров Общества Северо-Кавказской ж.д. 10 февраля 1919 г. Ек., 1919. С. 5; КК на 1898 г. Ек., 1898. С. 81; КК на 1899 г. Ек., 1899. С. 110; КК на 1900 г. Ек., 1899. С. 83; КК на 1901 г. Ек., 1900. С. 86; КК на 1902 г. Ек., 1901. С. 74, 98, 99; КК на 1903 г. Ек., 1902. С. 87, 112, 113; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 68, 96, 97; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 75; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 43, 87; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 35, 114; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 164, 180; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 170, 186; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 160, 176, 196; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 163, 182, 204; КК на 1913 год. Ек., 1913. С. 172, 192, 193; КК на 1914 год. Ек., 1914. С. 167, 189; КК на 1915 год. Ек., 1915. С. 144, 176; КК на 1916 год. Ек., 1916. С. 162, 178, 179; *Шахова Г.С.* Улицы Краснодара рассказывают... (книга вторая). Краснодар, 2008. С. 51; *Słownik biograficzny teatru polskiego / Pod red. Z. Raszewskiego.* W., 1973.

Венордин, Ян (Иван Константинович) (1867 г.р.) – католик, из сельских обывателей, родился в д. Дзержбя Кольненского уезда Ломжинской губ. (написание фамилии - *Venordin*).

Губернский секретарь (с 1892 г., со старшинством с 1891 г.), коллежский секретарь (с 1896 г., со старшинством с 1894 г.), титулярный советник

с 1901 г. (со старшинством с 1897 г.), коллежский ассесор (с 1903 г., со старшинством с 1900 г.), надворный советник (с 1904 г., со старшинством с того же года), коллежский советник (с 1909 г., со старшинством с 1908 г.), статский советник (с 1913 г., со старшинством с 1912 г.).

В 1891 г. окончил Императорский Варшавский университет со званием действительного студента. Кандидат на судебные должности при Сувалском окружном суде (с 1891 г.). Младший кандидат на судебные должности при Сувалском окружном суде в 1892 г., а затем при Тифлисском окружном суде (1892–1893 гг.). Старший кандидат на судебные должности при Бакинском окружном суде в 1893 г. Заведующий 1-м Бакинским городским следственным участком в 1893 г., заведующий вноше образованным Мюшюрским следственным участком в 1893–1895 гг. Заведующий Басхальским следственным участком в 1895–1896 гг., заведующий Шемахинским следственным участком сверх прямых своих обязанностей в 1895 г., заведующий Бакинским уездно-городским мировым участком Бакинского окружного суда в 1896–1897 гг. Мировой судья Кубинского отдела в 1897–1898 гг., заведующий Дивичинским следственным (в 1897 г.) и мировым участками (в 1897–1898 гг.) сверх прямых своих обязанностей. Заведующий Кубино-городским следственным участком в 1898 г.

Участковый мировой судья Армавирского округа в 1898 г., мировой судья 2-го Армавирского мирового участка в 1899–1902 гг., участковый мировой судья 4-го Армавирского мирового участка в 1902–1903 гг. (камера в с. Армавир). Заведующий 4-м Армавирским мировым участком в 1902–1903 гг. Мировой судья 1-го участка Армавирского округа в 1903–1907 гг. Председатель Армавирского съезда мировых судей и непререкаемый его член на три срока (1900–1903, 1903–1906 и 1906–1907 гг.). Заведующий 5-м Армавирским мировым участком сверх прямых своих обязанностей на время болезни участкового мирового судьи С.Г. Залесского в 1904–1906 гг.

Член Екатеринодарского окружного суда по 1-му гражданскому отделению (с 1907 г.), по 2-му гражданскому отделению (с 1914 г.).

Имений не имел. В 1916 г. проживал в Екатеринодаре по ул. Новая № 15 (ныне ул. им. С.М. Будённого).

В захваченном большевиками Екатеринодаре добровольно стал постоянным местным судьёй по бракоразводным процессам (с 14 по 19 мая 1918 г.), т.е. совершил действия, которые можно было оценить как пособничество большевистской власти. На основании этого факта Кубанский краевой военно-окружной суд назначил слушание дела Я. Венордина на 27 октября 1918 г. В конце июня 1919 г. он переехал в Польшу, где поступил на государственную службу.

Формально Я. Венордин был уволен со службы члена Екатеринодарского окружного суда 19 февраля 1920 г. решением Совета Кубанского краевого правительства (по его собственному прошению).

Судья-эмерит Апелляционного суда в Люблине и казначей Люблинского юридического общества (упом. 1927–1928 гг.).

Один из директоров Баталпашинского отделения Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета (упом. 1899–1902 гг.).

Член ревизионной комиссии Екатеринодарского отделения ПОВЖВ (с 1915 г.). Председатель Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (упом. 1916–1917 гг.).

Ордена и знаки отличия: орден Св. Анны 2-й степени (1904 г.), орден Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени (1911 г.) серебряная медаль на ленте ордена Св. Александра Невского в память царствования в Бозе почившего императора Александра III (1896 г.) и бронзовая медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых (1913 г.). Имел право ношения нагрудного знака в память 50-летия введения Судебных Уставов (1914 г.).

В 1888 г. свидетель на венчании в варшавском костёле Всех Святых чиновника Варшавско-Венской ж.д. Игнация Станислава Ливского (сына Фелициана и Саломеи, урожд. Венордин) и Стефании Янины, урожд. Хуляницкой.

1-я супруга: *Сабина, урожд. Василевская* (1870–1906) – католичка, дочь дворянина Ломжинской губ. Доминика Василевского. Родилась в г. Августове Сувалкской губ. (бывшей Августовской губ.).

2-я супруга: *Анеля Цецылия, урожд. Павлович* (1876 г.р.) – католичка, дочь дворянина Ковенской губ. Эдварда Павлович и Марии, урожд. Шанявской. Родилась в г. Калиш. Венчание в 1908 г. в Екатеринодарском костёле (свидетелями были Станислав Кениг и Симон Мишкинис). А.-Ц. Венордин была членом Екатеринодарского отдела лиги для борьбы с туберкулёзом (упом. 1912 г.), а также членом Екатеринодарского отделения ПОВЖВ (упом. 1915–1916 гг.). В 1911 г. она стала восприемницей при крещении в Екатеринодарском костёле Отгона Франца – сына австрийско-подданного Франца Вистер и Юзефы, урожд. Краевской.

Дочери (от 1-го брака):

Алина Вацлава (1894 г.р.) – воспитывалась в частной женской гимназии в г. Ченстохове (упом. 1907 г.), во 2-й Екатеринодарской женской гимназии (упом. 1908 г.), а потом поступила в Варшавский Музыкальный Институт (упом. 1911 г.). Супруга потомственного дворянина, инженера-технолога Збигнева Владиславовича Шанявского (ок. 1881 г.р.). Венчание в 1916 г. (свидетелями были Витольд Шанявский и Ян Миодушевский). З.В. Шанявский был членом жюри на выставке Кубанского фотографического общества (январь 1914 г.), активный член общества фотографов-любителей. Развелись в 1920 г.

Мария Янина (1898 г.р.) – воспитывалась в частной женской гимназии в г. Ченстохове (упом. 1907 г.), во 2-й Екатеринодарской женской гимназии (упом. 1908 г.); училась в Кубанском Мариинском Институте (упом. 1911, 1914 гг.). Выпускница 2-го общеобразовательного лицея им. Эмилии Плятер в Сосновце (после 1919 г.).

Юлия Люцина (1902 г.р.) – училась в Кубанском Мариинском Институте (упом. 1911 г.).

Отец: *Константы Венордин* – сельский обыватель.

Мать: *Анеля, урожд. Головня*.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5854; Ф. 482. Оп. 1. Д. 571. Л. 52об.; Оп. 2. Д. 245; Ф. 801. Оп. 1. Д. 122. Л. 149, 185об.; Д. 121(2). Л. 416об.; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 296. Л. 6, 42; Д. 296а. Л. 28; Д. 298. Л. 90; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 682, 838; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1914. 11 января. № 1201-8; Dziennik Cześćochowski. 1906. 12 grudnia. Nr 280; КК на 1900 г. Ек., 1899. С. 33, 85; КК на 1901 г. Ек., 1900. С. 34, 89; КК на 1902 г. Ек.,

1901. С. 45, 101; КК на 1903 г. Ек., 1902. С. 55; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 33; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 47; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 44; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 31; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 161; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 166; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 156; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 161; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 168; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 162; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 138; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 158; Протоколы заседаний Кубанского Краевого Правительства 1917–1920: сб. документов в 4-х т. / Под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2008. Т. 4. С. 311; Rocznik Towarzystwa Prawniczego w Lublinie na 1928 rok. Lublin, 1929. S. 6-7.

Вислоцкий, Евзебиуш Людвик Мирослав (Людвиг Болеславович) (1858 г.р.) – католик, из дворян Подольской губ. (род внесён в 3-ю часть Дворянской родословной книги Подольской губ.; определения Дворянского депутатского собрания 1857 и 1862 гг.).

Коллежский асессор (упом. 1894 г.), надворный советник (упом. 1898 г.), коллежский советник (с 1899 г.), статский советник (с 1902 г.).

В 1878 г. окончил Каменец-Подольскую мужскую гимназию. По окончании курса наук в Императорском Варшавском университете по юридическому факультету со степенью кандидата, поступил на службу в Варшавский окружной суд.

И.о. судебного следователя Майкопского участка Екатеринодарского окружного суда (с 1887 г.), и.о. судебного следователя 2-го Майкопского участка, не имеющий чина (упом. 1891 г.). Товарищ прокурора Екатеринодарского окружного суда в станице Баталпашинской (упом. 1894 г.), в Екатеринодаре (с 1894 г.).

Один из организаторов благотворительного бала в пользу Екатеринодарской римско-католической приходской школы в 1903 г.

Один из учредителей и действительных членов Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (с 1904 г.). В 1906 и 1907 гг. пожертвовал книги для библиотеки-читальни при обществе.

В 1904 г. во время выборов синдика Екатеринодарского костёла публично выступил против кандидатуры Д.-Г. Цыбульского (см.).

В 1897 г. был восприемником при крещении в Екатеринодарском костёле Ирены Целины – дочери потомственного дворянина, управляющего Екатеринодарским отделением Государственного банка статского советника Эмиля Яна Мауриция (Емелиана Ивановича) Никлевич и Зофьи Анны Александровны, урожд. Зелинской.

Выехал из Екатеринодара в 1907 г.

Супруга: *Ядвига, урожд. Кржимовская* – католичка, дочь дворянина Седлецкой губ. Александра Кржимовского.

Дочери: *Пелагея Ирена* (1889 г.р.) – родилась и крещена в Майкопе, её восприемниками были инженер, статский советник Константин Викентьевич Суходольский и супруга его Юзефина Станиславовна Суходольская. В 1906 г. окончила с золотой медалью 7-й класс Екатеринодарской Екатерининской городской женской гимназии.

Ванда Михалина (1894 г.р.) – родилась и крещена в Екатеринодаре, её восприемниками были прокурор Екатеринодарского окружного суда статский советник Виктор Карлович Раковский и Софья Ленс.

Халина Олимпия (1906 г.р.) – родилась и крещена в Екатеринодаре, её восприемниками были Григорий Иванович Киор-Оглы, Пеля Вислоцкая, Мечислав Вислоцкий и Ванда Вислоцкая.

Отец: *Захарий Болеслав (Болеслав Онуфриевич Иванович) Вислоцкий* – потомственный дворянин Подольской губ., перечислен из дворян Волынской губ.

Сестра: *Михалина Мария Виктория Вислоцкая*.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3809. Л. 26об.; Д. 3940. Л. 78об.; Д. 5912. Л. 72а; Ф. 482. Оп. 2. Д. 187. Л. 4об.; Ф. 801. Оп. 1. Д. 121(1). Л. 36об., 94об., 158об.; Д. 121(2). Л. 298об.; Черноморское побережье: газета экономическая, общественная и литературная. Контора и редакция: Новороссийск [газета]. 1904. 21 декабря. № 567; КСК 1891 г. Ек., 1891. С. 14; КСК 1894 г. Ек., 1894. С. 17; КК на 1898 г. Ек., 1898. С. 84; КК на 1899 г. Ек., 1899. С. 107; КК на 1900 г. Ек., 1899. С. 32; КК на 1901 г. Ек., 1900. С. 32; КК на 1902 г. Ек., 1901. С. 44; КК на 1903 г. Ек., 1902. С. 54; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 32; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 45; *Mamveev O.B.* Поляки Майкопа (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Wiadomości Polskie / Польские ведомости: Издание Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство»*. 2007. Приложение № 1(3); Отчёт Екатеринбургской, в г. Екатеринодаре, городской женской гимназии за двадцатипятилетний период её существования, с 14 сентября 1884 г. по 14 сентября 1909 г., в связи с современным её состоянием. Ек., 1910; Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу Подольской губернии. Каменец-Подольский, 1897. С. 145.

Витковский, Миколай Мечислав (Николай Мечислав Иванович) – католик, потомственный дворянин Подольской губ. (род внесён в 6-ю часть Дворянской родословной книги Подольской губ.; определение Дворянского депутатского собрания 1880 г.).

Титулярный советник (упом. 1903–1905 гг.), коллежский ассессор (упом. 1906–1910 гг.), надворный советник (упом. 1910–1914 гг.), коллежский советник (упом. 1915–1918 гг.).

В 1892 г. окончил Каменец-Подольскую губернскую мужскую гимназию.

Мировой судья 4-го участка Майкопского судебно-мирового округа (г. Майкоп) (упом. 1903–1910 гг.) и непременный член съезда мировых судей (упом. 1906–1910 гг.). Судебный следователь по важнейшим делам 3-го участка Баталпашинского отдела Кубанской обл., в ст. Невинномысской (упом. 1911–1912 гг.), затем – 2-го участка Екатеринодарского отдела Кубанской обл. (упом. 1913 г.), 1-го участка г. Екатеринодара (упом. 1914–1917 гг.), 1-го участка Черноморской губернии (упом. 1916 г.). Почётный мировой судья Екатеринодарского судебно-мирового округа (упом. 1917 г.).

Преподаватель законоведения Майкопского реального училища (упом. 1907–1910 гг.), затем – 2-го Екатеринодарского реального училища (упом. 1916 г.).

Член Майкопского общества народных университетов (упом. 1908 г.).

Член правления и секретарь Кубанского отдела Российского Общества покровительства животным (упом. 1914–1916 гг.).

С октября 1914 г. был членом комитета по сбору пожертвований пострадавшему населению Польши. В ноябре 1914 г. на его квартире

по ул. Борзиковская (ныне ул. Коммунаров) № 10 с 11 до 20 ч велась запись желающих принять участие в организации «Дня Польши» в Екатеринодаре.

В марте 1917 г. был избран представителем от польской общины города в Екатеринодарский гражданский комитет (его заместителем избран Антони Зубаревич).

13 апреля 1919 г. уволен со службы решением Совета Кубанского краевого правительствa, а 2 декабря 1919 г. по его прошению уволен с пенсией.

Супруга: *Юлия Витковская* – член комитета Екатеринодарского отделения ПОВЖВ (упом. 1915–1916 гг.).

Отец: *Ян (Иван Иосифович) Витковский* – потомственный дворянин Подольской губ.

Сёстры: *Эугения Витковская* – потомственная дворянка.

Богумила Пульхерия Витковская – потомственная дворянка.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5854; Оп. 2. Д. 4044. Л. 15; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 298. Л. 90об.; Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 22. Л. 16, 70; Кавказский календарь на 1909 г. Тифлис, 1908. С. 492, 494; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 682, 837; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1914. 9 ноября. № 1447-254; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 33; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 46; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 43, 68; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 35, 53; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 166, 189; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 171, 194; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 157; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 161; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 169; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 162, 292; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 139, 167; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 158, 175, 201; Протоколы заседаний Кубанского Краевого Правительствa 1917–1920: сб. документов в 4-х т. / Под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2008. Т. 2. С. 158; Т. 4. С. 9; Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу Подольской губернии. Каменец-Подольский, 1897. С. 195.

Городецкий, Александр (Александр Михайлович) (1864–1924) – католик.

Врач (упом. 1906–1910 гг.) и преподаватель гигиены 2-й Екатеринодарской женской гимназии (упом. 1912 г.); преподаватель гигиены Екатеринодарского епархиального женского училища (упом. 1906–1907 гг.).

Имел частную врачебную практику и вёл приёмы по женским (акушерство), детским и внутренним болезням в Екатеринодаре по адресам: ул. Посполитакинская № 66 (ныне ул. Октябрьская № 84) (упом. 1906–1909 гг.) и ул. Соборная (ныне ул. им. В.И. Ленина) № 66 (упом. 1910–1913 гг.), а также у себя дома (ул. Соборная № 29, ныне ул. им. В.И. Ленина № 39).

В 1911 г. стараниями А.М. Городецкого, Адама Антоновича Новицкого (1868 – после 1927) и Михаила Абрамовича Хацкелевича (1864–1928) в Екатеринодаре по ул. Гимназическая № 40 и ул. Котляревская (ныне ул. М. Седина № 50) был открыт родильный приют, а также лечебница с постоянными братьями (телефон № 643). В лечебнице консультировал известный хирург доктор медицины Исай Яковлевич Меерович. На базе лечебницы в 1921 г. был открыт первый советский родильный дом в Краснодаре (ныне здесь филиал родильного дома № 4).

А.М. Городецкий был первым председателем Правления Екатеринодарского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулёзом (упом. 1912 г.), лектором Народного университета в Екатеринодаре.

Член Кубанского медицинского общества (упом. 1917 г.).

Действительный член Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (упом. 1906–1908 гг.), получил это звание за безвозмездный приём больных, в качестве врача общества.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3940; Д. 4027; Ф. Р-1432. Оп. 3. Д. 37. Л. 2об., 3; Красное знамя [краснодарская газета]. 1924. 8 января. № 5; Кубанские областные ведомости [газета]. 1911. 6 декабря. № 258; 1912. 11 апреля. № 11; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1914. 11 января. № 1201-8; Новая жизнь: орган республиканской мысли; ежедневное издание В.Е. Шварева в г. Екатеринодаре [газета]. 1917. 11 (24) мая. № 20; День «Белой ромашки» в Екатеринодаре 20 апреля 1912 г. Ек., 1913. С. 33; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 63, 71, 133; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 50, 175; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 141, 185; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 144, 191; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 134; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 137, 187; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 141; *Бардадым В.П.* Открытки на память. Краснодар, 2005. С. 61–62; *Ионов Ю.В., Ионова А.Ю.* Из истории медицины Кубани. Краснодар, 2009. С. 113.

Гульбин, Ромуальд (Ромуальд Эдуардович) (1864–1926) – католик, предположительно происходил из рода Гульбин герба Грыф, утверждённого в дворянском достоинстве в Царстве Польском в 1852 г. и записанного в Дворянские родословные книги Ковенской губ.

Коллежский советник (упом. 1902–1910 г.), статский советник (с 1910 г.).

В 1888 г. окончил Санкт-Петербургский университет по разряду математических наук со степенью кандидата и поступил на службу в Государственный банк. Значительную часть службы провёл в Тифлисском отделении (конторе) банка, где занимал должность старшего контролёра, а в 1902–1914 гг. – управляющий Екатеринодарским отделением Госбанка.

Почётный мировой судья Екатеринодарского судебно-мирового округа (упом. 1903–1908 гг.).

Член Кубанского областного комитета по делам мелкого кредита (упом. 1909–1915 гг.), член Кубанского областного комитета попечительства о народной трезвости (упом. 1906–1915 гг.).

В ноябре 1905 г. стал казначеем редакционной комиссии екатеринодарской организации партии октябристов.

Действительный член Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (упом. 1906–1908 гг.).

С октября 1914 г. был членом комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавшего от военных действий населения Польши и одним из наиболее активных организаторов «Дня Польши» в Екатеринодаре (21–22 ноября 1914 г.). Он фактически возглавил местное польское сообщество.

С декабря 1914 г. управляющий Ростовской конторой Госбанка. В декабре 1919 г. при наступлении Красной армии на Ростов-на-Дону

был вынужден эвакуироваться в Новороссийск вместе со всем руководством Ростовской конторы и Экспедицией по изготовлению денежных знаков, созданной в конце 1917 г. по инициативе Донского войскового правительства.

Умер предположительно в Варшаве.

Супруга: *Алиса Александровна*.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3940; Д. 4027; Д. 6203. Л. 84, 95; Кубанские областные ведомости [газета]. 1915. 23 января. № 18; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1914. 31 октября. № 1438-245; 14 ноября. № 1451-258; 21 ноября. № 1457-264; 23 ноября. № 1458-265; КК на 1903 г. Ек., 1902. С. 61; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 33, 40; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 46, 53; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 46, 53; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 43, 52, 91; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 35, 42; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 156, 158, 169; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 164, 174; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 152, 154, 164; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 155, 157, 168; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 162, 164, 178; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 156, 158, 173; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 133, 135, 150; *Карпетян Л.А.* Партия октябристов на Кубани в начале XX в. // *Голос минувшего: Кубанский исторический журнал*. 1997. № 2. С. 21; *Rodzina: Herbarz szlachty polskiej / Oprac. S. Uruski*. Warszawa, 1908. T. V. S. 54.

Козловский, Генрик (Генрих Генрихович) (ок. 1857–1913) – католик, потомственный дворянин Вольнской губ.

Купец, управляющий ряда кубанских нефтепромыслов, один из первых организаторов нефтяного дела на Кубани.

Плательщик Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета (упом. 1909–1913 гг.).

Член Общества любителей изучения Кубанской обл. (с 1899 г.).

В 1901 г. Х. Козловский, по представлению обер-прокурора Синода, за заслуги по духовному ведомству награждён орденом Св. Станислава 3-й степени.

Действительный член Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (упом. 1906–1908 гг.)²⁶.

Проживал в Екатеринодаре в 1-й части по ул. Крепостная № 8 (ныне ул. им. А.С. Пушкина) / Посполитакинская (ныне ул. Октябрьская) № 25 (в 1901 г. стоимость дома оценивалась в 5600 р, в 1905 г. – 4700 р, в 1912 г. – 20 500 р). Впоследствии стал хозяином соседних домов по ул. Крепостная № 7 (в 1912 г. стоимость дома оценивалась в 6000 р) и Крепостная № 11 (в 1912 г. стоимость дома оценивалась в 25 500 р).

²⁶ Возможно, что действительным членом Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным был другой Козловский – Теофил. Путаница вызвана тем, что в отчётах общества не указаны инициалы.

Теофил (Феофил Павлович) Козловский (ок. 1846–1911) – католик, потомственный дворянин Вольнской губ. Житомирского уезда. Сын Павла Яна Ежи Козловского. Коллежский регистратор (упом. 1874–1878 гг.), отставной титулярный советник (упом. 1896 г.). Столоначальник Екатеринодарской городской думы (упом. 1874–1876 гг.), младший делопроизводитель Войскового хозяйственного правления ККВ (упом. 1878 г.). Умер в Екатеринодаре и погребён на Всесвятском кладбище. Был женат на Екатерине Гавриловне Козловской, православной. Имел от неё сына Павла (1896 г.р.), крещённого по православному обряду. Брат Т. Козловского: *Константы Козловский* был женат на Анне Ильиничне Козловской, православной, от которой в Екатеринодаре в 1917 г. родилась дочь Людмила, крещённая по православному обряду. См.: ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 41. Л. 119об., 120; Д. 199. Л. 110об., 12; Д. 120. Л. 203об.; ПККО на 1874 г. Ек., 1873. С. 36; ПККО на 1875 г. Ек., 1875. С. 40; ПККО на 1876 г. Ек., 1876. С. 36. С. 53; ПККО на 1878 г. Ек., 1878. С. 95.

Умер во французском курортном г. Ментоне на Лазурном берегу Средиземного моря. Погребён на Всесвятском кладбище ксёндзом Иоанном Рот. До наших дней сохранился совместный памятник Х. Козловскому и пока неизвестной Александре Матвеевне Козловской с надписью на русском языке.

В 1916 г. его наследники владели домами в Екатеринодаре в 1-й части на ул. Крепостная № 8 / Пospолитакинская № 25 (стоимость 25 000 р) и в 3-й части города по ул. Борзиковская (ныне ул. Коммунаров) № 130 (стоимость 2640 р).

Супруга: *Таисия Семёновна* – православная.

Дети: *Владимир* – православный.

Валериан – православный.

Таисия – православная, супруга Чумакова.

Александра – православная.

Валентина (ок. 1897 г.р.) – православная. Супруга персидско-подданного Ашота (Аведа) Аваговича Аведова (ок. 1889 – 1935), армяно-григорианского исповедания. Венчание в 1916 г. по православному обряду (поручители по жениху: персидско-подданный Месран Мосесович Мусесов и гласный Екатеринодарской городской думы, потомственный почётный гражданин Елеазар Тимофеевич Каракай; поручители по невесте: знаменитый казачий историк, титулярный советник Феодор Андреевич Щербина и потомственный гражданин Гарегян Харенович Карганьянц). А.А. Аведов эмигрировал в Германию и умер в Берлине.

ГАКК. Ф. 449. Оп. 1. Д. 46; Ф. 454. Оп. 2. Д. 3940; Д. 4027; Ф. 801. Оп. 1. Д. 120. Л. 228; Д. 198. Л. 55об.; Кубанские областные ведомости [газета]. 1901. 8 июня. № 122; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1913. № 16, 24; Екатеринодарские городские избиратели 1901 г. Ек., 1901. С. 10; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборы гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1905–1909. С. 18; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1912–1916, по 1-му избирательному участку (1-я полицейская часть). Ек., 1912. С. 8; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1916–1920 гг. по 1-му участку. Ек., 1916. С. 7; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 157; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 163; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 153; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 156; КК на 1913 год. Ек., 1913. С. 163.

Крайовский-Кукель, Станислав Адам (Станислав Собеславович) (ок. 1875 г.р.) – католик, родом из г. Ошмяны Виленской губ.

Коллежский секретарь (упом. 1906–1910 гг.), титулярный советник (с 1910 г.), коллежский асессор (с 1911 г.), надворный советник (упом. 1916–1917 гг.).

В 1901 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

Мировой судья 5-го участка (в ст. Отрадной) (упом. 1906–1910 гг.) и 1-го участка (упом. 1911–1918 гг.) Майкопского судебно-мирового округа, непрременный член съезда мировых судей (упом. 1911–1918 гг.).

Один из инициаторов строительства римско-католического костёла в Майкопе (построен в 1914 г.).

Председатель Майкопского отделения ПОВЖВ и Майкопского комитета Всероссийского Союза земств и городов помощи беженцам (упом. 1917 г.).

В 1921 г. был записан вместе с женой, дочерью и сыном в список граждан, желающих выехать в Литву. В Майкопе проживали по ул. Мещанская (ныне Крестьянская) № 144.

Супруга: *Мария (Мария Людомировна) Крайовская-Кукель* (ок. 1886 г.р.) – католичка.

Дети: *Камилла* (ок. 1909 г.р.) – католичка.

Эдуард (ок. 1910 г.р.) – католик.

ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 450. Л. 145об.; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 298. Л. 106; Майкопское эхо [газета]. 1917. 19 января. № 15; 21 января. № 17; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 688; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 43; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 35; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 166; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 171; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 161; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 164; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 174; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 169; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 146; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 164; *Матвеев О.В.* Поляки Майкопа (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Wiadomości Polskie / Польские ведомости: Издание Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство».* 2007. Приложение № 1 (3).

Людкевич, Хермоген (Гермоген Михайлович) (ок. 1827–1900) – католик, потомственный дворянин Ковенской губ. Поневежского уезда.

В 1877 г. основал в 1-й части Екатеринодара крупное пивоваренное предприятие «Старая Бавария» (ул. Соборная № 62 / Насынная № 45; ныне ул. Ленина № 72/2), на котором один мастер вместе с шестью рабочими производили до 6000 вёдер пива на сумму 9000 р. В настоящее время от пивоварни сохранилась лишь постройка солодовенного цеха. Х. Людкевич владел складами в станицах Усть-Лабинская, Кореновская, Славянская и пос. Бейсуг.

В 1882 г. совместно с братом Каролом открыл в Екатеринодаре (на правах полного товарищества) торговый дом «Пивоваренный завод братьев Людкевич» для пивоварения и торговли пивом по Кубанской обл. (главная контора была в Екатеринодаре, складочный капитал товарищества 10 000 р).

Умер Х. Людкевич 10 марта 1900 г. в Екатеринодаре от порока сердца и 11 марта был похоронен ксендзом Варфоломеем Миколаюнасом на Всесвятском кладбище рядом с дочерью Михалиной (умерла 4 марта того же года), вскоре рядом похоронили и его младшую дочь Ванду (умерла 12 сентября того же года). Могильный памятник Х. Людкевичу и его дочерям с надписью на польском языке сохранился до наших дней, однако в испорченном виде: его снесли и использовали для изготовления памятника секретарю Краснодарского горкома компартии по промышленности Марку Апкаровичу Попову (1906–1942), одному из зачинателей партизанского движения на Кубани, погибшему под Краснодаром в ходе боевой операции.

Супруга: *Олимпия Роберта, урожд. Шанявская* (ум. после 1916 г.) – католичка, дочь дворянина Минской губ. Михала Шанявского. С дочерью Марией была сонаследницей пивоваренного завода «Старая Бавария» (в 1901 г. его стоимость оценивалась в 18 400 р, в 1905–1908 гг. – 34 310 р, в 1912 г. – 196 080 р). В 1914 г. на заводе было 55 рабочих, годовой оборот 150 000 р, производилось пиво, минеральные и фруктовые воды (111 000 вёдер). Арендатором завода был дворянин Владислав Михайлович Шанявский (брат О.-Р. Людкевич).

О.-Р. Людкевич совместно с дочерью владела также домами по ул. Почтовая (ныне ул. Постовая) № 25 (в 1901 г. его стоимость оценивалась в 1600 р, в 1905–1908 гг. – 1500 р, в 1912 г. – 8000 р, в 1916 г. – 14 500 р), а также по ул. Графская (ныне ул. Советская) № 20 / ул. Рашилевская № 12 (в 1905 г. его стоимость оценивалась в 3760 р; в 1908 г. он уже принадлежал Аполонии Людкевич (см.)), ул. Базарная (ныне ул. им. С. Орджоникидзе) № 63 (стоимость дома в 1912–1916 гг. оценивалась в 6150 р) и имели собственный дом на ул. Соборная (ныне ул. им. В.И. Ленина).

Одна из учредительниц Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (1904 г.).

В 1897 г. была восприемницей при крещении в Екатеринодарском костёле Зофьи – дочери дворянина, младшего врача Псекупской войсковой больницы ККВ Станислава Игнатьевича Воронович и Виктории Карловны, урожд. Людкевич; в 1912 г. была восприемницей при крещении в Екатеринодарском костёле своей внучки – Янины Зофьи Арцишевской.

Дети: *Михалина* (1882–1900) – родилась и крещена в Екатеринодаре, её восприемниками были дворянин Мечислав Михайлович Шанявский и Мария Петровна Виноградская. Умерла в Екатеринодарской городской богадельной больнице от дифтерита и погребена ксёндзом Варфоломеем Миколаюнасом на Всесвятском кладбище.

Мария (1884 г.р.) – родилась и крещена в Екатеринодаре, её восприемниками были старший врач Екатеринодарского местного батальона Юзеф Александрович Опенховский и Стефания Гродицкая. Супруга дворянина Виленской губ. Теобальда Альфонса Адамовича Хенриковича Владиславовича Арцишевского (Арцишевского) (1883–1918), который был членом-сотрудником Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (упом. 1906–1907 гг.). Он погиб 5 февраля 1918 г. в поезде на пути между ст. Усть-Лабинской и Ладожской от огнестрельной раны и погребён 7 февраля 1918 г. ксёндзом Владиславом Селяевой на Всесвятском кладбище (ещё в середине 1970-х гг. на его могиле сохранялась плита с надписью на польском языке). Венчание в 1909 г. в Екатеринодарском костёле (свидетелями были Владислав Шанявский и Леон Арцишевский). У них две дочери: Янина Зофья (1912 г.р.) и Халина Олимпия (1913 г.р.).

Согласно списку избирателей 1916 г. М. Людкевич (названа казначейкой) проживала в 1-й части Екатеринодара по ул. Пластуновская (ныне ул. им. И.И. Янковского) № 7 (стоимость дома оценивалась в 14 000 р), а её муж – Т. Арцишевский – проживал по ул. Динская (ныне ул. им. С.А. Леваневского) № 23 (стоимость дома – 45 600 р).

Ванда (1886–1900). Родилась в Екатеринодаре и крещена в местном костёле в 1887 г., её восприемниками были Валентин Викентьевич Клаус и Амелия Вильгельмовна Лир. Умерла в Екатеринодаре и погребена ксёндзом Иосифом Канумовым на Всесвятском кладбище.

В 1921 г. Мария Гермогеновна Арцишевская была записана вместе с дочерьми Яниной (10 лет) и Халиной (7 лет), а также сиротой на её попечении Антониной Мечиславовны Реутт (15 лет)²⁷ в список граждан, желающих выехать в Польшу (они были записаны как выходцы из Кубанской обл., проживающие в Екатеринодаре по ул. Старокубанской в доме Москвича).

Отец: *Михал Людкевич* – католик, потомственный дворянин Ковенской губ.

Мать: *Агата, урожд. Бломгоф*.

Брат: *Кароль Людкевич* (ок. 1826 г.р.) – католик, потомственный дворянин Ковенской губ.

Капитан Кубанской крепостной артиллерии (упом. 1869–1873 гг.), заведующий Усть-Лабинским артиллерийским складом (упом. 1871–1873 гг.). Вышел в отставку майором (до 1880 г.), проживал в ст. Усть-Лабинской.

В 1880 г. заочно был восприемником при крещении в ст. Ладовской (Ладожской) Людвики – дочери есаула ККВ Константы Яновича Раковского и Октавии Вацлавовны, урожд. Аксентович.

Его супруга: *Аполония, урожд. Вильковская* (ок. 1850–1914) – дочь потомственного дворянина Станислава Вильковского и Хелены, урожд. Милевской. Венчание в 1869 г. в Екатеринодаре (свидетелями были есаул 23-го конного полка ККВ Константы Раковский и и.о. бригадно-го врача 6-й бригады ККВ коллежский ассессор Иван Тъери (Тиери)).

В 1873 г. была восприемницей при крещении в Екатеринодаре Ядвиги (1872 г.р.) – дочери медика Усть-Лабинского военного госпиталя, надворного советника, дворянина Юзефа Тальмонда и Гонораты, урожд. Каленкевич; в 1880 г. стала восприемницей при крещении в ст. Усть-Лабинской Мечислава Владислава – сына капитана, воинского начальника Усть-Лабинской местной команды Антона Чекотовского и Стефании, урожд. Славинской.

А. Людкевич была одной из учредительниц и действительных членов Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (с 1904 г.).

В Екатеринодаре владела домом в 1-й части по ул. Графская (ныне ул. Советская) № 20 / ул. Рахпилевская № 12 (в 1908 г. его стоимость оценивалась в 3760 р, в 1912 г. – 7940 р): видимо получила его от Олимпии Людкевич и её дочери. В 1916–1917 гг. по адресу: ул. Рахпилевская № 12 располагалось Екатеринодарское отделение ПОВЖВ.

Умерла 25 ноября 1914 г. в Петрограде и 28 декабря была похоронена ксёндзом Иоанном Рот на Всесвятском кладбище в Екатеринодаре.

Дети Кароля и Аполонии Людкевич:

Северина Валерия (1871 г.р.) – родилась в ст. Усть-Лабинской и крещена в Екатеринодарском костёле, её восприемниками были лекарь Усть-Лабинского военного госпиталя, коллежский ассессор Юзеф Тальмонд и супруга есаула Северина Терашкевич.

²⁷ Скорее всего, это та же Антонина Реутт, записанная в указанном списке вместе с Юстиной Реутт (см. это имя). Хотя есть путаница в возрасте, что было характерно для подобных списков, составлявшихся из руки впопыхах.

Мариан Кароль (1873 г.р.) – родился в ст. Усть-Лабинской и крещён в Екатеринодарском костёле, его восприемниками были старший врач Таманского полка ККВ надворный советник Иван Тъери (Тиери) и супруга войскового старшины Северина Терашкевич.

Виктория Агата (ок. 1876 г.р.) – супруга дворянина, младшего врача Псекупской войсковой больницы (упом. 1896, 1897 гг.), младшего врача Ставропольского местного лазарета (упом. 1901 г.) Станислава Игнатъевича Вороновича (ок. 1870 г.р.). Венчание в 1896 г. в Екатеринодарском костёле, на котором свидетелями были Францишек Добровольский и Владислав Буковский. Их дети: Зофья (1897 г.р.), Владислав (1899 г.р.), Виктор (1901 г.р.) и Эдвард (1902 г.р.).

Витольд Фабиан (1880 г.р.) – родился и крещён в ст. Усть-Лабинской, его восприемниками были главный врач Усть-Лабинского госпиталя статский советник Стефан Смолинский и Олимпия Каменцкая.

Наталья (1882 г.р.) – родилась в ст. Усть-Лабинской и крещена здесь же в 1883 г., её восприемниками были коллежский советник Юзеф Юзефович Серафинович и дворянка Эугения Юзефовна Корбуш. В 1901 г. окончила 7-й класс Екатеринодарской Екатерининской городской женской гимназии. Супруга военного ветеринарного врача (упом. 1907 г.), коллежского асессора (упом. 1911 г.) Яна Яновича Добржанского. Венчание в 1907 г. в Екатеринодарском костёле (свидетелями были Винценты Перепечко и ксёндз Дионисий Калатозов). Их сын: Юзеф Гжегож (1911 г.р.). В 1899 г. Н. Людкевич была восприемницей при крещении в Екатеринодарском костёле своего племянника Владислава Вороновича.

Валентина Гельтрудо (1885 г.р.) – родилась и крещена в ст. Усть-Лабинской, его восприемниками были Казимеж Казимирович Мисюревич и Хелена Карловна Чекотовская. В 1902 г. окончила 7-й класс, а в 1904 г. 9-й класс Екатеринодарской Екатерининской городской женской гимназии. Супруга дворянина Минской губ., почётного мирового судьи Майкопского отдела, действительного члена Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (упом. 1906–1907 гг.) Юзефа Антоновича Дземьяновича (1876 г.р.). Венчание в 1916 г. Была восприемницей при крещении в Екатеринодарском костёле своих племянников: Владислава Вороновича в 1899 г., Виктора Вороновича в 1901 г. и Юзефа Гжегожа Добржанского в 1911 г.

Эдмунд – инженер-технолог, преподаватель математики Кубанского Александровского реального училища (упом. 1909 г.). В 1897 г. был восприемником при крещении в Екатеринодарском костёле своей племянницы Зофьи Воронович.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3809. Л. 26об.; Д. 3940; Д. 4027; Ф. 482. Оп. 2. Д. 347; Ф. 801. Оп. 1. Д. 119. Л. 156об., 175об., 176, 202, 206об., 207, 222, 223, 237, 240; Д. 120. Л. 102, 102об., 104об.; Д. 121(1). Л. 14, 146об., 204, 223об., 250; Д. 121(2). Л. 423, 464об., 533; Д. 122. Л. 41, 97об., 145об., 154; Д. 329. Л. 17об., 68об.; Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 450. Л. 66об.; Кубанские областные ведомости [газета]. 1882. № 30. С. 1; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 115; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 159; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 184; КК на 1914 год. Ек., 1914. С. 298; КК на 1916 год. Ек., 1916. С. 273; Екатеринодарские городские избиратели 1878 г. Ек., 1878; Екатеринодарские

городские избиратели 1901 г. Ек., 1901. С. 13; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборы гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1905–1909. С. 23; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1908–1912 гг. по 1-му избирательному участку (1-я полицейская часть). Ек., 1908. С. 10; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1912–1916, по 1-му избирательному участку (1-я полицейская часть). Ек., 1912. С. 10, 19; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1916–1920 гг. по 1-му участку. Ек., 1916. С. 1, 9; Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья / Сост. и изд. М.С. Шапсович. Баку, 1914. С. 42; *Mamveev O.B.* Поляки Майкопа (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Wiadomości Polskie / Польские ведомости: Издание Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство».* 2007. Приложение № 1(3); Отчёт Екатеринбургской, в г. Екатеринодаре, городской женской гимназии за двадцатипятилетний период её существования, с 14 сентября 1884 г. по 14 сентября 1909 г., в связи с современным её состоянием. Ек., 1910.

Мазарек, Адам (Адам Петрович) (1858 г.р.) – католик, из мещан.

В 1890 г. окончил полный курс наук в Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии со степенью магистра богословия.

Помощник секретаря Елисаветпольского окружного суда в 1890–1891 гг. Кандидат на судебные должности при Шушинском мировом отделе, заведующий Гиндархским следственным участком в 1891–1895 гг. Заведующий Геранским следственным участком Елисаветпольского окружного суда в 1895–1897 гг. Помощник мирового судьи Елисаветпольского городского отдела и заведующий Елисаветпольским городским следственным участком сверх прямых своих обязанностей в 1895–1896 гг.

Судебный следователь 3-го участка Баталпашинского отдела Кубанской обл. Екатеринодарского окружного суда (ст. Отрадная и Невинномысская) в 1897–1902 гг. Нотариус селения (с 1914 г. – города) Армавир Кубанской обл. в 1902–1918 гг.

Квартира и нотариальная контора А. Мазарека располагались в доме братьев Рудневых на углу Николаевского проспекта и ул. Почтовой (ныне угол ул. С.М. Кирова № 51 и В.И. Ленина № 105). 22 октября 1905 г. они были разгромлены черносотенной толпой, но в том же году квартира и контора были восстановлены. Дом семьи Мазарек был своеобразным «идейным центром» армавирских поляков.

А. Мазарек был гласным первой Армавирской городской думы (упом. 1915–1916 гг.).

Приказом Кубанского краевого правительства от 22 июня 1919 г. уволен с должности нотариуса г. Армавира с 29 марта 1919 г. Причиной

увольнения стала неявка на службу в срок в течении более чем 4-х месяцев по окончании разрешённого ему до 29 ноября 1918 г. отпуска и не представлении никаких оправдательных документов.

Чина и имений не имел (упом. 1912 г.).

Член Общества попечения о детях и Общества пособия бедным в Армавире. Член правлений Армавирского римско-католического общества пособия бедным и Кассы служащих (с 1912 г.). Член правления Армавирского ПОВЖВ (с 1915 г.).

Награждён серебряной медалью на Александровской ленте в память царствования императора Александра III (1896 г.).

Супруга: *Теодозия Антоновна, урожд. Хилинская* – католичка. В первом браке Богущкая, имела от этого супружества двух дочерей: *Хелену* (1882 г.р.) и *Адель* (1884 г.р.). Овдовела. Вступила во второй брак с А. Мазарекон, от которого также родила двух дочерей.

Т. Мазарек была членом правлений Армавирского римско-католического общества пособия бедным и Кассы служащих (с 1912 г.), председателем Армавирского отделения ПОВЖВ (с 1915 г.).

Дочери: *Ирена* (1890 г.р.) – католичка.

Станислава Германа Алина (1895 г.р.) – католичка.

ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 571. Л. 58об.; Оп. 2. Д. 847; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 298. Л. 92об.; Кубанские областные ведомости [газета]. 1902. 5 июня. № 118. С. 1; 1 августа. № 165. С. 4; КК на 1898 г. Ек., 1898. С. 83; КК на 1899 г. Ек., 1899. С. 105; КК на 1900 г. Ек., 1899. С. 30; КК на 1901 г. Ек., 1900. С. 30; КК на 1902 г. Ек., 1901. С. 42; КК на 1903 г. Ек., 1902. С. 53; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 31; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 44; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 40; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 33; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 163; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 168; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 158; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 162; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 170; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 165; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 141; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 159, 164; *Ктиторов С.Н.* Польская диаспора досоветского Армавира // Поляки в России: история и современность / Отв. ред. А.И. Селицкий. Краснодар, 2007. С. 185–187; *Матвеев О.В.* Поляки в рядах кубанского нотариата // Там же. С. 190–192.

Малиновский, Владислав (Владислав Михайлович) (ок. 1872 г.р.) – католик, мещанин г. Свенцяны Виленской губ.

В 1890 г. окончил с золотой медалью курс 1-й Виленской гимназии.

Один из помощников бухгалтера (упом. 1909–1912 гг.), а затем один из директоров 1-го Екатеринодарского общества взаимного кредита (упом. 1913–1919 г.). В 1917 г. переизбран в члены правления этого общества.

С 1 марта 1919 г. владельцем активов и пассивов 1-го Екатеринодарского общества взаимного кредита и Кубанско-Черноморского банка Обществ взаимного кредита в г. Екатеринодаре стал вновь созданный Кубанско-Черноморский банк и В. Малиновский вошёл в состав правления этого банка.

С октября 1914 г. был членом комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавшего от военных действий населения Польши.

В ноябре 1914 г. в 1-м Екатеринодарском обществе взаимного кредита с 9 до 14 ч велась запись желающих принять участие в организации «Дня Польши» в Екатеринодаре.

Казначей Екатеринодарского отделения ПОВЖВ (упом. 1915–1916 гг.).

В 1916 г. проживал в Екатеринодаре по ул. Ставропольская № 74.

В. Малиновский был восприемником при крещении в Екатеринодарском костёле: в 1899 г. Станислава Винценты – сына дворянина Волынской губ. Петра Юзефовича Лесецкого и Чеславы Симеоновны, урожд. Скорачинской; в 1910 г. Павла – сына дворянина Виленской губ. Антония Клечковского и Юзефы, урожд. Юшкевич; в 1916 г. Владислава – сына крестьянина Люблинской губ. Юзефа Гох и Розалии, урожд. Кашак. В 1908 г. он был поручителем по невесте на венчании по православному обряду сестры его супруги – Ядвиги Янковской и Николая Годзевич.

В 1921 г. был записан вместе с женой, двумя дочерьми, сыном, тещей и сестрой жены в список граждан, желающих выехать в Польшу (тогда они проживали в Екатеринодаре в доме Буковских по ул. Новая № 75).

Супруга: *Наталия, урожд. Янковская* (ок. 1878 г.р.) – католичка, дочь дворянина Витебской или Минской губ. Казимежа Янковского (ок. 1834–1889), работавшего техником-строителем при постройке Владикавказской ж.д., и Алины Аполинарьевны, урожд. [Рык] (ок. 1845–1924), работавшей учительницей музыки и пения. Венчание Малиновских в 1901 г. состоялось в Екатеринодарском костёле (свидетелями были [Константин Гнусик] и Гжегож Голуб).

Н. Малиновская была членом Екатеринодарского отделения ПОВЖВ (упом. 1915–1916 гг.).

В 1916 г. она была восприемницей при крещении в Екатеринодарском костёле Людвика – сына крестьянина Калишской губ. Зыгмунта Станислава Соколовского и Хелены, урожд. Зубрович.

Её старшая сестра – *Катажина Янковская*;

её младшая сестра – *Ядвига Казимера Янковская* (1880 г.р.) – родилась в Пятигорске Терской обл. С 1908 г. супруга студента Института инженеров путей сообщения Александра I Николая Фёдоровича Годзевич (ок. 1885 г.р., умер до 1923 г.), православного. Венчание прошло по православному обряду. В 1923–1925 гг. заведующая Польской школы № 30 г. Краснодара. У неё два сына: Юрий (Георгий) Николаевич Годзевич (1909 г.р.) и Игорь Николаевич Годзевич (1913–1993) – ветеран Великой Отечественной войны, доцент, заведующий кафедрой строительной механики Краснодарского политехнического института (с 1970 г.).

Дети Малиновских: *Янина* (1902 г.р.) – родилась и крещена в Екатеринодаре, её восприемниками были Лонгин Климашевский и её тётка Ядвига Янковская.

Алина Ирена (1904 г.р.) – родилась на станции Тоннельной Владикавказской ж.д. и крещена в Екатеринодарском костёле, её восприемниками были Михал Рукк и её тётка Ядвига Янковская, свидетель: Казимеж Ревера.

Хенрик Казимеж (1907 г.р.) – родился и крещён в Екатеринодаре, его воспитателями были Григорий Иванович Киор-Оглы и его тётка Ядвига Казимера Янковская.

Отец: *Михал Малиновский* – католик, мещанин г. Свенцяны Виленской губ.

Мать: *Хелена, урожд. Менчинская* – католичка.

Сестра: *Аделаида* (ок. 1868 г.р.) – католичка. В первом браке супруга Зубревича. Овдовела. В 1913 г. вступила в брак во второй раз с дворянином Киевской губ. Антони Валерианом Вилинским (ок. 1861 г.р.), вдовцом. Венчание прошло в Екатеринодарском костёле, свидетелями были Витольд Зборовский и Винценты Станкевич.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5854; Ф. 801. Оп. 1. Д. 120. Л. 47об.; Д. 121(1). Л. 214, 245об., 276об.; Д. 121(2). Л. 325об., 407об., 567, 569об.; Д. 122. Л. 123об., 173; Д. 144. Л. 100об., 101; Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 450. Л. 89об.; Ф. Р-365. Оп. 3. Д. 155; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 298. Л. 117; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1914. 9 ноября. № 1447-254; Листок войны: ежедневное издание в г. Екатеринодаре [газета]. 1917. 22 июня. № 997; Утро Юга: ежедневная литературная, общественно-политическая и экономическая газета. 1919. 17 (30) марта. № 62-90. С. 1; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 170; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 175; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 165; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 171; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 181; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 176; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 153; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 168.

Мальгерб, Ян Августин (Иван Клементьевич) (1862–1938) – католик, родился в Киеве в семье французских подданных с польскими корнями (*франц. Malherbe, польск. Materb*). Известный кубанский архитектор, все постройки которого отличались красотой и добротностью.

Окончил Киевское реальное училище. В 1881 г. поступил в Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров и с отличием окончил его в 1888 г. Ещё будучи студентом проходил практику в Одессе и принимал участие в постройке здесь оперного театра (1887 г.). В 1889 г. в Одессе приведён «к присяге на подданство России». С 1890 г. работал в Одессе с епархиальным архитектором А.Д. Тодоровым, а с 1893 г. помощником одесского инженера А.И. Бернардацци, участвуя в разработке проекта и постройке здания Новой купеческой биржи (ныне Одесская филармония) (освящено в 1899 г.). В 1895–1896 гг. – городской архитектор Феодосии. В 1896–1903 гг. – городской архитектор Екатеринодара, гражданский инженер, а затем стал «свободным художником». В 1911 г. был прикомандирован к Строительному отделению Кубанской обл.

В 1914 г. принимал заказы на составление строительных проектов, смет и технический надзор в Екатеринодаре в доме по ул. Крепостная (ныне ул. им. А.С. Пушкина) № 26 (около Епархиального женского училища, телефон № 713).

По его проектам были возведены Екатеринодарский городской общественный банк на ул. Карасунской (ныне Приёмная Президента РФ в Краснодарском крае) (1900 г.), Кубанское областное правление (ныне роддом № 4) (1902 г.), Троицкая войсковая церковь (1899–1910 гг.),

Свято-Екатерининский Семипрестольный собор (1900–1914 гг.)²⁸, школа в станице Брюховецкой (1904 г.), церковь в станице Новождерлиевской (1906 г.), 3-этажный дом Армянского благотворительного общества на ул. Красной (ныне Краевая научная библиотека им. А.С. Пушкина) (1911 г.), 4-этажное здание Екатеринодарского коммерческого училища (ныне Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма) (1913 г.), здание Екатеринодарского почтамта (1915 г.), Краснодарской районной электростанции и многие другие.

Член Екатеринодарского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулёзом (упом. 1912 г.).

После 1917 г. служил инженером по дорожной части в Ставропольском земстве, в 1918–1919 гг. заведовал дорожным отделом в ревкоме г. Сочи. В 1920 г. вернулся в Екатеринодар, где занимался гражданским строительством, проводил государственный учёт исторических памятников Кубани, читал лекции в Краснодарском инженерно-строительном институте. С 1929 г. – архитектор Кубанского сельскохозяйственного института: построил главный корпус (1933 г.), студенческое общежитие, был ответственным руководителем по техническим работам (1934 г.). С 1935 г. – член Союза советских архитекторов.

Один из учредителей и действительный член Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (с 1904 г.). Бескорыстно руководил строительством церковно-приходской школы при Екатеринодарском костёле, за что 6 декабря 1909 г. общее собрание прихожан-католиков выразило ему благодарность.

В 1902 г. был свидетелем на свадьбе своего друга дворянина Ковенской губ., техника Виталиса (Виталия Ивановича-Севериновича) Жарчинского и Хелены, урожд. Костриц.

Умер в Краснодаре и похоронен на Всесвятском кладбище. На его могиле стоит скромный обновлённый памятник с надписью на русском языке и православным крестом.

С 1995 г. одна из новых улиц Краснодара носит имя И.К. Мальгерба.

Супруга: 1) *Мария Францевна, урожд. Келлер* (ок. 1867 г.р.) - католичка. Венчались в 1887 г. в местечке Белая Церковь Киевской губ. Официальный развод в 1921 г. Оставила фамилию мужа и жила в Краснодаре на его иждивении. В 1929 г. была лишена избирательных прав, как «прибегающая к наёмному труду».

2) *Анна Миновна, урожд. Безуглая* (1890–1942) – православная, уроженка г. Херсона. Официально их брак был зарегистрирован в 1921 г. (фактически с 1911 г.).

Дети (от 1-го брака):

Станислава (1896 г.р.) – родилась в Екатеринодаре и крещена в 1897 г. в Екатеринодарском костёле, её воспитательницами были дворянин Виталис (Виталий Иванович-Северинович) Жарчинский и французская гражданка Юзефина (Юзефина Фадеевна) Мальгерб.

²⁸ В отличие от точки зрения известного краеведа В.П. Бардадыма, современный краснодарский исследователь В.В. Бондарь считает, что И.К. Мальгерб не был автором проекта, а только составил смету, сделал инженерные расчёты и руководил строительными работами по возведению Свято-Екатерининского собора.

(?) *Владислав* (ок. 1900–1913) – предположительно сын Я.-А. Мальгерба. Умер в Екатеринодаре и погребён на Всесвятском кладбище ксёндзом Иоанном Рот. До наших дней на его могиле сохранился памятник с надписью на польском языке.

Ванда (1902 г.р.) – родилась и крещена в Екатеринодаре, её воспитательницами были дворянин Виталис Жарчинский и Юзефина Мальгерб.

Мария (1907 г.р.) – родилась в ст. Каневской Кубанской обл. и крещена в 1908 г. в Екатеринодарском костёле, её воспитательницами были дворянин Виталис Жарчинский и Юлия Даниловна Цыбульская.

Дети (от 2-го брака):

Вера (1911 г.р.) – православная.

Евгений (1913–1998) – православный. Работал строителем.

Отец: *Клеменс Мальгерб* – надворный советник. Уехал в Париж, где и погиб в марте 1871 г. на баррикадах как убеждённый коммунар.

Мать: *Бронислава Мальгерб*.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3809. Л. 26; Д. 3940. Л. 79; Ф. 801. Оп. 1. Д. 120. Л. 228; Д. 121(1). Л. 137, 251об.; Д. 121(2). Л. 360об.; Д. 122. Л. 125об.; Новая Заря: ежедневная политическо-литературная, общественная газета Кубанско-Черноморского края [газета]. 1909. 12 декабря. № 941; КК на 1899 г. Ек., 1899. С. 115; КК на 1900 г. Ек., 1899. С. 91; КК на 1901 г. Ек., 1900. С. 90; КК на 1902 г. Ек., 1901. С. 103; КК на 1903 г. Ек., 1902. С. 118; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 102; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 144; *Бардадым В.П.* Зодчие Екатеринодара. Краснодар, 1995. С. 112; *Он же.* Радетели земли кубанской: (о выдающихся людях Кубани) / 2-е изд., доп. Краснодар, 1998. С. 197–201; *Он же.* Архитектура Екатеринодара. Краснодар, 2002. С. 256; *Он же.* Мальгерб Иван Клементьевич // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 г. / Сост. и научн. ред. Б.А. Трёхбратов. Краснодар, 1997. С. 259; *Он же.* Прекрасное на Кубани: Зодчество. Скульптура. Живопись. Краснодар, 2006. С. 3–84; Список лишённых избирательных прав г. Краснодара. Краснодар, 1929. С. 117 (№ 4240); *Трёхбратов Б.А.* Историко-краеведческий словарь школьника. Ч. 1. Краснодар, 2007. С. 213.

Молендзинский, Стефан (Степан Антонович) (ок. 1871–1944) – католик, родом из Калишской губ.

В 1894 г. ещё не имел чина, коллежский ассессор (упом. 1903–1905 гг.), надворный советник (упом. 1906–1911 гг.), коллежский советник (упом. 1912–1914 гг.), статский советник (упом. 1915–1918 гг.).

Младший кандидат на судебные должности Екатеринодарского окружного суда (упом. 1894 г.), мировой судья 7-го участка Екатеринодарского судебно-мирового округа (упом. 1903–1904 гг.), мировой судья 4-го участка Екатеринодарского судебно-мирового округа (упом. 1904–1916 гг.). Председатель съезда мировых судей Екатеринодарского судебно-мирового округа и мировой судья 2-го участка, неперемный член съезда мировых судей (упом. 1916–1918 гг.). 15 сентября 1919 г. уволен с судебной должности решением Совета Кубанского краевого правительства.

Член правления Кубанского исправительного приюта от Екатеринодарского съезда мировых судей (упом. 1913–1915 гг.).

Гласный Екатеринодарской городской думы (упом. 1917 г.).

Действительный член Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным и кандидат в члены правления общества (упом. 1906–1908 гг.). В 1906 г. пожертвовал книги для библиотеки читальни при обществе.

Осенью 1915 г. был председателем Екатеринодарского отделения ПОВЖВ (в то время как секретарём этого отделения был заведующий Екатеринодарской римско-католической церковно-приходской школы Игнаций Гилевский).

В марте 1917 г. был избран представителем от Советов родительских кружков и других организаций при средних учебных заведениях города Екатеринодара в Екатеринодарский гражданский комитет (при этом польская община Екатеринодара также намеревалась выдвинуть его кандидатуру в гражданский комитет).

Проживал в 1919 г. в Екатеринодаре по ул. Борзиковская № 6 (ныне ул. Коммунаров).

В 1916 г. был свидетелем на венчании в Екатеринодарском костёле дворянина Варшавской губ. Сохачевского уезда Юлиана Леона Забоклицкого и дворянки Ядвиги Теофили Держбицкой.

Выехал с семьёй в Польшу.

Супруга: *Мария, урожд. Забоклицкая* (ок. 1879–1949) – католичка, член-соревнователь Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (упом. 1906–1908 гг.), член комитета Екатеринодарского отделения ПОВЖВ (упом. 1915–1916 гг.).

Сын: *Казимеж* (1903–1940) – родился в Шуше. Выпускник Ягеллонского университета, доктор философии, искусствовед-историк. Подпоручник запаса (с 1934 г.). Расстрелян в Катюни сотрудниками НКВД СССР.

AAN. Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego w Piotrogradzie. Sygn. 94. S. 827; Organizacje Polskie w Rosji. Polskie Towarzystwo Pomocy Ofiarom Wojny. Sygn. 44. S. 2.; ГА РФ. Ф. Р-7562. Оп. 1. Д. 2. Л. 80б., 9; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5854; Оп. 2. Д. 3940; Д. 4027; Ф. 801. Оп. 1. Д. 122. Л. 189; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 298. Л. 102об.; Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 22. Л. 5, 5об., 16; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 687; КСК 1894 г. Ек., 1894. С. 16; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 33; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 46; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 42; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 34; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 164; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 170; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 160; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 163; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 172, 284; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 166, 289; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 144, 165; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 161, 162; Протоколы заседаний Кубанского Краевого Правительства 1917–1920: сб. док. в 4-х т. / Под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2008. Т. 3. С. 170.

Мордмиллович, Якуб (Яков Александрович) (1839–1916) – католик, происходил из дворян Витебской губ., родился в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск). Известна и другая его фамилия – Нурович.

Коллежский регистратор (с 1856 г.), губернский секретарь (с 1861 г., со старшинством с 1859 г.), коллежский секретарь (с 1863 г., со старшинством с 1862 г.), титулярный советник (с 1868 г., со старшинством с

1865 г.), статский советник (с января 1896 г., со старшинством с 1880 г.), действительный статский советник (с мая 1896 г.).

Окончил полный курс Школы Кавказских межевиков, после чего в 1856 г. зачислен на службу старшим помощником землемера по межевому ведомству на Кавказе. В 1862–1864 гг. служил в Закавказской межевой палате, а затем – в Тифлисской губернской строительной комиссии на должности городского землемера. В 1865–1868 гг. служил в Бакинском губернском правлении: вначале Маштагинским, затем Ленкоранским, а с 1866 г. Себидажским участковым заседателем. В 1868–1869 гг. – помощник Ленкоранского уездного начальника, в 1869–1870 гг. – помощник Кубинского мирового судьи, в 1870–1873 гг. – и.д. судебного следователя при Елисаветпольском окружном суде.

В 1873–1875 гг. судебный следователь 2-го участка Майкопского уезда Кубанской обл. (в ст. Лабинской), в 1875–1876 гг. – 2-го участка Ейского уезда, а в 1876–1878 гг. – 2-го участка Екатеринодарского уезда. С 1878 г. стал членом Екатеринодарского окружного суда. В 1905–1910 гг. – товарищ председателя Екатеринодарского окружного суда, с 1905 г. заведовал 1-м гражданским отделением.

Гласный Екатеринодарской городской думы (в 1894–1897, 1897–1901, 1901–1904 гг.). Член постоянной ревизионной комиссии Екатеринодарского городского управления (упом. 1899 г.); член финансовой комиссии при Екатеринодарской городской думе (упом. 1902–1903 гг.).

Депутат совета Екатеринодарского общества взаимного кредита (упом. 1883–1904 гг.). Член правления Екатеринодарского мужского благотворительного общества (упом. 1884 г.), член ревизионной комиссии Екатеринодарского благотворительного общества (упом. 1894 г.), действительный член Кубанского экономического общества (упом. 1883–1902 гг.), действительный член Общества любителей изучения Кубанской обл. (с 1897 г.). Член (в 1898–1915 гг.) и председатель (в 1900–1915 гг.) попечительного совета Екатеринодарской Екатерининской городской женской гимназии.

Почётный блюститель Екатеринодарского римско-католического церковно-приходского училища (упом. 1901–1912 гг.).

Один из учредителей, член правления и товарищ председателя Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным и почётный блюститель местной приходской школы (с 1904 г.); возможно, некоторое время был председателем общества (упом. 1908 г.).

В 1887 г. был свидетелем на венчании в Екатеринодарском костёле дворянина Юзефа Леопольдовича Филипковского и Зофьи Ромуальдовны, урожд. Квятковской. В 1902 г. был восприемником при крещении в Екатеринодаре Тадеуша Леона – сына члена Екатеринодарского окружного суда, надворного советника Раймунда Львовича Урбанского и Ядвиги, урожд. Крживда-Погоржельской.

Член Конституционно-демократической партии, товарищ председателя областного комитета партии (с 1905 г.).

Родовых имений не имел, после 1893 г. приобрёл дачу на Железноводской группе Кавказских Минеральных Вод (упом. 1895–1910 гг.; к 1910 г. была заложена за 7000 р и ежегодно приносила доход по 900 р).

Его супруга имела родовую недвижимость в виде дома в Киеве в Дворцовой части по ул. Крутой Университетский Спуск № 5 (упом. 1908–1910 гг.), а также после 1893 г. приобрёл дом в 1-й части Екатеринодара по ул. Бурсаковская (ныне ул. Красноармейская) № 12 (в 1905–1908 гг. его стоимость оценивалась в 3750 р, в 1910 г. он был надстроен и превратился в двухэтажный особняк, стоимость которого в 1912–1916 гг. оценивалась в 32 400 р; к 1910 г. дом был заложен за 6000 р в Донском земельном банке и ежегодно приносил доход в 650 р). Всю недвижимость (в Екатеринодаре, Железноводске и Киеве), оцененную примерно в 40 000 р, унаследовали пять сонаследников.

Ордена и знаки отличия: Св. Станислава 1-й (1905 г.), 2-й (1880 г.) и 3-й степеней (1868 г.), Св. Владимира 3-й (1902 г.) и 4-й (1894 г.) степеней, Св. Анны 2-й степени (1892 г.), знак отличия беспорочной службы за 40 лет (1902 г.), персидский Льва и Солнца 4-й степени, серебряная медаль для ношения на груди на ленте ордена Св. Александра Невского в память царствования Александра III (1896 г.).

Я. Мордмиллович умер 20 января 1916 г. в Екатеринодаре и 22 января был погребён на Всесвятском кладбище ксёндзом Брониславом Намиоткевичем. Упавшая плита на его могиле с надписью на русском языке и символическим «столпом Закона» сохранилась до наших дней.

Супруга: *Розалия, урожд. Ленуар / Леноар* (франц. *Lenoir*) (1843–1915) – евангелическо-лютеранского вероисповедания, дочь коллежского секретаря, французского дворянина, принявшего русское подданство, Жана (Ивана) Ленуар. Родилась в г. Шемаха Бакинской губ. Их брак был заключён по православному обряду. Её родственник (брат?) отставной подполковник 129-го Бессарабского пехотного полка Николай Ленуар (умер в 1881 г.) в 1877–1879 гг. проживал в Царстве Польском в г. Петрокове и получал пенсию из Петроковского губернского казначейства, а в 1879–1881 гг. – в с. Степачёво Мало-Ярославецкого уезда Калужской губ. и получал пенсию из Мало-Ярославецкого уездного казначейства.

Дети (все крещены по римско-католическому обряду):

Адольф (1863–1876) – в 1874 г. стал учиться в 1-й Киевской классической гимназии. Умер в Екатеринодаре и погребён на Всесвятском кладбище.

Эмма Розалия Мария (1868 г.р.) – вышла замуж после 1885 г.

Мария Луиза (1872 г.р.) – родилась в г. Шуша, крещена в 1873 г. в Екатеринодаре, её воспитательницами были врач Лабинской войсковой больницы коллежский советник Стефан Смоленский и супруга майора Эмма Фридерика Богдановна Тетерина. В 1893 г. она вышла замуж за учителя Екатеринодарской городской мужской гимназии Семёна Ивановича Борчевского (1863–1945), впоследствии ставшего одним из наиболее активных членов Общества любителей изучения Кубанской обл., профессором Краснодарского института виноделия и виноградарства, от которого имела дочь *Валентину* (1894 г.р.) и сына *Юрия* (1896 г.р.). Муж и дети были православного вероисповедания. Для С.И. Борчевского это был второй брак после смерти первой жены

и сына. М.-Л. Борчевская была одной из учредительниц и членов-соревнователей Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (с 1904 г.); она была членом Женского клуба в Екатеринодаре (упом. 1914 г.). Владела домом в 1-й части Екатеринодара по ул. Штабная (ныне ул. Комсомольская) № 48а (в 1901 г. его стоимость оценивалась в 3200 р, в 1905–1908 гг. – в 3600 р, в 1912–1916 гг. – в 9000 р), в то время как её муж владел домом по ул. Котляревская (ныне ул. М. Седина) № 11 (в 1912–1916 гг. его стоимость оценивалась в 10 200 р).

Адольф Хенрик Александр (1876–1937) – родился в ст. Уманской Кубанской обл. и крещён в Екатеринодаре, его воспитателями были командир Нахичеванской уездной команды майор Семён Тетерин и супруга члена Екатеринодарского окружного суда Ольга Полякова; на крещении присутствовали: член Екатеринодарского окружного суда Евгений Тутевич, Эмма Фридерика Богдановна Тетерина, товарищ прокурора Екатеринодарского окружного суда Константин Люцианович Лагорио и девица Виктория Кронская. В Дворянской родословной книге записан не был (упом. 1916 г.).

Губернский секретарь (с 1905 г., со старшинством с 1902 г.), коллежский секретарь (с 1907 г., со старшинством с 1904 г.), титулярный советник (с 1908 г., со старшинством с 1907 г.), коллежский асессор (с 1911 г., со старшинством с 1910 г.), надворный советник (с 1914 г.).

В 1897–1899 гг. отбывал воинскую повинность ратником государственного ополчения 1-го разряда. В 1902 г. окончил Киевский Императорский университет Св. Владимира по юридическому факультету с дипломом второй степени и назначен младшим кандидатом на судебные должности при Екатеринодарском окружном суде. В 1902–1904 г. – и.д. помощника секретаря Екатеринодарского окружного суда, в 1904–1905 гг. – и.д. помощника старшего нотариуса Екатеринодарского окружного суда. С 1904 г. старший кандидат на судебные должности при Екатеринодарском окружном суде. В 1905 г. командирован в помощь мировому судье Сочинского участка с правом самостоятельного производства следствий и мировых дел, затем – заведующий 1-м мировым участком г. Новороссийска, затем – заведующий 3-м следственным участком Майкопского отдела, затем – заведующий Туапсинским мировым участком. В 1906–1910 гг. – заведующий 3-м следственным участком Баталпашинского отдела, затем командирован к исполнению должности судебного следователя по важнейшим делам 3-го участка Баталпашинского отдела (ст. Невинномысская). В 1906–1909 гг. (с перерывами) – заведующий 4-м следственным участком Баталпашинского отдела. В 1909–1914 г. – и.д. судебного следователя по важнейшим делам 1-го железнодорожного участка, в Екатеринодаре. В 1910 г. – заведующий 3-м следственным участком Екатеринодарского отдела, затем – заведовал производством следствий по важнейшим делам Кубанской обл. В 1911–1912 гг. – временно заведовал 4-м следственным участком г. Екатеринодара. В 1914–1919 гг. – и.о. судебного следователя по важнейшим делам округа Екатеринодарского окружного суда (камера в г. Екатеринодаре по ул. Бурсаковская (ныне ул. Красноармейская) № 12).

Гласный Екатеринодарской городской думы, член думской финансовой и театральной комиссий (упом. 1917 г.).

Преподаватель коммерции в Бухгалтерских классах господина Ильи Яковлевича Брон-фон-Бреннера в Екатеринодаре (упом. 1903–1904 гг.).

Летом 1911 г. принял участие в научной экспедиции в горы Кавказского хребта, организованной мужем его сестры Марии Луизы инспектором Александровского реального училища С.И. Борчевским. Во время 28-дневного отсутствия А.-Х.-А. Мордмилловича заведование 1-м железнодорожным участком возложено на мужа другой его сестры Юлии Ванды Виктории – и.д. судебного следователя 4-го участка г. Екатеринодара С.В. Маглиновского.

Член ревизионной комиссии Кубанского (поощрительного) скакового общества (упом. 1912–1914 гг.). Член правления Екатеринодарского благотворительного общества (упом. 1914–1916 гг.). Председатель правления попечительного общества о доме трудолюбия (упом. 1915 г.). Член жюри на выставке Кубанского фотографического общества (январь 1914 г.) как фотограф-любитель.

В марте 1917 г. был избран представителем от Екатеринодарского городского головы в Екатеринодарский гражданский комитет.

С марта 1919 г. – член совета Кубанско-Черноморского банка.

В 1916 г. купил дом в 1-й части Екатеринодара по ул. Посполитакинская (ныне ул. Октябрьская) № 39 за 22 000 р (доходность дома в год – 1200 р). Этот дом был заложен в Екатеринодарском городском банке за 12 000 р (упом. 1916 г.). Кроме того, в 1916 г. у А.-Х.-А. Мордмилловича был долг по векселям в Екатеринодарском обществе взаимного кредита в размере 2800 р. В 1917 г. он хотел продать свою часть наследованного от матери в Киеве недвижимого имущества.

В 1926 г. стал техническим секретарём правления Сочинского армянского универсального сельскохозяйственного и садоводческого товарищества «Солидарность», имел индивидуальный договор о работе в Сочкредсельхозе. В 1929 г. был лишён избирательных прав по 1-му избирательному району г. Краснодара как иждивенец-домовладелец, живущий на нетрудовые доходы (проживал: ул. Октябрьская № 39); его супруга также была лишена избирательных прав с подобной формулировкой (проживала: ул. Комсомольская № 18).

В 1930-х гг. жил в Москве, где работал юрисконсультом в Управлении электротехнической промышленности. В 1937 г. был обвинён в контрреволюционной агитации, арестован и расстрелян 15 декабря того же года в Бутове. В сентябре 1957 г. реабилитирован.

Имел медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых и нагрудный знак в память 50-летия введения Судебных Уставов.

Супруга А.-Г.-А. Мордмилловича: *Адельгейд Елизабет Андреасовна (Аделаида Андреевна), урожд. Пост (1877 г.р.)* – евангелическо-лютеранского вероисповедания, мещанка г. Юрьева Лифляндской губ. Венчание по евангелическо-лютеранскому обряду состоялось в 1901 г. (вероятно, в г. Пятигорске).

Сыновья А.-Г.-А. Мордмилловича (все крещены по евангелическо-лютеранскому обряду): 1) *Эрих Якоб (1903–1968)* – воспитывался во 2-й Екатеринодарской мужской гимназии (с 1913 г., в 1916 г. в 4-м классе). Известный художник театра, занимался графикой и декоративно-прикладным искусством (в частности, по его эскизам в 1927 г. был

украшен кинотеатр «Палас» в Краснодаре). С 1952 г. как театральный художник работал в Калужском облдрамтеатре и умер в Калуге; 2) *Генрих Адольф* (1907 г.р.) – воспитывался в подготовительной школе Е.А. Апостоловой в Екатеринодаре (упом. 1916 г.) и 3) *Роберт Герберт* (1909 г.р.).

Юлия Ванда Виктория (1878–1964) – родилась в Екатеринодаре и в 1879 г. крещена здесь, её восприемниками были товарищ прокурора Екатеринодарского окружного суда Григорий Иванович Лысенко и Виктория Рослякова; на крещении присутствовали: член Кутаисского окружного суда Иосиф Викентьевич Рачкевич, Юлия Соколова, подполковник Пётр Давидович Лохвиский и Леонида Климова. В 1895 г. она окончила 7-й класс Екатеринодарской Екатерининской городской женской гимназии. В 1905 г. вышла замуж за секретаря Екатеринодарского окружного суда *Степана Васильевича Маглиновского* (1876–1916), православного вероисповедания. В 1910 г. Маглиновские взяли на воспитание подкидыша *Наталию*, трёх с половиной лет. В 1916 г. Ю.-В.-В. Маглиновская стала членом правления Женского клуба в Екатеринодаре, а в 1919–1920 гг. работала машинисткой в Кубанской законодательной раде, затем в советском Краснодаре преподавателем стенографии. Общий памятник с надписью на русском языке на могиле супругов Маглиновских до сих пор сохранился на Всесвятском кладбище.

Якуб Александр (1880–1903) – родился в Екатеринодаре и в 1881 г. крещён здесь, его восприемниками были инженер, подполковник Николай Антонович Агапеев и супруга подполковника Эмма Фрьдерика Богдановна Тетерина. Обучался в Екатеринодарской городской гимназии (упом. 1897 г.), студент Киевского Императорского университета Св. Владимира (упом. 1903 г.).

Константы (1883 г.р.) – родился и крещён в Екатеринодаре, его восприемниками были кубанский областной инженер, подполковник Константин Алексеевич Чернявский и супруга товарища прокурора Екатеринодарского окружного суда Елена Антоновна Лысенко. Обучался в Екатеринодарской городской гимназии (упом. 1897 г.). Отбывал воинскую повинность ратником государственного ополчения (упом. 1902 г.). Студент Киевского Императорского университета Св. Владимира (упом. 1910 г.).

Гжегож (1884–1885) – родился и крещён в Екатеринодаре, его восприемниками были товарищ прокурора Екатеринодарского окружного суда, коллежский асессор Григорий Иванович Лысенко и старшая сестра Эмма Розалия Мария Мордмиллович. Умер в Екатеринодаре и погребён на Всесвятском кладбище.

АО АС. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 172. Л. 2–7, 56, 79; ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1657. Л. 110–111об.; Д. 3809. Л. 26, 44, 48; Д. 3940; Д. 4027; Д. 5912; Д. 6032. Л. 23; Д. 6157; Ф. 482. Оп. 1. Д. 561; Д. 585; Оп. 2. Д. 774; Д. 860; Ф. 801. Оп. 1. Д. 119. Л. 178, 195об., 200об., 214, 227, 238; Д. 120. Л. 19об., 33; Д. 121(1). Л. 239; Д. 122. Л. 72об.; Д. 329. Л. 35; Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 22. Л. 9, 10, 93–94об.; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1914. 11 января. № 1201-8; Листок войны: ежедневное издание в г. Екатеринодаре [газета]. 1917. 19 февраля. № 895; Утро Юга: ежедневная

литературная, общественно-политическая и экономическая газета. 1919. № 62-90. С. 1; Екатеринодарские городские избиратели 1901 г. Ек., 1901. С. 3; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборы гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1905-1909. С. 4, 25; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1908-1912 гг. по 1-му избирательному участку (1-я полицейская часть). Ек., 1908. С. 3, 11; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1912-1916, по 1-му избирательному участку (1-я полицейская часть). Ек., 1912. С. 2, 11; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1916-1920 гг. по 1-му участку. Ек., 1916. С. 2, 10; Список лишённых избирательных прав города Краснодара. К перевыборам Горсовета 1929 г. С. 19; ПККО на 1874 г. Ек., 1873. С. 42; ПККО на 1875 г. Ек., 1875. С. 49; ПККО на 1876 г. Ек., 1876. С. 62; ПККО на 1878 г. Ек., 1878. С. 56; ПККО на 1881 г. Ек., 1881. С. 14; КСК 1883 г. Ек., 1883. С. 10, 14, 40; КСК 1891 г. Ек., 1891. С. 14; КСК 1894 г. Ек., 1894. С. 15, 47; КК на 1898 г. Ек., 1898. С. 82, 122; КК на 1899 г. Ек., 1899. С. 89, 105, 114, 115; КК на 1900 г. Ек., 1899. С. 29, 43, 90, 92; КК на 1901 г. Ек., 1900. С. 29, 45, 77, 91, 95; КК на 1902 г. Ек., 1901. С. 41, 56, 88, 103, 107; КК на 1903 г. Ек., 1902. С. 51, 53, 68, 103, 117, 118, 123; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 29, 31, 46, 86, 101, 102, 107; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 42, 44, 60, 79, 81; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 36, 38, 62, 97; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 31, 32, 49, 121; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 160, 163, 184; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 166, 167, 190; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 156, 157, 181, 200; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 162, 186, 208, 271; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 169, 198, 285; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 163, 197, 291; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 140, 164, 165, 183; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 158, 173; *Бридня О.П.* Представители рода Мордмиллович на Кубани // Поляки в России: история и современность / Отв. ред. А.И. Селицкий. Краснодар, 2007. С. 199-203; Отчёт Екатеринбургской, в г. Екатеринодаре, городской женской гимназии за двадцатипятилетний период её существования, с 14 сентября 1884 г. по 14 сентября 1909 г., в связи с современным её состоянием. Ек., 1910.

Реутт, Юстина (Иустиния Иосифовна/Осиповна) (1859/1866 г.р.) – католичка, предположительно из дворян Минской губ..

Вольнонаёмный регистратор в 1-м гражданском отделении Екатеринодарского окружного суда (упом. 1915-1919 гг.).

Один из учредителей и член правления Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (с 1904 г.) и заведующая библиотекой-читальней и продажей книг при этом обществе (с 1905 г.). В 1906 г. пожертвовала книги для библиотеки-читальней.

Товарищ председателя Екатеринодарского отделения ПОВЖВ (с 1915 г.).

По данным на 1916 г. проживала в Екатеринодаре по ул. Графская (ныне ул. Советская) № 22, а в 1919-1921 г. по ул. Соборной (ныне ул. В.И. Ленина) № 62 (у Людкевичей).

Восприемница при крещении в Екатеринодаре:

в 1905 г. Хенрика – сына мещан г. Варки Варшавской губ. Яна Константиновича Жичинского и Антонины, урожд. Красельницкой, также Владислава – сына австрийско-подданного Томаша Вуйцика и Екатерины, урожд. Зыск, а также Петра – сына мещан Витебской губ. Павла Гинтовта и Марии, урожд. Добровольской, в том же году она была свидетелем при принятии в лоно Римско-Католической церкви Александра (1894 г.р.), Дмитрия / Станислава (1899 г.р.) и Пелагии / Ядвиги (1902 г.р.) Филиповских – детей крестьянина Ковенской губ. Антона Петровича Филиповского (Жаровского) и Наталии Степановны, урожд. Колесниковой;

в 1906 г. восприемница Марии – дочери крестьян Ковенской губ. Антона Филиповского (Жаровского) и Наталии, урожд. Колесниковой, а также свидетель при принятии в лоно Римско-Католической церкви Раисы / Регины (1899 г.р.) и Лидии / Люции (1902 г.р.) – дочерей потомственного дворянина Ковенской губ. Станислава Петровича Бейнар и Акилины Стефановны, урожд. Найдёновой;

в 1907 г. восприемница Вацлава – сына мещанина г. Варки Яна Жичинского и Антонины, урожд. Красильницкой, а также Анны – дочери мещан Витебской губ. Павла Гинтовта и Марии, урожд. Добровольской, а также Зигмунта Станислава – сына дворянина Минской губ. Леонарда Скуратовича и Стефании, урожд. Войницкой;

в 1909 г. Альфонса – сына крестьянина Ковенской губ. Ивана Мишкиниса и Анели, урожд. Родзевич;

в 1910 г. Рудольфа – сына австрийско-подданного Антония Ключачек и Марии, урожд. Вратный;

в 1912 г. Климентия Наполеона – сына мещанина г. Дисна Францишка Гинтовта и Фелиции, урожд. Лиценович;

в 1916 г. Юстина – сына австрийско-подданного Ивана Задорожного и Анны, урожд. Гречух, а также Антонины – дочери крестьянина Виленской губ. Антона Жилис и Анастасии, урожд. Галинис.

В 1921 г. Ю. Реутт была включена в список граждан, желающих выехать в Польшу, вместе с семнадцатилетней Антониной Мечиславовой Реутт (своей племянницей ?); причём, обе были записаны как выходящие из Минской губ.

Брат: (?) *Мечислав (Мечислав Иосифович) Реутт* – титулярный советник (упом. 1898–1900 гг.), коллежский ассессор (упом. 1901–1903 гг.). И.д. податного инспектора 1-го участка Ейского отдела Кубанской обл. (1898–1901 гг.); податной инспектор г. Ейска (упом. 1901–1903 гг.). Член-соревнователь Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (упом. 1906–1908 гг.).

Брат: (?) *Габриэль (Гавриил Осипович) Реутт* – коллежский регистратор (упом. 1904–1907 гг.), губернский секретарь (упом. 1908–1910 гг.), коллежский секретарь (упом. 1911 г.). Помощник бухгалтера (упом. 1899–1902 гг.), бухгалтер 2-го разряда (упом. 1903 г.), бухгалтер 1-го разряда Армавирского казначейства (1903–1908 гг.).

ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5854. Л. 48, 58; Оп. 2. Д. 3809. Л. 26; Д. 3940; Д. 4027; Д. 6157. Л. 9; Ф. 482. Оп. 2. Д. 1179; Ф. 801. Оп. 1. Д. 121(2). Л. 285, 287, 294, 301, 316об., 320, 321об., 323об., 355, 383об., 404, 437, 565, 575;

Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 450. Л. 66; КК на 1898 г. Ек., 1898. С. 46; КК на 1899 г. Ек., 1899. С. 81; КК на 1900 г. Ек., 1899. С. 34, 35; КК на 1901 г. Ек., 1900. С. 35, 36; КК на 1902 г. Ек., 1901. С. 46, 47; КК на 1903 г. Ек., 1902. С. 57, 58; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 36; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 49; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 47; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 38; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 168; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 172; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 163.

Рубинский, Аполлон Станислав (Аполлон Флорианович) (1865–1922) – католик, дворянин Киевской губ.

Губернский секретарь (до 1893 г.), коллежский секретарь (с 1893 г.).

Окончил юридический факультет Харьковского университета. В 1891–1892 гг. младший, а в 1892–1894 гг. старший кандидат на судебные должности при Екатеринодарском окружном суде.

В 1894–1896 гг. был помощником присяжного поверенного Владимира Антоновича Желипова. С 1896 г. А.-С. Рубинский стал присяжным поверенным округа Тифлисской судебной палаты и служил в Екатеринодарском окружном суде. Он вёл приёмы в небольшом арендованном помещении в Екатеринодаре по ул. Екатерининская № 27, а с 1903 г. уже в собственном особняке, построенном по соседству: ул. Екатерининская № 29 (ныне Мира № 45).

Гласный Екатеринодарской городской Думы по 1-му участку в 1901–1904, 1905–1909, 1909–1912, 1912–1916 гг. Член финансовой комиссии (упом. 1902–1904 гг.), а затем юридической комиссии при Екатеринодарской городской думе (упом. 1904–1913 гг.) и её председатель (в 1908–1913 гг.).

Кандидат Кубанского областного по городским делам присутствия (с 1909 г.), непременный член по городским делам присутствия Кубанского областного по делам об обществах и союзах присутствия (1910–1911 гг.). Член Екатеринодарского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулёзом (упом. 1912 г.).

В начале XX в. А.-С. Рубинский жил с супругой в Екатеринодаре в доме тёщи по ул. Борзиковская (ныне Коммунаров) № 33. В 1902 г. он построил собственный особняк в 1-й части Екатеринодара по ул. Екатерининская № 29 (ныне Мира № 45) (в 1901 г. строившийся дом оценивался в 3800 р, в 1905–1908 гг. – в 6400 р, а уже в 1912–1916 гг. – 18 000 р). В 1920 г. советская власть изъяла особняк. В настоящее время здесь расположена Краснодарская детская художественная школа им. Владимира Александровича Пташинского.

Один из учредителей и действительный член Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (с 1904 г.).

В 1921 г. был записан вместе с женой в список граждан, желающих выехать в Польшу (они проживали с 1920 г. по ул. Екатерининская № 27, в котором начиналась юридическая практика А.-С. Рубинского).

Погребён в Краснодаре на Всесвятском кладбище (памятник на его могиле с надписью на русском языке сохранился до наших дней).

Супруга: *Елена, урожд. Сеткова* (ок.1875–1958) – православная, дочь члена Екатеринодарского окружного суда губернского секретаря Александра Денисьевича Сеткова (ок. 1846–1893) и Екатерины Ивановны (умерла в 1922 г.). Венчание Рубинских в 1893 г. прошло по

православному обряду в Екатерининской церкви Екатеринодара, поручителями были: студент Московского Императорского университета Николай Иванович Воробьёв, статский советник Алексей Петрович Смелков, титулярный советник Владимир Васильевич Скидан, секретарь Екатеринодарского окружного суда Мариан Теофилович Антонович. В 1891 г. Е.А. Сеткова окончила с золотой медалью 7-й класс Екатеринодарской Екатерининской городской женской гимназии, а затем в 1892 г. 8-й дополнительный класс. Член Екатеринодарского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулёзом (упом. 1912 г.).

Сын: *Валентин* (1897 г.р., ум. во младенчестве) – крещён по православному обряду в Екатеринодаре, восприемниками были статский советник Алексей Петрович Смелков и его бабушка Екатерина Ивановна Сеткова.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3809. Л. 26; Д. 3940; Д. 4027; Ф. 482. Оп. 1. Д. 119; Оп. 2. Д. 1138; Ф. 801. Оп. 1. Д. 77. Л. 86об.-87; Д. 85. Л. 78об., 79; Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 91; Д. 450. Л. 91; Екатеринодарские городские избиратели 1901 г. Ек., 1901. С. 18; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1905-1909. С. 32; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1908-1912 гг. по 1-му избирательному участку (1-я полицейская часть). Ек., 1908. С. 14; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1912-1916, по 1-му избирательному участку (1-я полицейская часть). Ек., 1912. С. 14; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1916-1920 гг. по 1-му участку. Ек., 1916. С. 12; КСК 1894 г. Ек., 1894. С. 16; КК на 1898 г. Ек., 1898. С. 84; КК на 1899 г. Ек., 1899. С. 106; КК на 1900 г. Ек., 1899. С. 31; КК на 1901 г. Ек., 1900. С. 31; КК на 1902 г. Ек., 1901. С. 43; КК на 1903 г. Ек., 1902. С. 53, 117; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 31, 101; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 44, 79, 80; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 40, 118; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 33, 162; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 163, 250; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 162, 169, 252; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 152, 159, 245; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 162, 261; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 171, 278; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 165, 283; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 141, 159; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 140, 160; *Бардадым В.П.* Открытки на память. Краснодар, 2005. С. 12-13; *Он же.* На берегах кубанских... Краснодар, 2009. С. 37-49; Отчёт Екатерининской, в г. Екатеринодаре, городской женской гимназии за двадцатипятилетний период её существования, с 14 сентября 1884 г. по 14 сентября 1909 г., в связи с современным её состоянием. Ек., 1910.

Серафинович (Серафимович), Юзеф Людвик (Иосиф Иосифович) (умер после 1903 г.) – католик, дворянин.

Надворный советник (упом. 1867-1868 гг.), коллежский советник (упом. 1873-1887 гг.).

Таксатор Межевого учреждения (управления) Кубанской обл. (упом. 1873-1876 гг.). Ассессор Кубанского областного правления (упом. 1878-1883 гг.).

Весной 1866 г. был командирован для таксации земель Екатеринодарского и Таманского округов Черноморья. В 1867–1868 гг. вместе с помощником исследовал достоинства земли Закубанского края в районах Адагумского и Абинского полков, описал юртовые земли станиц Натухаевской, Верхнебаканской и Адагумского полка «относительно пригодности их для устройства табачных плантаций» и определения нормы десятины земли, подлежащих в надел пожизненный и потомственный как казакам, так и офицерам.

Автор статей: «О производительных силах бывшей Черномории» (1868 г.), «О мерах улучшения сельского хозяйства в Кубанской области» (1873 г.), «Открытие Кубанского экономического общества» (1876 г.), «Обзор производительности бывшей Черномории Кубанской области» (1876 г.). В своих работах высказал идею создания на Кубани сельскохозяйственного общества. Член совета Кубанского экономического общества (от его основания в январе 1876 г.) и действительный член общества (упом. 1876–1883 гг.). Обобщил результаты анализа образцов почв Кубанской обл. (1896 г.).

Член Екатеринодарского благотворительного мужского общества (упом. 1876 г.). Член ревизионной комиссии Екатеринодарского общества взаимного кредита (упом. 1880 г.).

Кавалер ряда орденов.

Владел имением (хутором) на правом берегу р. Лабы Лабинского отдела Кубанской обл. на участке, купленном у генерал-лейтенанта Антона Антоновича Ната и генерал-майора Сеченова (упом. 1882–1911 гг.). По данным на 1909–1911 гг. Ю.-Л. Серафинович владел в с. Ново-Михайловском имением с количеством удобной земли в 644 $\frac{1}{2}$ десятин.

Один из учредителей и действительный член Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (с 1904 г.).

Восприемник при крещении: в 1874 г. в Екатеринодаре Владислава – сына дворянина есаула ККВ Константы Раковского и Октавии, урожд. Аксентович; в 1877 г. в Екатеринодаре Станислава Антони – сына дворянина есаула ККВ Константы Раковского и Октавии, урожд. Аксентович; в 1883 г. в ст. Усть-Лабинской Нагальи – дочери потомственного дворянина, отставного майора Кароля Людкевич (см.), а также в Екатеринодаре Виктории – незаконнорожденной дочери дворянки Валерии Станиславовны Каминской; в 1890 г. Казимежа Францишека – сына Даниэля Титуса Цыбульского (см.); в 1892 г. восприемник своего внука Константы – сына дворянина, медвежинского окружного сельского врача Францишека Мигдалло и Хелены, урожд. Серафинович; в 1895 г. Тадеуша – сын дворянина Францишека Тадеушевича Станиславовича Богданович и Юзефины Казимировны, урожд. Лаврусевич, а также своего внука Вацлава – сына дворянина, начальника Малороссийской станции Владикавказской ж.д. Станислава Юрьевича Боровского и Зофьи, урожд. Серафинович; в 1903 г. своей внучки Хелены – дочери дворянина, врача Екатеринодарского военного отдела ККВ Францишека Мигдалло и Хелены, урожд. Серафинович. В 1888 г. свидетель на венчании в Екатеринодарском костёле магистра ветеринарных наук Юзефа Руфина Станислава Адамовича Качинского и Марии Магдалены Августиновны, урожд. Мигдалло.

Супруга: *Юлия Казимировна, урожд. Маевская* (умерла после 1908 г.) – католичка. Одна из учредителей и действительный член Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (с 1904 г.). В 1906–1907 гг. оказала материальную помощь ко дню Св. Пасхи для устройства пасхального стола бедным.

Владела в 1-й части Екатеринодара домом по ул. Штабная (ныне ул. Комсомольская) № 25 и Рапшилевская № 18 (в 1905–1908 гг. его стоимость оценивалась в 8550 р). В 1881 г. в её доме ежедневно с 9 до 12 ч дня бедных больных бесплатно принимал «специалист по болезням женским, детским и нервным вообще» Казимир Деонизиевич Маевский.

Восприемница при крещении в Екатеринодарском костёле: в 1880 г. Виктора – сына потомственного дворянина, делопроизводителя в Екатеринодарском областном правлении Адама Томаша Свидерского и Луцинии, урожд. Чвалинской; в 1883 г. Юлии – дочери титулярного советника, старшего помощника Правителя Канцелярии Начальника Кубанской обл. Даниэля Титуса Цыбульского (см.); в 1885 г. Юзефа Даниэля – сына Даниэля Титуса Цыбульского (см.); в 1887 г. Даниэля Зыгмунта – сына Даниэля Титуса Цыбульского (см.); в 1894 г. восприемница своего внука Павла – сына дворянина, младшего врача Екатеринодарского военного отдела ККВ Францишека Мигдалло и Хелены, урожд. Серафинович; в 1903 г. своей внучки Хелены – дочери Францишека Мигдалло и Хелены, урожд. Серафинович.

Дети: *Хелена* (ок. 1873 г.р.) – супруга потомственного дворянина врача *Францишека Августиновича Мигдалло* (ок. 1861 г.р.). Венчание в Екатеринодарском костёле в 1891 г. Свидетелями были: помощник присяжного поверенного Антон Романович Яловой и дворянин, надворный советник Титус Даниэль Юзефович Цыбульский. Мать *Константы* (1892 г.р.), *Павла* (1894 г.р.) и *Хелены* Мигдалло (1903 г.р.). Восприемница при крещении в Екатеринодарском костёле в 1890 г. Казимежа Францишека – сына Даниэля Титуса Цыбульского (см.).

Владислав (1873 г.р.) – родился и крещён в Екатеринодаре, его восприемниками были ветеринарный врач Кубанской обл. надворный советник и кавалер Августин Мигдалло и супруга есаула ККВ и смотрителя Екатеринодарского тюремного замка Октавия Раковская. Владелец участком в с. Ново-Михайловском Лабинского отдела Кубанской обл. (по данным на 1909–1911 гг. количество удобной земли 300 десятин).

Зофья (1875 г.р.) – родилась и крещена в Екатеринодаре, её восприемниками были коллежский советник Августин Мигдалло и дворянка девица Эмилия Серафинович. Супруг: дворянин *Станислав Юрьевич Боровский*. Венчание в Екатеринодарском костёле в 1893 г. Свидетелями были: Юзеф Тераскевич и Францишек Пуидак. Мать *Вацлава Боровского* (1895 г.р.). Восприемница при крещении в Екатеринодарском костёле в 1892 г. своего племянника Константы – сына Францишека Мигдалло и Хелены, урожд. Серафинович.

Мария (1878 г.р.) – супруга дворянина *Юзефа Боровского*, брата Станислава Боровского. Венчание в Екатеринодарском костёле в 1898 г. Свидетелями были: Антони Рафаэлович Эрслав и Михаил Чернобай.

Константы (1880 г.р.) – родился и крещён в Екатеринодаре, его воспитателями были ветеринарный врач Кубанской обл. коллежский советник Августин Мигдалло и супруга есаула ККВ Октавия Раковская, за её отсутствием – дворянка Стефания Вильгельмовна Куликовская.

Катажина (1882–1897) – родилась и крещена в Екатеринодаре, её воспитателями были коллежский советник Августин Мигдалло и супруга титулярного советника Барбара Юзефовна Квятковская. Умерла в Екатеринодаре и погребена на Всесвятском кладбище.

Юзеф Ян (1884–1886) – родился и крещён в Екатеринодаре, его воспитателями были коллежский советник Августин Мигдалло и дворянка Юзефина Юзефовна Реутт, титулярный советник, старший помощник правителя канцелярии начальника Кубанской обл. Титус Даниэль Цыбульский и дворянка Викторина Казимировна Маевская. Умер в Екатеринодаре и погребён на Всесвятском кладбище.

Викторина (1887–1888) – родилась и крещена в Екатеринодаре, её воспитателями были коллежский советник Августин Мигдалло и дворянка Юзефина Юзефовна Реутт. Умерла в Екатеринодаре и погребена на Всесвятском кладбище.

Станислав Ян (1889 г.р.) – родился и крещён в Екатеринодаре, его воспитателями были коллежский советник Августин Мигдалло и супруга магистра ветеринарных наук Мария Магдалена Августиновна Качинская, урожд. Мигдалло. Супруга: *Анастасия Францишкековна, урожд. Крусс*. Венчание в 1913 г. в Иллукустской римско-католической церкви.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3809. Л. 26; Д. 3940; Д. 4027; Ф. 574. Оп. 1. Д. 500; Ф. 801. Оп. 1. Д. 119. Л. 185об., 187об., 193об., 197, 201об., 207, 221об., 223, 230, 237, 238; Д. 120. Л. 36об., 43, 81об.; Д. 121(1). Л. 14об., 19, 32об., 49об., 70об., 91об., 97, 99, 268об.; Д. 122. Л. 76, 85об., 92, 110; Кубанские войсковые ведомости [газета]. 1868. № 23–28; Кубанские областные ведомости [газета]. 1873. 5 мая. № 17; 1876. 31 января; 1881. 30 мая. № 21; 28 ноября. № 47; ПККО на 1874 г. Ек., 1873. С. 30; ПККО на 1875 г. Ек., 1875. С. 32; ПККО на 1876 г. Ек., 1876. С. 45, 77; ПККО на 1878 г. Ек., 1878. С. 40, 73, 75; ПККО на 1881 г. Ек., 1881. С. 3, 4, 32; КСК 1883 г. Ек., 1883. С. 3, 41; Сборник сведений о Кавказе / Под ред. Н. Зейдлица. Тифлис, 1885. Т. 8: Списки населённых мест Кубанской области по сведениям 1882 г. / Сост. есаулом Е.Д. Фелицыным. № 5362; Список землевладельцев Кубанской обл. и Черноморской губ. по данным уездных (окружных) по раскладке поземельных сборов Присутствий за 1909–1911 гг. С. 195, 196; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборы гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1905–1909. С. 33; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1908–1912 гг. по 1-му избирательно-му участку (1-я полицейская часть). Екатеринодар, 1908. С. 15.

Уейский, Эдвард (Эдуард Иванович) (ок. 1862 г.р.) – католик, потомственный дворянин Минской губ.

Член правления Торгового дома «Барон Л.В. Штейнгель и К» (от его основания в 1895 г.), член правления и распорядительный директор АО «Общество Екатеринодарского парового маслобойного завода, бывшего Л.В. Штейнгель и К» (от его основания в 1898 г.) (упом. 1898–1916 гг.).

Кандидат в члены арбитражной комиссии Екатеринодарского биржевого комитета (упом. 1916-1917 гг.).

В 1919–1920 гг. занимался предпринимательством: вывоз листового табака из Кубанского края и ввоз газетной бумаги.

Член-соревнователь Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (упом. 1906–1908 гг.).

Казначей (осенью 1915 г.) и член ревизионной комиссии (с 1915 г.) Екатеринодарского отделения ПОВЖВ.

В 1913 г. купил в Екатеринодаре по ул. Красная № 32 (ныне № 26) роскошный особняк купца, владельца табачной фабрики и гласного Екатеринодарской городской думы еврея-караима Семёна Соломоновича Бейма, который выезжал из России. В 1916 г. Э. Уейский проживал в Екатеринодаре по ул. Графская (ныне ул. Советская) № 29.

Супруга: *Антонина, урожд. Барановская* – католичка. В 1907 г. оказала материальную помощь ко дню Св. Пасхи для устройства пасхального стола бедным. Восприемница при крещении в Екатеринодарском костёле: в 1904 г. Владиславы Юлии – дочери дворянина Владислава Квецинского и Марты, урожд. Домбровской; в 1910 г. Веры / Ирены Элеоноры Рохлин (1883 г.р.) – дочери надворного советника, врача Александра Яковлевича Рохлин и Любови, урожд. Кланк.

Дети: *Зофья* (ок. 1891 г.р.) – супруга потомственного дворянина Ковенской губ., доктора, надворного советника *Эдуарда Францевича Вацлавовича Контрим* (ок. 1881 г.р.). Венчание в 1913 г. в Екатеринодарском костёле (свидетелями были Владимир Пержинский и Ян Хоецкий). Мать *Ядвиги* (1914 г.р.) и *Ольгерда Контрим* (1918–1919).

Владислав (ок. 1892 г.р.) – католик. Корнет 1-го Уланского полка 4-й Дивизии польских стрелков генерала Люциана Желиговского (полк был сформирован в августе 1918 г., с декабря 1919 г. назывался 14-й Уланский полк). Супруга: *Лариса Константиновна, урожд. Гаденко* (ок. 1895 г.р.) – православная, дочь полковника ККВ. Венчание в 1919 г. в Войсковом соборе Александра Невского по православному обряду. Поручители на венчании по жениху: потомственный дворянин Вячеслав Эдуардович Уейский и помощник военного прокурора корнет Тимофей Павлович Карякин, по невесте: подпоручик Управления начальника инженеров Кубанского края Владимир Леонидович Тимофеев и подпоручик автомобильного отдела ККВ Борис Владимирович Воленский. В 1919 г. В. Уейский был поручителем на венчании со стороны жениха – брата своей будущей жены есаула автомобильного отдела ККВ Георгия Константинович Гаденко.

Вячеслав – в 1919 г. был поручителем на венчании со стороны жениха Владислава и Ларисы Уейских (см.).

Брат: *Адольф (Адольф Иванович) Уейский* (1872 г.р.) – католик, потомственный дворянин Минской губ. Игуменского уезда. Служащий железной дороги (упом. 1919 г.). Холост. В 1919 г. он был зарегистрирован в списках желающих принять польское гражданство, составленных Польским консульским агентством в Екатеринодаре на польском языке.

AAN. Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego w Piotrogradzie. Sygn. 94. S. 827; ГА РФ. Ф. Р-7562. Оп. 1. Д. 2. Л. 59об., 60; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5854. Л. 50, 50об., 58; Оп. 2. Д. 3940; Д. 4027;

Ф. 801. Оп. 1. Д. 121(1). Л. 268об.; Д. 121(2). Л. 396об., 517об.; Д. 122. Л. 168об.; Д. 320. Л. 119, 125об., 126; Д. 329. Л. 118об.; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 545; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 144; *Бардадым В.П.* Архитектура Екатеринодара. Краснодар, 2009. С. 141; *Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья* / Сост. и изд. М.С. Шапсович. Баку, 1914. С. 40; *Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья.* Ек., 1915. С. 39; *Протоколы заседаний Кубанского Краевого Правительства 1917-1920: сб. документов в 4-х т. / Под ред. А.А. Зайцева.* Краснодар, 2008. Т. 4. С. 109, 260; *Указатель действующих в империи акционерных предприятий* / Под ред. В.А. Дмитриева-Мамонтова. СПб., 1905. С. 383.

Феттер, Юзеф (Иосиф Казимирович) (ок. 1863 г.р.) – католик, родом из Варшавы.

Владелец магазина «Жирардовские изделия» (фирма «И. Феттер и Ко») в 1-й части Екатеринодара по ул. Красная № 49 [в 1914–1917 гг. – Николаевский проспект], который располагался напротив биографа Панайота Филишловича Акритаса и специализировался по продаже полотна, столового белья, полотенец, носовых платков, одеял, чулочных и бумажных товаров, мужского, дамского и детского белья, галстуков (упом. 1914–1916 гг.). В 1916 г. фирма «И. Феттер и Ко» имела право участвовать в выборах гласных Екатеринодарской городской думы.

С октября 1914 г. Ю. Феттер был членом комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавшего от военных действий населения Польши. В ноябре 1914 г. в Жирардовском магазине с 8 до 19 ч велась запись желающих принять участие в организации «Дня Польши» в Екатеринодаре.

В 1921 г. Ю. Феттер был записан вместе с женой и дочерью в список граждан, готовых выехать в Польшу: тогда они проживали в Краснодаре по ул. Гоголевская (ныне ул. Гоголя) № 87.

Супруга: *Михалина (Михалина Томашевна) Феттер* (ок. 1864 г.р.) – католичка. В 1921 г. была восприемницей при крещении в Краснодарском римско-католическом костёле Павла – сына Павла Гинтовта и Ванды, урожд. Корецкой.

Дети: *Зофья* (ок. 1892 г.р.) – католичка.

24 декабря 1917 г. пани Феттер (мать или дочь?) приняла участие в организации сочельника в польском клубе «Огниско» в Екатеринодаре и приготовила кутью, за что получила благодарность от Правления Союза военных поляков Екатеринодарского гарнизона.

ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 347. Л. 1; Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 450. Л. 80об.; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1914. 16 января. № 1205-12; 31 октября. № 1438-245; 9 ноября. № 1447-254; 21 ноября. № 1457-264; 23 ноября. № 1458-265; Листок войны: ежедневное издание в г. Екатеринодаре [газета]. 1917. 31 декабря. № 1148; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1916–1920 гг. по 1-му участку. Ек., 1916. С. 15.

Фиалковский, Теофил (Феофил Петрович) (ок. 1862 г.р.) – католик, из крестьян Варшавской губ.

Владелец склада земледельческих орудий на ул. Красной [в 1914–1917 гг. – Николаевский проспект] (упом. 1915–1916 гг.).

В 1917 г. кандидат в гласные по 3-му участку Екатеринодара. Заместитель членов 3-го участкового по подоходному налогу присутствия Екатеринодара (в 3-й части города) (с 1917 г.).

Владел в Екатеринодаре домами по ул. Рашпилевская № 102 (в 1908 г. его стоимость оценивалась в 3600 р) и по ул. Пластуновская (ныне ул. им. И.И. Янковского) № 99 (упом. 1916 г.).

Действительный член и член ревизионной комиссии Екатеринодарского римско-католического обществ пособия бедным (упом. 1906–1908 гг.).

Член ревизионной комиссии Екатеринодарского отделения ПОВЖВ (с 1915 г.).

В 1900 г. восприемник при крещении в Екатеринодарском костёле Петра – сына Петра Павла Буковского (см.).

В 1921 г. был записан в список граждан, желающих выехать в Польшу (проживал в Краснодаре по ул. Карасунская № 58).

ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3940; Д. 4027; Ф. 801. Оп. 1. Д. 121 (1). Л. 220; Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 450. Л. 88; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 389. Л. 69; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1908–1912 гг. по 2-му избирательному участку (2-я полицейская часть). Ек., 1908. С. 9; Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы на четырёхлетие 1916–1920 гг. по 3-му участку. Ек., 1916. С. 18.

Цыбульский (Цибульский), Даниэль Титус (Тит Осипович; Даниил Тит Иосифович) – католик, дворянин Минской губ.

Коллежский секретарь (до 1881 г.), титулярный советник (с 1881 г.), коллежский ассессор (с 1884 г.), надворный советник (с 1888 или 1889 г.).

Окончил шесть классов Новогрудской гимназии.

В 1868 г. поступил на государственную службу. Служил в 4-м Департаменте Правительствующего Сената (до 1880 г.). Попросил перевести его в Екатеринодар. Старший помощник правителя канцелярии начальника Кубанской обл. (в 1880–1908 гг.). Неоднократно был и.д. правителя канцелярии Начальника Кубанской обл. (в общей сложности около пяти лет).

Делопроизводитель (упом. 1894–1909 гг.), секретарь (упом. 1898 г.) Кубанского местного управления Российского Общества Красного Креста.

Секретарь институтского совета и бухгалтер Кубанского Мариинского женского института (в 1908 г.). Делопроизводитель Кубанской общины сестёр милосердия (упом. 1909 г.). Младший нештатный контролёр 1-го окружного акцизного управления (в г. Екатеринодаре) Управления акцизными сборами Кубанской обл. и Черноморской губернии, отставной надворный советник (упом. 1914–1918 гг.).

К 1908 г. награждён орденами Св. Анны до 2-й степени включительно, получил за беспорочную 35-летнюю службу орден Св. Владимира 4-й степени.

Один из учредителей и действительный член Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным (с 1904 г.). Претендент на пост синдика Екатеринодарской римско-католической церкви (в 1904 г.).

Д.-Т. Цыбульский был свидетелем на венчании в Екатеринодарском костёле: в 1891 г. дворянина Францишека Августиновича Мигдалло и дворянки Хелены Юзефовны Серафинович (см.); в 1904 г. дворянина г. Варшавы Станислава Леонарда Турчинского и дворянки Станиславы Скибневской.

Восприемник при крещении в Екатеринодарском костёле в 1895 г. Ядвиги – дочери дворянина, инженера-технолога Александра Михайловича Издебского и Чеславы Юзефовны, урожд. Шпадковской; в 1896 г. Юлии – дочери ротмистра пограничной стражи Винценты Михайловича Ясинского и Сусанны Яновны, урожд. Мильчевской.

Супруга: *Юлиана (Юлия Теодоровна), урожд. Радвиллович* – католичка. В 1893 г. была восприемницей при крещении в Екатеринодарском костёле Михалины Янины – дочери дворянина Феликса Константиновича Винарского и Михалины Ромуальдовны, урожд. Квятковской.

Дети: *Мария* (род. до 1880 г.) – католичка. Восприемница при крещении в Екатеринодарском костёле в 1896 г. Юлии – дочери ротмистра пограничной стражи Винценты Михайловича Ясинского и Сусанны Яновны, урожд. Мильчевской.

Станислав (род. до 1880 г.) – католик. В 1903 г. восприемник при крещении в Екатеринодарском костёле Алины – дочери дворянина Виталиса Жарчинского и Хелены, урожд. Костриц.

Изабелла Францишка (1881 г.р.) – родилась и крещена в Екатеринодаре, её восприемниками были кубанский областной ветеринарный врач, коллежский советник и кавалер Августин Мигдалло и супруга штабс-капитана Екатеринодарского местного батальона Францишка Адольфовна Чижик. В 1898 г. окончила 7-й класс, а в 1900 г. 9-й класс Екатеринодарской Екатерининской городской женской гимназии. Учительница Екатеринодарского римско-католического церковно-приходского училища (упом. 1903–1904 гг.). Супруга поселянина-собственника Самарской губ., агента Российского общества транспорта *Рудольфа Людвиговича Нидекер* (ок. 1874 г.р.), лютеранина. Венчание состоялось в 1905 г. в Екатеринодарском костёле, на котором свидетелями были: дворянин Тадеуш Пстронговский и Станислав Циосинский. И.-Ф. Цыбульская в 1904 г. была восприемницей при крещении в Екатеринодарском костёле Вацлава – сын дворян Подольский губ. Тадеуша Лонгина Пстронговского и Зофьи, урожд. Оленской.

Юлия (1882 г.р.) – родилась в Екатеринодаре и крещена здесь в 1883 г., её восприемниками были правитель канцелярии начальника Кубанской обл., коллежский советник и кавалер разных орденов Бальтазар Степанович Агамалов и супруга коллежского советника и кавалера

разных орденов Юлия Казимировна Серафинович. Ю. Цыбульская обучалась в Екатеринодарской Екатерининской городской женской гимназии в 1893–1899 гг. (училась слабо, имела «пятёрку» только по рукоделию). Учительница рукоделия Екатеринодарского римско-католического церковно-приходского училища (упом. 1903–1904 гг.). Ю. Цыбульская в 1908 г. была восприемницей при крещении в Екатеринодарском костёле Марии – дочери инженера Яна Климентьевича Мальгерба (см.).

Юзеф Даниель (1884 г.р.) – родился и крещён в Екатеринодаре, его восприемниками были коллежский советник Августин Мигдаллю и Юлия Казимировна Серафинович; присутствовали: штабс-капитан Зыгмунт Юзефович Чижик и Мария Августиновна Мигдаллю. В 1905 г. Ю.-Д. Цыбульский окончил 7-й дополнительный класс Кубанского Александровского реального училища.

Даниэль Зыгмунт (1887 г.р.) – родился и крещён в Екатеринодаре, его восприемниками были штабс-капитан Зыгмунт Юзефович Чижик и Юлия Казимировна Серафинович. В 1907 г. окончил 7-й дополнительный класс Кубанского Александровского реального училища.

Казимеж Францишек (1890–1893) – родился и крещён в Екатеринодаре, его восприемниками были коллежский советник Юзеф Юзефович Серафинович и его дочь Елена Юзефовна Серафинович. Умер в Екатеринодаре и погребён на Всесвятском кладбище.

Супруги Цыбульские были одними из жертвователей на строительство Екатеринодарского костёла (1881 г.). Они имели тесные дружеские связи с семьями видных кубанских поляков Августина Мигдаллю и Юзефа Серафиновича.

Отец: *Юзеф (Иосиф Антонович) Цыбульский* – католик, титулярный советник.

Мать: *Юдифь (Юдифь Яновна) Цыбульская* (ок. 1817–1899 г.) – католичка. Умерла в Екатеринодаре и погребена на Всесвятском кладбище.

Брат: *Владислав Цыбульский* (умер после 1899 г.) – католик.

Сестра: *Антонина Цыбульская* (умерла после 1899 г.) – католичка. В замужестве Павловская.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 780. Л. 41; Д. 783. Л. 17; Д. 848. Л. 22; Д. 884. Л. 9; Д. 1788. Л. 18; Д. 3809. Л. 26об.; Д. 3940; Д. 4027; Д. 6157. Л. 6, 7, 10; Оп. 7. Д. 1627. Л. 5–6; Ф. 469. Оп. 1. Д. 373; Ф. 495. Оп. 1. Д. 131. Л. 121; Ф. 801. Оп. 1. Д. 119. Л. 210, 223, 238; Д. 120. Л. 64, 98об.; Д. 121(1). Л. 19, 49об., 77, 97об., 114, 272, 276; Д. 121(2). Л. 360об.; Д. 122. Л. 85об., 135, 139; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 298. Л. 47об.; Кубанские областные ведомости [газета]. 1880. 15 марта. № 11. С. 1; Черноморское побережье: газета экономическая, общественная и литературная. Контора и редакция: Новороссийск [газета]. 1904. 21 декабря. № 567; ПККО на 1881 г. Эк., 1881. С. 3; КСК 1883 г. Эк., 1883. С. 3; КСК 1891 г. Эк., 1891. С. 7; КСК 1894 г. Эк., 1894. С. 8, 53; КК на 1898 г. Эк., 1898. С. 36, 104; КК на 1899 г. Эк., 1899. С. 71; КК на 1900 г. Эк., 1899. С. 19; КК на 1901 г. Эк., 1900. С. 19; КК на 1902 г. Эк., 1901. С. 31, 102; КК на 1903 г. Эк., 1902. С. 41, 116; КК на 1904 г. Эк., 1903. С. 19, 86, 100; КК на 1905 г. Эк., 1904. С. 31, 79; КК на 1907 г. Эк., 1906. С. 21, 92; КК на 1908 г. Эк., 1908. С. 19, 118; КК на 1909 г. Эк., 1909. С. 186, 266; КК на 1910 г. Эк., 1910. С. 159; КК на 1915 г. Эк., 1915.

С. 156; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 155; Обзор деятельности Кубанского Александровского реального училища за 1912–1913 учебный год. Ек., 1914; Отчёт Екатерининской, в г. Екатеринодаре, городской женской гимназии за двадцатипятилетний период её существования, с 14 сентября 1884 г. по 14 сентября 1909 г., в связи с современным её состоянием. Ек., 1910.

Червинский, Ян Марьян (Ян Петрович) (1878–1962) – католик, родился в Янове Подьяском.

В 1897 г. окончил филологический лицей в Седльцах, после чего год учился на математическом факультете Санкт-Петербургского университета. В 1898 г. переехал учиться на механический факультет в созданный Варшавский политехнический институт императора Николая II, который окончил в 1904 г., получив диплом инженера-технолога. Участник тайных студенческих обществ борьбы за независимость Польши. В 1905 г. месяц находился в заключении за участие в организации студенческих забастовок.

В 1905–1907 гг. инженер-конструктор на металлургических предприятиях в Островце Свентокшиском. В 1907–1914 гг. руководил работами по электрификации Варшавы. Редактировал технические журналы.

В 1915–1918 гг. был техническим директором машиностроительного завода «Кубаноль» (сокращение «Kuban Oil» происходит от названия созданного акционерного общества «The Russian Kuban Industrial and Petroleum Company Ltd.»), основанного в Екатеринодаре в 1911 г. на деньги британских нефтепромышленников и предназначенного для изготовления механизмов и машин для глубокого бурения (ныне Краснодарский станкостроительный завод им. Г.М. Седина).

В 1915–1918 гг. председатель Екатеринодарского отделения ПОВЖВ. 26 марта 1917 г. был председателем польского митинга в Екатеринодаре, на котором присутствовало ок. 500 чел. и были избраны представители от поляков в Екатеринодарский гражданский комитет, игравший в тот момент роль главного властного органа Кубанской обл.

В 1916 г. проживал в Екатеринодаре по адресу: ул. Борзиковская № 8 (ныне ул. Коммунаров).

В январе 1919 г. вместе с семьёй переехал в Польшу. По согласованию с руководством «Кубаноль» стал директором фабрики бурильных машин Галицийско-Карпатского нефтяного общества в Глиннике Мариампольском, где работал до 1925 г.

В 1926–1932 гг. главный директор Подляского авиазавода в Бялой Подляске. Параллельно занимался общественной и политической деятельностью, в том числе был председателем местного отдела Стрелкового Союза.

В 1930–1935 гг. – сенатор РП. Избирался по Люблинскому воеводству от Беспартийного блока сотрудничества с правительством. В Сенате руководил группой комиссий по развитию экономики. С 1933 г. член элитарного Варшавского общественно-политического клуба. В 1935–1938 гг. был помощником сенатора в Люблинском воеводстве.

В связи с экономическим кризисом в Польше и связанного с этим ухудшением состояния Подляского авиазавода, в марте 1932 г. Я.-М. Червинский был отозван с поста директора. Вначале проживал в Пулавах, а с 1933 г. – в Люблине, где был советником Торгово-промышленной палаты и председателем отделения Морской и колониальной лиги.

С 1935 по 1950 г. возглавлял работы по электрификации Любельщизны. В 1936–1939 и 1944–1950 гг. директор Люблинского межмуниципального электрификационного союза (с 1948 г. – Энергетическое объединение Люблинского округа). В период немецкой оккупации перестал выполнять функции директора, но остался в фирме и продолжал проводить работы по электрификации. В течении Второй мировой войны Я.-М. Червинский жил в Люблине в Десятом районе по ул. Ческой № 6. В его квартире был место конспиративных встреч Армии Крайовой (пока в ноябре 1944 г. сотрудники НКВД не арестовали здесь несколько десятков лиц, сосланных затем вглубь СССР).

В 1950 г. был уволен из Энергетического объединения как идеологически сомнительный деятель, имеющий тёмное прошлое и связи с Армией Крайовой. После этого остаток своей жизни Я.-М. Червинский работал в Воеводском объединении государственных предприятий местной промышленности, выполняя функции старшего инженера мастерской технической документации.

Я.-М. Червинский был дважды награждён Золотым Крестом Заслуги (в 1938 и 1949 гг.).

Он умер в Люблине и был похоронен на местном римско-католическом кладбище по ул. Липовая.

Супруга: *Мария Уришуля, урожд. Опольская* (1889–1965) – католичка. В 1915–1918 гг. член комитета Екатеринодарского отделения ПОВЖВ. Сестра *Каролины Опольской*, супруги *Антони Пониковского* (премьер-министра РП в 1918 и 1921–1922 гг., дружившего с Я.-М. Червинским со времён учёбы в филологическом лицее в Седльцах).

Дети (все получили высшее образование):

Мечислав (1912–1935) – католик. Студент Львовской политехники. Харцер.

Мария Крыстына (1914–1944) – католичка. Магистр биологии, солдат-санитарка Армии Крайовой. Погибла в Варшавском восстании 1944 г.

Витольд Болеслав (1917 г.р.) – католик, родился в Екатеринодаре 31 декабря 1916 г. по ст.ст. и крещён 18 апреля 1917 г. в местном костёле, его воспитателями были Эугениуш Ивановский и Янина Опольская. В октябре 1939 г. при попытке пересечь венгерскую границу был арестован сотрудниками НКВД и сослан на 25 лет в Сибирь. Но в 1942 г. вышел из СССР как солдат польской армии генерала В. Андерса. Обучившись в Великобритании, стал пилотом 318-го разведывательно-истребительного «гданьского» дивизиона. После войны поселился в Аргентине.

Янина (1919 г.р.) – католичка. По мужу Карцницкая.

Тадеуш (1921–1944) – католик, родился в Глиннике Мариампольском. Студент-электрик Львовской политехники, а также подпольного Варшавского политехнического института. Подпоручник 2-й роты батальона «Килиньский» Армии Крайовой (псевдоним «Пентка»). Погиб в Варшавском восстании 1944 г.

Магдалена (1923–2004) – католичка. Харцер подпольной организации «Серые ряды» (Шарэ Шерэги). В замужестве Кравчкы.

Войчех (1925 г.р.) – католик. С 1942 г. харцер подпольной организации «Серые ряды» (Шарэ Шерэги) и подхорунжий отдела Армии Крайовой «Ненастье» (Шаруга). В 1944–1946 гг. содержался вместе с солдатами Армии Крайовой в лагере НКВД в Боровичах (Новгородская обл.). Выпускник юридического факультета Вроцлавского университета.

Отец: *Пётр Тадеуш Червинский* (1844–1902) – католик. Инженер-строитель (в том числе в Седльцах), участник Январского восстания 1863 г.

Мать: *Мария / Марианна Наталья, урожд. Вернер (Vernier)* (1842–1912) – дочь садовника-ботаника, учителя, публициста и рисовальщика Петра (Пьера Франсуа Дени) Вернера (1803–1890), происходящего из французско-эльзасской семьи, который внёс большой вклад в создание Саксонского сада в Люблине и развитие садово-паркового ансамбля в Пулавах.

ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5854. Л. 43–45об., 58, 58об.; Ф. 801. Оп. 1. Д. 121(2). Л. 590об.; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 290. Л. 52; Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 22. Л. 16; Kto był kim w Drugiej Rzeczypospolitej / Red. nauk. J.M. Majchrowski, G. Mazur, K. Stepan. Warszawa, 1994. S. 503; Słownik biograficzny techników polskich. Warszawa, 1994. T. 4/5. S. 28–30; *Smogorzewska M.* Posłowie i senatorowie Rzeczypospolitej Polskiej 1919–1939: słownik biograficzny. Warszawa, 1998. T. 1.

Шарамович, Валериан (Валериан Валерианович) – католик, дворянин.

Титулярный советник (упом. 1906–1912 гг.), коллежский советник (упом. 1915 г.).

Товарищ прокурора Екатеринодарского окружного суда в Майкопе (упом. 1906–1911 гг.) и в Екатеринодаре (упом. 1911–1915 гг.). Третий нотариус Екатеринодарского окружного суда в Майкопе (только в 1915 г.): его контора находилась по ул. Садовой в доме Карпачова, но, поняв, что трудно будет содержать нотариальную контору, от этой должности отказался.

Мировой судья 3-го участка Майкопского судебно-мирового округа (упом. 1918–1919 гг.), председатель Майкопского съезда мировых судей (с 1918 г.). Начальник Майкопской городской милиции, присяжный поверенный Екатеринодарского окружного суда в Майкопе (упом. 1918 г.).

После установления советской власти на Юге России выехал, предположительно, в Болгарию.

Председатель Кубанского отдела Императорского Российского общества сельскохозяйственного птицеводства (упом. 1912–1914 гг.). Казначей Кубанского отдела Российского общества покровительства животным (упом. 1914 г.).

С октября 1914 г. был членом комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавшего от военных действий населения Польши и одним из активных организаторов «Дня Польши» в Екатеринодаре (21–22 ноября 1914 г.).

В 1915 г. стал председателем временного Майкопского благотворительного комитета в пользу пострадавших от нашествия немцев жителей Польши и организатором «Дня Польши» в Майкопе (4 мая 1915 г.).

Мать: (?) *Августа (Августа Юльевна) Шарамович* (ок. 1833–1917) – католичка, дворянка. Умерла в Майкопе и погребена на местном городском кладбище заведующим Майкопской римско-католической церковью ксёндзом Алоизиум Ятовтом.

ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 329. Л. 58об.; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 298. Л. 20, 99; Кубанский край: издание Сергея Казарова [газета]. 1914. 31 октября. № 1438-245; 21 ноября. № 1457-264; 23 ноября. № 1458-265; Майкопское эхо [газета]. 1915. 27 января. № 26; 11 апреля. № 95; 4 мая. № 116; 12 июня. № 155; 30 июня. № 173; 14 ноября. № 307; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 42; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 34; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 162; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 161, 272; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 171, 286; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 166, 292; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 141, 143; *Mambuev O.B.* Поляки Майкопа (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Wiadomości Polskie / Польские ведомости: Издание Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство»*. 2007. Приложение № 1(3); Протоколы заседаний Кубанского Краевого Правительства 1917–1920: сб. документов в 4-х т. / Под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2008. Т. 2. С. 49.

Щенснович, Александр (Александр Николаевич) (1845–1922) – католик, сын дворянина. Родился в предместье Архангельска – Соломбале.

Титулярный советник (упом. 1891–1917 гг.).

Окончил Морское инженерное училище в Кронштадте и Морскую академию в Петербурге. В 1868 г. оставил флотскую службу в чине прапорщика Корпуса инженеров-механиков. В 1875 г. окончил Институт Корпуса инженеров путей сообщения и с 1881 г. стал работать в Обществе Владикавказской ж.д., недолго связав свою жизнь с Новороссийском.

В 1891–1917 гг. инженер путей сообщения А. Щенснович был заведующим технической частью и возглавлял все технические работы на Новороссийском транспортном узле. Он вёл строительство, а затем и эксплуатацию ж.-д. парка, механических мастерских, подъездных путей, пристаней и здания вокзала. Под его руководством велась работа по электрификации самого крупного (ёмкостью 3 млн пудов зерна) в Европе амбара-элеватора в Новороссийске, возведённого в 1894 г. по проекту другого известного поляка – председателя правления АО Владикавказской ж.д. *Станислава Ипполитовича Керbedзя*.

Для обеспечения электроэнергией ж.-д. станции и оптимизации работы элеватора, которым заведовал А. Щенснович, по его проекту строится первая в мире промышленная электростанция трёхфазного тока (1893 г.). Заметим, что изобретение трёхфазной системы электрического тока является заслугой русского инженера-электрика польского происхождения *Михаила Осиповича Доливо-Добровольского*.

Талантливый инженер А. Щенснович внёс огромный вклад в развитие и благоустройство Новороссийска. В 1904 г. он был включён в члены комиссии по устройству городского водопровода, а в 1912 г. стал членом городской комиссии, возглавляемой новороссийским головой, по строительству здания нового городского театра. Он исполнял обязанности почётного попечителя двухклассного училища Общества Владикавказской ж.д. и являлся членом попечительного совета Ремесленной школы в Новороссийске.

А. Щенснович был требовательным и очень пунктуальным начальником, и когда весной 1917 г. в возрасте 72 лет подал прошение об отставке, то получил от Министерства путей сообщения отказ, на основании того, что во время войны увольнения не принимаются. Тем не менее, учитывая сложившиеся в то революционное время враждебные отношения его с низшими служащими и рабочими технической части Владикавказской ж.д., А. Щенснович в том же году уехал из Новороссийска в Хабаровск, где и умер.

Отец: *Миколай (Николай Войцехович / Васильевич) Щенснович* (1813–1878) – католик. Унтер-офицер гвардейского гренадерского полка Польской армии (в 1830–1833 гг.), участник Ноябрьского восстания, сосланный в 1833 г. в Соломбальское селение под Архангельском. Здесь он был определён мастеровым 8-го рабочего экипажа Российского Императорского Флота. С 1842 г. – в Архангельском военном порту. Впоследствии произведён в прапорщики по Адмиралтейству, с 1854 г. – поручик 8-го рабочего экипажа. В 1862 г. перешёл в Кронштадт на транспорте «Красная Горка». В 1864 (или 1869?) г. уволен в отставку майором.

Мать: *Петронелия (Петронелия Юзефовна), урожд. Недвляковская (другая версия - Недзведская)* (ок. 1811–1896) – католичка, вероятно, дочь ссыльного, который пошёл в русскую армию и дослужился до поручика (или подпоручика). Скончалась в Санкт-Петербурге и похоронена на Выборгском римско-католическом кладбище.

Сын: *Александр Щенснович* (1886–1942) – окончил Морской корпус (1906 г.) и служил на Балтийском флоте. Штурманский офицер 1-го разряда (1911 г.). Автор радиогидроакустического метода определения места корабля в море. В годы Первой мировой войны за заслуги произведён в старшие лейтенанты (1915 г.), а также удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени (1916 г.), ордена Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (1916 г.). После 1917 г. покинул Россию, в 1919 г. выехал в Стокгольм, а затем во Францию. Жил и умер в Париже, погребён на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. На основании свидетельства Департамента герольдии Правительствующего Сената № 43 от 19 сентября 1890 г., определением Санкт-Петербургского дворянского депутатского собрания 8 ноября 1890 г. внесён во 2-ю часть Дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губ.

Сестра: *Эмилия Щенснович* (1847 г.р.) – католичка. Родилась в Соломбале. Проживала в Санкт-Петербурге. Первый супруг – коллежский секретарь *Кимонт* (умер между 1889 и 1898 г.), второй супруг (с начала 1900-х гг.) – действительный статский советник *Евгений Леонардович Любовицкий*. В 1917 г. супруги Любовицкие (Любовидские) ещё проживали в Петрограде.

Брат: Эдвард (Эдуард Николаевич) Шенснович (25 декабря 1852 / 6 января 1853 по н.ст. – 20 декабря 1910 / 3 января 1911 по н.ст.) – католик. Родился в Соломбале. Российский вице-адмирал (1909 г.), герой Русско-японской войны 1904–1905 гг., член Адмиралтейств-совета (с 1909 г.), один из первых организаторов минного дела и подводного плавания в русском флоте, первый русский адмирал подводного плавания, первый командир Учебного отряда подводного плавания. Награждён орденами Св. Станислава 3-й степени (1878 г.), Св. Анны 3-й степени (1881 г.), Св. Станислава 2-й степени (1890 г.), Св. Анны 2-й степени (1894 г.), Св. Владимира 4-й степени с бантом (1897 г.), Св. Владимира 3-й степени (1902 г.), Св. Георгия 4-й степени (1904 г.), Св. Станислава 1-й степени (1907 г.), Св. Анны 1-й степени (1910 г.), Золотой саблей «За храбрость» (1907 г.), а также серебряной медалью в память царствования в Бозе почившего императора Александра III (1896 г.) и серебряной медалью с бантом в память Русско-японской войны (1906 г.). Кроме того, был кавалером черногорского креста 2-й степени ордена князя Данило I, прусского ордена Красного Орла 2-й степени (1902 г.) и кавалером командорского креста греческого ордена Спасителя (1903 г.). Автор «Положения о службе на подводных лодках». Скончался в Санкт-Петербурге и был погребён на Выборгском римско-католическом кладбище. Супруга (с 1898 г.) – *Ядвига Михайловна, урожд. Змачковская (другая версия – Змачинская)* (умерла после 1917 г.). Брак был бездетен.

РГАВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 83; Ф. 180. Оп. 1. Д. 4; Ф. 406. Оп. 3. Д. 682, 685; Оп. 9. Д. 4846; Ф. 407. Оп. 1. Д. 4418; Ф. 410. Оп. 3. Д. 3738; Ф. 417. Оп. 5. Д. 2516; Ф. 432. Оп. 5. Д. 7513. Л. 3; Новая жизнь: орган республиканской мысли; ежедневное издание В.Е. Шварева в г. Екатеринодаре [газета]. 1917. 11 мая (24 мая). № 20; Черноморское побережье: газета экономическая, общественная и литературная. Контора и редакция: Новороссийск [газета]. 1904. 17 октября. № 515. С. 3; 10 ноября. № 533. С. 2; КК на 1902 г. Ек., 1901. С. 99; КК на 1903 г. Ек., 1902. С. 114; КК на 1904 г. Ек., 1903. С. 98; КК на 1905 г. Ек., 1904. С. 76; КК на 1907 г. Ек., 1906. С. 88; КК на 1908 г. Ек., 1908. С. 115; КК на 1909 г. Ек., 1909. С. 181; КК на 1910 г. Ек., 1910. С. 187; КК на 1911 г. Ек., 1911. С. 177; КК на 1912 г. Ек., 1912. С. 183; КК на 1913 г. Ек., 1913. С. 193; КК на 1914 г. Ек., 1914. С. 190; КК на 1915 г. Ек., 1915. С. 177; КК на 1916 г. Ек., 1916. С. 179; *Герасименко А., Санеев С.* Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998. С. 144, 230, 237, 424; *Грабарь А.Г., Цветков И.Ф.* Изобретение А.А. Шенсновичем радиогидроакустического метода определения места корабля в море // Наука и военная техника. Из истории оборонных предприятий Петербурга. СПб., 2001. С. 75–88; Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 620; Знаменитые люди Севера: от М.В. Ломоносова до наших дней: Материалы междунар. научн. конф., посвящ. 295-летию со дня рождения великого русского учёного Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765). Архангельск, 2006; Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. / Ред. В.В. Лобыцын. М.; Феодосия, 2001. С. 151.

О.В. МАТВЕЕВ
г. Краснодар

ПОЛЯКИ КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПАРТИЙНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1920-х гг.

Усилия исследователей мира советской повседневности сегодня всё больше сосредоточены на выявлении пограничных зон взаимодействия большой публичной жизни советского общества и ежедневных стратегий выживания составляющих его социальных и этнических групп¹. В данной статье предпринята попытка реконструкции повседневных практик поляков-коммунистов Кубано-Черноморской области в 1920-е гг. Статья написана при финансовой поддержке Российским гуманитарным научным фондом исследовательского проекта № 09-03-00823 а/Р.

По данным Всероссийской переписи 1920 г. в Кубано-Черноморской области проживало 7238 поляков². На момент переписи 1926 г. ситуация мало изменилась: численность польского населения составляла 7394 чел.³ Большая часть поляков в 1926 г. концентрировалась в Кубанском (35,3%) и Черноморском округах (27,3%), значительно меньше их проживало в Армавирском (22,1%) и Майкопском (15,3%) округах. В городах проживало 52,8% поляков, причём больше половины всех городских жителей польской национальности (57,4%) компактно проживали в Краснодаре и Новороссийске⁴. Число поляков – членов и кандидатов в члены ВКП(б) в крае установить трудно, поскольку партийные кадры в 1920-е гг. пережили несколько чисток. Учитывая, что в конце 1926 г. в составе Польской секции при Кубо-Кружке ВКП(б) числилось 35 чел.⁵, а поляки Кубанского округа составляли 35,3% всего польского населения области, можно предположить, что в среднем коммунисты объединяли ок. 1,4% всех поляков. При этом надо иметь в виду, что атмосфера подозрительности после советско-польской войны 1920 г. и массовой реэвакуации 1920–1921 гг. выходцев из Польши, желавших вернуться в возрождённое Польское государство, интерес польской разведки к Северному Кавказу, стремившейся использовать национальные движения в регионе в своих

¹ Хлынина Т.П. Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп, 2005. С. 13.

² Население и хозяйство Кубано-Черноморской области: Статистический сборник за 1922–1923 гг. Краснодар, 1924. Ч. 1. С. 67.

³ Рикачѳ В.Н. Поляки на Кубани: демографический аспект // Поляки в России: XVII–XX вв.: Матер. межд. науч. конф. / Научн. ред. и сост. А.И. Селицкий. Краснодар, 2003. С. 281.

⁴ Там же.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 315. Л. 1.

целях⁶, партийные чистки 1920-х гг. – всё это вместе взятое нередко заставляло кубанских поляков скрывать не только свою партийность, но и национальную принадлежность. Данный факт хорошо прослеживается в протоколах заседания Польской секции при Кубокружке ВКП(б), хранящихся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края.

Создание и деятельность специальной Польской секции в руководстве партийной организации края в середине 1920-х гг., с одной стороны, отвечало национальной политике Советского государства, направленной на поддержку «эксплуатируемых при царизме» национальностей, развитие национальных языков и литературы, с другой – вызвало настойчивость стремление руководителей Польской секции к обособлению в партийной среде. Поэтому учёт коммунистов-поляков был затруднён, многие партиячки просто не присылали в Польскую секцию анкет партийцев польской национальности⁷.

Польская секция Кубокружка ВКП(б), собравшаяся 19 декабря 1926 г. с тревогой констатировала «невозможность созыва до настоящего дня общего собрания секции». Председатель собрания Лянцкоранский отметил: «Неоднократные попытки созвать таковое не увенчались успехом. На объявление в газетах по созыву Общего собрания почти никто из коммунистов-поляков не счёл нужным присутствовать. Из общего количества членов партии-поляков явилось на собрание человека 3–5 максимум. Неоднократные постановления Бюро секции о принятии нашими высшими партийными организациями соответствующих мер воздействия, а также оказания помощи по созыву всех членов партии-поляков, до сих пор не дали никаких результатов. Таким образом, постановления и ходатайства Бюро секции оставались исключительно на бумаге; приблизительно такое же положение наблюдается и в самом Бюро. Из общего количества 3 членов и 2 кандидатов принимало участие только двое, остальные по разным причинам хронически отсутствовали. Ярким фактом является настоящее собрание, когда вызывались персональными извещениями через ячейки все члены секции в количестве 35 человек, прибыло же только 12 товарищей, что можно назвать известным “достижением” ... Наблюдается в высшей степени пассивность со стороны членов секции, иногда даже наблюдается простое нежелание работать»⁸.

Если выступивший на собрании Шумилевич объяснял инертность польских коммунистов занятостью в своих парторганизациях и на основной работе, то Казимир Свинярский связал пассивность поляков с общим отношением властей. Он привёл в пример Стеклозавод, «где имели место аресты рабочих-поляков. В данное время таковые освобождены под подписку и препятствий как-будто нет для их поступления на работу, но не принимают, почему и многие рабочие заявляют, что это существует определённое гонение на поляков. Соответствующие разъяснения коммунистов на заводе не дали результатов. Существует до известной степени боязнь работать в польских организациях со стороны беспартийных масс, препятствующие постановке работы на Стеклозаводе.

⁶ Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в советский период (1917–1991 гг.) // Поляки на Кавказе: история и современность / Отв. ред. А.И. Селицкий. Краснодар, 2007. С. 230.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 315. Л. 1.

⁸ Там же.

В лучшем случае некоторые определённые заявляют, “что, мол, живу в Советской стране и тем доволен, Пилсудских же нам не надо, работаем же со всеми сообща”⁹. Стремление руководителей польских коммунистов к сохранению идентичности явно не вписывалось в стратегии выживания рядовых поляков.

Собрание постановило: «Считаясь с фактом, что большинство членов партии поляков забыли или же забывают родной язык, просить окружком ВКП(б) открепить последних от русских партшкол по соответствующей программе в политкружке при Секции на польском языке»¹⁰. Однако спустя год ситуация не изменилась к лучшему. Выступавший на заседании Польской коммунистической секции при политотделе нацмен в Кубокружкоме 25 декабря 1927 г. товарищ Савинский заявлял: «До сих пор существует известное мнение рабочих, что работая в польском рабочем клубе, они подвергаются опасности быть замешанными в антисоветской политике. Это явление осталось после известного ареста некоторых рабочих в связи с шпионской организацией в прошлое время. Есть рабочие-поляки, которые форменным образом отрицают свою национальность, почему и работа даётся очень тяжело. Между прочим, имеется довольно обширное поле деятельности, ибо в настоящее время на заводе работает 22 человека национальности, из них 6 членов партии и 4 кандидата. Выделенной библиотекой передвижной поляки рабочего клуба не пользуются, газет в последнее время не получают, которыми снабжают клуб, сами же рабочие польских газет за некоторыми исключениями, не выписывают»¹¹.

Немало персональных дел польских коммунистов конца 1920-х гг. содержат обвинения в отходе от общественной деятельности. Показательна судьба Ф.Л. Долинского, исключённого из партии «как случайно попавшего в ряды ВКП(б)». Франц (Францишек) Леопольдович Долинский род. в 1900 г. в с. Либартово Лодзинской волости Наполенского уезда Варшавской губ., по национальности – поляк, по социальному происхождению – рабочий. С 1914 г. до Октябрьской революции работал в Армавире на стекольном заводе. В партию вступил 2 февраля 1925 г. В протоколе заседания РКК при Красно-Дубинском райкоме ВКП(б) от 12 мая 1930 г. сообщалось: «Долинский был переведён из Армавира в Краснодар в июне месяце 1929 г., по приезде Долинского в Краснодар, он не стал на учёт ни в ячейке, ни в РК, учётную карточку всё время держал у себя в кармане. Во время чистки он тоже скрыл, что он является членом партии. Партвзносы не платит с июня 1929 г., собраний также с этого момента не посещает»¹².

Другой мастер-стеклодув В.П. Вензовский был исключён из партии «за отрыв от парторганизации, пьянство, за отказ явиться на проверку»¹³. Владислав Петрович Вензовский род. в 1903 г., происходил из рабочих, был малограмотным, в 1923–1924 гг. служил в Красной армии, затем работал мастером-стеклодувом, кандидат в члены ВКП(б) с 1927 г. Однако

⁹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 315. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Там же. Д. 414. Л. 1.

¹² Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2069. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 1399. Л. 1.

от работы в партийной организации В.П. Вензовский всячески уклонялся, не платил членских взносов и, «несмотря на неоднократные заявления секретаря партиячейки явиться на проверку таковой не являлся»¹⁴.

В апреле 1926 г. из рядов ВКП(б) был исключён Я.Б. Буковский, «как неустойчивый, случайно попавший в партию элемент». Ян Брониславович Буковский род. 17 марта 1895 г. в семье рабочего, по национальности – поляк, до 14 лет работал по найму в Варшаве, затем был призван в армию, во время Первой мировой войны воевал на Кавказском фронте. В период Гражданской войны служил садовником на одной из дач Батума, после установления советской власти перебрался в Новороссийск, где устроился сначала в пожарную портовую команду, а затем в отдел снабжения. В 1924 г. Я.Б. Буковский стал кандидатом в члены ВКП(б), но 6 апреля 1926 г. подал заявление «о добровольном выходе из партии, т.к. он желает выехать в Польшу»¹⁵.

Схожая характеристика была дана комячейкой коммерческого агентства г. Новороссийска Черноморской окружной организацией РКП(б) И.И. Станчеку. Иосиф Иосифович Станчек род. в 1898 г., происходил из польской крестьянской семьи. В 1919–1921 гг. служил в Красной армии фотографом, кандидат в члены РКП(б) с 16 февраля 1924 г. В постановлении комячейки от 18 мая 1925 г. говорится, что И.И. Станчек «политически совершенно не развит и за этот период (с февраля 1924 г. – О.М.) не озаботился политически подготовиться. Школу политграмоты не посещал и неисправно уплачивал членские взносы, без явной на то причины. В партработе не принимал никакого участия и не подаёт никакой надежды быть полезным в рядах партии. Всё свое время сосредотачивает на приобретение собственной фотографии и не стремится изжить свои собственнические стремления, может быть только, как балласт и как собственник, могущий разлагать ряды партии»¹⁶.

Недоверие вызывали даже те поляки, которые имели за плечами багаж борьбы с царизмом и с режимом белогвардейцев. Так, в ноябре 1921 г. члену РКП(б) Цицилии Каменской было предъявлено обвинение в присвоении партийного стажа с 1917 г.. Особенно была непримирима одна из руководителей кубанских большевиков П. Вишнякова. Ц. Каменская вынуждена была разъяснять, что в 1917 г. принадлежала к группе Социал-демократической рабочей партии Польши и Литвы, работавшей в Екатеринодаре среди беженцев-поляков, «о чём могут свидетельствовать тот же Свинярский, политком стекольного завода»¹⁷. «Почему я сразу не вступила в ряды РСДРП, – писала Ц. Каменская, – то скажу, что я тогда была робка и по-русски плохо говорила, поэтому в 1917 г. мы связались с комитетом СД Польши и Литвы, получая оттуда газеты и брошюры на польском языке, которым я и беженцы владели в совершенстве, но впоследствии многие из поляков стали лучше понимать русский язык и за неимением поддержки живой силы (ораторов) наша группа распалась. Может быть т. Вишнякова вспомнит один эпизод (комитет был тогда на Раппильевской), когда я приходила к ней, просила поддержки в смысле ораторов, думая,

¹⁴ ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1399. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 256. Л. 9.

¹⁶ Там же. Д. 845. Л. 6.

¹⁷ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1085. Л. 5.

что она владеет польским языком, и она мне указала на тов. Янковского, который обещался прийти к нам, но не пришёл». Намекая, видимо, на связь с современной ситуацией, Ц. Каменская отметила: «Мы тогда были очень огорчены холодным отношением к нам русских товарищей». Далее польская коммунистка писала, что «партийных документов с 1917 г. у меня не имеется, т.к. они во время обыска (польскими офицерами, служившими у Деникина. – О.М.) у меня были уничтожены»¹⁸. Вскоре Польскому бюро в г. Краснодаре было сообщено, что Польбюро ЦК РКП(б) постановило в декабре 1921 г.: «Находящимся в советских республиках членам Коммунистической партии Польши (если вступили в неё при слиянии ППС Левица с СДКПиЛ) считать стаж партийный за время пребывания их в ППС (Левица)»¹⁹.

В середине 1920-х гг. власть дала понять, что прошлые заслуги для неё уже мало значат, что верность ей надо подтверждать каждый день заново²⁰. В начале 1924 г. в Краснодаре покончил с собой бывший судья Кубано-Черноморской области И.Я. Янковский. Иосиф Яковлевич Янковский был отцом известного на Кубани революционера Иосифа Иосифовича Янковского, организатора и руководителя кубанской социал-демократии, первого председателя Кубанского областного совета народных депутатов, погибшего в боях с белогвардейцами²¹. Его имя и сейчас носит одна из центральных улиц Краснодара. И.Я. Янковский род. 20 января 1858 г. в посаде Каменчик Нешавского уезда Варшавской губ., где до 20-летнего возраста жил в рабочих, а затем был призван на военную службу в гвардию. Затем работал на заводе, откуда был уволен за участие в стачках. Связав свою жизнь с революцией, И.Я. Янковский возглавлял комиссию по применению амнистий при ГПУ, принимал участие в комиссии по эвакуации поляков с 1920 по 1923 г., служил запасным судьёй при Кубано-Черноморском областном суде²².

Жена Иосифа Яковлевича Фелиция Янковская писала в своих воспоминаниях: «31 декабря (1924 г. – О.М.) он, возвратившись домой со службы, заявил, что попал в сокращение. Я спросила: “Какие причины?”, на что он ответил: “Вероятно, потому, что стар”. Сократили без всякого предупреждения. После этого он ходил всё время и искал себе службу, обыкновенно каждый день он слышал одно и то же: “Пока нет, зайдите завтра”. Так он проходил до 21 января...»²³.

После самоубийства старого большевика местная партийная газета «Красное знамя» поместила заметку, в которой утверждалось: Янковский повесился потому, что «у него украли деньги». Тогда в партийно-контрольную комиссию Кубано-Черноморской парторганизации обратилась Е. Полуян-Верещкая, которая возмущённо писала: «Необходимо опровергнуть “писак” из газеты, т.к. старик был коммунист в 67 лет, и последнее время пережил большие потрясения благодаря нечуткому отношению и “сокращению”. Может быть, его и следовало сократить, но надо было не выбрасывать его на улицу и вновь не причинять ему острой боли, т.к. старик и без того много пережил»²⁴.

¹⁸ ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1085. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Морозова О.М. Послевоенная жизнь солдат революции // Человек на исторических поворотах XX в. / Под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2006. С. 147.

²¹ Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года / Под ред. Б.А. Трёхбратова. Краснодар, 1997. С. 556.

²² ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1622. Л. 6.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 3.

Не менее драматична судьба одного из руководителей Польской секции Кубокружкома ВКП(б) К.Ф. Свилярского. Казимир Францевич Свилярский род. в 1876 г., происходил из польских рабочих, работал стеклодувом в Двинске, а затем в Екатеринодаре. В 1917 г. рабочие выбрали К.Ф. Свилярского в Совет рабочих и солдатских депутатов, а в марте того года он вступил в ряды партии большевиков. К.Ф. Свилярский был одним из организаторов Красной гвардии в Екатеринодаре, руководил профсоюзом рабочих стекольных заводов края. Однако после занятия белыми столицы Кубани он не отступил вместе с красногвардейскими частями. «Так как у меня семья была тогда 11 душ, – вспоминал Казимир Францевич, – то я должен был быть с семейством, и с Новороссийска я уже передвинулся пароходом “Элена” в Одессу»²⁵. Здесь у него от холеры погибли жена, двое детей и племянник, сам К.Ф. Свилярский был арестован, переболел брюшным тифом и с остатками семейства перебрался в Петроград. После освобождения Краснодара К.Ф. Свилярского направили сюда на работу в качестве политкомиссара Стеклозавода. «В 1922 г. завод остановился для ликвидации, – вспоминал К.Ф. Свилярский, – тут как раз и выезд в Польшу, конечно все стекольщики друг друга подталкивали “едем, едем”, и меня тоже толкнули, с дури выехал без разрешения партии»²⁶. В Польше К.Ф. Свилярского ждали новые испытания. За участие в рабочих стачках его вместе с двумя сыновьями арестовали и продержали 7 месяцев в тюрьме. Оказавшись без средств существования (фабриканты разослали «чёрные листы» участникам стачки по всем предприятиям), Казимир Францевич со второй женой и сыном тайно перешёл границу СССР. Здесь он узнал, что за выезд в Польшу «без разрешения от партийной организации» был исключён из РКП(б). Опыт мастера-стеклодува был востребован и его вновь пригласили в Краснодар, чтобы поднять стеклозавод им. А.И. Рыкова. Однако его профессионализм пришёлся на производстве многим не по вкусу. Стремление К.Ф. Свилярского навести порядок на производстве натолкнулось на сопротивление рабочих, которых поддерживала местная партиячейка. Предшественник К.Ф. Свилярского на должности дежурного по производству И.В. Сергеев в письме в Кубокружком в январе 1926 г. писал: «Отрицательное отношение к тов. Свилярскому многих работающих на заводе заключалось в том, что он внушил опасение как специалист, как знаток стекольного дела, который заняв административно-хозяйственную должность на заводе, будет с имеющимися на заводе и могущими вытекать в процессе работы ненормальностями вести борьбу ... В каждом производстве, в каждой профессии есть уйма всякого рода секретов, которые трудно постичь за короткое время. А в психологии стекольщика, работающего вечно на сдельщине, осталось по старинке нагреть контору. Это можно было сделать при некомпетентных дежурных, но при тов. Свилярском этот номер не проходил. И как администратор, знающий своё дело, сталкиваясь с интересами стекольщиков... которые создавались искусственно, благодаря неграмотным в стекольном деле дежурным по производству. Эти мотивы и побуждали многих систематически подрывать его авторитет и вообще создавать вокруг его личности скверную атмосферу»²⁷.

²⁵ ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5399. Л. 19 об.

²⁶ Там же. Л. 20 об.

²⁷ Там же. Л. 3–4.

В областной партийной газете «Красное знамя» в августе 1925 г. появилась заметка «Панок с панской Польши», в которой противники К.Ф. Свилярского попытались придать его деятельности политический подтекст: «Поеду туда, где солнце светит... С такими словами, после всевозможных кутежей, весёлой жизни и после всех бед, которые были сотворены на Краснодарском стеклозаводе вплоть до закрытия его, предварительно выброшенный из партии РКП(б) гражданин Свилярский, покати в мае 1922 г. в Польшу. Это та страна, в которой, по словам гр. Свилярского, светлое солнце. Но солнце иногда светит, но не греет. По всей вероятности гр. Свилярский никак не мог погреться в панской Польше, т.к. в 1923 году можно было гр. Свилярского опять видеть под "холодным небом" Советской России... Как волк в овечьей шкуре, т.е. с новым партийным билетом в кармане, назначается старшим дежурным на производстве. И гр. Свилярский начинает дежурить и распоряжаться, и первое его дежурство началось со скандалом и дракой, и такое дежурство продолжается до настоящего времени. Лучшие квалифицированные мастера, не желая переносить разных оскорблений от этого сына Кубани (как он себя называет) подают заявления о расчёте и уезжают. Это, безусловно, грозит гибелью для нашего завода, а также густой ропот висит над всем заводом. Свилярский уже несколько раз попал на стенную газету, но стенгазета для такого вельможного пана как профанация. Надеемся, что "Красное знамя" поможет укротить панские замашки гражд. Свилярского»²⁸.

Местная партиячка также пыталась пришить «грубым и высокомерным поступкам» К.Ф. Свилярского политическую подоплёку: «Его недостаточная устойчивость в 18 г. при занятии г. Краснодара белыми тов. Свилярский с красными отступать не стал, был у белых, в 22 г. не смотря ни на что (ввиду того, что здесь было плохо), уехал в белую Польшу, ради того, чтобы найти лучшее»²⁹. Узнав о критике в газете, К.Ф. Свилярский, по словам секретаря партиячки, якобы говорил товарищам: «Это пишут сволочи-комсомольцы, пусть они сейчас смеются, а мы будем смеяться потом», и пригрозил, что если отношение к нему не изменится, то «он заберёт с собой всех малость хороших стеклодувов и уедет в Белоруссию вместе с директором завода Ионовичем».

За К.Ф. Свилярского вступились руководители производства. Директор стеклозавода им. А.И. Рыкова М.Н. Ионович писал в январе 1925 г., что К.Ф. Свилярский многое сделал: «Сократились простояные часы, беспричинные прогулы, которые приняли здесь угрожающий характер, его взаимоотношения с рабочими были натянутые и, это было вызвано только его откровенностью и искренностью, что не всегда и не всеми признаётся»³⁰. И.В. Сергеев отмечал: К.Ф. Свилярский «на каждом шагу твердил о необходимости развивать промышленность, сознательных рабочих сгруппировал вокруг себя и вообще многое сделал в смысле производственного много хорошего. Неправда, что у него были карьеристские стремления». И далее: «Отношение его к партии было самое лучшее, какого только можно желать. Активно он в работе ячейки не участвовал, так как работал формально с 6 час. утра до 6 час. вечера, а фактически гораздо больше. Интересовался жизнью партии,

²⁸ ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5399. Л. 17.

²⁹ Там же. Л. 25об.

³⁰ Там же. Л. 14.

жил прошлым и настоящим революции. Очень сожалел, что сделал глупость, уехал в Польшу в своё время»³¹. И.В. Сергеев добавил, что К.Ф. Нейман, написавший в «Красное знамя» пасквиль на К.Ф. Свилярского, «был выставлен, когда я его хотел удалить с завода за разлагающую рабочие массы работу, как психически больной».

От К.Ф. Свилярского отстали, и даже ввели в руководство Польской секции Кубокружкама ВКП(б), однако содержание его персонального дела давало повод для новых обвинений в дальнейшем.

Руководители Польской секции честно пытались наладить работу по сохранению польской идентичности, действуя через, Польский рабочий клуб в клубе «Нацмен», польские школы в Краснодаре и Новороссийске. Открытый в 1924 г. в Краснодаре Дом просвещения «Нацмен», осенью 1926 г. уже собирал до 1300 чел., которые входили в армянскую, грузинскую, польскую (видимо, Польский рабочий клуб), греческую, украинскую и другие секции. Из-за тесноты помещения польская секция вскоре сосредоточила свою работу в школе³². Документы 1927 г. сообщают нам о праздновании Польским рабочим клубом 1 мая: «Присутствовало достаточное количество трудящихся поляков города. Польский рабочий клуб выступил со своим знаменем и хором революционных песен на польском языке. Заметно было только недостаточное участие коммунистов-поляков. Канун первомайского праздника провели совместно с остальными рабочими клуба Нацмен на торжественном заседании. Вечером после демонстрации 1-го мая устроен был Вечер с соответствующей постановкой в Польском рабочем клубе»³³.

В постановлении Польской секции от 22 марта 1928 г. говорилось: «Принять меры к организации на стекольном заводе кружка по изучению польского языка, обеспечив названный соответствующим руководством»³⁴. В апреле 1927 г. Польская газета просила редакцию газеты «Красное знамя» «о выделении еженедельного уголка в газете по освещению работы среди национальных меньшинств»³⁵. При этом Лянцкоранский отмечал, что посылаемые в газету материалы о жизни поляков не печатаются.

Ещё в апреле 1920 г. вышло постановление Кубчероблпневкома о создании школ национальных меньшинств, подписанное Я. Полуяном³⁶. В современной литературе с оптимизмом сообщается, что в здании польской школы I ступени № 30 г. Краснодара, открытой 16 августа 1923 г., проводились общие собрания поляков-краснодарцев. Здесь работали драматический, музыкальный и политический кружки. Вместе с учителями школы работники Польской секции ставили спектакли, концерты, устраивали семейные вечера³⁷. Документы рисуют ситуацию не в столь радужных тонах. В протоколе общего собрания Польской секции от 6 февраля 1927 г. давалась такая характеристика повседневности

³¹ ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5399. Л. 5.

³² К-ий А. Шагай, «Нацмен». За неделю 200 человек // Красное знамя. 1927. 15 февраля. № 37 (2032).

³³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 414. Л. 8.

³⁴ Там же. Д. 520. Л. 2.

³⁵ Там же. Д. 405. Л. 21.

³⁶ Колесов В.И. Польские национальные школы в Кубано-Черноморской области: образование и идентичность // Поляки в России: XVII–XX вв.: Матер. межд. научн. конф. / Научн. ред. и сост. А.И. Селицкий. Краснодар, 2003. С. 258.

³⁷ Бريدня О.П. Польские этюды: поляки на Кубани в XIX – XX вв. // Поляки в России: XVII–XX вв. С. 266–267.

польской трудовой школы: «Помещение самой школы находится вблизи костёла, даже больше: в верхнем помещении школьного здания до настоящего времени проживает настоятель церкви, крайний реакционер, да и во дворе школы проживают служители названной. Указанное обстоятельство можно объяснить тем, что католический приход взял в аренду это здание и на правах арендатора имеет право распоряжения. Дети являются окружёнными отчасти лицами противоположных мировоззрений и вне всяких сомнений, известный отпечаток остаётся на психологии учащихся». Польская секция коммунистов отмечала, что «учительский персонал хотя и состоит из одной учительницы, но количество учащихся 24 человека требует руководства. В школе работают в данное время две группы, значит преподавателями обоих является та же учительница, она же завшкола, завшколы подростков, завхозом, школы малограмотных и ликпункта. Для одного человека это чрезмерно. Почему и организации детского быта, физкультурно-художественной части, политправовой работе, систематической антирелигиозной пропаганде не уделяется достаточного внимания»³⁸.

Но усилия коммунистов Польской секции сосредоточились не столько на расширении преподавательского персонала и организации кружков, сколько на мерах к удалению «из помещения школы жильцов, особенно из католического духовенства»³⁹. Незадолго до этого члены бюро Польской секции Константин Антонович Грамш и Г.П. Виховский, на которых лежала обязанность по руководству политкружком и пионерским движением, написали донос на ксёндза П. Аладжяна (Аладжаджяна) и бывшую учительницу Станиславу Держановскую, по их мнению, «способствовавшей разложению Совшколы»⁴⁰. Поскольку суд над ксёндзом и учительницей не привёл к их обвинению, Польская секция постановила просить прокурора Кубанского округа о пересмотре дела, причём «свидетелями выступают от комсекции: т.т. Грамш, Г.П. Виховский, Лопашинский, Мацевич и Мальшевский Ян»⁴¹.

Аналогичным образом действовала польская комгруппа в Новороссийске. Для её нужд было решено конфисковать квартиры священника и церковного сторожа при костёле. Несмотря на то, что жалобу группы католиков города на действия властей по изъятию квартир, находившихся в здании костёла, подписала уполномоченная от прихожан Ядвига Эдмундовна Держинская, сестра «железного Феликса», проживавшая в то время в Новороссийске, Черокрисполком принял 13 сентября 1929 г. такое решение: «Ввиду того, что польская коммунистическая секция ходатайствует о передаче ей трёх комнат – в ходатайстве общины об оставлении за ксёндзом и сторожем квартир – отказать, а примыкающие к молитвенному помещению квартиры предоставить польской комсекции под культурно-просветительские учреждения»⁴².

Из церковной библиотеки Армавирского костёла в 1923 г. власти изъяли светскую литературу, о чём в духе того времени журналист бодро рапортовал: «При осмотре библиотеки Римско-Католического костёла

³⁸ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 415. Л. 4.

³⁹ Там же. Д. 405. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Д. 314. Л. 1.

⁴¹ Там же. Л. 1.

⁴² Цит. по: Пукшиш В.С. Католические храмы Черноморского побережья Северного Кавказа // Поляки в России: история и современность / Отв. ред. А.И. Селицкий. Краснодар, 2007. С. 252.

было обнаружено, что ксёндзы в свободное время не прочь подзаняться вместо молитвы чтением светских книг. Все такие книги (беллетристика) в количестве 850 штук, как не отвечающие сану поповскому, изъяты из библиотеки и направлены в политпросвет. Кладу науки не место в затхлом подвале дурмана!»⁴³. Богослужения в Армавирском костёле проводились до конца 1920-х гг., а затем здание храма было отобрано у верующих и передано Городскому отделу народного образования.

Активисты Польской секции Кубокружка ВКП(б) разделили в январе 1927 г. обязанности следующим образом:

1. Лянцкоранский – секретариат, Правление, работа клуба, фракция Правления и национальная работа;
2. Пракер – агитработа;
3. Вроханевский – массовая работа;
4. Зелинский – массовая работа;
5. Винярский – клубная и профработа;
6. К.Ф. Свинаярский – работа по Стеклозаводу;
7. Авангардов – комсомольская работа, уполномоченный секции при райкоме;
8. Бжезовский – женработа;
9. Г.П. Виховский – пионерская работа;
10. Лопачинский – школьная работа;
11. Б.Ф. Длугоборский – ревкомиссия;
12. Пипер-Варецкий – уполномоченный секции;
13. Левандовский – рабкоркружок;
14. Шумилевич – политкружок;
15. Карпушевич – политкружок;
16. Дроздов – хоровой кружок;
17. Рожанская – кружок друзей клуба;
18. Совинский – кружок изучения польского языка и драмкружок;
19. Тектинский – уполномоченный по выписке газет⁴⁴.

Это были разные люди, как по убеждениям, так и в нравственном отношении. Если К.Ф. Свинаярский производил «впечатление серьёзного и вдумчивого товарища, всем своим нутром переживавшего моменты партийного и государственного строительства»⁴⁵, то другие подчас использовали партийную карьеру для прикрытия собственных пороков. Так, активист польской комсекции К.А. Грамш был временно исключён в конце 1922 г. из кандидатов в члены партии за пьянство. Выбойщик госмельницы № 2 Василий Порохня при допросе показал: «Зайдя в машинное отделение посмотреть часы приблизительно около 5-ти часов вечера, я заметил, что помощник машиниста был пьян, держа бутылку в руках, предлагал выпить выбойщику Ромасеву, но тот отказался. Обратив внимание на то, что нет кочегара Шарого, я спросил его (помощника машиниста К.А. Грамша. – О.М.), где же кочегар, на что мне Грамш ответил, что он его отпустил домой. Зайдя вторично около 9-ти часов вечера в машинное отделение, Шарого обратно не было, а Грамш всё же был пьян»⁴⁶.

⁴³ Цит. по: Ктиторев С.Н. Из истории польской общины досоветского Армавира // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Вып. 3: Памяти В.П. Попова. Краснодар, 2007. С. 163.

⁴⁴ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 414. Л. 4.

⁴⁵ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5399. Л. 5.

⁴⁶ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 695. Л. 6.

То, что К.А. Грамш «был пьян», и котёл был на грани взрыва, подтвердил и выбойщик Андрей Ромасев. Однако после вынесения взыскания К.А. Грамш обратился в областком РКП(б), заявив о «поклёпе» на него, заручившись письменным заверением «шести товарищей»⁴⁷.

Другой член Польской комсекции Б.Ф. Длугоборский был обвинён в нарушении партэтики и систематическом издевательствах над своими детьми. Бронислав Францевич Длугоборский род. 16 августа 1891 г. в местечке Оникшты Ковенской губ., происходил из польских рабочих, окончил сельскую школу и рабфак. До 1917 г. служил на железной дороге, в 1919–1922 г. – в Красной армии, член партии с 1920 г. В 1925 г. был исключён на 6 месяцев из партии за нарушение партэтики, был под судом за убийство из винтовки свиней в огороде, за что получил 2 недели принудработ. Партийное руководство получило коллективное письмо от жильцов ЖАКТА № 52, проживавших в Краснодаре по ул. Красноармейской в доме № 77 с просьбой разобраться с нетактичным поведением члена партии товарища Б.Ф. Длугоборского. «Дело вот в чём, – писали жильцы, – в 1920 году он поехал кататься на душегубке по Кубани, взяв с собой жену и ребёнка 3 месяцев и постороннюю женщину. Душегубка перевернулась, жена и ребёнок утонули, а постороннюю женщину он спас. Был суд. Но он был оправдан. Сошёлся со второй, хотел её зарезать, но она убежала и больше не пришла. Сошёлся с третьей женщиной, которая не лучше его самого. Она издевалась над детьми, особенно над девочками. Одну из них он принуждал торговать собой, а мачеха ревновала, била и выгоняла на снег голых и босых. В 1928 г. он решил покуситься на свою дочь, заставлял брать в руки его член для онанизма, но она ушла и сейчас находится в детдоме. Это дело расследовали врачи, но он сумел подойти к своим детям и заставил их говорить неправду»⁴⁸. Александра Длугоборская, воспитанница детдома № 5, показывала: «Отец обращался с нами очень грубо. Часто избивал и сестру и меня, придираясь к мелочам (битьё посуды, пропажа денег, неумение выучить урок). Несколько раз выгонял из дома – например, весной 28 он выгнал меня из дому вот почему. Ночью он пришёл ко мне на постель и просил отдаться ему. Я отказалась. Он стал насильничать. Я встала с кровати и ушла во двор. Отец вышел за мной и сказал: “Не приходи три дня”»⁴⁹.

Немало персональных дел поляков-коммунистов Кубани связано со злоупотреблениями своим служебным положением. Так, членом бюро ячейки Окрусда до 1928 г. был судья Х.С. Капшевич. Христофор Сигизмундович Капшевич род. в 1896 г., по происхождению поляк, член партии с 1925 г. В его партийной характеристике отмечалось: «В работе классовую линию проводит правильно. Женат на дочери шпугатура»⁵⁰. Но в начале 1930 г. Х.С. Капшевич был обвинён «в растрате казённых денег в сумме около 1500 руб., за что осуждён на полтора года лишения свободы. Ячейка Окрусда и Горрайкома исключила его из ВКП(б) как растратчика». Другой поляк, Франц Иоисфович Рудницкий, 1893 г.р., член ВКП(б) с 1920 г., обвинялся «в пьянстве, неоднократно участвовал в попойках. Кроме того, тов. Рудницкий находится под судом за злоупотребление по службе в бытность его Председателем Правления ЕПО ст. Крымской»⁵¹.

⁴⁷ ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 695. Л. 4.

⁴⁸ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2034. Л. 35.

⁴⁹ Там же. Л. 42об.

⁵⁰ Там же. Д. 2703. Л. 7.

⁵¹ Там же. Л. 22.

Наряду с привычными уже аномалиями не укладывались в партийную этику «отклонения от классовой линии». Например, защита станичников от произвола власти. Так, решением Проверкома по проверке и чистке ячейки ВКП(б) ст. Ольгинской Приморско-Ахтарского района был исключён из рядов ВКП(б) «за шкурничество, неуплату недоимок, агитацию против коллективизации, оглашения решений Бюро среди беспартийных, невступление самому в колхоз добровольно и связь с чуждым элементом»⁵² Я.Ц. Важинский. Ян Цезаревич Важинский род. в 1880 г., происходил из крестьян, был членом правления комунны. Выездная апелляция признала решение Проверкома преждевременным и вынесла Я.Ц. Важинскому лишь строгий выговор за защиту «кулаков, бывших членов коммуны»⁵³.

Таким образом, поляки-коммунисты выступали не просто политико-идеологическим инструментом национальной политики советской власти, а являлись живыми людьми со своими интересами, страстями, повседневным бытом. Стремление к сохранению польской идентичности, языка и культуры в иноэтничном окружении переплетались у них с классовым подходом, борьбой с национальной религией и «чуждым мировоззрением». Многие из них были убеждёнными строителями нового справедливого общества, однако при этом не всегда вписывались в нормы, диктуемые партийным режимом. Повседневная практика жизни польских коммунистов выливалась нередко в аномалии, как «традиционные» (пьянство, сексуальные домогательства, самоубийство, мелкие уголовные преступления), так и новые, имевшие в ту сложную эпоху политический контекст (постановка профессиональных интересов выше «интересов диктатуры пролетариата», тоска по родной Польше, где правил враг советской власти Ю. Пилсудский, сочувствие «чуждым элементам» и т.п.). Считая себя революционным авангардом польского народа, поляки-коммунисты Кубано-Черноморской области активно участвовали в процессе создания и переустройства структур повседневности, пытались присвоить и приспособить себе тот жизненный мир, который их окружал.

⁵² ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1311. Л. 1.

⁵³ Там же.

А.Г. ФИЛЬКИН
г. Москва

ЯНИЦКИЕ: ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СЕМЬИ

В жизни каждой семьи есть радостные и печальные даты. В нашей семье к последним относится 5 сентября, установленный день трагической гибели в 1938 г. прадеда Станислава Юлиановича Яницкого.

Долгие годы, по сути десятилетия, об отце бабушки по материнской линии, после его ареста в 1938 г. практически ничего не было известно. В 1957 г., потеряв всякую надежду, умерла его жена Ирина Пантелеймоновна, так и не дождавшись ответа на свои запросы и письма о судьбе любимого человека, не считая шаблонных: «Выбыл без права переписки». Наконец, в 1963 г. был получен ответ Верховного Суда РСФСР о его посмертной реабилитации. Но лишь со временем завеса неизвестности приоткрылась и удалось узнать, в чём же был «повинен» Станислав Юлианович.

«Яницкий Станислав Юлианович, 1882 года рождения, уроженец села Зарубенцы Киевской области, поляк, гражданин СССР, б/партийный, с 1919 по 1920 г. член ВКП(б), исключён как балласт. Бывший стражник полиции. До ареста – комендант строительства санатория ЦК Союза «Золото», проживал в с. Лоо – Сочи Сочинского района Краснодарского края, обвиняется в том, что:

1. Являлся участником контрреволюционной польской националистической, диверсионно-шпионской и террористической организации;
2. Проводил повстанческую работу. Пропагандировал фашизм;
3. Подготавливал осуществление террористического акта над членами Советского правительства».

Это строки из обвинительного заключения по следственному делу № 25810 на арестованного 3 февраля 1938 г. управлением НКВД по Краснодарскому краю за контрреволюционную деятельность С.Ю. Яницкого¹.

Обвинение было отнесено к первой категории, что означало для арестованного высшую меру наказания, и направлено на рассмотрение НКВД СССР в порядке приказа НКВД № 00485 от 11 августа 1937 г.² Данный приказ, утверждённый Политбюро ЦК ВКП(б), предусматривал проведение специальной операции против польской разведки,

¹ Архив УФСБ России по Краснодарскому краю. Архивное дело № 88863.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937-1938. М., 2004. С. 301-303.

выявление и ликвидацию польских диверсионно-шпионских групп и организаций на территории СССР. Но, по сути, его реализация обернулась масштабной кампанией против поляков и граждан иных национальностей, имевших какие-либо связи с Польшей. В результате с августа 1937 по ноябрь 1938 г. в так называемом альбомном порядке было осуждено ок. 140 тыс. чел., из них более 110 тыс. чел. были расстреляны³! Среди них и С.Ю. Яницкий.

28 августа 1938 г. Комиссия НКВД СССР и Прокуратуры СССР в составе заместителя наркома внутренних дел СССР и прокурора СССР, рассмотрев материалы на обвиняемых, представленных УНКВД Краснодарского края, постановила: «п/п 124 Яницкого Станислава Юлиановича, 1882 года рождения, урож. с. Зарубенцы Киевской обл., гр. СССР – расстрелять».

Согласно справке, имеющейся в деле, приговор в отношении его – высшая мера наказания – расстрел, был приведён в исполнение 5 сентября 1938 г. По материалам дела С.Ю. Яницкий содержался в краснодарской тюрьме. Очевидно, там и был расстрелян.

Без отца тогда остались три дочери Любовь, Анна, Александра и сын Константин. Старшая дочь Надежда (бабушка автора) к тому времени уже была замужем и жила отдельно, имела двух детей...

С.Ю. Яницкий родился в хуторе Скоморихе при с. Зарубенцы Липовецкого уезда Цыбулевской волости Киевской губ. (ныне Монастырищенского района Черкасской обл. Украины) 8 мая 1879 г. Об этом свидетельствует сохранившаяся запись в метрической книге ближайшей к Зарубенцам приходской римско-католической церкви местечка Монастырище⁴, хотя по паспортным данным и материалам следственного дела указан другой год рождения – 1882.

Отец его Юлиан Флорианович Яницкий был из польских однодворцев. Когда и при каких обстоятельствах он поселился в Скоморихе неизвестно, но прожил он на хуторе всю жизнь и умер в глубокой старости, когда ему было за 90 лет, в результате несчастного случая: бык рогами нанёс ему смертельный удар. Мать С.Ю. Яницкого, урождённую Новицкую, звали Цезариной. В семье Яницких помимо сына Станислава было ещё две дочери – Анна и Константина. Константина вскоре после своей свадьбы умерла от туберкулеза. А Анна, в замужестве Кисилевская, имевшая большую семью, поддерживала на протяжении жизни близкие и сердечные отношения с братом Станиславом.

В конце XIX – начале XX в. на Черноморском побережье на территории нынешнего Большого Сочи состоятельными людьми стали активно скупать земли под строительство дач. Потребовались дополнительные трудовые руки. На побережье устремился поток желающих обрести выгодные рабочие места. Одним из таких и был поляк С.Ю. Яницкий, имевший четырёхклассное образование, владевший всеми тонкостями столярного дела. По воспоминаниям родных он был настоящим краснодеревщиком и вообще отменным мастеровым человеком. Очевидно, последнее обстоятельство и позволило ему определиться в 1908 г. на работу

³ Кротапчев С.А. Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940 гг. URL: <http://www.kubanmemo.ru/library/Kropachev01/portal.php>

⁴ Государственный архив Черкасской области (Украина). Ф. 931. Оп. 1. Д. 2166. Л. 5об. – 6.

к князю Кудашеву, построившему для своей семьи дачу на побережье в пос. Хоста. Княжеский дачный дом и приусадебное хозяйство требовали постоянного внимания и ухода. Вот и нашёлся в лице С.Ю. Яницкого человек, способный наладить, построить или отремонтировать своими руками.

В хозяйстве князя имелся плодово-декоративный сад. За ним ухаживал сезонный рабочий Пантелей Филимонович Самойленко, приехавший на лето с Полтавщины. Брал он с собой на заработки и свою дочь Ирину. Ирина была привлекательной молодой девушкой. Она сразу приглянулась жене князя за аккуратность и исполнительность, и та определила её к себе в дом горничной. Вряд ли возможно теперь, спустя сто лет, восстановить подробности личных взаимоотношений между С.Ю. Яницким, в ту пору уже зрелым тридцатилетним мужчиной, и совсем юной семнадцатилетней Ириной. Но доподлинно известно, что Станислав предложил любимой девушке выйти за него замуж и уйти от Кудашевых. Ирина, с одобрения родителей и как этому не противилась жена князя, согласилась. Поначалу они снимали комнату на даче Ляминых – ещё одних богатых хостинских землевладельцев, потом перебрались на дачу Жарина, затем переехали к дачевладельцам Поляковым. Впоследствии С.Ю. Яницкий получил земельный надел вверх по правому течению р. Хосты возле известной самшитовой рощи. Именно здесь семья Яницких жила многие годы вплоть до их высылки в 1933 г. Но это будет позднее...

Пока молодых отказывались венчать. Ведь он был католиком, а она – православной. В сердцах С.Ю. Яницкий сказал тогда священнику, отказавшему им: «Вы что, хотите, чтобы мы жили кошачьим браком?», т.е. так называемым гражданским браком, на который с такой легкостью и безответственностью идут многие наши современники. Но сто лет назад отношение к этому было совсем иным. Однако на брак православной с католиком требовалось особое разрешение правящего архиерея, которое вскоре было получено, но при обязательном условии, что рожденные в браке дети будут крещены и воспитаны в православии. Это обстоятельство нисколько не смутило молодых, так как набожная, как многие малороссиянки, Ирина иначе и не мыслила, а Станислав, будучи католиком по рождению, был достаточно прохладен в вопросах веры, да и ради невесты готов был пойти на всё. Взятые тогда обязательства были выполнены.

Обвенчаны молодые были 9 мая 1912 г. в Свято-Духовской церкви Сухумской епархии в ближайшем к Хосте с. Адлер (в то время церкви в Хосте ещё не было). В сохранившейся метрической книге в записи о бракосочетавшихся значится: «жених – крестьянин Киевской губернии Липовецкого уезда Цыбулевской волости из бывших однодворцев Станислав Юлианович Яницкий, римско-католического вероисповедания, первым браком, 28 лет; невеста – крестьянка Полтавской губернии Кременчугского уезда Горобовской волости села Керьяковки Ирина Филимоновна Самойленкова (так в документе. – А.Ф.), православного вероисповедания, 17 лет»⁵. А 22 ноября 1912 г. у них родился первенец – дочь Надежда, о чём свидетельствуют данные метрической книги

⁵ АО АС. Ф. 19. Оп. 2. Д. 9. Л. 310об.

той же церкви за январь 1913 г.⁶ В 1914 г. родился сын Александр, умерший через четыре года⁷. В 1919 г. родилась дочь Любовь, в 1922 г. – дочь Анна, в 1924 г. – дочь Александра, а в 1926 – сын Константин⁸.

Примечательно, что в записях метрической книги Преображенской церкви пос. Хоста за 1919 г. о рождении 28 ноября Любви Яницкой её отец записан как гражданин Польского государства г. Ченстохова Петраковской губ.⁹ Это был период Гражданской войны, когда Сочинское побережье и, в частности, Хоста были заняты войсками Добровольческой армии. Выезжал ли тогда С.Ю. Яницкий в Польшу и каков был гражданско-правовой статус его и его семьи доподлинно не известно. Но вплоть до 1922 г. г. Ченстохова фигурировал в документах С.Ю. Яницкого¹⁰. (Именно факт связи с Польшей во многом сыграет роковую роль в судьбе Станислава Юлиановича.) В последующем, если судить по сохранившимся архивным данным о рождении младших детей в книге ЗАГС при Хостинском Совете депутатов, С.Ю. Яницкий и его жена были постоянными жителями пос. Хоста.

Семья в эти годы проживала в своём собственном маленьком домике на полученном земельном участке, занимаясь главным образом натурально-аграрным хозяйством. С.Ю. Яницкий, используя свои навыки, занимался столярным делом, работал в качестве плотника-столяра в санатории «ДонВО». Но прошли относительно благополучные годы НЭПа. Наступил период массовой коллективизации. Дошла очередь и до жителей Хосты. В месте, где проживали поляки Яницкие, помимо них хозяйство имели ещё несколько семей – представители так называемых национальных меньшинств: греки, армяне, молдаване и др. Поэтому-то колхоз, образованный в этом хуторе в 1929 г., получил название «Колхоз “Нацмен”». Всего-то несколько семей: шесть дворов. Занимались здесь в основном выращиванием табака на солнечных склонах близлежащих гор.

С.Ю. Яницкий первоначально отказался вступать в колхоз, публично заявив, что обобществление труда убивает инициативу людей эффективно трудиться. Позднее под давлением вступив всё же в колхоз, он не изменил своего критического отношения к происходящему, в колхозе работал мало, предоставив эту возможность другим членам семьи. Так, старшая дочь – Надежда была комсомолкой, ударницей труда. Сам же, чтобы прокормить большую семью (четверо маленьких детей), работал главным образом в ближайших санаториях по плотницкому делу. Это обстоятельство впоследствии ему не преминули вспомнить.

В результате семья Яницких попала сначала в число так называемых лишенцев, т.е. тех, кого ограничивали в гражданских правах и политических свободах, в частности лишали избирательных прав, а затем отправляли в ссылку.

Как значится в документальных материалах архивного фонда «Комиссии по лишению избирательных прав при Сочинском райисполкоме», постановлением Президиума Сочинского районного исполнительного

⁶ АО АС. Ф. 19. Оп. 2. Д. 10. Л. 8об.

⁷ Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 8об., 213об.

⁸ Там же. Д. 8. Л. 13об., 155об.; Д. 9. Л. 20об.; Архив отдела ЗАГС Хостинского района г. Сочи управления ЗАГС Краснодарского края. 1926 г. Актовая запись № 36.

⁹ АО АС. Ф. 19. Оп. 4. Д. 8. Л. 13об.

¹⁰ Там же. Д. 9. Л. 20об.

комитета от 6 апреля 1933 г. было принято решение «выселить из пределов Сочинского района следующих лиц и их семьи: п. 722. Яницкий Станислав Иван. 52 года (так в документе. – **А.Ф.**), середняк, проживает в селении Хоста. В прошлом был тесно связан с полицией, занимался торговлей вином. В 1931 году был репрессирован органами ОГПУ»¹¹. 18 апреля того же года Президиум Хостинского поселкового совета, рассмотрев вопрос «О чистке территории Хостинского поселкового совета от антисоветского элемента», дал следующую характеристику С.Ю. Яницкому: «тёмная личность, служил в стражниках, занимается антисоветской агитацией, ведёт работу по развалу колхоза». Было принято постановление о выселении С.Ю. Яницкого из Северо-Кавказского края как чуждый антисоветский элемент¹². На момент принятия этих решений С.Ю. Яницкий, согласно учётной карточке хозяйства, был владельцем одной коровы и одной единицы мелкого рогатого скота, каковой являлась обычная коза¹³. Как отмечено в карточке, он имел дом (саманный, с земляным полом! – **А.Ф.**), конюшню и одну хозяйственную постройку, иными словами два сарая. Вот и всё богатство середняка С.Ю. Яницкого. Да ещё четверо малых детей. Но в расчёт такая «мелочь» не бралась. Весной 1933 г. семью, лишив всего, выселили с одними лишь узелками примитивного скарба из пределов Сочинского района на Кубань в ст. Лабинскую, а затем в 1934 г. и вовсе в Казахстан. Оттуда Яницкие возвратились лишь в декабре 1935 г.

По воспоминаниям старшей дочери Надежды, поначалу тоже выселенной вместе со всей семьей, хотя она к тому времени жила уже отдельно, везли их железной дорогой. В переполненных товарных вагонах, совершенно не приспособленных для перевозки людей, ехали сообща и мужчины, и женщины, и дети. Особенно, как вспоминала бабушка, страдали молодые девушки и женщины, стеснявшиеся отправлять естественные потребности в условиях скученности и присутствия посторонних людей.

Всю дорогу состав охранялся вооружёнными людьми. Вагоны были практически наглухо закрыты. Куда везли – невозможно было понять. Зато сам железнодорожный эшелон был украшен кумачовыми транспарантами, на которых значилось, что это едут вольные переселенцы осваивать степные земли. Лишь на немногочисленных стоянках, где-то в голой степи, строго наблюдавшая охрана позволяла людям выйти на непродолжительное время из вагонов и немного размяться. В этих крайне ограниченных условиях пожилые женщины, отойдя немного в сторону от состава, сколь позволяла охрана, встав кругом и закрыв подолами платяев от посторонних взглядов своих близких, давали им возможность оправиться и привести себя в порядок.

Привезли на станцию Осакаровка Карагандинской обл. Выгрузили людей из состава. А далее на подводах, пешком – в голые степи. Жили поначалу в наскоро сколоченных навесах. Женщины отдельно, мужчины отдельно. Лишь со временем построили мазаные бараки. Туда и переехали к зиме.

¹¹ АО АС. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 231. Л. 55.

¹² Там же. Л. 57.

¹³ Там же. Л. 56.

Тяготы и лишения, через которые прошла семья Яницких в ссылке в Казахстане, были характерны для сотен тысяч таких же обездоленных и насильственно выселенных со своих насиженных мест людей. Самым страшным в таких условиях были не столько изнурительный труд, сколько холод, крайняя скудость питания и инфекционные заболевания.

Но судьба была благосклонна на этом этапе к Яницким. Возможно лишь для того, чтобы сохранить жизнь детям. То ли письма и обращения Станислава Юлиановича по поводу несправедливых репрессий, в том числе и к И.В. Сталину, дали свои результаты, то ли срок ссылки закончился, но семье было разрешено вернуться домой. В декабре 1935 г. они возвращаются на Кубань: сначала в Армавир, а оттуда в ст. Лабинскую, где С.Ю. Яницкий работает столяром на табачном производстве. Через год – в 1936 г. – Яницкие вновь перебираются на Черноморское побережье в с. Лоо, поближе к своим родным местам. Здесь С.Ю. Яницкий поступает на работу комендантом на строительство дома отдыха ЦК Союза работников по добыче золота и платины. Но долго проработать на этой должности ему не пришлось.

3 февраля 1938 г. в служебной квартире, которую занимали Яницкие, сотрудниками Сочинского отдела НКВД был произведён обыск, а сам С.Ю. Яницкий на основании ордера без всяких объяснений арестован. Семье было предложено в 48 ч покинуть Лоо. Как значится в протоколе обыска, из личных вещей, ценностей и документов были изъяты паспорт С.Ю. Яницкого и его различная переписка на 17 листах.

Из материалов следственного дела № 25810 на С.Ю. Яницкого, находящегося на хранении в архиве УФСБ РФ по Краснодарскому краю, видно, что уже в тот же день Станислав Юлианович был допрошен сотрудниками Сочинского отдела НКВД. Помимо формальных вопросов общего характера, касающихся биографических данных, арестованному было заявлено, что он привлечён «к ответственности за антисоветскую работу, проводимую среди своего окружения». На последовавшее требование сознаться в этом С.Ю. Яницкий ответил, что антисоветской деятельностью он нигде и никогда не занимался, добавив, что, возможно, и допускал отдельные антисоветские высказывания.

Но уже на следующем допросе, произошедшем 5 февраля, если судить по приложенному к делу протоколу, С.Ю. Яницкий, не признав себя виновным, по сути, дал показания против себя. С его слов вышло будто бы он после возвращения из ссылки, проживая в ст. Лабинской, пытался создать контрреволюционную группу для борьбы с Советской властью путём учинения массовых поджогов в колхозах. Не добившись результатов и перебравшись на Черноморское побережье в Лоо, часто бывая в Хосте, продолжал агитацию среди знакомых жителей, направленную, как указано в протоколе допроса, на дискредитацию мероприятий ВКП(б) и советской власти. Но этих «признаний» было явно недостаточно – требовалось уличение в деятельности польской контрреволюционной националистической организации, якобы существовавшей на территории Сочинского района и подготавливавшей проведение террористических актов против членов советского правительства, приезжающих на отдых в Сочи. На выколачивание таких признаний и были направлены все усилия следствия. И, как видно из материалов допросов и С.Ю. Яницкого, и других арестованных тогда же поляков, проживавших в Сочи, не безрезультатно. На обвиняемых

начинали действовать то ли угрозы и страх за близких, то ли «следователи», особо себя не утруждая, просто вписывали то, что требовалось, но факт остается фактом: протоколы допросов арестованных изобилуют необходимыми самоизобличениями о контрреволюционной деятельности¹⁴. Вот и Станислав Юлианович «сознался» в своих и других знакомых ему поляков враждебных настроениях и разговорах по отношению к советской власти и ВКП(б). Только по факту участия в деятельности так называемой Польской контрреволюционной националистической шпионско-террористической организации, как видно из заключительных строк протокола его допроса, был весьма категоричен: «Вопрос: Вы состояли в Польской контрреволюционной националистической шпионско-террористической организации? Ответ: Нет. Не состоял и о такой организации мне не известно. Все что я показал это верно и другого сказать не могу».

Но, видимо, в судьбе С.Ю. Яницкого и других арестованных поляков было всё заранее предопределено. Как следует из состряпанного, иными словами и не скажешь, обвинительного заключения, имеющегося в деле, С.Ю. Яницкий являлся участником Польской контрреволюционной националистической, диверсионно-шпионской и террористической организации. По заданию организации он входил в группу, подготавливавшую террористический акт над членами советского правительства. Проводил повстанческую и пораженческую агитацию. Пропагандировал фашизм. Будучи допрошенным в качестве обвиняемого он виновным себя не признал. Но достаточно изобличается показаниями обвиняемых и свидетелей.

Вместе с С.Ю. Яницким тогда были арестованы и обвинены в подобных же «деяниях» и другие поляки, проживавшие в Сочи. Материалы уголовного дела были объединены в одно делопроизводство. Среди них Станислав Матвеевич Гороховский – бухгалтер сочинского ресторана № 3 Курснабторга, Владимир Борисович Янушкевич – техник по инвентаризации Сочгоркомхоза, Адам Григорьевич Олейник – повар гостиницы «Ривьера». Всех их постигла одна участь: они были обвинены в деятельности польской контрреволюционной организации и осуждены в особом порядке к высшей мере наказания – расстрелу.

В 1963 г. архивно-уголовное дело по обвинению С.М. Гороховского, С.Ю. Яницкого, В.Б. Янушкевича было рассмотрено следственным отделом УКГБ по Краснодарскому краю. По результатам осуществлённой проверки было предложено постановление Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР от 28 августа 1938 г. в отношении указанных лиц отменить и дело на них прекратить. Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев в судебном заседании от 19 ноября 1963 г. материалы данного дела, определила: «Постановление Комиссии НКВД СССР от 28 августа 1938 года в отношении Гороховского Станислава Матвеевича, Яницкого Станислава Юлиановича и Янушкевича Владимира Борисовича отменить и дело производством прекратить за отсутствием события преступления» (подчёркнуто нами. – А.Ф.).

По настоящему делу указанные лица были реабилитированы (А.Г. Олейник был реабилитирован ранее в 1961 г.). Все посмертно. При этом было установлено, что все были репрессированы на основании сфальсифицированных материалов.

¹⁴ Архив УФСБ России по Краснодарскому краю. Архивное дело № 88854.

Примечательно, что сотрудники УНКВД Краснодарского края, непосредственно причастные к этим незаконным действиям и чьи подписи значатся на обвинительных заключениях, ненамного пережили свои жертвы. Так, бывший начальник УНКВД Краснодарского края Иван Павлович Малкин, известный своими жестокостями¹⁵, за фальсификацию уголовных дел, незаконные аресты и недозволенные методы ведения следствия, Военной Коллегией Верховного Суда СССР от 2 марта 1939 г. был осуждён к высшей мере наказания – расстрелу. Такова уж была действовавшая тогда государственная репрессивная машина. Под её пресс попадали и сами составляющие её детали.

Масштабы политических репрессий в 1930-е гг. на Кубани были огромны: расказачивание, раскулачивание, принудительные высылки и т.д. Представленные выше сведения о судьбах поляков – жителей Сочи, расстрелянных семьдесят лет назад по вымышленному обвинению в деятельности якобы существовавшей в городе польской шпионско-диверсионной организации, на примере семьи С.Ю. Яницкого, простого труженика, каковым он был всю жизнь, – ещё одно документированное свидетельство этого трагического факта¹⁶.

В дополнение к ранее полученной в 1963 г. реабилитации С.Ю. Яницкий уже в наше время был реабилитирован на основании статьи 3 пункта «в» Закона РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», как подвергшийся в административном порядке высылке.

А что же жена, дети, потерявшие мужа-отца? Старшая дочь – Надежда (в замужестве Загумённая) всю жизнь прожила в Хосте. Остальных судьба разбросала. После ареста мужа Ирина Пантелеймоновна с младшими Александрой и Константином вынуждена была уехать из Лоо сначала в ст. Лабинскую, потом – в ст. Абадзехскую. Любовь уехала на учёбу в Анапу, выйдя замуж перебралась перед войной в Майкоп. Анна уехала учиться в Ленинград. Там и осталась. У всех были семьи, дети.

Пережили они и оккупацию Северного Кавказа, и блокадный Ленинград, испытали тяжёлый самоотверженный труд в военные и послевоенные годы, потерю близких на войне, всеобщую радость Победы и многое-многое другое. Но это уже совсем иные истории...

К сожалению, документальная формулировка постановления Президиума Сочиного районного исполнительного комитета о принудительном выселении С.Ю. Яницкого и членов его семьи¹⁷ оказалась неубедительным основанием для реабилитации жены и детей Яницких. Других документальных свидетельств об их вынужденном пребывании в Казахстане, несмотря на все предпринятые усилия, обнаружено не было. Восстановить справедливость в отношении невинно пострадавших в ту пору близких людей, пусть даже посмертно, пока так и не удалось.

¹⁵ Кухтин В. Коридоры кончаются стеной. Краснодар, 1996.

¹⁶ Книга памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Краснодар, 2008. Т. 2.

¹⁷ АО АС. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 231. Л. 55.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абламович, К. 64
Авангардов 244
Аведов, А.А. 200
Аведова, В.Г. 200
Агамалов, Б.С. 227
Агапеев, Н.А. 216
Адамович, У. 154
Адамюк, Э. 55
Айдукевич, А. 98
Акаловский, А.И. 38
Акритас, П.Ф. 225
Аксентович, О.В., см. *Раковская, О.В.*
Акчура, Ю.Х. 81, 83
Аладжаджян, П., см. *Аладжян, П.*
Аладжян, П. 243
Александр I 47, 144, 145
Александр II 50, 69, 164, 175
Александр Македонский 133
Александра Фёдоровна, императрица 65, 67
Алексеева, Л.В. 110
Алексей Михайлович, царь 51
Алкин, С.Г.Ш 86
Андерс, В. 115, 230
Андерсон, Дж. 138
Андзелевич, М., см. *Ансилевич, М.*
Анненков, Н.Н. 19
Аносов, А.Н. 81
Ансилевич, М. 43
Антонелли, Дж. 159
Антонова, Х. 98
Антонович, М.Т. 220
Апостолова, Е.А. 216
Апухтин, А.Л. 40
Аргасимович 41, 42
Арцишевская, М. (М.Г.) 202, 203
Арцишевская, Х.-О. 202, 203
Арцишевская, Я.-З. 202, 203
Арцишевский, Л. 202
Арцишевский, Т.-А. А.-Х.-В. 202
Арцишевский, Т., см. *Арцишевский, Т.-А. А.-Х.-В.*

Б

- Бабик, Я. 59
Бабушкин, И.И. 85, 86
Бабьч, С.И. 184
Байи, Ж.-С. 132-134
Бакунин, А.В. 106
Балинский, В. 9
Бальи, Ж.-С., см. *Байи, Ж.-С.*
Баранов 75
Барановская, А., см. *Уейская, А.*
Бардадым, В.П. 209
Барчык, С. 98
Бать, А.Г. 80, 82, 84
Башмаков, Н.Я. 82
Безак, Н.А. 70
Безаки 70
Безацкие, см. *Безаки*
Безпалько, О. 92
Безуглая, А.М., см. *Мальгерб, А.М.*
Бейм, С.С. 224
Бейнар, А.С. 218
Бейнар, Л./Л. 218
Бейнар, Р./Р. 218
Бейнар, С.П. 218
Бенёвский, М.-А. 52
Берг, Ф.Ф. 22, 23, 25
Бергман 85
Берия, Л.П. 106
Берлинг, З. 112, 115
Бернардацци, А.И. 208
Бернардюк 98
Бечко-Друзин, В.К. 54
Бечко-Друзин, С.В. 54
Бжезовский 244
Битовт, М. 169
Блудов, А.Д. 63
Блыскаш 75
Блюмгоф, А., см. *Людкевич, Агата*
Бобиньский, С.Я. 96, 97
Бобровницкий 41
Бовуа, Д. 16
Богданович, Т. 221
Богданович, Ф.Т.-С. 221
Богданович, Ю.К. 221
Богомолов, Н. 129

- Богущая, А. 206
Богущая, Т., см. *Мазарек, Т. (Т.А.)*
Богущая, Х. 206
Бодуэн-де-Куртене, Я. 55
Бондарь, В.В. 209
Боровская, З. 221, 222
Боровская, М. 222
Боровский, В. 221, 222
Боровский, С.Ю. 221, 222
Боровский, Ю. 222
Борчевская, В. 213
Борчевская, М.-Л. 213–215
Борчевский, С.И. 213–215
Борчевский, Ю. 213
Бржезинский, В. 59
Бриссо, Ж.-П. 133
Брон-фон-Бреннер, И.Я. 215
Броневиц 153
Броневицкий, С.М. 145, 146
Брыстигер, Ю. 112, 113, 118
Бугай, Н.Ф. 106, 107
Будзыньская, Р. 98
Будзыньский, С. 97, 102, 104
Будилович 75
Будкевич, Б. 98
Буковская, А. 187, 188, 190
Буковская, З. 189
Буковская, З.В. 188–190
Буковская, З.-А.-С. 189
Буковская, М. 189
Буковская, М./М. 187, 189
Буковская, Х.Л. 188
Буковские 183, 186–188, 207
Буковский, В. (В.В.) 184, 189
Буковский, В. (В.Ф.) 187–189
Буковский, Винценты 188–190
Буковский, Владислав 204
Буковский, М. 188–190
Буковский, П. 187, 189, 226
Буковский, П.-П. (П.В.) 183, 186–188, 190, 226
Буковский, С.В. 188
Буковский, С.-В. 188, 189
Буковский, С.-К. 188
Буковский, Я.Б. 238
Бургер, инспектор 58

Бухман, С. 98
Бухман, Я. 97
Буховецкий 41
Бушман, М.Я. 120
Бэм-Бэби, Э. 98

В

Ваан, К. 98
Важинский, Я.Ц. 246
Вайс, Г. 98
Вакре, А. 192
Вакре, Б. 191
Вакре, К.-Ш. 192
Вакре, Л.-Т.-Э. (Л.Э.) 192
Вакре, М. 192
Вакре, М.-Б. 192
Вакре, Х.-Ц.-М.-Э., см. *Мартвих, Х.-Ц.-М.-Э.*
Вакре, Э. 191
Вакре, Э.-А. (Э.Э.) 184, 190, 191
Ванькович, А.Э., см. *Войнилович, А.Э.*
Ванькович, М. 62
Ванькович, Э. 62
Вареньчук, К. 73
Варпуцяньский, К. 169
Варт-Баронов 187
Василевская, В. 111-118
Василевская, С., см. *Венордин, Сабина*
Василевский, Д. 194
Василевский, З. 112, 118
Василевский, Л. 112
Васильев, А.В. 80, 81, 83, 85, 86
Васильчиков, Б.А. 66
Вахович 75
Вевюрская, М., см. *Вакре, М.*
Вельяминов, А.А. 149
Венецианов, М.С. 80, 82
Вензовский, В.П. 237, 238
Венордин, А. 194
Венордин, А.-В., см. *Шанявская, А.-В.*
Венордин, А.-Ц. 194
Венордин, К. 194
Венордин, М.-Я. 194
Венордин, Сабина 194
Венордин, Саломея, см. *Ливская, С.*
Венордин, Ю.-Л. 194
Венордин, Я. (И.К.) 192-194

- Вернер, М.-Н., см. *Червинская, М.-Н.*
Вернер, П. (П.-Ф.-Д.) 231
Вернер, Т. 125, 126
Верниковский, Я. 52
Вигель, Ф.Ф. 145
Виельгорские 130
Вилинская, А. 208
Вилинский, А.-В. 208
Вильковская, А., см. *Людкевич, Аполония*
Вильковская, Х. 203
Вильковский, С. 203
Винавер, М.М. 83
Винарская, М.Р. 227
Винарская, М.-Я. 227
Винарский, Ф.К. 227
Винниченко, В. 89, 90
Виноградская, М.П. 202
Винярский 244
Вислоцкая, В. 195
Вислоцкая, В.-М. 195
Вислоцкая, М.-М.-В. 196
Вислоцкая, П. 195
Вислоцкая, П.-И. 195
Вислоцкая, Х.-О. 195
Вислоцкая, Я. 195
Вислоцкий, Е.-Л.-М. (Л.Б.) 195
Вислоцкий, З.-Б. (Б.О.-И.) 196
Вислоцкий, М. 195
Вистер, О.-Ф. 194
Вистер, Ф. 194
Вистер, Ю. 194
Висьневская, А., см. *Буковская, А.*
Висьневская, З. 188
Висьневская, Р.В. 188
Висьневский, А. 188
Висьневский, Б. 188
Висьневский, В.-Я. 188
Висьневский, И. 188
Висьневский, С. 188
Виташевский, К. 112, 115
Витковская, Б.-П. 197
Витковская, Э. 197
Витковская, Ю. 197
Витковский, М.-М. (Н.-М.И.) 184, 196, 197
Витковский, Я. (И.И.) 197
Витовт, великий князь 7

- Витос, А. 112, 115, 116
Витос, В. 115
Витте, С.Ю. 33, 64, 67
Виховский, Г.П. 243, 244
Вишневская, А., см. Буковская, А.
Вишнякова, П. 238
Владимир Александрович, великий князь 41, 42
Водзицкий, А.А. 59
Возда, С. 98
Войнилович, А. 62
Войнилович, А.Э. 62
Войнилович, Е.Э. 68
Войнилович, О. 68
Войнилович, С.Э. 68
Войнилович, Э.А. 62–68
Войниловичи 62
Войницкая, С., см. Скуратович, С.
Войцеховская, Г. 59
Войцеховский, Э. 59
Воленский, Б.В. 224
Воловик, Я. 74, 75
Волошин, М.А. 132
Вольтер 132, 133
Воробьёв, Н.И. 220
Воронович, Виктор 204
Воронович, Владислав 204
Воронович, В.-А. (В.К.) 202, 204
Воронович, З. 202, 204
Воронович, С.И. 202, 204
Воронович, Э. 204
Вратный, М., см. Ключачек, М.
Вроханевский 244
Врублевский, Ф. 59
Вуйцик, В. 218
Вуйцик, Е. 218
Вуйцик, Т. 218
Высоцкий, М. 57, 58
Высоцкий, О.Л. 43
Высоцкий, Ф.О. 43
Вышнеградский, И.А. 63
Вэнглинский, Я. 97

Г

- Гаас, П. 181
Гаденко, Г.К. 224
Гаденко, Л.К., см. Уейская, Л.К.

- Гаевский, И. 43
Гайоз, епископ 141, 142
Галдушинская, З., см. *Висьневская, З.*
Галинис, Анастасия, см. *Жилис, Анастасия*
Галлера, А. 146
Гальперн, О. 98
Гамбаров, Ю.С. 147
Гамзат-бек 153
Гара, Д.-Ж. 133
Гвоздицкий, И. 149
Гезе, Э.С. 188
Гейзе, Э.С., см. *Гезе, Э.С.*
Гельтман, С. 97, 102
Гельтман, Я. 98
Гельферих-Саде, М. 187
Генон, Р. 135, 136
Геродот 131, 138, 141
Гессен, Г.Ф. 82
Гессен, И.В. 82
Гижицкий, Б. 126
Гизетти 29
Гилевский, И. 211
Гиллер, А. 53, 54
Гинтовт, А. 218
Гинтовт, В. 225
Гинтовт, К.-Н. 218
Гинтовт, М. 218
Гинтовт, П.П. 225
Гинтовт, Павел 218
Гинтовт, Павел (отец П.П. Гинтовт) 225
Гинтовт, Пётр 218
Гинтовт, Фелиция 218
Гинтовт, Францишек 218
Гинтылло, З., см. *Буковская, З.*
Глиньский, С. 98
Гнатовский, В. 9
[Гнусик, К.] 207
Годзевич, И.Н. 207
Годзевич, Н.Ф. 207
Годзевич, Ю.(Г.)Н. 207
Годзевич, Я.-К. 207, 208
Годлевский, Л. 54
Голицын, А.Н. 145
Голицын, Ю.А. 49
Головин, Е.А. 152

Головня, А., см. Венордин, А.
Голуб, Г. 207
Гольцев 82
Гонсевский, Г. 53
Горбачевский, С. 9
Горизонтов, Л.Е. 40
Горланов, О.А. 108, 109
Городецкий, А. (А.М.) 197, 198
Гороховский, С.М. 253
Гох, В. 207
Гох, Р. 207
Гох, Ю. 207
Граббе, П.Х. 152
Гралеvский, М. 126, 127
Граля, М., см. Гралеvский, М.
Граляк, М., см. Гралеvский, М.
Грамш, К.А. 243–245
Граперон, И.И. 146
Гречух, А., см. Задорожная, А.
Григорий XVI 156
Гриневицкий, И. 54
Гродицкая, С. 202
Гроицкий, Б. 7
Громека, С.С. 72
Гросман, Р. 98
Грубецкий, Я. 112, 116, 117
Грушевский, М. 87, 88
Гудович, И.В. 143, 146
Гульбин, А.А. 199
Гульбин, Р. (Р.Э.) 184, 198, 199
Гурвич, Ф. 98
Гурко, З. 98
Гурко, И.В. 39, 72, 76
Гурьянов, А.Э. 107, 108, 110
Гусев, Н.И. 85
Гусник, В.К. 186

Д

Давид, В. 127
Давидовский, В., см. Давид, В.
Данилов, А.В. 145, 146
Данилович, М. 58, 59, 61
Дантон, Ж.-Ж. 133
Дверницкий, Ю. 124
Демулен, К. 133

- Деникин, А.И. 92, 239
Денисюк, М. 73
Дженюджи, Й. 165
Дземянович, В.-Г. 204
Дземянович, Ю.А. 204
Дзервановский 166
Держановская, С. 243
Держбицкая, Я.-Т., см. *Забоклицкая, Я.-Т.*
Держинская, Я.Э. 243
Диманштейн, С.М. 96
Диодор Сицилийский 138
Длугоборская, А. 245
Длугоборский, Б.Ф. 244, 245
Добржанская, Н. 204, 221
Добржанский, Ю.-Г. 204
Добржанский, Я.Я. 204
Добровольская, М., см. *Гинтовт, М.*
Добровольский, Ф. 204
Доливо-Добровольский, М.О. 232
Долинский, Ф.Л. 237
Дом Герль, К.-А. 133
Домбровская, М., см. *Квецинская, М.*
Домбровская, Ю. 55
Домбровский, Р.Г. 59
Домонтович 34
Дорошенко, Д. 88
Древновский, см. *Яворский, И.*
Древновский, Р. 59
Дробнер, Б. 112, 117
Дрозд, В. 73
Дроздов 244
Друцкий-Соколинский, Я. 9
Дубовский, И. 88
Дурново, П.Н. 67
Дюбрюкс, П. 146
Дюбуа де Монпере, Ф. 152

Е

- Евлогий, епископ 79
Егоров, Н.И. 39
Ежевский, Л. 105
Ежка, А. 154
Ежов, Н.И. 106
Езерский, Б. 162, 165
Езефович, П. 41
Еленский, О.-Б. 44

Еловицкий, А. 123, 124
Ендрыховский, С. 112-114
Ерман, Л.К. 56
Ефимович, А.И. 42
Ефимович, З. 42
Ефимович, И.Т. 41, 42
Ефимович, К.И. 42
Ефимович, Т.И. 42
Ефимович, У.И. 42
Ефремов, С. 87

Ж

Жарин 249
Жаровский, А.П., см. *Филиповский, А.П.*
Жарчинская, А. 227
Жарчинская, Х. 209, 227
Жарчинский, В. (В.И.-С.) 209, 210, 227
Желиговский, Л. 224
Желипов, В.А. 218
Желтовский 61
Жепиньский, М. 98
Жижневский, В. 166
Жилис, Антон 218
Жилис, Антонина 218
Жилис, Анастасия 218
Жичинская, А. 218
Жичинский, В. 218
Жичинский, Х. 218
Жичинский, Я.К. 218
Жуковский, П. 54

З

Забоклицкая, М., см. *Молендзинская, М.*
Забоклицкая, Я.-Т. 211
Забоклицкий, Ю.-Л. 211
Завадзкая, Х. 112, 118
Завадзкий, А. 112, 115
Завадский, В. 54
Загоскин, Н.П. 85, 86
Загумённая, Н.С. 248-251, 254
Задорожная, А. 218
Задорожный, И. 218
Задорожный, Ю. 218
Зайковский, Ф. 154
Закржевская, Е.Д. 182
Закс, Б. 98

Залевский, И. 154
Залесский, В.Ф. 53
Залесский, С.Г. 193
Залесский, Ф. 53
Заратустра 136
Заруцкий, М. 59
Захаров 186
Зборовская, Е.Л. 110
Зборовский, В. 208
Здесенко 186
Зейфман, П. 55
Зеленский, В. 92, 94
Зелинская, З.-А.А., см. *Никлевич, З.-А.А.*
Зелинский 244
Зельдович, М.Б. 82
Земсков, В.Н. 107
Змачинская, Я.М., см. *Щенснович, Я.М.*
Змачковская, Я.М., см. *Щенснович, Я.М.*
Зороастр, см. *Заратустра*
Зубаревич, А. 197
Зубревич, А., см. *Вилинская, А.*
Зубревич, Х., см. *Соколовская, Х.*
Зыск, Е., см. *Вуйцик, Е.*

И

Иваницкий, Н. 54
Ивановский, Э. 230
Иванюков, И.И. 147
Игнатьева, К. 98
Иезекииль 134
Иероним, архиепископ 78, 79
Издебская, Ч.Ю. 227
Издебская, Я. 227
Издебский, А.М. 227
Иксуль фон Гильденбрандт, Ю.А. 67
Имеретинский, А.К. 33, 40
Иоанн XXII 155
Ионович, М.Н. 241
Иоткевич, З. 169

К

Казакевич, В. 154
Казржис, А.А. 189
Калатозов, Д. 204
Каленкевич, Г., см. *Тальмонд, Г.*
Калиновский, З. 166, 168

- Калиновский, К. 125, 126, 153
Камёнок, В.-Г. 161
Каменская, Ц. 238, 239
Каменцкая, О. 204
Каминская, В. 221
Каминская, В.С. 221
Кан, Ф. 166
Кант, И. 121
Канумов, И. 202
Капшевич, Х.С. 245
Каракай, Е.Т. 200
Карганьянц, Г.Х. 200
Карпатов 229
Карпиньский, А. 127
Карпушевич 244
Карщицкая, Я. 230
Карякин, Т.П. 224
Качинская, М.-М.А. 221, 223, 228
Качинский, Ю.-Р.-С.А. 221
Кашак, Р., *см. Гох, Р.*
Квещинская, В.-Ю. 224
Квещинская, М. 224
Квещинский, В. 224
Квятковская, Б.Ю. 223
Квятковская, З.Р., *см. Филипковская, З.Р.*
Квятковская, М.Р., *см. Винарская, М.Р.*
Келлер, М.Ф., *см. Мальгерб, М.Ф.*
Кеневич, И. 54
Кениг, С. 194
Кербедз, С.И. 232
Киор-Оглы, Г.И. 195, 208
Кимонт, коллежский секретарь 233
Кимонт, Э., *см. Любвицкая, Э.*
Кисилевская, А.Ю. 248
Кланк Л., *см. Рохлин, Л.*
Клаус, В.В. 202
Клеанф 135
Клечковская, Ю. 207
Клечковский, А. 207
Клечковский, П. 207
Климашевский, Л. 207
Климова, Л. 216
Клюсачек, А. 218
Клюсачек, М. 218
Клюсачек, Р. 218

- Кобус, С. 98
Ковалевский 127
Ковалевский, М.М. 146, 147
Ковалевский, Н.Ю. 55
Ковалевский, О.М., см. *Ковалевский, Ю.*
Ковалевский, Ю. 52
Ковальский, Й. 165
Ковальский, М. 55
Ковальский, Ю. 112
Коза, В. 154
Козловская, А. 200
Козловская, А.И. 199
Козловская, А.М. 200
Козловская, В., см. *Аведова, В.Г.*
Козловская, Е.Г. 199
Козловская, Л. 199
Козловская, Т., см. *Чумакова, Т.Г.*
Козловская, Т.С. 200
Козловский, Валериан 200
Козловский, Владимир 200
Козловский, К. 199
Козловский, П. 199
Козловский, П.-Я.-Е. 199
Козловский, Т. (Ф.П.) 199
Козловский, Х. (Г.Г.) 199, 200
Кокошкин, Ф.Ф. 83
Колесников 187
Колесникова, Н.С., см. *Филиповская, Н.С.*
Кондорсе, М.-Ж.-А.-Н. 133
Кони, А.Ф. 77
Конради 127
Контрым, З. 224
Контрым, О. 224
Контрым, Э.Ф.-В. 224
Контрым, Я. 224
Копельман, П. 104
Коперко, Ф., см. *Коперский, Ф.*
Коперский, Ф. 161, 162, 170
Корбуш, Э.Ю. 204
Корвин-Гонсевский, А. 9
Корецкая, В., см. *Гинтовт, В.*
Корман, Ф. 167
Корнейчук, А. 113
Корнилов, А.А. 82
Корсаки 70

Костриц, Х., см. *Жарчинская, Х.*
Костюшко, Т. 52
Кот, С. 117
Котович, Я. 9
Кошмарчук, Я. 154
Кравчык, М. 231
Краевская, Ю., см. *Вистер, Ю.*
Крайовская-Кукель, К. 201
Крайовская-Кукель, М. (М.Л.) 201
Крайовский-Кукель, С.-А. (С.С.) 200, 201
Крайовский-Кукель, Э. 201
Красельницкая, А., см. *Жичинская, А.*
Красинский 43
Красновецкий, В. 112, 118
Крестин 96
Крживда-Погоржельская, Я., см. *Урбанская, Я.*
Кржимовская, Я., см. *Вислоцкая, Я.*
Кржимовский, А. 195
Кригер, Н. 98
Кронская, В. 214
Крусс, А.Ф., см. *Серафинович, А.Ф.*
Крылов, Н.И. 14
Кубиш, В.-Ф. 112, 117, 118
Кудашев, князь 249
Куликовская, С.В. 223
Кун, Т. 122
Курлов, П.Г. 66
Курт де Жебелен, А. 133
Кушта 98
Кшецкий, А. 154

Л

Лаврусевич, Ю.К., см. *Богданович, Ю.К.*
Лагорио, К.Л. 214
Лазоверт, З. 98
Лаланд, Ж.-Ж. Лефрансуа де 133
Ланжерон, А.Ф. 146
Ланцов 49
Лапинский, Т. 152
Лебедзинский, К. 55
Левандовский 244
Левиньский, М. 97
Лелевель, И. 14
Леноар, Р., см. *Мордмиллович, Р.*
Ленс, С. 195

- Ленский, М. 64
Ленуар, Ж. (И.) 213
Ленуар, Н. 213
Ленуар, Р., см. *Мордмиллович, Р.*
Леонтий, архиепископ 75, 76
Лесецкая, Ч.С. 207
Лесецкий, П.Ю. 207
Лесецкий, С.-В. 207
Лещиньский, Я. 98, 102
Лжедмитрий I 69
Ливская, С. 194
Ливская, С.-Я. 194
Ливский, И.-С. 194
Ливский, Ф. 194
Линде, С.-Б. 13
Лишиньская, А. 98
Лир, А.В. 202
Лисовский, В.А. 37
Лиценович, Фелиция, см. *Гинтовт, Фелиция*
Логинов, А.Т. 39
Лонгворт, Дж. 151
Лопачинский 244
Лопашинский 243
Лохвиский, П.Д. 216
Лукашевский, Л.Г. 52
Лукашевский, Г. 52
Лысенко, Г.И. 216
Лысенко, Е.А. 216
Любовидский, Е.Л., см. *Любовицкий, Е.Л.*
Любовицкая, Э. 233
Любовицкий, Е.Л. 233
Людкевич, Агата 203
Людкевич, Аполония 202, 203
Людкевич, В. 201, 202
Людкевич, В.-А. (В.К.), см. *Воронович, В.-А. (В.К.)*
Людкевич, В.-Г., см. *Дземянович, В.-Г.*
Людкевич, В.-Ф. 204
Людкевич, К. 201, 203, 221
Людкевич, Михал 203
Людкевич, Михалина 201, 202
Людкевич, М. (М.Г.), см. *Арцишевская, М. (М.Г.)*
Людкевич, М.-К. 204
Людкевич, Н., см. *Добржанская, Н.*
Людкевич, О.-Р. 202, 203
Людкевич, С.-В. 203

Людкевич, Х. (Г.М.) 201
Людкевич, Э. 204
Людкевичи 217
Люткевич, А. 169
Лябедзь 98
Лямины 249
Лянцкоранский 236, 242, 244

М

Маглиновская, Н. 216
Маглиновская, Ю.-В.-В. 215, 216
Маглиновский, С.В. 215, 216
Маевская, В.К. 223
Маевская, Ю.К., см. *Серафинович, Ю.К.*
Маевский, К.Д. 222
Мазарек, А. (А.П.) 182, 205, 206
Мазарек, И. 206
Мазарек, С.-Г.-А. 206
Мазарек, Т. (Т.А.) 182, 206
Мазепа, И. 92
Маков, Л.С. 63
Макой, Р. 142
Малевская, Э.Т., см. *Смигельская, Э.Т.*
Малиновская, А., см. *Вилинская, А.*
Малиновская, А.-И. 207
Малиновская, Н. 207
Малиновская, Х. 208
Малиновская, Я. 207
Малиновский, В. (В.М.) 184, 206, 207
Малиновский, М. 208
Малиновский, С. 55
Малиновский, Х.-К. 208
Малкин, И.П. 254
Малуя, Б. 98
Мальгерб, А.М. 209
Мальгерб, Б. 210
Мальгерб, Ванда 210
Мальгерб, Вера 210
Мальгерб, Владислав 209
Мальгерб, Е. 210
Мальгерб, К. 210
Мальгерб, М. 210, 228
Мальгерб, М.Ф. 209
Мальгерб, С. 209
Мальгерб, Ю. (Ю.Ф.) 209, 210

- Мальгерб, Я.-А. (И.К.) 208–210, 228
Мальшевский, Я. 243
Маляновский 61
Марина Мнишек, см. *Мнишек, М.*
Марко, С. 54
Мартвих, А.-Л. 192
Мартвих, Х.-Ц.-М.-Э. 192
Мархлевский, Ю. 97, 99, 102
Магушевский, доктор 184
Мацевич 243
Мацейковский, В.-А. 126
Меерович, И.Я. 197
Менделеев, Д.И. 63
Менчинская, Х., см. *Малиновская, Х.*
Мерославский, Л. 126
Мигдалло, А. 222, 223, 227, 228
Мигдалло, К. 221, 222
Мигдалло, М.-М.А., см. *Качинская, М.-М.А.*
Мигдалло, П. 222
Мигдалло, Ф. (Ф.А.) 221, 222, 227
Мигдалло, Х. (Х.Ю.) 221, 222, 227, 228
Мигдалло, Х.Ф. 221, 222
Миколаюнас, В. 167, 201, 202
Милевская, Х., см. *Вильковская, Х.*
Милиграм, И. 104
Миллер, А.И. 21
Милош, А. 128
Милош, Г. 128
Милтон, Дж. 136
Мильчевская, С.Я., см. *Ясинская, С.Я.*
Милюков, П.Н. 83
Милютин, Н.А. 22, 25
Миодушевский, Я. 194
Мисюрович, К.К. 204
Михальский, И. 59
Михальский, Ю. 128
Михаляк, А. 112, 118
Мицкевич, А. 14, 52, 125
Мицкевич, М. 88
Мицкевич-Капсукас, В.С. 96
Мишкинис, Альфонс 218
Мишкинис, Анеля 218
Мишкинис, И. 218
Мишкинис, С. 194
Мнишек, М. 69

- Мнишеки 130
Мнишки, см. *Мнишеки*
Модест, епископ 75
Моисей 138, 139
Молендзинская, М. 211
Молендзинский, К. 211
Молендзинский, С. (С.А.) 210, 211
Мордмиллович, А. 213
Мордмиллович, А.-Е.А. (А.А.) 215
Мордмиллович, А.-Х.-А. 214, 215
Мордмиллович, Г. 216
Мордмиллович, Г.-А. 216
Мордмиллович, К. 216
Мордмиллович, М.-Л., см. *Борчевская, М.-Л.*
Мордмиллович, Р. 213
Мордмиллович, Р.-Г. 216
Мордмиллович, Э.-Р.-М. 213, 216
Мордмиллович, Э.-Я. 216
Мордмиллович, Ю.-В.-В., см. *Маглиновская, Ю.-В.-В.*
Мордмиллович, Я. (Я.А.) 181, 211–213
Мордмиллович, Я.-А. 216
Москвин, Д.Ф. 73
Москвич 202
Моше, см. *Моисей*
Мровинский, П. 9
Мрочек, А. 54
Мрувчинский, Б. 120
Муравьёв, Н.В. 34
Мусесов, М.М. 200

Н

- Набоков, Д.Н. 25, 26
Нагуевский, Д. 55
Надеждинский, А.Н. 34
Найдёнова, А.С., см. *Бейнар, А.С.*
Намиоткевич, Б. 213
Наполеон I 149
Нат, А.А. 221
Недвялковская, П. (П.Ю.), см. *Щенснович, П. (П.Ю.)*
Недзведская, П. (П.Ю.), см. *Щенснович, П. (П.Ю.)*
Нейман, К.Ф. 242
Нецевич, Г. 9
Нидекер, И.-Ф. 227
Нидекер, Р.Л. 227
Никлевич, З.-А.А. 195

Никлевич, И.-Ц. 195
Никлевич, Э.-Я.-М. (Е.И.) 195
Николаи, Р.Ф. 85
Николай I 14, 126, 150, 156–158
Николай II 77, 161
Николай Николаевич, великий князь 167
Новак, Э. 155
Новицкая, М. 102
Новицкая, Ц., см. Яницкая, Ц.
Новицкий, А.А. 197
Нурович, см. Мордмиллович, Я. (Я.А.)

О

Оберфельд, Я. 104
Огиенко, И. 92
Огинские 130
Олейник, А.Г. 253
Оленская, З., см. Пстронговская, З.
Ольтаржевский, Н.М. 59
Оммер д'Эль, К. 151
Опенховский, Ю.А. 202
Опольская, К., см. Пониковская, К.
Опольская, М.-У., см. Червинская, М.-У.
Опольская, Я. 230
Орбелиани, Г.Д. 163
Орлов, С.Д. 191
Орловский, В. 55
Орловский, С. 154
Осипов, А. 54
Оснач, И.М. 189
Осокина 85
Осташевский, Э. 165
Островский, Ю. 65
Отоцкий 98

П

Павлович, А.-Ц., см. Венордин, А.-Ц.
Павлович, М. 194
Павлович, Э. 194
Павловская, А. 228
Пайк, А. 132–135, 137, 139, 140
Папков, С.А. 110
Паркот, С. 55
Парсаданова, В.С. 105
Паскевич, И.Ф. 125–127, 173, 178

- Пафнутьев, С. 47
Пейпер, Т. 112, 118
Перепечко, В. 204
Пержинский, В. 224
Персанов, Г.В. 187
Петерман, А. 53
Петион, Ж. 133
Петлюра, С. 89, 91, 93, 94
Пётр I 33
Петражицкий, Л.И. 83
Петров, А. 73
Петрович, Ю. 53
Петрушевич, Е. 91
Печуро, Ю. 167
Печьгойский, П. 9
Пий IX 155
Пилсудский, Ю. 91–93, 112, 237, 246
Пилят, С. 124, 125
Пипер-Варецкий 244
Плавицкая, Ф. 61
Плывачевская, М. 98
Плывачевский 98
Погодин, М.П. 12–15
Подкорытов, О.Г. 59
Познаньский, И. 98
Пойда, Д.П. 16–20
Полуян, Я. 242
Полуян-Верецкая, Е. 239
Полякова, О. 214
Поляковы 249
Понииковская, К. 230
Понииковский, А. 230
Понятовский, С.-А. 52
Попель, М. 112, 115
Попов, М.А. 201
Попов, П.А. 23
Порохня, В. 244
Пост, А.-Е.А. (А.А.), см. *Мордмиллович, А.-Е.А. (А.А.)*
Потанин, Г.Н. 60
Потоцкие 130
Потоцкий, А. 75
Потоцкий, И. 130
Потоцкий, С. 130
Потоцкий, С.-Щ. 130
Потоцкий, Я. 123, 124, 129–132, 134–146, 148

Пракер 244
Прждедяцкий, К. 59
Пржигодский, Ю. 125
Приходченко 186
Проценко, И.П. 187
Прухняк, Э. 102
Прушковский, Б. 165
Пстронговская, З. 189, 227
Пстронговский, В. 227
Пстронговский, Т.-Л. 227
Птоломей, К. 141, 142
Птоломей, см. *Птоломей, К.*
Пуидак, Ф. 222
Пустковский 96
Путрамент, Е. 112
Путри, О. 43
Пушкин, А.С. 145, 148
Пшибышевская, Э. 98
Пшулковский, Э. 112, 115
Пыпин, А.Н. 12
Пэиньский 98
Пятигорский, А. 129

Р

Равич-Русецкий, А.Х. 55
Радвиллович, Ю. (Ю.Т.), см. *Цыбульская, Ю. (Ю.Т.)*
Радченко 186
Раевский, Н.Н. 150, 152
Раковская, Л. 203
Раковская, О.В. 203, 221–223
Раковский, Виктор Карлович 195
Раковский, Владислав Константинович 221
Раковский, К.Я. 203, 221
Раковский, С.-А. 221
Рамсес II Великий 139
Расикас, Р. 96
Распodelьский, А. 149
Рачкевич, И.В. 216
Рачковская, Е. 60
Рачковский, И.П. 60
Рачковский, П.И. 60
Ревера, К. 207
Рейтерн, М.Х. 25, 26
Реннер, К. 88
Реутт, А.М. 203, 218

- Реутт, Г. (Г.О.) 218
Реутт, М. (М.И.) 218
Реутт, Ю. (И.И./О.) 181, 203, 217, 218
Реутт, Ю.Ю. 223
Римский-Корсаков, А.А. 70
Риндерман, Я. 104
Ритгер, К. 136
Рогачев, М.Б. 106
Рогинский, А.Б. 108, 109
Родзевич, Анеля, см. *Мишкинис, Анеля*
Родзишевский, Я.И. 43
Рожанская 244
Рожанский, Ю. 192
Рожанский, Я.О. 59
Розен, Г.В. 150, 153, 165
Роля-Жимерский, М. 118
Романовы 70, 159
Ромасев, А. 244, 245
Рослякова, В. 216
Рот, И. 181, 200, 203, 210
Рохлин, А.Я. 224
Рохлин, В. / И.-Э. 224
Рохлин, Л. 224
Рубинская, Е.А. 219, 220
Рубинский, А.-С. (А.Ф.) 219
Рубинский, В. 220
Рудигер, Х. 185
Рудзевич, Б. 185
Рудневы, братья 205
Рудницкий, Ф.И. 245
Рукк, М. 207
Русецкий, А.Х., см. *Равич-Русецкий, А.Х.*
[Рык], А.А., см. *Янковская, А.А.*
Рыкова, А., см. *Якубовская, А.*
Рябинин, И.С. 130

С

- Савинский 237
Савчук, Ю. 73
Садовский, Х. 182
Самбор, Д. 170
Самойленко, И.П., см. *Яницкая, И.П.*
Самойленко, П.Ф. 249
Самойленкова, И.Ф., см. *Яницкая, И.П.*
Самосудов, В.М. 106

- Сарнова, В.В. 106
Свенцицкий, З. 64
Свербило, А. 149
Свердлов, Я.М. 96
Свидерская, Л. 222
Свидерский, А.-Т. 222
Свидерский, В. 222
Свинярский, К.Ф. 236, 238, 240–242, 244
Сводум 82
Себастьянович, К. 165
Сезострис-Рамзес, см. *Рамзес II Великий*
Селява, В. 202
Сенкевич, Х. 91, 185
Серафимович, Ю.-Л. (И.И.), см. *Серафимович, Ю.-Л. (И.И.)*
Серафимович, А.Ф. 223
Серафимович, Виктория 223
Серафимович, Владислав 222
Серафимович, З., см. *Боровская, З.*
Серафимович, Катажина 223
Серафимович, Константы 223
Серафимович, М., см. *Боровская, М.*
Серафимович, С.-Я. 223
Серафимович, Х., см. *Мигдалло, Х. (Х.Ю.)*
Серафимович, Ю.К. 222, 228
Серафимович, Ю.Ю., см. *Серафимович, Ю.-Л. (И.И.)*
Серафимович, Ю.-Л. (И.И.) 204, 220–223, 228
Серафимович, Ю.-Я. 223
Серафимович, Э. 222
Сергеенко, И.В. 240–242
Серков, А.И. 129, 145
Сетков, А.Д. 219
Сеткова, Е.А., см. *Рубинская, Е.А.*
Сеткова, Е.И. 219, 220
Сеченов, генерал-майор 221
Сигизмунд III Ваза 10
Симолин, А.А. 80
Сипягин, Д.С. 33
Скабаллонович, В.И. 38
Скачкиевич, О. 43
Скибневская, С.С., см. *Турчинская, С.С.*
Скибнецкая, С.С., см. *Турчинская, С.С.*
Скидан, В.В. 220
Скорачинская, Ч.С., см. *Лесецкая, Ч.С.*
Скоропадский, П.П. 87, 89, 94
Скуратович, З.-С. 218

- Скуратович, Л. 218
Скуратович, С. 218
Скшешевский, С. 112, 114
Славянский, К. 154
Смелков, А.П. 220
Смигельская, Е.-Э.-Б. 176
Смигельская, З. 176
Смигельская, К. 176
Смигельская, М.-В. 176
Смигельская, С.-С. 176
Смигельская, Э.Т. 176
Смигельские 172, 176
Смигельский, Б. 176
Смигельский, В.-Д. 176
Смигельский, С.-П. 176
Смигельский, Ч.-Й.-Й. 176
Смигельский, Ю. 172-177
Смигельский, Я. 172, 173
Смит, Дж. 129
Смоленский, П.Г. 38
Смоленский, С., см. *Смолинский, С.*
Смолинский, С. 204, 213
Смуглевич, С. 166
Совинский 244
Соколова, Ю. 216
Соколовская, Х. 207
Соколовский, В. 112
Соколовский, З.-С. 207
Соколовский, Л. 207
Соколовский, П.Г. 177
Сокольская, З. 98
Сокорский, В. 112, 115
Соллогуб, А.С. 43
Соммершгейн, Э. 112, 117
Сосновский, Я. 98
Сперанский, М.М. 145, 146
Сталин, И.В. 106, 111, 113, 252
Сталь, В. 112, 118
Сталь, З. 118
Станислав Август Понятовский, см. *Понятовский, С.-А.*
Станиславский, А. 53
Станишевский, В. 53
Станкевич, В. 208
Станкевич, Р. 54
Станчек, И.И. 238
Станчик, М. 59

Старович, Ф. 167
Сташевская, С.И., см. *Бабыч, С.И.*
Стольпин, П.А. 64–66
Страбон 138, 140, 141
Струве, П.Б. 83
Стурлусон, С. 140, 141
Стыблинская, А. 98
Стыблинский, Л. 98
Суходольская, Ю.С. 195
Суходольский, К.В. 195
Сухомлинов, В.А. 161
Сырокомская, М.И. 182
Сырокомская, Х.С. 182
Сырокомский, С.В. 182

Т

Тальмонд, Г. 203
Тальмонд, Ю. 203
Тальмонд, Я. 203
Тамамшев, Г.И. 147
Тамамшев, М.И. 147, 148
Татаринов, В.А. 25
Таухман, Л. 102
Текгинский 244
Тельберг, Г.Г. 80, 82
Тераскевич, Ю. 222
Терашкевич, С. 203, 204
Тетбу де Мариньи, Э.В. 146
Тетерин, С. 214
Тетерина, Э.-Ф.Б. 213, 214, 216
Тиери, И., см. *Тьерри, И.*
Тиллени, Э. 153
Тимашев, А.Е. 28
Тимофеев, В.Л. 224
Тодоров, А.Д. 208
Токаржевский 71
Толстой, Д.А. 76, 77
Томчук, С. 73
Торнау, Ф.Ф. 151
Троицкий 84
Трубейцкой, М.М., см. *Трубейцкой, Н.Н.*
Трубейцкой, Н.Н. 63
Трубейцкой, П.Н. 65
Туманов, Г.Н. 147
Туронис, Д. 43
Туронис, Иван Д. 43

Туронис, Иосиф Д. 43
Туронис, С.Д. 43
Туронис, Ф. 43
Турульская, А. 98
Турчинская, С.С. 187, 189, 227
Турчинский, Л. 187
Турчинский, С.-Л. 187, 189, 227
Тутевич, Е. 214
Тхужевский, К. 53
Тъери, И. 203, 204

У

Уваров, С.С. 12, 15
Уейская, А. 224
Уейская, З., см. *Контрым, З.*
Уейская, Л.К. 224
Уейский, А. (А.И.) 224
Уейский, Владислав 224
Уейский, Вячеслав 224
Уейский, Э. (Э.И.) 223, 224
Уексколь, барон, см. *Икскуль фон Гильденбрандт, Ю.А.*
Узловская, О., см. *Войнилович, О.*
Уйманов, В.Н. 110
Униан 162
Уоррен, У.-Ф. 136
Урбан, Л. 73
Урбанская, Я. 212
Урбанский, Р.Л. 212
Урбанский, Т.-Л. 212
Уркхарт 151
Уселис, Я. 167

Ф

Фалимер, К. 9
Федорович, Л. 55
Феттер, З. 225
Феттер, М. (М.Т.) 225
Феттер, Ю. (И.К.) 184, 225
Фиалковский, А. 166
Фиалковский, Т. (Ф.П.) 189, 226
Филипковская, З.Р. 212
Филипковский, Ю.Л. 212
Филиповская, М. 217
Филиповская, Н.С. 218
Филиповская, П./Я. 218
Филиповский, А. 218

Филиповский, А.П. 218
 Филиповский, Д./С. 218
 Филипсон, Г.И. 154
 Филон Александрийский 140
 Финдель, И. 129
 Флавиан, архиепископ 73–78
 Флавий, И. 140
 Флек, Л. 121, 122
 Форнальский 98
 Фотий 47
 Франклин, Б. 133
 Френкель, З.Г. 82
 Фуорис 139

Х

Хайкис, Л. 98
 Хацкелевич, М.А. 197
 Хейердал, Т. 142
 Хилинская, Т., см. *Мазарек, Т. (Т.А.)*
 Ходорович, Я. 9
 Хоецкий, Я. 224
 Холл, М.-П. 131
 Хрущов, А.П. 43
 Хрщонович, Л. 54
 Хуляницкая, С.-Я., см. *Ливская, С.-Я.*

Ц

Цеханович, Х. 9
 Цибульский, Д.-Т., см. *Цыбульский, Д.-Т. (Т.О; Д.-Т.И.)*
 Циосинский, С. 227
 Цыбульская, А., см. *Павловская, А.*
 Цыбульская, И.-Ф., см. *Нидекер, И.-Ф.*
 Цыбульская, М. 227
 Цыбульская, Ю. (Ю.Т.) 227, 228
 Цыбульская, Ю. (Ю.Я.) 228
 Цыбульская, Ю.Д. 210, 222, 227, 228
 Цыбульский, В. 228
 Цыбульский, Д.-З. 222, 228
 Цыбульский, Д.-Т. (Т.О; Д.-Т.И.) 195, 221–223, 226–228
 Цыбульский, К.-Ф. 221, 222, 228
 Цыбульский, С. 227
 Цыбульский, Т.-Д.Ю., см. *Цыбульский, Д.-Т. (Т.О; Д.-Т.И.)*
 Цыбульский, Ю. (И.А.) 228
 Цыбульский, Ю.-Д. 222, 228
 Цыгельский, Ш. 149
 Цыховский, К. 98

Ч

- Чапский, К. 64
Чернецкий, Р., см. *Чернецкий, Р.*
Чарторьский, А.-Е. 144–146
Чвалинская, Л., см. *Свидерская, Л.*
Чебыкин, П.В. 43
Чеканов, Я.П. 187
Чекотовская, С. 203
Чекотовская, Х.К. 204
Чекотовский, А. 203
Чекотовский, М.-В. 203
Червинская, М., см. *Кравчык, М.*
Червинская, М.-К. 230
Червинская, М.-Н. 231
Червинская, М.-У. 230
Червинская, Я., см. *Карциницкая, Я.*
Червинский, В. 231
Червинский, В.-Б. 230
Червинский, М. 230
Червинский, П.-Т. 231
Червинский, Т. 231
Червинский, Я.-М. (Я.П.) 229, 230
Черкавский, И. 125
Черкасский, В.А. 21, 22, 24
Чернецкий, Р. 59
Черник 188
Чернобай, М. 222
Чернояров, А.Д. 85
Чернявский, К.А. 216
Черняк, М. 54
Черняхович, Н. 166
Чертков, М.И. 78
Чигирь, И. 53
Чижевский, С. 41
Чижик, З.Ю. 228
Чижик, Ф.А. 227
Чумакова, Т.Г. 200
Чушкина, Е. 98

Ш

- Шабловский, Ф. 188
Шамиль 126, 151–154
Шамотульский, В. 167
Шамфор, Н.-С.-Р. 133
Шаньявская, А.-В. 194

- Шанявская, см. *Людкевич, О.-Р.*
Шанявская, М., см. *Павлович, М.*
Шанявский, В. 194
Шанявский, В.М. 202
Шанявский, З.В. 194
Шанявский, М. 202
Шанявский, М.М. 202
Шарамович, А. (А.Ю.) 232
Шарамович, В. (В.В.) 184, 231, 232
Шарый 244
Шепетковская, Е., см. *Рачковская, Е.*
Шершеневич, Г.Ф. 80–86
Шиковский, П. 10
Шипов, С.П. 13
Шишманов, Э.Г. 189
Шмигельский, Ю., см. *Смигельский, Ю.*
Шмидт 33
Шнель, М. 10
Шостакович, Б.С. 120
Шпадковская, Ч.Ю., см. *Издебская, Ч.Ю.*
Шпиганович, А. 187
Штахельский, Е. 112, 114
Штертман, М./М., см. *Буковская, М./М.*
Шувалов, П.А. 77
Шульминский, А. 92
Шумилевич 236, 244

Щ

- Щенснович, А. 233
Щенснович, А. (А.Н.) 232, 233
Щенснович, М. (Н.В./В.) 233
Щенснович, П. (П.Ю.) 233
Щенснович, Э., см. *Любовицкая, Э.*
Щенснович, Э. (Э.Н.) 234
Щенснович, Я.М. 234
Щербаков, В.И. 141
Щербина, Ф.А. 151, 200
Щербич, П. 7
Щлезарева, С. 98

Э

- Эдельштейн, В.М. 182
Эдельштейн, М.Е. 182
Эрслав, А.Р. 222
Эфглер, И. 98

Ю

- Юшкевич, А. 112, 113, 116
Юшкевич, Ю., *см. Клечковская, Ю.*
Ющук, Ф.И. 39

Я

- Яворский, И. 126
Яворский, Р.Я. 34
Яковлев, С.С. 186
Якуб-хан, *см. Якубович*
Якубович 152
Якубовская, А. 191
Якубовский, В. 191
Якубовский, Ю. 191
Яловой, А.Р. 222
Ян II Казимир 51
Яницкая, А.Ю., *см. Кисилевская, А.Ю.*
Яницкая, Анна С. 248, 250, 254
Яницкая, Александра С. 248, 250, 254
Яницкая, И.П. 247, 249, 250, 254
Яницкая, К.Ю. 248
Яницкая, Л.С. 248, 250, 254
Яницкая, Н.С., *см. Загуменная, Н.С.*
Яницкая, Ц. 248
Яницкие 247–252, 254
Яницкий, А.С. 250
Яницкий, К.С. 248, 250, 254
Яницкий, С.Ю. 247–254
Яницкий, Ю.Ф. 248
Янковская, А.А. 207
Янковская, К. 207
Янковская, Н., *см. Малиновская, Н.*
Янковская, Ф. 239
Янковская, Я.-К., *см. Годзевиц, Я.-К.*
Янковский, И.И. 239
Янковский, И.Я. 239
Янковский, К. 207
Янушкевич, В.Б. 253
Ярмаркевич 162
Ясинская, С.Я. 227
Ясинская, Ю. 227
Ясинский, В.М. 227
Ятовт, А. 232
Ящук, Ф. 73

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АКАК** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
- АН** – Академия наук
- АО** – Автономная Область; акционерное общество
- АО АС** – Архивный отдел администрации г. Сочи
- б.н.** – без нумерации
- БССР** – Белорусская Советская Социалистическая Республика
- в.** – век
- ВКЛ** – Великое княжество Литовское
- ВКП(б)** – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВСНХ** – Высший совет народного хозяйства
- г.** – город; год
- г.р.** – год рождения
- га** – гектар
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края
- ГАКрК** – Государственный архив Красноярского края
- ГАНИИО** – Государственный архив новейшей истории Иркутской области
- ГА РФ** – Государственный архив Российской Федерации
- ГАСК** – Государственный архив Ставропольского края
- ГАЯО** – Государственный архив Ярославской области
- ГПУ** – Государственное политическое управление
- губ.** – губерния
- ГУЛАГ** – Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения
- ГУТО ГА в г. Тобольске** – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
- Д.** – дело
- д.** – дом; деревня
- др.** – другие
- Ек.** – Екатеринбург
- ЕПО** – Единое потребительское общество
- ж.д.** – железная дорога
- ж.-д.** – железнодорожный
- ЖАКТ** – жилищно-арендное кооперативное товарищество
- ЗАГС** – отдел записи актов гражданского состояния
- ЗУНР** – Западно-Украинская Народная Республика

и.д.	- исполняющий должность
и.о.	- исполняющий обязанности
им.	- имени
к.	- копейка
кв.	- квадратный; квартира
КГБ	- Комитет государственной безопасности
КИД	- клуб интернациональной дружбы
КК	- Кубанский календарь
ККВ	- Кубанское казачье войско
км	- километр
Кн.	- книга
КРПП	- Коммунистическая рабочая партия Польши
КСК	- Кубанская справочная книжка
Л.	- лист
лат.	- латинский
м	- метр
МВД	- Министерство внутренних дел
МГБ	- Министерство государственной безопасности
млн	- миллион
МОПР	- Международная организация помощи революционерам
н.ст.	- новый стиль
НА РТ	- Национальный архив Республики Татарстан
НИАБ	- Национальный исторический архив Беларуси
НКВД	- Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ	- Народный комиссариат государственной безопасности
НЭП	- новая экономическая политика
обл.	- область
ОГПУ	- Объединенное государственное политическое управление; Особое главное политическое управление
ок.	- около
п/п	- по порядку
ПКГиДД	- Правительственная комиссия по гражданским и духовным делам Царства Польского
ПККО	- Памятная книжка Кубанской области
ПКНО	- Польский комитет национального освобождения
ПНР	- Польская Народная Республика
ПОВЖВ	- Польское общество вспомоществования (помощи) жертвам войны
польск.	- польский
ПОРП	- Польская объединённая рабочая партия
пос.	- посёлок

ППС	- Польская социалистическая партия
пр.	- прочее
РЗС	- Полное собрание законов Российской империи
р	- рубль
р.	- река
РГАВМФ	- Российский государственный архив военно-морского флота
РГАСПИ	- Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	- Российский государственный военный архив
РГИА	- Российский государственный исторический архив
РК	- районный комитет
РКК	- районная контрольная комиссия
РКП(б)	- Российская коммунистическая партия (большевиков)
род.	- родился (родилась)
РП	- Речь Посполита; Республика Польша
РСДРП	- Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР	- Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	- Российская Федерация
с.	- село, селение; сестра
сб.	- сборник
Св.	- святой, святая
СДКПиЛ	- Социал-демократия Королевства Польского и Литвы
сл.	- следующий
см.	- смотрите
СНК	- Совет народных комиссаров
СПП	- Союз польских патриотов
ССОД	- Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами
СССР	- Союз Советских Социалистических Республик
ст.	- статья; станица
ст.ст.	- старый стиль
США	- Соединённые Штаты Америки
Т.	- том
табл.	- таблица
т.д.	- так далее
т.е.	- то есть
т.п.	- тому подобное
тыс.	- тысяча
УГА	- Украинская Галицкая Армия

- Указ. соч.** - указанное сочинение
- УКГБ** - Управление КГБ
- ул.** - улица
- УНКВД** - Управление НКВД
- УНР** - Украинская Народная Республика
- упом.** - упоминается
- УПСР** - Украинская партия социалистов-революционеров
- УПСФ** - Украинская партия социалистов-федералистов
- урожд.** - урождённая
- УСДРП** - Украинская социал-демократическая рабочая партия
- УССР** - Украинская Советская Социалистическая Республика
- УФСБ** - Управление Федеральной службы безопасности
- УЦР** - Украинская Центральная Рада
- ЦГК** - Центральный гражданский комитет Царства Польского в России
- ЦДНИКК** - Центр документации новейшей истории Краснодарского края
- ЦК** - центральный комитет
- ч** - час
- Ч.** - часть
- чел.** - человек
-
- AAN** - Archiwum Akt Nowych w Warszawie (*польск.* Архив новых актов в Варшаве)
- AGAD** - Archiwum Główne Akt Dawnych (*польск.* Центральный архив древних актов)
- APL** - Archiwum Państwowe w Lublinie (*польск.* Государственный архив в Люблине)
- b.p.** - bez paginacji (*польск.* нумерация страниц отсутствует)
- BSK PZPR** - Biuro Spraw Kadrowych Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej (*польск.* Бюро кадровых вопросов Польской объединённой рабочей партии)
- ChKGK** - Chełmski Konsystorz Grecko-Katolicki (*польск.* Холмская греко-католическая консистория)
- ChWDKP** - Chełmsko-Warszawski Duchowny Konsystorz Prawosławny (*польск.* Холмско-Варшавская духовная православная консистория)
- ChZD** - Chełmski Zarząd Duchowny (*польск.* Холмское духовное правление)

Cz.	- część (<i>польск.</i> часть)
DIR	- схематизмы Тираспольской римско-католической епархии
etc.	- et cetera (<i>лат.</i> и другие, и тому подобное, и так далее)
Ibid.	- ibidem (<i>лат.</i> там же)
K.	- kartka (<i>польск.</i> лист)
KGL	- Kancelaria Gubernatora Lubelskiego (<i>польск.</i> Канцелярия люблинского губернатора)
KWGG	- Kancelaria Warszawskiego Generała Gubernatora (<i>польск.</i> Канцелярия варшавского генерал-губернатора)
Nr	- numer (<i>польск.</i> номер)
Op. cit.	- opus citatum (<i>лат.</i> цитируемое произведение)
R.	- rocznik (<i>польск.</i> ежегодник, годовой комплект)
RGL	- Rząd Gubernialny Lubelski (<i>польск.</i> Люблинское губернское правление)
RP	- Rzeczpospolita Polska (<i>польск.</i> Республика Польша)
S.	- strona (<i>польск.</i> страница)
Sygn.	- sygnatura (<i>польск.</i> шифр; дело)
T.	- tom (<i>польск.</i> том)
v.	- оборот (<i>лат.</i> verte).
WBPL	- Wojewódzka Biblioteka Publiczna w Lublinie im. Hieronima Łopacińskiego (<i>польск.</i> Люблинская воеводская публичная библиотека им. Херонима Лопацинского)
Z.	- zeszyt (<i>польск.</i> тетрадь)
ZPP	- Związek Patriotów Polskich (<i>польск.</i> Союз польских патриотов)

СПИСОК АВТОРОВ

Боголюбов, Александр Александрович – кандидат исторических наук, член Союза поляков на Кавказских Минеральных Водах (г. Пятигорск), e-mail: pociek@gmail.com

Гурак, Артур (dr Artur Górak) – доктор исторических наук, адъюнкт Института истории Университета Марии Склодовской-Кюри в Люблине, e-mail: artur.gorak@poczta.umcs.lublin.pl

Зелиньский, Конрад (dr hab. Konrad Zieliński) – доктор исторических наук, экстраординарный профессор факультета политологии Университета Марии Склодовской-Кюри в Люблине, e-mail: konrad.zielinski1@gazeta.pl

Кищенко, Михаил Сергеевич – аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, e-mail: mkishhenkov@yandex.ru

Кругов, Алексей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и региональной истории Ставропольского государственного университета, e-mail: krugov@stavsu.ru

Кухаренко, Богдан (dr Bohdan Kukharenko) – доктор исторических наук, Люблинский Католический Университет Иоанна Павла II, e-mail: kukharenkob@yahoo.com

Кучерук, Елена Сергеевна – аспирантка кафедры российской истории Днепрпетровского национального университета им. Олеса Гончара, e-mail: elenakucheruk@mail.ru

Лятавец, Кишиштоф (dr Krzysztof Latawiec) – доктор исторических наук, адъюнкт Института истории Университета Марии Склодовской-Кюри в Люблине, e-mail: latawiec1312@go2.pl

Мартуанова, Ирина Юрьевна – соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории и библиотечарь научной библиотеки Кубанского государственного университета, e-mail: bim_75@mail.ru

Матвеев, Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор», e-mail: vim12@rambler.ru

Минько, Сергей Иосифович – магистр исторических наук, преподаватель истории ГУО «Гимназия г. Дзержинска Минской области», e-mail: sergio_san@tut.by

Нестеренко, Валерий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социологии и политологии Подольского государственного аграрно-технического университета, e-mail: okner@list.ru

Нечитайлов, Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и региональной истории Ставропольского государственного университета, e-mail: krugov@stavsu.ru

Нутрихин, Роман Владимирович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры экологического, земельного и трудового права Ставропольского государственного университета, e-mail: info@stavsu.ru

Селицкий, Александр Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета, председатель Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство», главный редактор «Польских ведомостей», e-mail: poloniakubania@mail.ru

Сидоренко, Наталия Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета, e-mail: dean@hist.kubsu.ru

Стайцов, Роман Евгеньевич – аспирант кафедры методологии истории и исторической информатики исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, e-mail: rs52@mail.ru

Степанов, Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, e-mail: StepanowM@yandex.ru

Стренковский, Сергей Петрович – кандидат исторических наук, проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры управления Государственного учреждения образования «Минский городской институт развития образования», e-mail: strenkovskii@minsk.edu.by

Сулимов, Вадим Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры права и методики преподавания обществознания Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева, e-mail: vsulimov@km.ru

Тукаленко, Екатерина Васильевна – аспирантка Иркутского государственного педагогического университета, e-mail: tukalenko@mail.ru

Филькин, Алексей Геннадьевич – кандидат технических наук (г. Москва), e-mail: agfilkine@mail.ru

Циунчук, Рустем Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории исторического факультета Казанского государственного университета, e-mail: rciunchuk@mail.ru

Чернышёв, Артём Юрьевич – аспирант кафедры истории России Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, e-mail: ИП_khsu@mail.ru

Шабачук, Анджей (mgr Andrzej Szabaciuk) – магистр истории, докторант в Институте истории Университета Марии Склодовской-Кюри в Люблине, e-mail: insthist@klio.umcs.lublin.pl

Шигабутдинов, Рафаэль Рустамович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Института социальных и гуманитарных знаний (г. Казань), e-mail: raf-l@yandex.ru

Шумило, Мирослав (dr Mirosław Szumiło) – доктор исторических наук, адъюнкт Института истории Университета Марии Склодовской-Кюри в Люблине, e-mail: m.szumilo@op.pl

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов..... 5

ПОЛЯКИ И РОССИЯ, ПОЛЬША И РУССКИЕ

Сергей Стренковский (*г. Минск*). Влияние Речи Посполитой на развитие самоуправления в городах Смоленского воеводства в первой половине XVII в..... 7

Роман Стайцов (*г. Нижний Новгород*). Польская тематика в путешествиях М.П. Погодина по славянским землям на рубеже 1830–1840-х гг. 12

Елена Кучерук (*г. Днепрпетровск*). Январское восстание 1863 г. и крестьянское движение в Юго-Западном крае в исследованиях Д.П. Пойды 16

Артур Гурак (*г. Люблин*). Привилегии чиновников русского происхождения в администрации Царства Польского после восстания 1863 г. 21

Вадим Сулимов (*г. Тобольск*). Прошения великому князю Владимиру Александровичу от ссыльных поляков Тобольской губернии в 1868 г. 41

Ирина Мартианова (*г. Краснодар*). Воспоминания поляка о старообрядцах России (вторая половина XIX в.)..... 44

Рустем Циунчук (*г. Казань*). Польская диаспора Казани: зарождение и место в социокультурном развитии города в имперский период..... 51

Артём Чернышёв (*г. Абакан*). Ссылные поляки-медики в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. 56

Сергей Минько (*г. Дзержинск*). Эдвард Войнилович – представитель Западного края в Государственном Совете..... 62

Михаил Кищенко (<i>г. Ярославль</i>). Польский этнический компонент на территории Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	69
Анджей Шабачук (<i>г. Люблин</i>). Политика российских властей в отношении униатов Царства Польского, сосланных вглубь России в 1875–1905 гг.	72
Рафаэль Шигабутдинов (<i>г. Казань</i>). «Сын... славянского племени» Г.Ф. Шершеневич – кандидат в Первую Государственную Думу «от русско-татарского города»	80
Валерий Нестеренко (<i>г. Каменец-Подольский</i>). Польское население Правобережной Украины в период Украинской национально-демократической революции (1917–1920 гг.)	87
Конрад Зелиньский (<i>г. Люблин</i>). Организационная структура Польского бюро ЦК РКП(б) в 1918–1922 гг.	95
Михаил Степанов (<i>г. Абакан</i>). Отражение проблемы депортации бывших польских граждан в 1939 – июне 1941 г. в отечественной историографии	105
Мирослав Шумило (<i>г. Люблин</i>). Деятели Главного правления Союза польских патриотов в СССР (1943–1944 гг.)	111
Екатерина Тукаленко (<i>г. Иркутск</i>). Иркутский клуб советско-польской дружбы «Висла» в 1960–1980-е гг.	119
Наталья Сидоренко (<i>г. Краснодар</i>). Феноменологические аспекты научного факта в философии Л. Флека	121

ПОЛЯКИ НА КУБАНИ И КАВКАЗЕ

Александр Боголюбов (<i>г. Пятигорск</i>). Пятигорск в воспоминаниях польских писателей и путешественников XVIII–XX вв.	123
---	-----

Роман Нутрихин (<i>г. Ставрополь</i>). Поляки-франкмасоны – родоначальники российского научного кавказоведения	129
Алексей Кругов, Максим Нечитайлов (<i>г. Ставрополь</i>). Поляки в Кавказской войне: pro et contra	149
Богдан Кухаренко (<i>г. Люблин</i>). Военные капелланы в Тираспольской епархии.....	155
Кшиштоф Лятавец (<i>г. Люблин</i>). Юзеф Смигельский – от бунтаря до чиновника	172
Александр Селицкий (<i>г. Краснодар</i>). Общественно- культурные организации поляков Кубанской области и Черноморской губернии на рубеже XIX–XX вв.....	179
Олег Матвеев (<i>г. Краснодар</i>). Поляки Кубано-Черноморской области в контексте истории партийной повседневности 1920-х гг.....	235
Алексей Филькин (<i>г. Москва</i>). Яницкие: трагические страницы истории семьи.....	247
Именной указатель	255
Список основных сокращений.....	285
Список авторов	290

Научное издание

**ПОЛЯКИ В РОССИИ:
эпохи и судьбы**

Издаётся в авторской редакции

Подписано в печать 27.12.09. Формат 60х84/16.

Уч.-изд. л. 24,2. Усл. печ. л. 20,2.

Тираж 500 экз. Заказ №0000 .

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательство «Парабеллум»

(ИП Дмитрий Аринин)

www.parabook.ru

parabook@bk.ru

Тел.: +7 (905) 40 11 602

Типография

полиграфическое объединение

ПЛЕХАНОВЕЦ

г. Краснодар, ул. Индустриальная, 28.

Станислав Юлианович Яницкий (сидит)
с соседями по Хосте. 1915–1917 гг.

Станислав Юлианович Яницкий (слева)
с дочерью Любовью, сыном Константином
и племянником.
Сочи, Хоста, 1931–1932 гг.

Станислав Юлианович Яницкий (крайний справа)
с детьми, женой Ириной Пантелеймоновой,
сестрой жены и племянником.
Сочи, Хоста, 1924 г.

Юлиан Флорианович
Яницкий с дочерью
Константиной и зятем

